

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт Дальнего Востока Российской академии наук

Центр корейских исследований

КОРЕЯ
70 ЛЕТ
ПОСЛЕ
ОСВОБОЖДЕНИЯ

Москва
ИДВ РАН
2015

УДК [308+32+908](510)
ББК 66.3(5Кор)
К70

*Рекомендовано к публикации
Ученым советом ИДВ РАН*

Редакторы:

к.полит.н. А.З. Жебин (отв. ред.), к.и.н. К.В. Асмолов, к.э.н. Л.В. Захарова,
к.ф.н. Ким Ен Ун, к.э.н. В.Г. Самсонова, д.э.н. С.С. Суслина,
с.н.с. Н.С. Медведева, с.н.с. М.Е. Осетрова

К70   Корея: 70 лет после освобождения: коллективная монография. —
М.: ИДВ РАН, 2015. — 456 с.

ISBN 978-5-8381-0302-4

В коллективной монографии российских корееведов, посвященной 70-летию освобождения Кореи от японского колониального ига, рассматривается роль СССР в событиях тех лет и его помощь в налаживании новой жизни в северной части страны. Значительное внимание уделено анализу новых тенденций в развитии обстановки на Корейском полуострове после запуска ИСЗ и третьего ядерного испытания в КНДР. Анализируются военные потенциалы КНДР и РК. Рассматриваются проблемы внутренней и внешней политики двух корейских государств, в том числе проблема прав человека в КНДР. Большое внимание уделено состоянию и перспективам торгово-экономических связей России с РК, процессам экономической интеграции в СВА, некоторым актуальным проблемам экономики КНДР и РК. Отдельные главы посвящены вопросам корейского исторического и культурного наследия и его связи с современностью. Монография подготовлена на основе материалов 19-й конференции корееведов России и стран СНГ, проведенной при содействии Академии корейских исследований Республики Корея.

УДК [308+32+908](510)
ББК 66.3(5Кор)

ISBN 978-5-8381-0302-4

© Коллектив авторов, 2015
© ИДВ РАН, 2015

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute of Far Eastern Studies
Center for Korean Studies

KOREA

70 YEARS

AFTER

LIBERATION

Moscow
IFES RAS
2015

*Recommended for publication by:
Academic Council of the Institute for Far Eastern Studies
Russian Academy of Sciences*

Compilers and Editors:

*Alexander Zhebin, Ph.D.(Polit.Sc.), Svetlana Suslina, D.Sc.(Econ.),
Konstantin Asmolov Ph.D.(Hist.), Kim En Un, Ph.D.(Ph.),
Victoriya Samsonova, Ph.D. (Econ.), Ludmila Zakharova, Ph.D. (Econ.),
Nadezhda Medvedeva, Ph.D.(Polit.Sc.), Mariya Osetrova*

Korea: 70 Years after Liberation. Moscow IFES RAS Press, 2015. — 456 p.

The collective monograph by Russian & CIS countries' Koreanists, dedicated to the 70th anniversary of liberation of Korea from Japanese colonial rule, examines the role of the USSR in those events and its help in establishing a new life in the northern part of the country. Considerable attention is paid to the analysis of new trends in the development of the situation on the Korean peninsula after satellite launch and a third nuclear test in the DPRK. Military capabilities of the DPRK and the ROK were analyzed. The problems of internal and foreign policy of the two Korean states, including the issue of human rights in North Korea were dealt with. Much attention is paid to the state and prospects of trade and economic relations between Russia and the ROK, the processes of economic integration in Northeast Asia, some economic problems of the DPRK and the ROK. Separate chapters are devoted to Korean historical and cultural heritage and its relationship with modernity. The monograph was prepared on the basis of papers presented at the 19th Conference of Russia and CIS Koreanists, held with support of the Academy of Korean Studies, the Republic of Korea (Grant AKS-2014-C07).

Key words: Korea, Northeast Asia, Republic of Korea, Democratic People's Republic of Korea, Russian-Korean relations, nuclear problem on the Korean peninsula, Korean history and culture, economic integration in Northeast Asia.

© The Authors Board, 2015
© IFES RAS, 2015

Оглавление

Предисловие	13
Глава 1. КОРЕЙСКОЕ УРЕГУЛИРОВАНИЕ: ГРУЗ НЕРЕШЕННЫХ ПРОБЛЕМ	16
<i>Жебин А.З.</i> Корейское урегулирование: уроки и задачи	16
<i>Воронцов А.В.</i> Тревоги и надежды Корейского полуострова	27
<i>Гордиенко Д.В.</i> Оценка уровня военной безопасности государств Корейского полуострова	39
<i>Евсеев В.В.</i> Оценка военного потенциала КНДР	52
<i>Дьячков И.В.</i> Ядерная программа Республики Корея в контексте ядерного нераспространения в СВА	62
<i>Петровский В.Е.</i> Состояние и будущее межкорейского диалога	74
<i>Медведева Н.С.</i> Объединение Кореи: взгляд из Сеула в год 70-летия освобождения	86
<i>Асмолов К.В.</i> Права человека в КНДР: проблема данных	99
<i>Лобов Р.Н.</i> Подготовка и подписание Договора об основах отношений между Республикой Корея и Японией	113

<i>Гринюк В.А.</i>	
Япония — Южная Корея: глубокий кризис межгосударственных отношений	121
Глава 2. ОСВОБОЖДЕНИЕ КОРЕИ: КАК ЭТО БЫЛО	131
<i>Ким Ен Ун</i>	
70 лет освобождения Кореи и судьбы корейской нации	131
<i>Мен Д.В.</i>	
Советские корейцы в политике Советского Союза в Северной Корее	144
<i>Сон Ж.Г.</i>	
Советские корейцы в Северной Корее в 1946—1948 годах	153
<i>Иванов А.Ю.</i>	
Особенности южнокорейской трактовки освобождения Кореи Красной Армией	159
<i>Садаков Д.А.</i>	
Американские оценки политики СССР на севере Кореи в 1945—1948 гг.	168
<i>Овчинникова Л.В.</i>	
Религиозные организации в Корее и их роль в борьбе корейского народа за освобождение в 1920-е — 1930-е годы	181
<i>Чеснокова Н.А.</i>	
«Исправить ландшафт» и подняться над прошлым (к 20-летию сноса бывшего здания японского генерал-губернаторства)	192
Глава 3. КОРЕЙСКАЯ КУЛЬТУРА: В ПОИСКАХ ИДЕНТИЧНОСТИ	201
<i>Дьякова О.В.</i>	
Влияние идей чучхе на формирование археологических концепций КНДР	201

<i>Хохлова Е.А.</i>	
Современное южнокорейское искусство: попытка систематизации	211
<i>Осетрова М.Е.</i>	
Восприятие и способы репрезентации национальной кухни в КНДР и РК	220
<i>Гурьева А.А.</i>	
Корейская книга в японских проектах колониального периода	234
<i>Хван Л.Б.</i>	
Основные тенденции развития новой прозы Кореи	245
<i>Панова И.Б.</i>	
Орнаменты и рисунки корейских женских украшений	253
Глава 4. ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ КНДР И РК	260
<i>Суслина С.С.</i>	
Энергетические дисбалансы Северной и Южной Кореи и возможности международного энергетического сотрудничества	260
<i>Самсонова В.Г.</i>	
Сравнительный анализ демографической ситуации в РК и КНДР	273
<i>Забровская Л.В.</i>	
Новые тенденции гендерной политики КНДР и РК	287
<i>Захарова Л.В.</i>	
Экономические факторы стабильности КНДР	296
<i>Синякова А.Ф.</i>	
Инновационная региональная политика правительства РК: возможности для России	310
<i>Эм П.П.</i>	
Роль метрополитена в развитии столичной агломерации Республики Корея	319

Глава 5. КОРЕЙСКИЕ ГОСУДАРСТВА В ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ В АТР	333
<i>Мудрова Е.Б.</i> Инфраструктурные проекты как ключевой фактор развития интеграционных связей в АТР	333
<i>Машарский К.Г.</i> Присоединение Республики Корея к Транстихоокеанскому партнерству: перспективы и вызовы	345
<i>Расулов Э.Р.</i> Центральная Азия в «Евразийской инициативе» Пак Кын Хе	352
<i>Ким Ен Сун</i> Коллизии газового рынка Южной Кореи	361
<i>Толстокулаков И.А.</i> Арктика: новые возможности для российско-корейского сотрудничества	374
<i>Кирьянов О.В.</i> Экономические и политические аспекты российско-северокорейского проекта «Хасан—Раджин»	386
Краткое содержание работ на русском языке	399
Краткое содержание работ на английском языке	429
Список авторов	452

Content

Foreword	13
Chapter 1. THE KOREAN SETTLEMENT: BURDEN OF UNSOLVED PROBLEMS	16
<i>Zhebin A.Z.</i> The Korean Settlement: Lessons & Tasks	16
<i>Vorontsov A.V.</i> Korean Peninsula's Concerns and Hopes	27
<i>Gordienko D.V.</i> Evaluation of Military Security Level of the Korean States	39
<i>Evseev V.V.</i> The Estimate of DPRK's Military Potential	52
<i>Dyachkov I.V.</i> South Korean Nuclear Program and Nuclear Proliferation in Northeast Asia	62
<i>Petrovskiy V.E.</i> The Present and Future of Inter-Korean Dialogue	74
<i>Medvedeva N.S.</i> Reunification of Korea: a View from Seoul 70 Years after Liberation	86
<i>Asmolov K.V.</i> Human Rights in the DPRK: Data Problem	99
<i>Lobov R.N.</i> Treaty on Basic Relations between the Republic of Korea and Japan: Preparation and Signing	113
<i>Grinyuk V.A.</i> Japan — South Korea: Deep Crisis of Inter-state Relations	121

Chapter 2. KOREAN LIBERATION: HOW IT CAME ABOUT	131
<i>Kim En Un</i>	
70 Years after Liberation and the Destiny of the Korean Nation	131
<i>Men D.V.</i>	
Soviet Koreans in the Soviet Union's Policy in North Korea	144
<i>Son J.G.</i>	
Soviet Koreans in North Korea in 1946—1948	153
<i>Ivanov A.Yu.</i>	
The South Korean Interpretation of the Process of Korea's Liberation by the Red Army	159
<i>Sadakov D.A.</i>	
American Perception of the Soviet Policy in the North of the Korean Peninsula in 1945—1948	168
<i>Ovchinnikova L.V.</i>	
Religious Organizations in Korea and Their Role in the Korean Liberation Movement in the 1920—1930s	181
<i>Chesnokova N.A.</i>	
«To Fix the Landscape» and to Heal the Wounds of the Past: to the 20 th Anniversary of the Demolition of the Former Japanese Government-General Building	192
Chapter 3. KOREAN CULTURE: IN THE SEARCH OF IDENTITY	201
<i>Diakova O.V.</i>	
Influence of the Juche Idea on the Formation of Archaeological Concepts of the DPRK	201
<i>Khokhlova E.A.</i>	
Contemporary South Korean Art: an Attempt of Systematization	211
<i>Osetrova M.E.</i>	
Attitude and Representation of National Cuisine in South and North Korea	220

<i>Guryeva A. A.</i>	
Korean Books in Japanese Projects of the Colonial Period	234
<i>Khwan L.B.</i>	
Basic Tendencies of the Development of New Korean Prose	245
<i>Panova I.B.</i>	
Ornaments and Designs of the Female Korean Decorations	253
Chapter 4. THE PROBLEMS OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE DPRK AND THE ROK	260
<i>Suslina S.S.</i>	
North and South Korea Energy Disbalances and the Possibilities of International Energy Cooperation	260
<i>Samsonova V.G.</i>	
The Comparative Study of Demographic Situation in the ROK and the DPRK	273
<i>Zabrovskaja L.V.</i>	
New Tendencies of Gender Policy in the DPRK and the ROK	287
<i>Zakharova L.V.</i>	
Economic Factors of the DPRK Stability	296
<i>Sinyakova A.F.</i>	
Innovative Regional Policy of the ROK Government: Opportunities for Russia	310
<i>Em P.P.</i>	
The Role of Subway in the Development of the Capital Agglomeration of the Republic of Korea	319
Chapter 5. KOREAN STATES AND INTEGRATIONAL PROCESS IN THE ASIA-PACIFIC RIGEON	333
<i>Mudrova E.B.</i>	
Infrastructural Projects as a Key Factor of the Integration Collaboration in the APR	333

<i>Masharski K.G.</i> The Republic of Korea's Joining the Trans-Pacific Partnership: Prospects and Challenges	345
<i>Rasulov E.R.</i> Central Asia in Park Geun-hye's Eurasia Initiative	352
<i>Kim Yen-Sun</i> Collisions of Gas Market in South Korea	361
<i>Tolstokulakov I.A.</i> The Arctic Zone: New Prospects for Russian-Korean Cooperation	374
<i>Kiriyarov O.V.</i> Economic and Political Aspects of «Khasan—Rajin» Project	386
Summary in Russian	399
Summary in English	429
List of Authors	452

Предисловие

Ежегодные конференции корееведов в стенах ИДВ РАН давно превратились в головной форум ведущих специалистов, профессионалов, экспертов, детально и объективно анализирующих целый комплекс актуальных проблем Корейского полуострова.

Это знаменательное мероприятие, на которое вот уже почти 20 лет собираются представители основных корееведческих центров России и стран СНГ. Москва, Санкт-Петербург, Минск, Алматы, Ташкент, Вятка, Хабаровск, Владивосток — вот география форума 2015 г.

Среди авторов работ, представленных по его итогам, много молодых ученых и аспирантов, олицетворяющих связь поколений российских востоковедов. И некоторые из них по возрасту моложе этой конференции.

Традиционно тематика глав монографии охватывает политику, экономику, историю и культуру Кореи. В этот раз мы заостряем внимание на вопросах, связанных с 70-летием освобождения Кореи, завершением Второй мировой войны, в которое наша родина внесла решающий вклад. Именно вступление в войну СССР, а не американские атомные бомбардировки японских городов, оказалось тем последним ударом, который заставил японцев капитулировать. Более того, именно такой расклад сил создал на Корейском полуострове ту уникальную ситуацию, когда «освобождение» на Юге прошло без внешней помощи и без активных действий со стороны самих корейцев.

Для корейского народа освобождение стало судьбоносным событием. Ведь к этому времени Корея была интегрирована в состав Японии, считалась частью метрополии настолько, что в случае высадки союзников на Японские острова туда планировалось эвакуи-

ровать императорский двор. Если бы колониальное правление Японии продлилось еще 15—20 лет, само существование корейской нации могло оказаться под вопросом из-за проводимой японцами политики этноцида. Сами корейцы никуда бы не делись, но их национальная идентичность вполне могла бы оказаться стертой с приходом нового поколения, для которого японские имена и японский язык как родной уже были бы естественной нормой жизни.

За освобождением, однако, последовал раскол. И его история тоже очень важна для нас как ученых. В 1945—1947 гг. ни в СССР, ни в США не было экспертов по Корее, способных дать адекватную оценку внутривосточной ситуации в стране и сделать грамотный прогноз на будущее. К этому добавлялись недостаточная информированность о целях великих держав и идеологические шоры, в рамках которых даже конструктивные действия другой стороны интерпретировались как имеющие двойное дно. Воистину, если бы и в Вашингтоне, и в Москве имелась группа здравомыслящих ученых-аналитиков, которые бы действительно разбирались в корейских проблемах и могли предостеречь руководство своих стран от необдуманных шагов в этой сфере, и крови бы пролилось гораздо меньше, и судьба полуострова могла быть другой. Но, к сожалению, реальная история сослагательного наклонения не знает, и мы, ученые, помним это, стремясь искать конструктивные решения назревающих проблем.

В год 70-летия освобождения Кореи мы говорим и об исторической памяти. О том, как она часто искажается в угоду националистическим мифам. Это хорошо видно и по корейско-японским историческим спорам, и по тому, как пытаются замолчать или исказить ту роль, которую в освобождении Кореи сыграл Советский Союз. Между тем мы должны тщательно изучать уроки истории, потому что иначе есть шанс повторить ее драматические события снова. Ключ к осознанию настоящего и предсказанию будущего лежит через понимание прошлого.

Это особенно важно в современной политической ситуации, которую можно охарактеризовать как попытку переписать тот общественный договор, который сложился как после победы над фашизмом, так и в 1990-е годы после распада СССР. Традиционный миро-

порядок меняется, и некоторые авторы открыто сравнивают современность с ситуацией столетней давности — преддверия Первой мировой войны и тех катаклизмов и преобразований, которые она за собой повлекла. При этом Северо-Восточная Азия отмечается как регион, где противоречия между сверхдержавами сходятся в критической точке. В этом контексте нам стоит внимательно изучать и военный потенциал региона, и возможности его экономической интеграции, так как почти каждая из ведущих стран стремится претворить в жизнь свой собственный интеграционный проект, в рамках которого она будет обладать определенным лидерством.

Наша наука тоже переживает непростые времена, но мы надеемся, что, несмотря на возможные пертурбации и стремление некоторых чиновников оптимизировать и сократить все, что им кажется лишним, Институт Дальнего Востока РАН и впредь останется научным центром, объединяющим всех тех, кто увлечен изучением Кореи. Коллективная монография, предлагаемая вниманию не только специалистов, но и широкой общественности, всех, кто интересуется этой страной, — еще один результат этих усилий.

Д.и.н., профессор С.Г. Лузянин

Глава 1

КОРЕЙСКОЕ УРЕГУЛИРОВАНИЕ: ГРУЗ НЕРЕШЕННЫХ ПРОБЛЕМ

А.З. Жебин

КОРЕЙСКОЕ УРЕГУЛИРОВАНИЕ: УРОКИ И ЗАДАЧИ

В 2015 г. корейцы на Севере и Юге отмечают 70-летие освобождения Кореи от японского колониального господства. Всего лишь пять лет спустя на Корейском полуострове началась гражданская война, быстро превратившаяся в конфликт международного масштаба. Можно с сожалением констатировать, что уровень военно-политической конфронтации на полуострове за минувшие 65 лет существенно не снизился. Главная проблема, на взгляд автора, заключается в том, что США и их союзники не желают признать даже наличие у КНДР законных озабоченностей своей безопасностью, не говоря уже о том, чтобы согласиться обсудить меры по устранению хотя бы некоторых из этих озабоченностей.

Между тем история как шестисторонних переговоров по ядерной проблеме Корейского полуострова (ЯПКП) с участием РФ, КНР, США, Японии, КНДР и РК, так и межкорейских отношений, а также судьба американско-северокорейских договоренностей, достигнутых в феврале 2012 г., достаточно убедительно показали, что попытки США и их союзников подменить решение проблем безопасности КНДР экономическими подачками этой стране в Пхеньяне не воспринимаются.

Ситуация, сложившаяся вокруг ракетно-ядерных программ КНДР, позволяет, на взгляд автора, сделать также вывод о том, что преимущественно нажимной, санкционный подход к решению проблемы распространения оружия массового уничтожения (ОМУ) на Корейском полуострове, взятый США и навязанный ими СБ ООН, себя не оправдал. Он не решил провозглашавшейся его сторонниками задачи: обеспечить денуклеаризацию полуострова. Напротив, именно столкнувшись с таким отношением, КНДР в 2006—2013 гг. провела три испытания ядерного оружия, с четвертой попытки запустила спутник и де-юре провозгласила себя ядерной державой¹.

Достаточно оснований предположить, что продолжение курса, проводившегося до сих пор США и их союзниками, либо окончательно загонит ситуацию в тупик, либо спровоцирует конфликт, чреватый возникновением нового Ирака или Афганистана прямо на наших восточных границах, чего, возможно, кое-кто и добивается.

То, что происходило на полуострове и вокруг него после 2008 г., когда была прервана «шестисторонка», подтвердило: переговоры — это лучше, чем их отсутствие. Прекращение многостороннего диалога в формате «шестисторонки» отрицательно сказалось на обстановке как на Корейском полуострове, так и в СВА в целом. Шестисторонние переговоры, шедшие в 2003—2008 гг., при всех их недостатках, обеспечивали более или менее устойчивые каналы коммуникаций. Переговорный процесс сохранял у его участников надежды на достижение компромисса и побуждал их проявлять известную сдержанность.

Еще один урок минувшего периода заключается в том, что не только на Западе, но, похоже, кое-кто и у нас, впечатлившись многочисленными прогнозами о «неминуемом крахе» северокорейского режима, не сумели адекватно оценить степень устойчивости этой, бесспорно, весьма своеобразной во многих отношениях страны и политическую волю ее руководства обеспечить ее суверенитет и выживание любой ценой. Похоже, что именно ожидания близящегося «коллапса» КНДР, столь откровенно озвученные в январе 2015 г. президентом США Б. Обамой, определяли и продолжают лежать в основе северокорейской политики США и некоторых их союзников².

Авторы других сценариев желательных Западу перемен в КНДР, в случае осуществления там реформ по китайскому, вьетнамскому и иным зарубежным лекалам, почему-то упорно не замечают: опыт Китая и Вьетнама показывает, что на Востоке переход к более эффективной экономической модели и определенная модернизация политической надстройки, как оказалось, возможны при сохранении ключевых политических институтов предшествовавшей социально-экономической модели и основных позиций прежней правящей элиты.

С учетом вышеизложенных обстоятельств отказ КНДР от своих ракетно-ядерных сил сдерживания представляется, по крайней мере в обозримой перспективе, маловероятным³.

Опыт корейского урегулирования на протяжении последних 25 лет, в том числе продолжающаяся уже свыше шести лет приостановка шестисторонних переговоров, всплески напряженности в отношениях между КНДР, с одной стороны, США и РК — с другой, заставляют вновь и вновь задаваться вопросом: почему многолетние дипломатические усилия с участием глав государств, правительств и внешнеполитических ведомств ведущих мировых держав не дают результата?

Пока что сторонники концепции строительства новой системы безопасности в СВА путем реализации совместных мер в неполитических областях не могут предъявить сколько-нибудь существенных доказательств правоты предлагаемого ими подхода. Спасательные операции, предотвращение техногенных катастроф, меры по обеспечению продовольственной безопасности, борьба с эпидемиями и т. п. не стали доминирующей темой в повестке дня встреч лидеров стран СВА. Совместные решения и даже практические меры в этой области явно не продвинули сколько-нибудь вперед дело создания универсальных механизмов коллективной безопасности в АТР.

Ситуация заставляет все чаще вспоминать максимум ныне полузабытого классика политической борьбы о том, что, не решив главный, принципиальный вопрос из всего комплекса урегулирования, мы то и дело будем спотыкаться о мелкие, частные проблемы и не будем знать, как с ними справиться.

Таким фундаментальным, ключевым вопросом, который необходимо разрешить участникам будущего мирного режима в СВА, является выработка общеприемлемого для четырех «больших стран» (РФ, КНР, США и Японии), а также самих корейцев проекта новой архитектуры безопасности в Северо-Восточной Азии.

Стремление не замечать существование этой проблемы или отложить ее решение равносильно намерению шести бригад строителей построить один, общий для них дом, не имея согласованного и утвержденного проекта. У каждой бригады, скорее всего, будет собственное видение этого дома, местоположения входа, числа этажей и количества спален.

Проблема эта заключается в определении места, которое займет будущая объединенная Корея в региональной системе безопасности. В Вашингтоне, Токио и Сеуле уже давно видят это место в рамках трехстороннего военно-политического альянса США—Япония—РК, к которому посредством соглашений о военном сотрудничестве с Японией и РК уже «пристегнута» Австралия. Появление такого альянса на наших дальневосточных границах было бы равнозначно созданию в регионе азиатского клона НАТО, прикрытого системой американской ПРО, развертывание которой в СВА продвинулось гораздо дальше, чем в Европе.

Основополагающие высказывания президента Б. Обамы по политике США в АТР, равно как и последняя Стратегия национальной безопасности США, подтверждают, что Штаты намерены и впредь отдавать приоритет своим двусторонним альянсам с Японией, РК, Австралией и некоторыми другими странами АТР как фундамента «американского руководства» в регионе⁴.

Такие планы вряд ли встретят понимание в Москве и Пекине, которые не без оснований подозревают, что лоббируемые США в настоящее время в АТР блоковые комбинации различной конфигурации предназначены главным образом для сдерживания Китая, да и России тоже, а также для сохранения американского военного доминирования в регионе.

Между тем немалый исторический опыт должен был подсказать корейцам, что дружба с одной из великих держав против другой или

других не принесет мира и спокойствия полуострову и уж, конечно, не приблизит день воссоединения страны.

Вопрос о внешнеполитической ориентации единого корейского государства, его будущих союзах чрезвычайно важен, разумеется, не только для России и Китая, но и для США и Японии и, безусловно, для самих корейцев.

Нейтрализация будущей объединенной Кореи, при международных гарантиях со стороны США, КНР, России и Японии, может оказаться наиболее приемлемым для всех заинтересованных сторон вариантом корейского урегулирования. Эти его аспекты могли бы включать:

1. Государства «большой четверки» гарантируют нейтральный статус объединенной Кореи, обязуются воздерживаться от заключения с ней каких-либо военных договоров, берут друг перед другом (и корейцами) обязательства не размещать и не направлять в Корею свои войска (за исключением случаев единогласных решений СБ ООН, принятых в соответствии с Уставом ООН).

2. Со своей стороны, Корея объявляет себя нейтральным государством, берет обязательства не заключать военных договоров с другими странами (соответствующие договора КНДР с КНР и США с РК прекращают свое действие), не приглашать никаких иностранных войск на свою территорию, а свои направлять за рубеж только в качестве миротворческих сил по решению СБ ООН. Участие объединенной Кореи в разного рода невоенных международных и региональных организациях (АТЭС, АСЕМ, Региональный форум АСЕАН и т. п.), двусторонние соглашения об экономическом, культурном сотрудничестве приветствуются и поддерживаются.

3. Данные Севером и Югом в ряде межкорейских документов обещания добиваться объединения мирным путем должны приобрести юридическую силу и гарантированы «большой четверкой». Эти гарантии и связанные с ними условия должны быть приняты Сеулом и Пхеньяном. Это позволит им приступить к существенным взаимным сокращениям вооруженных сил и вооружений на полуострове, а также к выводу оттуда иностранных войск. В результате КНДР высвободит значительные средства для модернизации своей экономики, а Республика Корея — для оказания ей помощи в этой работе.

Неизбежен вопрос: а согласятся ли сами корейцы на такие ограничения суверенитета своего будущего единого государства? На это можно ответить, что мы живем в эпоху ограниченного суверенитета. Практически все государства современного мира, в том числе и крупные, являются участниками сотен международных договоров, соглашений, различных организаций, ограничивающих суверенитет этих государств для их собственного и общего блага.

С учетом сегодняшних мировых и корейских реалий разговоры о том, что нейтрализация Кореи и четко оговоренные и согласованные самоограничения других стран в их политике в Корею якобы будут представлять собой «посягательство» на суверенитет корейцев или «свободу рук» кого-либо из «четверки» великих держав в Корею — не более чем «дымовая завеса». Они призваны замаскировать попытки продавить собственные геополитические замыслы, реализовать сценарии, не имеющие ничего общего ни с подлинными интересами корейской нации, ни с задачами обеспечения прочного мира и равной безопасности для всех в регионе, где история и география свели в одной точке интересы наиболее могущественных держав современного мира.

Еще одним недостатком предлагаемой модели решения корейских проблем могут назвать то, что она, мол, слишком идеальна и потому — это дело более отдаленного будущего. Увы, и ситуация на шестисторонних переговорах, и в корейском урегулировании в целом вновь и вновь подводит к выводу о том, что именно отсутствие четкой и согласованной конечной цели — общего для «большой четверки» и двух корейских государств видения места единой Кореи в будущей архитектуре безопасности в Северо-Восточной Азии — фактически блокирует решение как внутренних, так и международных аспектов урегулирования в Корею.

Договоренность о нейтрализации единой Кореи в качестве конечной цели урегулирования позволит его участникам покончить со взаимными подозрениями, которые, по общему признанию, стали одной из главных причин нынешнего тупика в решении ЯПКП. Параметры возможного компромисса могли бы выглядеть, на мой взгляд, следующим образом:

1. Возвращение КНДР в ДНЯО и под гарантии МАГАТЭ, включая принятие ею обязательств по Дополнительному протоколу,

должно сопровождаться четким заявлением других участников «шестисторонки», что в этом случае страна получит возможность беспрепятственно пользоваться всеми правами и возможностями, вытекающими из статьи IV ДНЯО, т. е. правом на использование мирного атома. КНДР также объявит о присоединении к ДВЗЯИ.

2. В обмен на отказ Пхеньяна от разработки и испытаний межконтинентальных баллистических ракет СБ ООН подтверждает право КНДР на запуски космических летательных аппаратов мирного назначения в соответствии с Договором об использовании космического пространства в мирных целях и другими международными соглашениями, регулирующими деятельность государств в этой сфере. В целом ракетные программы Северной и Южной Кореи должны иметь примерно одинаковые ограничения, для чего целесообразно присоединение двух стран к международному режиму контроля за ракетными технологиями (РКРТ).

3. Указанные выше договоренности по ядерной и ракетной проблемам КНДР могли бы быть закреплены в новой резолюции СБ ООН, которая, среди прочего, может отменить те санкции, которые становились бы излишними в свете указанных выше договоренностей, и установить четкий график отмены оставшихся ограничений, с учетом подтверждения и соблюдения КНДР своих обязанностей по ДНЯО, РКРТ и другим международным договорам, членом которых она является либо к которым должна присоединиться.

4. Ввиду существующего глубокого недоверия между Вашингтоном и Пхеньяном, а также известных сомнений (после Ирака и особенно Ливии) в надежности и долговременности любых двусторонних договоренностей между Западом и его бывшими противниками, гарантии США в области безопасности КНДР могут приобрести необходимую степень убедительности, если они будут даны Соединенными Штатами, помимо самой КНДР, также Китаю или России или им обоим вместе. Прецедент подобных гарантий был создан еще в ходе разрешения Карибского кризиса и продемонстрировал свою действенность.

5. После получения указанных гарантий можно было бы приступить к ликвидации имеющегося в КНДР ядерного оружия. Завершение этого процесса могло бы быть увенчанным соглашением о нор-

мализации межгосударственных отношений между КНДР и США. В переходный период эти отношения могли бы строиться на основе положений совместного американо-северокорейского заявления от 11 июня 1993 г. и Вашингтонского совместного коммюнике США и КНДР от 12 октября 2000 г. и сопровождались бы поэтапной отменой американских односторонних санкций против КНДР.

Упомянутые в п. 4 гарантии безопасности КНДР и установление дипотношений могли бы стать альтернативой весьма сложной с юридической точки зрения замене Соглашения о военном перемирии в Корее (именно так называется этот документ) на мирный договор.

6. Нормализация межкорейских отношений могла бы быть достигнута за счет подтверждения и соблюдения КНДР и РК принципов Совместного заявления Севера и Юга от 4 июля 1972 г., положений Соглашения о ненападении, примирении, обменах и сотрудничестве между Севером и Югом Кореи от 1991 г., а также деклараций двух межкорейских саммитов 2000 и 2007 гг. С учетом такого подтверждения, США, после ликвидации северокорейского ядерного оружия и установления дипотношений с КНДР, могли бы заявить об уважении безъядерного статуса полуострова (не направлять в порты и воздушное пространство РК носители ядерного оружия) и начать вывод своих войск из Южной Кореи. Командование войск ООН в Корее упраздняется.

7. Экономической составляющей урегулирования должен стать переход от чрезвычайной гуманитарной помощи к так называемой помощи развитию, в данном случае — модернизации экономики КНДР. Процессы глобализации и экономической интеграции, разворачивающиеся в СВА, открывают для этого дополнительные возможности. Именно вовлечение КНДР в реализацию многосторонних энергетических, транспортных и иных экономических проектов в регионе стало бы для ее правящей элиты еще одним (наряду с гарантиями безопасности) доказательством того, что мировое сообщество, и прежде всего Запад, на деле стали на путь постепенной интеграции КНДР в политические, финансовые и торгово-экономические структуры современного мира вместо попыток добиться смены режима в этой стране тем или иным путем.

Главным достоинством перечисленных мер является то, что для их реализации сторонам не придется делать какие-то отступления от существующих международных норм. Достаточно «всего лишь» соблюдать уже взятые на себя обязательства как по двусторонним договоренностям, так и международным договорам (либо присоединиться к некоторым из них).

Одна из главных причин того, что шестисторонние переговоры не смогли решить поставленные перед ними задачи, заключается в том, что США и их союзники попутно стремились использовать этот форум для достижения второй, официально не задекларированной цели: ликвидации КНДР и превращения всего Корейского полуострова в передовую форпост морских держав — США и Японии — против континентальных — России и Китая.

Именно в результате такого подхода решение ядерной проблемы на полуострове оказалось затянутым на два с лишним десятилетия (первый кризис вокруг ядерных программ КНДР разразился в 1992 г.). Если и впредь использовать нераспространенческую проблематику как инструмент реализации своих геополитических замыслов, то трудно ожидать полноценного многостороннего сотрудничества в корейском урегулировании, в том числе и в создании благоприятных международных условий для воссоединения Кореи.

Россия твердо выступает в пользу полной и необратимой денуклеаризации Корейского полуострова политико-дипломатическим путем. ЯПКП может получить удовлетворительное разрешение только при учете законных интересов безопасности и экономического развития всех расположенных в регионе государств.

Россия готова вместе с другими странами обеспечивать безопасность в Азиатско-Тихоокеанском регионе и решать ядерную проблему Корейского полуострова. Добиться этого можно только путем многосторонних консультаций. Россия готова к тому, чтобы вносить свой вклад, в том числе и в шестисторонние переговоры. Способны ли они возобновиться? Очевидно, что это будет сделать легче, если на полуострове укрепится атмосфера взаимного доверия, возобновится межкорейский диалог.

Россия кровно заинтересована в мире на Корейском полуострове и нормализации межкорейских отношений не только по сообра-

жениям безопасности. События начавшегося столетия продемонстрировали, что напряженность в Корее является серьезной помехой для реализации многосторонних проектов, которые, помимо экономического значения, приобретают все более важное политическое измерение. Их практическое осуществление не только открыло бы новые возможности для делового сотрудничества и экономической интеграции на Евразийском континенте, но и способствовало бы укреплению доверия, мира и безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

«Мы, — заявил президент В.В. Путин накануне официального визита в РК в ноябре 2013 г., — безусловно, поддерживаем стремление корейцев к объединению нации. Это естественный процесс». Однако при этом Россия исходит из того, что он «должен происходить исключительно мирным путем и с учетом интересов как северной части полуострова, так и южной. Нельзя ничего навязывать партнерам, иначе вместо положительного результата процесс примет разрушительный характер. И, напротив, если учитывать интересы партнеров, этот процесс может быть очень созидательным, позитивным и может принести большие положительные результаты как для мировой политики, для обеспечения безопасности в регионе, так и для экономики этого региона мира»⁵.

Российский лидер подчеркнул, что «мы будем поддерживать только тот процесс, который будет идти мирным путем, будем поддерживать только использование тех средств, которые... не доводят до конфликтов, трагедий и разрушений»⁶.

Стремление некоторых западных аналитиков зачислить всех соседей Кореи, в том числе Россию, в ряды противников ее объединения, представляет собой ни что иное, как попытку замаскировать эгоистические интересы ряда стран, рассматривающих полуостров как пешку в их геополитических комбинациях. России и с точки зрения безопасности, и по экономическим соображениям примирение двух Корей и широкое сотрудничество между ними, безусловно, выгодны.

Представляется, что безопасность в регионе может быть достигнута только через сотрудничество путем реализации многосторонних проектов соразвития и соцветания расположенных в СВА

стран. Это способствовало бы как достижению уже продекларированных нынешними руководителями почти всех государств региона национальных целей развития, так и укреплению мира и стабильности в Северо-Восточной Азии.

Примечания

¹ Seventh Session of 12th SPA of DPRK Held. KCNA. 04.01.2013.

² Obama Predicts a 'Collapse'. JoongAng Ilbo. 01.26.2015.

³ U.S. Imperialists Will Face Final Doom: DPRK NDC. KCNA. 02.04.2015.

⁴ Remarks By President Obama to the Australian Parliament. White House Official Website. 17.11.2011. URL: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2011/11/17/remarks-president-obama-australian-parliament>; National Security Strategy. February 2015. URL: <http://nssarchive.us/wp-content/uploads/2015/02/2015.pdf>

⁵ Президент России. Официальный сайт. Интервью южнокорейской телерадиокомпании KBS. 12.11.2013. URL: <http://news.kremlin.ru/news/19603/print>

⁶ Там же.

А.В. Воронцов

ТРЕВОГИ И НАДЕЖДЫ КОРЕЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА

Чтобы ответить на вынесенный в заголовок доклада вопрос, целесообразно предварительно рассмотреть тот багаж, с которым главные действующие стороны, вовлечённые в формирование военно-политической ситуации на Корейском полуострове, подошли к рубежу 2015 г.

Если охарактеризовать указанную ситуацию кратко, необходимо констатировать, что она была существенно более спокойной, чем в 2013 г., когда весной того года Корейский полуостров оказался на грани «горячей» войны. Но тем не менее данное, важное само по себе, обстоятельство не вызывает большого оптимизма у многих исследователей, внимательно наблюдающих за развитием корейской проблемы.

Главной причиной, подпитывающей постоянное ощущение тревоги, является тот факт, что в отношениях между основными игроками, коренным образом определяющими политическую температуру на Корейском полуострове — США и КНДР, — а также в межкорейских связях в 2014 г. не только не намечилось никакого прогресса, но скорее наоборот — произошло их дальнейшее осложнение. Это обстоятельство стало коренным фактором, в том числе не позволившим до сих пор возобновить шестисторонние переговоры в Пекине по ядерной проблеме Корейского полуострова, несмотря на серьёзные

усилия, прилагавшиеся к достижению данной цели, продемонстрированные рядом государств, прежде всего Россией и Китаем.

Попытаемся проанализировать современное состояние основных составляющих ситуации на Корейском полуострове.

1. США—КНДР. В отношениях между Вашингтоном и Пхеньяном 2014 г. завершился на конфликтной ноте, что неизбежно отражается на принимаемых решениях в 2015 г. Причиной очередного кризиса стал скандал, связанный с выпуском одним из столпов Голливуда — кинокомпаний «Сони пикчерз интертэймент» — художественного фильма-провокации «Интервью», возмутившего северокорейцев, и последовавшей перед премьерой киноленты массивной хакерской атакой на данную компанию, ответственность за которую Вашингтон поспешил возложить на Пхеньян, не представив при этом веских доказательств. Данный скандал полностью вписывается в ту линию, которую США проводят в отношении Северной Кореи в последние годы.

Вашингтон в течение 2014 г. осуществлял жёсткую координацию своих шагов в направлении Пхеньяна с Токио и прежде всего Сеулом. США и их союзники — РК и Япония — в рассматриваемый период с высокой степенью согласованности последовательно продолжали осуществление линии, направленной на смену режима и, по сути, ликвидации КНДР.

Официально упомянутая линия именуется политикой «стратегического терпения», но многие американские политологи называют её разновидностью «стратегии сдерживания», направленной на смену режима в КНДР. Многие американские кореееды отмечают, что вопреки первоначальным ожиданиям линия администрации Б. Обамы в отношении Пхеньяна оказалась жёстче и консервативнее политики правительства Дж. Буша. Основной инструментарий «политики стратегического терпения» — ставка на усиление давления, санкции и изоляцию КНДР, уклонение под различными предлогами от содержательного диалога с Пхеньяном, полный отказ от элементов «политики вовлечения».

На протяжении 2014 г. все многочисленные примирительные инициативы Пхеньяна как в адрес Вашингтона, так и Сеула игнорировались, характеризовались как пропагандистское наступление. На

фоне сдержанного поведения Пхеньяна, воздержавшегося в 2014 г. от проведения ядерных испытаний и запусков ракет большой дальности, США и их союзники продолжали и продолжают в настоящее время проводить серию широкомасштабных военных манёвров по периметру границ Северной Кореи, изыскивали дополнительные средства усиления давления на северян. Беспрецедентный размах приобрела кампания по осуждению нарушений прав человека в КНДР. Никогда ранее она не достигала такого накала, не выносилась на обсуждение Генеральной Ассамблеи ООН с прицелом на её передачу в Международный суд в Гааге. Более того, вопреки чёткому разделению компетенций различных органов ООН, этот вопрос оказался включённым в повестку дня для обсуждения в СБ ООН. Удивительна сама попытка представить дело так, будто вопрос о нарушениях прав человека в КНДР может представлять угрозу международному миру, каковые рассматривает СБ ООН согласно Уставу ООН. Хотя рассмотрение этого вопроса в СБ ООН не имеет юридической перспективы ввиду позиции РФ и КНР, твёрдо выступающих против политизации правозащитной темы в случае с КНДР, усилия по наращиванию на Пхеньян давления по данной линии продолжают.

В этом же контексте следует рассматривать и уже упомянутые попытки обвинить КНДР в осуществлении хакерской атаки на кинофирму «Сони пикчерз». Их главная цель — найти дополнительный повод для введения новых, если не международных, то односторонних санкций против Северной Кореи — достигнута. Вашингтон не только ввел такие рестрикции, но и рассматривает их как начало нового витка расширенного применения «удушающих» мер по примеру действий, предпринятых министерством финансов США против банка Дельта Эйшиа в Макао в 2005 г. с целью, под угрозой попадания в американский «черный список», заставить финансовые организации всех стран воздержаться от ведения бизнеса с КНДР¹.

В результате у многих аналитиков складывается мнение, что посредством подобных недружественных акций Вашингтон и его союзники пытаются спровоцировать Пхеньян на жёсткий ответ в виде очередных ракетно-ядерных испытаний, что облегчит Западу принятие нового пакета санкций против КНДР. Подобные выводы под-

тверждаются действиями США и заявлениями их руководителей в начале 2015 г.

И сам президент США Б. Обама, и ряд высокопоставленных деятелей его администрации сделали в последние месяцы многочисленные бескомпромиссные заявления по данному вопросу. Так, заместитель госсекретаря США по делам Восточной Азии и Тихого океана Д. Рассел, называя Северную Корею «величайшей и хронической угрозой региону, опаснейшей аномалией в Азии», утверждал, что «мы стремимся к появлению свободного и целого (единого. — *А.В.*) Корейского полуострова, мы не намерены возвращаться к двусторонним переговорам с КНДР... Мы готовы вовлечь Северную Корею в многосторонние переговоры, которые могут иметь шанс на успех, только если последняя примет условия, которые мы от неё ожидаем, ... прежде всего, согласия на выполнение обязательства по необратимой и проверяемой денуклеаризации»². В отношении ближайшего будущего Корейского полуострова американский дипломат напоминал высказывание Б. Обамы, сделанное в Сеуле ещё в 2012 г.: «Корейский народ, в конце концов, станет единым и свободным», и подчёркивал, что «усилия США, РК и всех друзей корейского народа делают возможным приход дня осуществления этой надежды в скором будущем»³.

Нынешний специальный представитель США по политике в отношении Северной Кореи Ким Сон уже в 2015 г., представляя Пхеньян единственным злостным нарушителем всех международных норм и правил, а также собственных обязательств, заявил, что США будут усиливать на него давление в многостороннем и одностороннем формате, чтобы заставить его сесть за стол переговоров на предлагаемых Западом предварительных условиях, де-факто равнозначных капитуляции ещё до начала переговоров. Похоже, что опять Вашингтон вернулся к формуле CVID (полный, проверяемый, необратимый демонтаж всей ядерной инфраструктуры), изобретённой в самом начале шестисторонних переговоров (2003—2004 гг.) и многократно отвергнутых Пхеньяном.

Ким Сон подчеркнул, какую важную роль Вашингтон придаёт принятому президентом США 2 января 2015 г. Исполнительному приказу, как новому эффективному механизму по усилению давле-

ния на Пхеньян. Его параметры и задачи не ограничиваются реакцией на кибератаку против компании «Сони Пикчерс», но предоставляют широкие возможности для реализации далеко идущих целей перекрыть все каналы Северной Кореи по проведению незаконной деятельности⁴.

В последнее время все громче стали звучать голоса влиятельных представителей американского политического истеблишмента, которые, считая усиление изоляции и санкционного давления на КНДР мерами недостаточными, разрабатывают конкретные сценарии военных операций против республики. Так, в феврале 2015 г. Ван Джексон, сотрудник Центра за Новую американскую безопасность, занимавший в 2009—2014 гг. ответственные посты в Пентагоне, в докладе, представленном на слушаниях Комитета по международным делам конгресса США, подчёркивая, что цели по предотвращению превращения Северной Кореи в ядерное государство «со всей очевидностью провалились», заявил, что «США должны исходить из возможности проведения ограниченной войны и разработать соответствующий план». Такой же сценарий военного удара указанный «мозговой центр» рекомендовал новому министру обороны США А. Картеру в январе 2015 г.⁵ Примечательно, что при этом указанные военные эксперты признают, что КНДР является ядерным государством.

Вышеперечисленные факторы и сигналы, проявляющиеся в официальных подходах Вашингтона и Сеула, способствуют в среде экспертного сообщества усилению пессимизма относительно прогнозов развития ситуации на Корейском полуострове.

Но вместе с тем есть факторы, дающие определённые основания и для более оптимистических ожиданий. К позитивным итогам следует отнести то, что в течение 2014 — начале 2015 г. продолжала работать вторая дорожка, в рамках которой отставные высокопоставленные деятели США, немало поработавшие на «северокорейском фронте», регулярно встречались с официальными представителями Пхеньяна и доводили «наверх» в Белый дом свои суждения о возможности и целесообразности возобновления субстантивного, как двустороннего диалога, так и шестисторонних переговоров. В последние дни стали проявляться симптомы того, что, похоже, эти и

возможные другие каналы конфиденциальных контактов стали приносить свои плоды настолько осязаемо, что это вызвало нескрываемую озабоченность официального Сеула⁶.

Похоже, что наконец в Вашингтоне стали обращать серьезное внимание и на альтернативные оценки и предложения. Так, результаты исследования, проведенного в начале 2015 г. известными корееведом и физиком-ядерщиком университета Джона Хопкинса в Вашингтоне, вызвали широкий резонанс как в самих США, так и в заинтересованных странах. Согласно выводам указанных учёных, КНДР в период после 2013 г. произвела 10—16 ядерных боезарядов, а до 2020 г. способна создать ещё от 20 до 100 единиц ядерного оружия и тогда по этому показателю достигнет уровня Индии, Пакистана и Израиля⁷. Авторами исследования предусмотрены три сценария увеличения ядерного арсенала Северной Кореи в зависимости от воздействия более или менее неблагоприятного внешнего фактора: минимальный (20 единиц), умеренный (50 единиц), и «наихудший» (100 единиц). В случае реализации этих вариантов общая масса ядерных боезарядов увеличится в пределах 20—50 кт.

При этом авторы доклада допускают техническую возможность наращивания ядерного потенциала КНДР без проведения новых испытаний этого вида ОМУ. При условии осуществления таких алармистских сценариев представители университета Дж. Хопкинса указывают также на повышение физических возможностей и рисков передачи (продажи) северянами ядерных материалов и технологий за рубеж⁸. По их убеждению, при наличии уже существующих 1000 баллистических ракет и программ их дальнейшего производства и совершенствования, подобный ядерный потенциал КНДР создаёт реальную угрозу военным объектам США не только в Южной Корее, но и в Японии, на о. Гуам и потенциальную угрозу даже континентальной части Америки.

Выводы из данного исследования американский политический класс делает самые разные. Отрадно, что не только такие, как упомянутые выше «ястребиного» характера о потребности проведения военной операции, но и здравомыслящего, прямо противоположного плана — о необходимости коренного пересмотра нынешнего подхода Вашингтона в пользу конструктивного переговорного сценария.

Ведь в реальной жизни происходит осуществление наиболее неблагоприятного с точки зрения задач ядерного нераспространения сценария, об опасности которого многократно предупреждали и ряд российских корееведов, включая автора этих строк, и немалое число зарубежных, в том числе американских, экспертов. Вашингтон и Сеул, уверовав в неизбежность скорого коллапса КНДР, о чём, например, открыто заявил сам президент США 22 января 2015 г.⁹, сделали ставку на одностороннее усиление давления и изоляции Пхеньяна с целью ускорения краха северокорейского режима, игнорируют все весьма многочисленные примирительные инициативы руководства КНДР, отказываются возобновить с ним какой-либо субстантивный диалог.

Тот факт, что ожидания падения режима в Пхеньяне основываются на неадекватном анализе, явно противоречат тенденциям позитивного развития северокорейской действительности, что их нынешний курс — типичный пример *wishful thinking* (убеждения себя в том, во что хочется верить), похоже, мало беспокоят официальный Вашингтон и Сеул.

В этих условиях КНДР, не будучи связана никакими обязательствами признаваемых ею международных соглашений или переговорных форматов и каким-либо внешним контролем, но прекрасно понимая реальные цели своих оппонентов (так называемую скрытую повестку), беспрепятственно продолжает наращивать и совершенствовать свои ядерные и ракетные потенциалы, именуемые не иначе, как средствами сдерживания, институционализирует ядерный статус, закрепляя его в Конституции, провозглашая официальный курс на параллельное развитие ядерной и гражданской промышленности и т. д.

В итоге один из авторов упомянутого исследования Дж. Вит призвал США, Южную Корею и Японию «проснуться» и сконцентрироваться на реальностях растущего ядерного потенциала Северной Кореи. Он также критически проанализировал чрезмерную увлеченность Южной Кореи подготовкой к объединению и задал очевидный вопрос: «Почему кто-то думает, что Северная Корея, обладая 50—100 ядерными зарядами, должна проявить интерес к объединению с Южной Кореей на условиях Сеула, а не на своих

собственных? Поэтому мы должны очистить нашу политику от фантазий и сфокусироваться на реальности»¹⁰.

Ведь ядерная программа КНДР при нынешних темпах развития способна привести ещё и к испытанию одной из стадий термоядерного устройства мощностью в 100 кт¹¹.

Такого же рода озабоченность выражают и другие американские политологи. Суммируя итоги курса Вашингтона, они заключают, что «в сухом остатке» администрация Обамы законсервировала наилучшие варианты в обеих плоскостях отношений с Северной Кореей..., не будучи способной воспрепятствовать созданию последней всё большего объёма ядерного оружия, росту риска его распространения и возможностей устрашения, Вашингтон продолжает бессмысленно навязывать Пхеньяну те условия переговоров, которые тот многократно отвергал, несмотря даже на давление со стороны Китая». Представители этой школы также выступают за более реалистичный подход к вопросу о возобновлении переговорного процесса, в ходе которого необходимо не только требовать, но и «что-то дать» Пхеньяну¹².

2. КНДР—РК. Отношения между Пхеньяном и Сеулом и в 2014 г., и в начале 2015 г. продолжают оставаться в весьма плачевном состоянии. Как уже отмечалось, руководство РК практически полностью сфокусировалось на подготовке к скорому объединению. На этом фоне в 2014 г. и Сеул, и Пхеньян выступили с новыми вариантами альтернативных предложений по объединению Кореи.

В марте 2014 г. президент РК Пак Кын Хе, находясь в Дрездене, произнесла программную речь, в которой на фоне внешне привлекательных для Пхеньяна предложений была исподволь проведена идея воссоединения по «германскому варианту», т. е. объединения Кореи путём поглощения Севера Югом. «После объединения Республика Корея достигнет ещё большего веса в мире, — говорила президент РК. — Северная часть Корейского полуострова также будет быстро развиваться»¹³. Наблюдатели сразу отметили, что Дрезден, расположенный в поглощённой ГДР, был выбран местом произнесения программной речи Пак Кын Хе не случайно.

Разумеется, в Пхеньяне такое предложение встретили отрицательно. В сентябре 2014 г. министр иностранных дел КНДР Ли Су

Ён, после длительного перерыва лично прибывший на Генеральную Ассамблею ООН в Нью-Йорке, дал развернутый ответ на «мирные» инициативы Юга, напомнив о концепции объединения Кореи, сформулированной ещё Ким Ир Сенем, — объединении на базе создания «Конфедеративной республики Корё».

Дискуссия на эту тему между официальными представителями двух корейских государств продолжает набирать обороты.

Уверенность в неизбежном скором объединении Кореи на условиях РК постоянно озвучивают и высокопоставленные южнокорейские деятели. Министр по делам объединения РК Рю Гиль Чже, выступая в конце 2014 г. в Вашингтоне, призывал старшего союзника не «опускать руки» перед лицом многочисленных прежних неудач в деле реализации задачи «смены режима» в Пхеньяне, но, проявляя творческий подход и изобретательность, изыскивать новые средства и терпеливо идти к заданной цели, вовлекая всё международное сообщество в работу по изменению стратегических интересов Северной Кореи. Далее Рю Гиль Чже продолжал: «...для объединения Кореи нам необходимы “три колеса”: одно из них — улучшение межкорейских отношений; второе — формирование консенсуса по вопросам объединения внутри южнокорейского общества (поскольку, как признаёт министр, сейчас для многих южнокорейцев, особенно молодых граждан, объединение — далеко не самая приоритетная задача)»¹⁴.

Но самое важное «колесо» — тесное сотрудничество с международным сообществом, так как участие его, и особенно США, в процессе подготовки объединения совершенно необходимо и обязательно. Именно благодаря их поддержке стало возможным объединение Германии. «Я убеждён, что если США будут твёрдо поддерживать и помогать объединению Кореи, наши мечты о воссоединении Кореи станут реальностью»¹⁵.

Северокорейские же учёные продолжают развивать и адаптировать к современным условиям концепцию воссоединения на базе конфедеративного подхода. В докладе Института проблем разоружения и мира МИД КНДР, опубликованном в феврале 2015 г., подчёркивается необходимость объективно оценивать реалии, существующие на Корейском полуострове. А они сегодня таковы, что

«две Кореи в течение 70 лет развиваются по различным траекториям, определяемым противоположными идеологиями и политическими системами. При этом, ни одна из корейских сторон не желает отказываться от собственных идеологии и политической системы. Поэтому стремление одной из сторон к навязыванию своей системы непременно приведёт к войне и вовлечению в неё соседних государств»¹⁶. С учётом характеристик военных потенциалов как самих корейских государств, так и их соседей, итогом попытки реализации подобного сценария станет «катастрофический Армагеддон», по сравнению с которым поблекнут трагические последствия Корейской войны 1950-х годов, нынешних военных конфликтов на Ближнем Востоке и на Украине»¹⁷.

Северокорейский автор приходит к выводу, что сосуществование двух систем — единственный реалистичный путь к объединению Кореи. Различия систем — не «Ахиллесова пята», а причина необходимости их сосуществования. Когда же две корейские стороны объединятся в одном государстве и станут уважать особенности политического устройства друг друга, тогда межкорейское сотрудничество будет развиваться без помех и конечная цель достижения объединения перестанет быть вопросом.

При этом, по убеждению Пхеньяна, в ходе процесса объединения две корейские стороны «не должны слепо копировать опыт других стран, а формировать структуру, соответствующую реалиям и специфике Кореи.., тогда нам не потребуется использовать чужие мозги и испрашивать разрешения у внешних сил об одобрении нашего решения об объединении»¹⁸.

Подчёркивается, что при всём уважении ко всем документам, подписанным в ходе межкорейского общения, в основе объединения должны лежать три принципа, провозглашённые ещё в 1972 г. (независимое, мирное, на базе великой национальной консолидации). Итогом такого объединения в форме искусственно не ускоряемого процесса сосуществования и постепенного сближения двух систем естественным образом станет создание единого нейтрального государства¹⁹.

Как нетрудно заметить, и сегодня в Пхеньяне смотрят на пути и конечные цели национального воссоединения с прямо противополо-

ложных позиций, нежели нынешние идеологи в Сеуле. При этом в ряде важных элементов подход северокорейских авторов представляется более реалистичным, менее травматичным и рискованным, а главное — более безопасным как для самих корейцев, так и для их соседей.

В новогодних обращениях лидеров обеих Корей, традиционно включающих в себя доктринальные установки и практические предложения, вновь прозвучало приглашение к возобновлению межкорейского сотрудничества, было выражено понимание, что в 2015 г., являющимся 70-летней годовщиной разделения нации, все корейцы должны сделать больше, чем обычно для действительного примирения. Лидер КНДР Ким Чен Ын предложил организовать межкорейский саммит, и президент РК Пак Кын Хе эту идею поддержала. Сейчас много пишется, что одной из возможных и весьма привлекательных по широкой совокупности разнообразных факторов площадок, где такая встреча руководителей двух корейских государств могла бы состояться, является Москва, которая пригласила глав КНДР и РК и многих других государств на празднование 70-летия победы в Великой Отечественной войне 9-го мая 2015 г.

И это вселяет надежды на начало нормализации межкорейских отношений. Суждено сбыться или нет этим оптимистичным ожиданиям, скоро станет ясно.

Примечания

¹ U.S. gets tougher on North Korea over resumption of bilateral dialogue // URL: <http://english.yonhapnews.co.kr/northkorea/2015/01/14/36/0401000000AEN20150114007200325F.html>

² Daniel R. Russel, Assistant Secretary, Bureau of East Asian and Pacific Affairs Washington, DC, Remarks at the Brookings Institution. December 16, 2014 // URL: <http://m.state.gov/md235145.htm>

³ Daniel R. Russel, CSIS Korean Unification Conference Remarks. December 10, 2014 // URL: <http://csis.org/publication/csis-korean-unification-conference-remarks>

⁴ Sung Kim. Special Representative for North Korea Policy, Washington, DC, Remarks at Mansfield Foundation Event. February 24, 2015 // URL: <http://www.state.gov/p/eap/rls/rm/2015/02/237893.htm>

⁵ U.S. should embrace possibility of 'limited war' with N. Korea: U.S. expert, YONHAP 2015-02-27 // URL: http://english.yonhapnews.co.kr/full/2015/02/27/39/1200000000AEN2015_0227000300315F.html

⁶ *Bill Gertz*. «Secret North Korea talks?». March 11, 2015 // URL: <http://www.washingtontimes.com/news/2015/mar/11/inside-the-ring-secret-north-korea-talks/>

⁷ North Korea's Nuclear Expansion // The New York Times. Feb. 27, 2015 // URL: http://www.nytimes.com/2015/02/27/opinion/north-koreas-nuclear-expansion.html?_r=0

⁸ «N. Korea's nuclear stockpile could expand to 100 weapons: U.S. expert,» 2015/02/25 // URL: <http://english.yonhapnews.co.kr/national/2015/02/25/26/0301000000AEN20150225000251315F.html>

⁹ Obama says North Korea is bound to collapse // URL: <http://english.yonhapnews.co.kr/northkorea/2015/01/28/27/0401000000AEN20150128007900325F.html>

¹⁰ «N. Korea's nuclear stockpile could expand to 100 weapons: U.S. expert». 2015/02/25 // URL: <http://english.yonhapnews.co.kr/national/2015/02/25/26/0301000000AEN20150225000251315F.html>

¹¹ Ibid.

¹² The Nelson Report, Samuels International Associates, Inc. February 27, 2015.

¹³ «To Unify Korea, Peacefully». «The images of one Germany encourage those of us in Korea that unification must also come on the Korean Peninsula». Address by Park Geun-Hye, President, South Korea, Delivered to the Dresden University of Technology, Dresden, Germany on March 28, 2014 // URL: <http://vsotd.com/featured-speech/unify-korea-peacefully>

¹⁴ RYOO, Kihl-Jae, «ROK-U.S. Cooperation in Preparing for Korean Unification». December 10, 2014 // URL: <http://csis.org/publication/rok-us-cooperation-preparing-korean-unification>

¹⁵ Ibid.

¹⁶ *Kim Ye Jin*. Researcher, Institute for Disarmament and Peace, Ministry of Foreign Affairs, DPRK, «Well-balanced approach to the issues on the Korean peninsula and Northeast Asia», 02.02.2015 // URL: [http://krld.pl/krld/czytelniateksty/biuletyny//227%20-%20Well-balanced%20approach%20to%20the%20issues%20on%20the%20Korean%20peninsula%20and%20Northeast%20Asia.pdf조선반도와 동북아시아문제해결의 관능의 처방\(영문\).doc](http://krld.pl/krld/czytelniateksty/biuletyny//227%20-%20Well-balanced%20approach%20to%20the%20issues%20on%20the%20Korean%20peninsula%20and%20Northeast%20Asia.pdf조선반도와 동북아시아문제해결의 관능의 처방(영문).doc)

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Ibid.

Д.В. Гордиенко

ОЦЕНКА УРОВНЯ ВОЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВ КОРЕЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА

Перемены в мире, связанные с глобализацией, обуславливают необходимость принятия высшим политическим руководством России оперативных и адекватных решений по нейтрализации, локализации и/или устранению военных вызовов и угроз, которые возникают и непрерывно трансформируются в процессе эволюции всей системы современных международных отношений.

В связи с этим представляет интерес рассмотрение мер обеспечения военной безопасности, принятых в разных странах и, в частности, в КНДР, Южной Корее и других государствах Северо-Восточной Азии.

1. Оценка уровня военной безопасности Южной Кореи

Вопросами обеспечения военной безопасности Республики Корея занимается Совет национальной безопасности.

Численность Вооружённых сил Республики Корея составляет 655 тыс. человек (2012). Верховным главнокомандующим является президент страны, общее руководство вооружёнными силами осуществляет министр обороны. Оперативное руководство вооружёнными силами и стратегическое планирование осуществляет Объединённый комитет начальников штабов.

Ежегодные военные расходы составляли: 28,94 млрд долл. (2008); 25,5 млрд долл. (2010); 28,5 млрд долл. (2011); 31,0 млрд долл. (2012).

Министерство обороны Южной Кореи отвечает за исполнение бюджета вооружённых сил, их снабжение и кадровые вопросы.

Вооружённые силы Республики Корея организованы по американскому образцу и состоят из родов войск: Сухопутных войск (Армия Республики Корея); Военно-морских сил и Военно-воздушных сил. Кроме того, в Южной Корее существуют самостоятельная морская полиция (пограничная охрана) и части гражданской обороны¹.

Сухопутные войска состоят из 22 пехотных и мотопехотных дивизий и ряда отдельных бригад, в том числе семи бригад спецназначения, трех бригад борьбы с силами спецназначения, трех бригад ПВО. На вооружении сухопутных войск находится 2130 танков², 2490 бронетранспортеров, 3500 несамоходных и 900 самоходных орудий, а также более 500 вертолетов, в том числе 60 АН-1F и 80 УН-60Р. Ракетное вооружение представлено 12 ПУ ОТР НК-1/2 и порядка 200 оперативно-тактических ракет АТАСМС с дальностью стрельбы 150 и 300 км³. Южнокорейское оружие частично американского, а частично — собственного производства⁴.

ВВС Республики Корея имеют около 600 самолетов, среди которых наиболее современными являются 60 истребителей F-15K и 165 F-16. К числу других боевых самолетов, сохраняющих боевое значение, могут быть отнесены 170 F-5 и 68 F-4⁵.

Основу *ВМС* Республики Корея составляют современные эсминцы, фрегаты и корветы УРО общим числом 43 единицы, а также порядка 20 подводных лодок, в том числе восемь новейших неатомных подводных лодок германского производства проекта 214⁶.

Надводные корабли основных классов флота РК имеют на вооружении ПКР «Гарпун», однако средства ПВО представлены в основном зенитными артиллерийскими комплексами, что существенно снижает их боевую устойчивость от ударов даже относительно старых средств воздушного нападения⁷. Морская пехота насчитывает около 28 тыс. человек. Основной компонентой морской авиации является противолодочная авиация, представленная восьмью самолетами американского производства P-3В и P-3С, а также 15 S-2F, позволяющими вести эффективную борьбу с подводными лодками КНДР. Кроме этого, в составе ВМС Республики Корея насчитывается около 100 боевых катеров различных классов, в том числе пять ракетных.

Части гражданской обороны и части Сил защиты Родины (Региональные боевые части) обеспечивают территориальную оборону государства. Органы Национального агентства разведки осуществляют разведывательную и контрразведывательную деятельность.

Уровень боевой подготовки личного состава и оперативной подготовки командного состава вооруженных сил РК экспертами оценивается как средний, и по этому показателю южнокорейская армия уступает северокорейской⁸.

Оценивая в целом вооруженные силы Республики Корея, их следует признать как одними из самых технически оснащенных и многочисленных в регионе. Сухопутные войска РК в состоянии вести успешные наступательные и оборонительные операции армейского масштаба.

Но ВВС Южной Кореи не способны решить задачу подавления системы ПВО Северной Кореи, а значит, и оказать эффективное содействие сухопутным войскам. Система ПВО РК может практически полностью устранить угрозу со стороны ВВС КНДР, а ВМС способны самостоятельно завоевать господство на море в своей операционной зоне. Однако состав их минно-тральных сил не в состоянии обеспечить ведение эффективной борьбы с минной опасностью.

Состав вооружения основных кораблей ВМС Южной Кореи не позволяет оказывать действенную огневую поддержку сухопутным войскам на приморском направлении и осуществлять подавление береговой обороны противника. В сочетании с невысокими возможностями ВВС Южной Кореи по подавлению ПВО КНДР и ограниченными возможностями по борьбе с минной опасностью ВМС Южной Кореи вряд ли смогут проводить десантные операции⁹.

Обострение противостояния корейских государств, а также финансово-экономический кризис внес коррективы в изменение уровня военной безопасности¹⁰ Южной Кореи в ближайшее десятилетие (рис. 1)¹¹.

2. Оценка уровня военной безопасности КНДР

В соответствии с Конституцией КНДР 1998 г. руководство Народными вооружёнными силами (НВС) осуществляет Государственный Комитет обороны (ГКО)¹². В подчинении у ГКО находится **Министерство народных вооруженных сил (Министерство обороны)**.

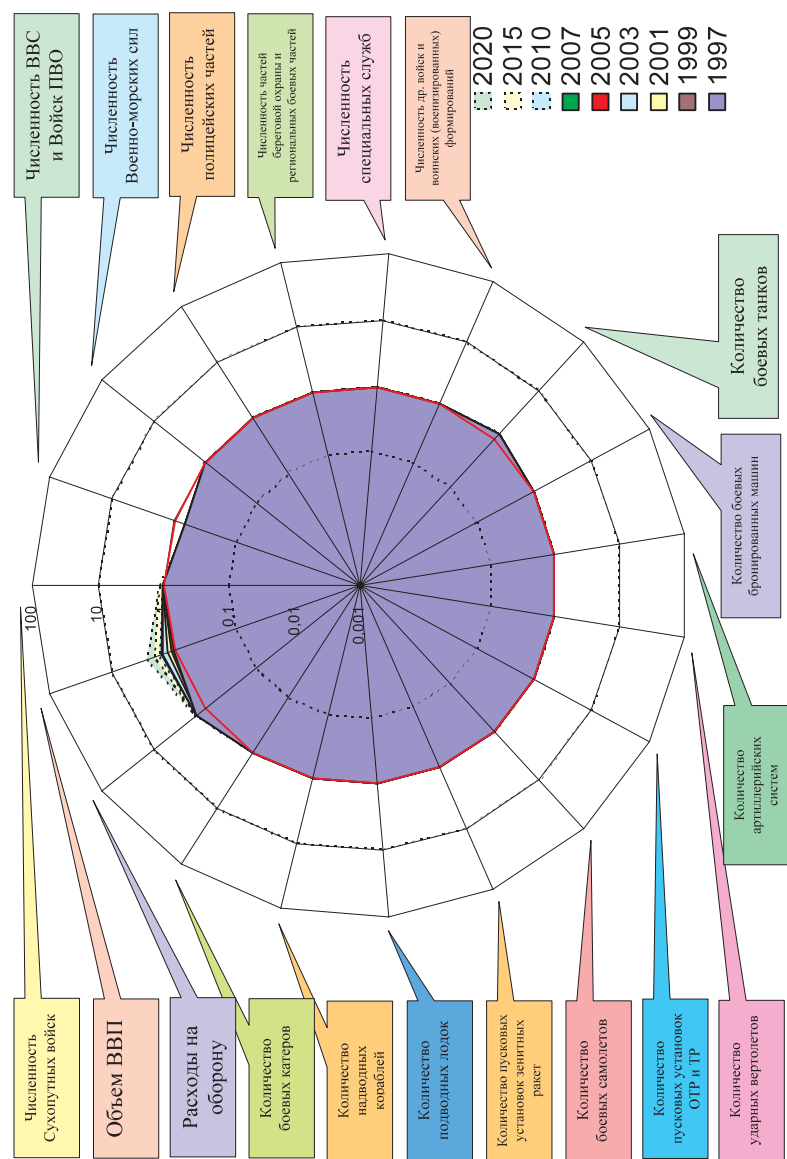

Рис. 1. Показатели военной безопасности Южной Кореи в период 1997—2020 гг.

Также ГКО подчинено **Министерство народной безопасности**, **Министерство охраны государственной безопасности** и резервные компоненты вооруженных сил. Генеральный штаб и штабы ВВС и ВМФ осуществляют непосредственное руководство НВС, решают задачи оперативного управления и боевой готовности.

Доля оборонных расходов КНДР относительно ВВП достигает 43 % (около 7,7 млрд долл., 2007)¹³.

В составе Корейской народной армии (КНА): Сухопутные войска, Военно-воздушные и противовоздушные силы, Военно-морские силы, а также с 2012 г. — Стратегические ракетные войска¹⁴.

Общая численность кадровых военнослужащих в КНА составляет, по разным оценкам, от 850 до 1200 тыс. человек. В резерве насчитывается около 4 млн человек.

Основу северокорейской армии составляют *Сухопутные войска*, которые в мирное время насчитывают около 900 тыс. человек. В боевом составе Сухопутных войск насчитывается 20 корпусов (12 пехотных, 4 механизированных, бронетанковый, 2 артиллерийских, обороны столицы), 27 пехотных дивизий, 15 танковых и 14 механизированных бригад, бригада оперативно-тактических ракет, 21 артиллерийская бригада, 9 бригад ракетных систем залпового огня, ракетный полк тактических ракет. В наличии около 3500 танков¹⁵, 200 БМП и 2500 бронетранспортеров, более 12 000 орудий полевой артиллерии и 2500 РСЗО, свыше 10 000 единиц противотанковых ракетных комплексов и орудий.

В ПВО Сухопутных войск насчитывается порядка 10 000 единиц ПЗРК и свыше 11 000 зенитных орудий различного калибра, а также некоторое количество ЗРК «Круг» и «Куб» плюс, вероятно, и «Бук».

Ракетное вооружение северокорейской армии представлено более 50 пусковыми установками оперативно-тактических и тактических ракет. На ее вооружении состоят тактические ракетные комплексы советской разработки «Луна» и оперативно-тактические «Скад»¹⁶.

ВВС КНДР состоят из шести авиадивизий (трех боевых, двух военно-транспортных и одной учебно-тренировочной), находящихся в прямом подчинении Главкомату ВВС. В ВВС КНДР имеется около 1500 самолетов различных типов. К числу относительно современных можно отнести лишь 36 истребителей МиГ-29 и 45 МиГ-23,

а также 34 штурмовика Су-25. Основу ПВО КНДР составляют 24 ЗРК С-200, 128 ЗРК С-125 и 240 ЗРК С-75. Имеется значительное количество зенитной артиллерии (более 9 000 зенитных артиллерийских систем: от лёгких зенитно-пулемётных установок до самых мощных в мире 100-мм зенитных орудий, а также самоходные зенитные установки ЗСУ-57 и ЗСУ-23-4 «Шилка»)¹⁷.

В состав ВМС КНДР входят два флота: Восточный флот, действующий в Японском море (главная база — Йохори), и Западный флот, действующий в Корейском заливе и Жёлтом море (главная база — Нампхо). В основном флот предназначен для решения боевых задач в 50-километровой прибрежной зоне. Ударную силу ВМС КНДР составляют 3 фрегата УРО, 2 корвета, 18 малых противолодочных кораблей, 40 ракетных, 134 торпедных и 108 артиллерийских катеров, 203 десантных катера, более 100 подводных лодок¹⁸.

Численность *спецвойск* КНА от 88 000 до 121 500 военнослужащих¹⁹.

Кроме войск (сил) КНА в КНДР имеются: войска Министерства общественной безопасности (15 тыс. человек); войска Министерства охраны госбезопасности (20 тыс. человек); Рабоче-крестьянская красная гвардия (РККГ, от 1,4 до 3,8 млн человек); Молодёжная красная гвардия (МКГ, от 0,7 до 1,0 млн человек); учебные отряды (до 50 тыс. человек); а также народные охранные отряды (до 100 тыс. человек). Уровень военной безопасности КНДР определяется, главным образом, возможностями КНА²⁰ и может быть охарактеризован нормированными показателями военной безопасности государства (рис. 2).

3. Сравнение показателей военной безопасности Южной Кореи и КНДР

Сравнение показателей военной безопасности Южной Кореи и КНДР базируется на расчете нормированных показателей военной безопасности этих стран²¹.

Значения ряда показателей военной безопасности Южной Кореи (объем ВВП; количество ударных вертолетов; количество пусковых установок ОТР и ТР; количество пусковых установок зенитных ракет; количество надводных кораблей) на несколько порядков превышают значения соответствующих показателей защищенности национального хозяйства КНДР.

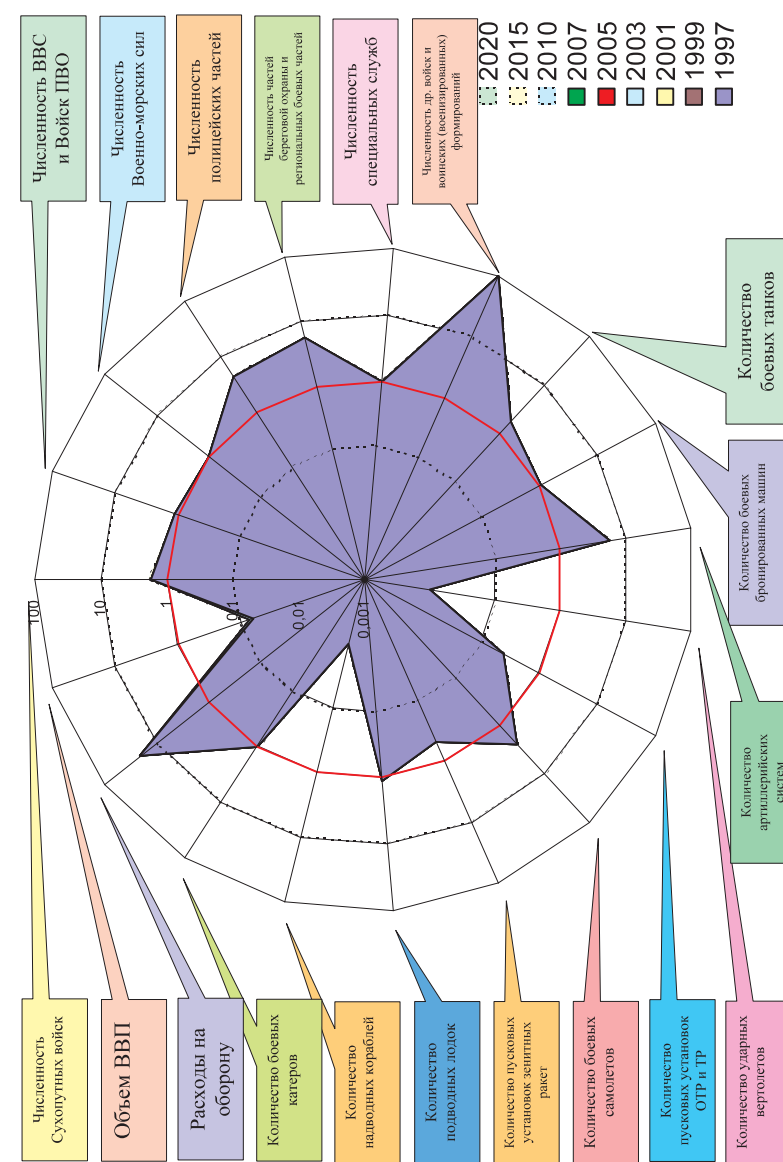

Рис. 2. Показатели военной безопасности КНДР в период 1997–2020 гг.

В то же время значения ряда показателей военной безопасности КНДР (доля расходов на оборону; численность сухопутных войск; численность ВВС и ПВО; численность внутренних войск и частей Министерства безопасности; численность пограничных войск и частей береговой охраны; численность других войск и воинских (военизированных) формирований; количество боевых танков; количество артиллерийских систем; количество боевых самолетов; доля расходы на оборону в бюджете) превышают соответствующие значения показателей Южной Кореи.

Различия в значениях частных нормированных показателей военной безопасности этих стран определяют значения интегрального показателя (уровня) военной безопасности Южной Кореи и КНДР в период 1997—2020 гг.

Их сопоставление говорит о паритете военной силы, где технологическое превосходство вооруженных сил Южной Кореи компенсируется количеством и несравненно высоким моральным духом армии Северной Кореи.

Сухопутные войска Республики Корея не могут вести успешные наступательные операции против северокорейской армии в силу наличия у нее глубокоэшелонированной обороны, насыщенной большим количеством противотанковых средств и артиллерии и опирающейся на развитую систему мощных фортификационных сооружений и благоприятный рельеф. КНА, в свою очередь, не в состоянии рассчитывать на успех наступательных операций против Юга в силу устаревшего вооружения.

ВВС Республики Корея не способны подавить насыщенную зенитными огневыми средствами глубокоэшелонированную систему ПВО КНДР, а ВВС ее северного соседа не имеют современной авиации для успешных действий против нее.

Флот Южной Кореи способен завоевать господство на море, значение которого нивелируется неспособностью южнокорейского флота эффективно бороться против минной угрозы и отсутствием возможности оказывать эффективное содействие приморскому флангу своей армии огневыми средствами кораблей и высадкой морских десантов.

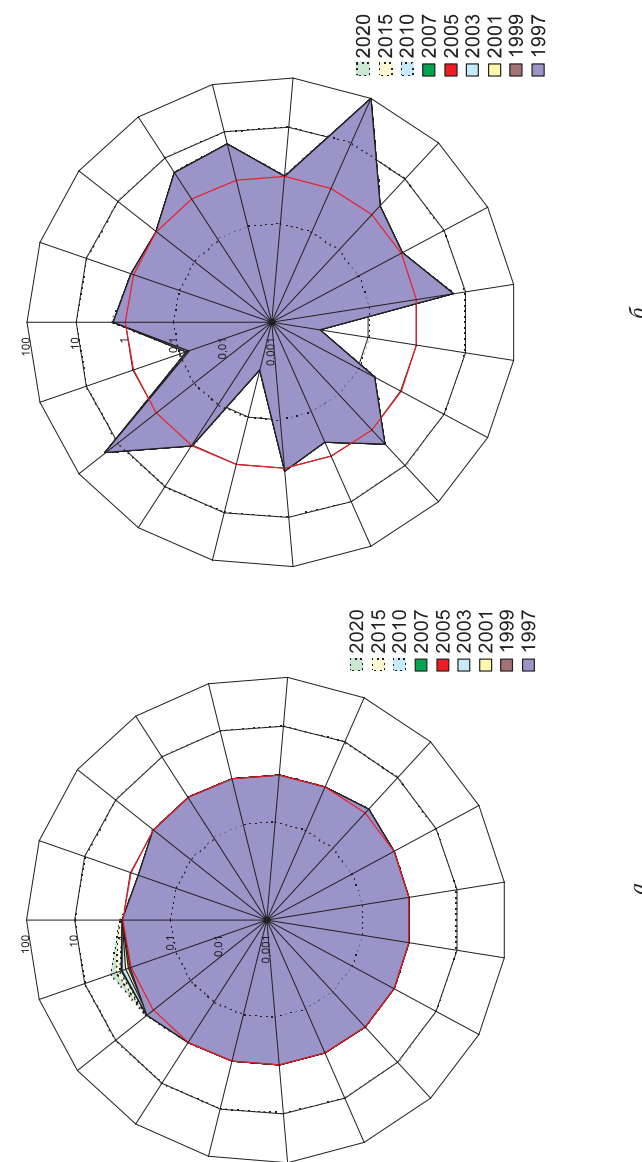

Рис. 3. Динамика изменения уровня военной безопасности Южной Кореи (а) и КНДР (б) в период 1997—2020 гг.

Таким образом, имеет место редкий в военной истории случай, когда у обеих противостоящих сторон потенциал обороны значительно превосходит потенциал наступления. Тем не менее напряженность на Корейском полуострове растет и там сосредоточен достаточно большой военный потенциал, который может быть существенно усилен группировками вооруженных сил других государств. Разрыв в уровне защищенности от военных угроз этих стран будет сохраняться до 2020 г. (рис. 3).

* * *

Ситуация в мире предвещает новые катаклизмы. Основными военными угрозами в 2015 г. и в ближайшие последующие годы видятся обострение военно-политической обстановке на Корейском полуострове, на границах Китая и в акватории прилегающих к нему морей, в Центральной Азии.

Примечания

¹ См.: Вооруженные силы зарубежных государств: Информационно аналитический сборник / А.Н. Сидорин, Г.М. Мингатын, В.М. Прищепов, В.П. Акуленко. М.: Воениздат, 2009. — 528 с.: ил.; Сивков К. Утренняя свежесть с ядерным привкусом // ВПК, 17—23.4.13, № 15 (483).

² Из них 880 танков — относительно современных типов: 800 собственного производства (тип 88) и 80 российского (Т-80У).

³ Более подробно см.: *Дюжев А., Сидоров П.* Состояние и перспективы развития Сухопутных войск Республики Корея // Зарубежное военное обозрение, 2005, № 8. С. 18—25; *Морозов А.* Состояние и перспективы развития Сухопутных войск Республики Корея // Зарубежное военное обозрение, 2012, № 5. С. 37—45.

⁴ Более подробно см.: *Канарев К., Альдубаев И.* Военная промышленность Республики Корея // Зарубежное военное обозрение, 2009, № 11. С. 24—31; 2009, № 12. — С. 19—24.

⁵ О зенитных вооружениях см.: *Зайцев С.* Планы модернизации ВВС Республики Корея // Зарубежное военное обозрение, 2011, № 10. С. 71—72.

⁶ Более подробно см.: *Сидоров П.* Современное состояние и перспективы развития ВМС Республики Корея // Зарубежное военное обозрение, 2008, № 7. С. 51—61.

⁷ О противоминных и десантных силах ВМС см.: *Чертанов В.* О совершенствовании надводных сил ВМС Республики Корея // Зарубежное военное обозрение, 2006, № 4. С. 63—65.

⁸ Невысок в сравнении с северокорейской армией и моральный потенциал личного состава. В связи с этим можно предполагать, что южнокорейские ВС будут весьма чувствительны к боевым потерям.

⁹ Более подробно см.: *Дюжев А.* Состояние и перспективы развития вооруженных сил Республики Корея // Зарубежное военное обозрение, 2007, № 12. С. 12—17.

¹⁰ По нашему мнению, военная безопасность государства (military safety) может быть представлена как состояние защищенности государства от внешних и внутренних военных угроз, при котором обеспечивается поступательное развитие общества, военно-политическая стабильность в регионе и мире, несмотря на наличие неблагоприятных внешних и внутренних факторов.

¹¹ Пороговыми показателями военной безопасности (на диаграммах — единичными) уровнями военной безопасности Южной и Северной Кореи считаются: 1) для численности Сухопутных войск — 550 тыс. человек; 2) для численности ВВС и Войск ПВО — 100 тыс. человек; 3) для численности Военного флота — 50 тыс. человек; 4) для численности внутренних войск и военизированных полицейских частей — 3,5 тыс. человек; 5) для численности вспомогательных воинских частей — 3,5 тыс. человек; 6) для численности частей специальных служб — 1,0 тыс. человек; 7) для численности др. войск и воинских (военизированных) формирований — 4,5 тыс. человек; 8) для количества боевых танков — 2000 шт.; 9) для количества боевых бронированных машин — 2500 шт.; 10) для количества артиллерийских систем — 4400 шт.; 11) для количества ударных вертолетов — 500 шт.; 12) для количества пусковых установок ОТР и ТР — 212 шт.; 13) для количества боевых самолетов — 600 шт.; 14) для количества пусковых установок зенитных ракет — 845 шт.; 15) для количества подводных лодок — 20 шт.; 16) для количества надводных кораблей — 71 шт.; 17) для количества боевых катеров — 130 шт.; 18) для доли расходов на оборону — 2,0 % к ВВП; 19) для объема валового внутреннего продукта (ВВП) — 600 млрд долл.

¹² Председатель ГКО — Верховный Главнокомандующий (с 2011 г. — маршал Ким Чен Ын). Председатель ГКО КНДР командует и руководит всеми Вооруженными Силами, ведает обороной страны в целом. ГКО уполномочен объявлять в стране военное положение, издавать приказ о мобилизации. Срок полномочий ГКО равен сроку полномочий Верховного Народного Собрания.

¹³ По данным Международного института стратегических исследований. Данные по военным расходам КНДР недостоверны и имеют большие количественные различия. По данным Стокгольмского института исследования проблем мира, в 2011 г. военные расходы КНДР составили 90 млрд вон, что в переводе на американские доллары по официальному курсу составляет не более 900 млн долл.

¹⁴ Вооруженные силы зарубежных государств...

¹⁵ Из них 1800 — Т-62, остальные — Т-55, Т-54 и их китайские реплики.

¹⁶ Общее количество тактических и оперативно-тактических ракет оценивается приблизительно в 1000 единиц. Все оперативно-тактические ракеты и ракеты средней дальности северокорейской армии имеют невысокую точность стрельбы, что делает их неэффективными для поражения точечных защищенных целей, за исключением оснащенных ядерными боеголовками.

¹⁷ Система воздушного наблюдения построена на основе наземных РЛС советского производства в основном 1960-х годов выпуска и их китайских копий, что делает ее чрезвычайно уязвимой от современных средств радиоэлектронного подавления. Однако большое количество зенитных огневых средств на относительно ограниченной площади страны позволяет создать их исключительно высокую плотность. Это, несмотря на устаревшее оснащение, делает систему ПВО КНДР достаточно эффективной даже в борьбе с современными типами самолетов. Северная Корея не располагает современными средствами радиоэлектронного подавления, но имеет значительные возможности по выполнению мероприятий оперативной маскировки, чему способствует благоприятный рельеф местности. Следует полагать, именно меры оперативной маскировки могут сыграть решающую роль в срыве воздушного наступления вероятного противника.

¹⁸ Из них 22 — дизельные подводные лодки проекта 033 (китайская копия советской подводной лодки проекта 633 разработки конца 1950-х годов), до 50 малых и сверхмалых подводных лодок собственной постройки типа «Сан-О».

¹⁹ Структурно спецназ КНА разделён на три категории: легкая пехота, разведывательные и снайперские части. Организационно силы спецназначения представлены 22 бригадами (в том числе две снайперские бригады морского десанта, расположенные одна на восточном, другая — на западном побережье). Также в состав спецназа входят 18 отдельных батальонов (17 разведывательных, включая батальоны разведки ВМФ и ВВС, и 1 воздушно-десантный). Руководство спецподразделениями осуществляют две основные структуры Министерства народных вооруженных сил КНДР: Управление командования специальных частей и Разведывательное управление.

²⁰ 1. Сухопутные войска КНДР обладают достаточно высоким боевым потенциалом. Значительное количество противотанковых средств, полевой артиллерии и развитая сеть фортификационных сооружений позволяют им вести эффективные оборонительные действия даже против высокотехнологичного противника, превосходящего по численности в полтора-два раза, и в условиях господства его авиации в воздухе. Гористый рельеф местности, заранее подготовленные укрытия и запасы вооружения и боеприпасов позволяют развернуть масштабную партизанскую войну, которая может длиться годами.

2. Численность ракет средней дальности «Тэпхон-1» и «Тэпхон-2» относительно невелика. Низкая точность их стрельбы позволит нанести заметный ущерб не более чем одной американской базе.

3. ВВС КНДР обладают весьма ограниченными возможностями по нанесению ударов по наземным объектам на территории Южной Кореи в связи с устаревшим парком авиатехники.

4. ВМС Северной Кореи способны создать угрозу флоту противника лишь в прибрежной части прилегающих морей и океанов, главным образом минным оружием, а также силами ракетных катеров и сверхмалых подводных лодок.

²¹ Здесь и далее предполагается, что наименьшее возможное значение i -го нормированного частного показателя военной безопасности государства — $\beta_{i,min} = 0,01$ — соответствует наименьшему уровню военной безопасности государства при фиксированных значениях остальных частных показателей-индикаторов. И, наоборот, наибольшее возможное значение i -го нормированного частного показателя — $\beta_{i,max} = 100$ — соответствует наибольшему уровню военной безопасности также при фиксированных значениях остальных частных показателей-индикаторов. Единичное значение i -го нормированного частного показателя — $\beta_i = 1$ — соответствует пороговому уровню военной безопасности государства.

Расчетная формула общего нормированного показателя военной безопасности j -го государства может иметь вид: $У_{ВБ,j} = \prod_{i=1}^{19} \beta_{i,j}^{\alpha_{i,j}}$, где $У_{ВБ,j}$ — общий нор-

мированный показатель уровня военной безопасности j -го государства, $\alpha_{i,j}$ — вес i -го нормированного частного показателя, характеризующего военную безопасность j -го государства $\beta_{i,j}$ — значение i -го нормированного частного показателя, характеризующего военную безопасность j -го государства.

При одинаковой значимости 19 компонент военной безопасности (т. е. при $\alpha_{i,j} = 1$) наименьшее возможное значение общего нормированного показателя военной безопасности j -го государства — $У_{ВБ,j,min} = 10^{-38}$ — соответствует наименьшему уровню военной безопасности. И, наоборот, наибольшее возможное значение этого показателя — $У_{ВБ,j,max} = 10^{38}$ — соответствует наибольшему уровню военной безопасности государства. Единичное значение общего (интегрального) нормированного показателя военной безопасности государства — $У_{ВБ,j} = 1$ — соответствует критическому уровню военной безопасности, понижение которого определяет военную опасность для j -го государства. Это значение соответствует общему (интегральному) условному «порогу», который, тем не менее, дает представление о некоторой границе между состоянием военной защищенности и состоянием незащищенности от внешних и внутренних военных угроз.

В.В. Евсеев

ОЦЕНКА ВОЕННОГО ПОТЕНЦИАЛА КНДР

В середине февраля 2015 г. американский аналитик и колумнист известного финансово-экономического журнала «Forbes» Дуг Бэндоу опубликовал статью «6 союзников, с которыми Америке необходимо расстаться»¹. В ней особое внимание было уделено Республике Корея (РК), с которой США разделяют некоторые ценности и имеют обширные культурные, экономические и семейные связи. Но, по мнению Дуга Бэндоу, Корейский полуостров для Вашингтона не имеет стратегического значения. Более того, к 1990-м годам Южная Корея далеко обогнала Северную Корею экономически и обрела демократию, а союзники Пхеньяна по холодной войне (Россия, Китай) перестали ему оказывать масштабную помощь. В результате Сеул получил превосходство 40:1 в экономике, 2:1 в численности населения (по мобилизационному ресурсу превышение РК в целом в 2,3 раза, по годным к военной службе — в 2,4 раза), а также огромные технологические преимущества и мощную дипломатическую поддержку. В таких условиях «опора Южной Кореи на американские оборонные субсидии немного похожа на просьбы Вашингтона к Европе оказать помощь против Мексики».

Конечно, как полагают некоторые американские эксперты, Сеул поддержит Вашингтон в политике сдерживания Пекина, но американо-китайские противоречия в виде принадлежности Тайва-

ня, островов Спратли или архипелага Сенкаку имеют к РК мало отношения и не требуют реализации Договора о взаимной обороне.

В настоящее время сохранение американо-южнокорейского военного альянса, как и присутствия вооруженных сил (ВС) США на Корейском полуострове, можно объяснить лишь агрессивностью КНДР, которая якобы постоянно угрожает РК и даже стремится ее присоединить к себе вооруженным путем. Это служит базисом для продолжения милитаризации не только Южной Кореи, но и всей Северо-Восточной Азии, а также проведения в этом регионе масштабных учений ВС США и их союзников. На самом деле западные эксперты сознательно завышают военный потенциал Северной Кореи и пытаются придать ему ярко выраженный наступательный характер. Рассмотрим далее обоснованность этого на основе анализа реального, а не вымышленного потенциала видов и родов войск ВС КНДР.

Вооруженные силы

В состав Корейской народной армии (КНА) входят: Сухопутные войска, Военно-воздушные (ВВС) и противовоздушные силы, Военно-морские силы (ВМС), Силы специальных операций, а также Стратегические ракетные войска. Общая численность военнослужащих составляет порядка 1,11 млн человек². Подготовленный резерв достигает 4 млн человек. Большая часть северокорейских войск расположена вблизи Демилитаризованной зоны на границе с Южной Кореей³. Для сравнения: ВС РК составляют 688 тыс. военнослужащих, что говорит о соизмеримой их численности. Причем, учитывая возможности Южной Кореи по проведению масштабных десантных операций, Пхеньян вынужден держать значительную часть войск в глубоком тылу.

В КНДР действует обязательная воинская повинность. При этом призыву подлежат граждане по достижении 17 лет, срок призыва составляет до 10 лет.

Стратегические ракетные войска

Северная Корея имеет сейчас на вооружении одноступенчатые жидкостные ракеты малой и средней дальности. Так, в состав Стратегических ракетных войск (на самом деле они способны решать

боевые задачи в основном на Корейском полуострове) входит отдельный ракетный полк, вооруженный ракетами «Хвасон-6», и три отдельных ракетных дивизиона, вооруженных ракетами «Нодон-1»⁴. Указанные ракеты транспортируются на мобильной пусковой установке и имеют осколочно-фугасную или кассетную головную часть. Потенциально они могут выступать в качестве носителей ядерного оружия.

Баллистическая ракета «Хвасон-6» была создана на базе советской ракеты Р-17М (SCUD-C). Ее летно-конструкторские испытания прошли в период 1990—1993 гг. Максимальная дальность действия ракеты составила 500 км при боеголовке весом 730 кг. Круговое вероятное отклонение (КВО) ракеты «Хвасон-6» от точки прицеливания составляет до 1,5 км, что делало проблематичным ее использование в обычном (неядерном) оснащении против военных объектов. Исключение составляли такие крупные объекты, как военные базы. Тем не менее в 1991 г. она была принята на вооружение⁵.

По американским данным, в конце 1990-х годов была осуществлена модернизация баллистической ракеты «Хвасон-6», которая в США получила название SCUD-ER⁶. За счет увеличения длины топливных баков и снижения веса головной части удалось достичь максимальной дальности стрельбы, равной 700 км. При этом использовалась отделяемая головная часть с небольшим аэродинамическим качеством. Это повышало не только устойчивость ее полета, но и точность стрельбы.

В США полагают, что одноступенчатая ракета средней дальности «Нодон-1» была создана в 1991 г. при участии российских, украинских и китайских специалистов⁷. Она имеет 15,6 м длины, 1,3 м диаметр и стартовый вес 12,4 т, а также отделяемую головную часть и инерциальную систему управления. Максимальная дальность стрельбы «Нодон-1» составляет 1100—1300 км при головной части весом 700—1000 кг. КВО ракеты от точки прицеливания достигает 2,5 км⁸.

11 октября 2010 г. на военном параде в Пхеньяне были показаны два новых типа одноступенчатых ракет мобильного базирования. Одна из них напоминала иранскую ракету «Гадр-1», а вторая — советскую ракету морского базирования Р-27 (SS-N-6). На Западе им

были даны названия «Нодон-2010» и «Мусудан» (Musudan)⁹. Скорее всего, в ходе этого военного парада были показаны муляжи баллистических ракет. Предполагать, что они уже приняты на вооружение, по-видимому, преждевременно. Во всяком случае, до летных испытаний ракет указанных типов.

В отношении двухступенчатой жидкостной ракеты типа «Тэпходон-2» можно отметить следующее. Ее первое и единственное летное испытание прошло в июле 2006 г. и оказалось неудачным (полет длился 42 с, ракета преодолела всего лишь 10 км). Ввиду этого достаточно трудно оценить технические характеристики этой ракеты. Тем не менее можно предположить, что ее стартовый вес составляет 65 т¹⁰. Первая ступень рассматриваемой ракеты представляет собой связку из четырех двигателей типа «Нодон», а вторая, скорее всего, — ракету «Хвасон-6». Однако неясно, насколько северокорейские специалисты смогли решить проблему обеспечения тепловой защиты установленного на ракете «Тэпходон-2» боезаряда (для «Нодон-1» это менее критично, так как высота подъема ее головной части не превышает 300 км). Это служит серьезным препятствием для размещения на «Тэпходон-2» ядерного боезаряда.

Существуют различные оценки того, сколько у Северной Кореи осталось оружейного плутония после проведения трех ядерных испытаний (в отношении запасов оружейного урана говорить пока явно преждевременно). Министерство обороны РК оценивает запасы оружейного плутония в 40 кг. Аналогичной точки зрения придерживается Зигфрид Хеккер, который полагает, что имеющегося у Пхеньяна оружейного плутония достаточно для изготовления до 10 боезарядов. При этом считается, что потери КНДР при выделении плутония составляли 10 %, а на каждое ядерное испытание было израсходовано по 4 кг этого расщепляющегося материала.

Таким образом, в КНДР существует потенциальная возможность разработки в среднесрочной перспективе баллистической ракеты промежуточной дальности (свыше 4 тыс. км). Однако при отсутствии достаточного финансирования и отсталости материально-технической базы такие работы завершить достаточно сложно.

Конечно, КНДР имеет план боевого применения ядерного оружия. Но его реализация носит больше гипотетический характер ввиду

географической близости двух корейских государств и ограниченности северокорейского ядерного потенциала. В частности, пока нет уверенности в том, что Пхеньян может нарабатывать обогащенный уран. После проведения трех ядерных испытаний существенно сократились запасы оружейного плутония. Конструкция ядерной боеголовки в ходе летных испытаний не отработана, а имеющиеся на вооружении баллистические ракеты обеспечивают ее потенциальную доставку на расстояние до 1,3 тыс. км. Другие же виды возможных носителей ядерного оружия, например воздушные (первый советский реактивный фронтовой бомбардировщик Ил-28) или морские, не могут гарантировать уверенной доставки ядерного боезаряда к месту цели, особенно в условиях активного противодействия со стороны южнокорейских ВС.

В то же время в КНДР продолжают работы по совершенствованию ракетно-ядерного потенциала страны. В частности, по южнокорейским данным, уже спущена на воду подводная лодка, способная осуществлять пуски баллистических ракет. Её длина составляет 67 м, а полное водоизмещение — 3 тыс. т. Она может быть «модификацией советской дизель-электрической подводной лодки проекта 629». Такие подводные лодки были построены в 50—60-х годах прошлого века и изначально проектировались для оснащения баллистическими ракетами (по три ракеты типа Р-13 в ограждении рубки). Подтверждением подобного рода деятельности может служить то, что, согласно спутниковым снимкам, на судовой палубе в г. Синпхо на восточном побережье КНДР зафиксирована наземная испытательная установка для пусков баллистических ракет морского базирования (БРПЛ). Однако для завершения только наземной отработки северокорейской БРПЛ потребуется еще порядка двух лет¹¹.

Сухопутные войска

Сухопутные войска Северной Кореи превышают 900 тыс. военнослужащих. Сухопутные войска РК существенно меньше (560 тыс.), но это в значительной степени компенсируется техническим превосходством.

Танковый парк КНДР включает 3500 единиц. Но среди них — 1290 легких танков и морально и физически устаревших Т-34, кото-

рые находятся на консервации. Помимо этого, имеется 970 танков Т-62 и его северокорейской модификации «Чхонмахо», а также 800 танков Т-55 и его ухудшенной китайской версии Т-59. Условно современными в КНА могут считаться около 300 танков «Покпунхо» (упрощенная версия китайского танка Т-90).

ВС РК включают 2500 танков послевоенного производства, в том числе 1511 современных танков К-1 и К1А1 и 36 танков Т-80 российского производства. Следовательно, южнокорейская армия имеет в пять раз больше современных танков, но уступает по их общему количеству. Зато в отношении боевых машин пехоты и бронетранспортеров наблюдается примерное равенство: 2,7 тыс. северокорейских против 2,5 тыс. южнокорейских.

На вооружении КНА также имеется 7,7 тыс. орудий, включая 4,4 тыс. самоходных артиллерийских установок (САУ), 7,5 тыс. минометов и 1,7 тыс. безоткатных орудий. Формально это внушительная сила, но северокорейская САУ «Токчон» представляет собой обычное буксируемое орудие, установленное на шасси артиллерийского тягача АТС-59¹².

Нет ясности в отношении вопроса, сколько КНДР имеет реактивных систем залпового огня (РСЗО) в работоспособном состоянии. Наверное, можно говорить о 1,5—2,0 тыс. таких систем.

ВС РК имеют свыше 3 тыс. орудий буксируемой артиллерии и 1762 САУ (включая новейшие системы К9 Thunder) и 300 РСЗО (по другим данным, общее количество артиллерийских систем ВС Южной Кореи составляет 4,4 тыс.). Уступая в целом по количеству таких систем, южнокорейцы значительно превосходят своего противника по дальности, точности и скорости стрельбы, а также по возможности ведения контрбатарейного огня.

В таких условиях Сухопутная войска КНДР не смогут вести активные наступательные боевые действия. Им придется вести оборонительные действия, опираясь на сеть долговременных укреплений.

Возможности же «асимметричных» действий в виде артиллерийского обстрела Сеула являются достаточно ограниченными ввиду наличия всего несколько сотен орудий, способных вести такой обстрел. Помимо этого, неизбежны ответные действия ВС Южной Кореи путем нанесения многочисленных ракетных и авиационных уда-

ров, в том числе — с помощью беспилотных летательных аппаратов. С другой стороны, позиции тяжелой артиллерии КНДР хорошо оборудованы в инженерном отношении, поэтому, по южнокорейским данным, для ее уничтожения может потребоваться до пяти суток ведения боевых действий¹³.

Военно-воздушные и противовоздушные силы

ВС КНДР располагают 24 действующими аэродромами и тремя вертолетными площадками, а также большим количеством отдельных взлетно-посадочных полос (ВПП). При этом северокорейские самолеты надежно укрыты в подземных ангарах и имеют избыточное количество ВПП. В стране также построены многокилометровые шоссе с бетонным покрытием и арочными железобетонными туннелями, которые в случае войны могут использоваться в качестве военных аэродромов. Исходя из этого, можно предположить, что северокорейская авиация не может быть уничтожена в ходе первого удара.

Другое дело — завоевание господства в воздухе. Здесь все будет определяться качеством авиационной техники и ее техническим состоянием. В целом Северная Корея располагает 1,5 тыс. боевых самолетов советского и китайского производства. В своем большинстве они физически и морально устарели, а их экипажи обучаются по устаревшим методикам в условиях острого дефицита топлива. Помимо этого, ВВС включают крайне ограниченное количество относительно современных многоцелевых истребителей МиГ-29 и штурмовиков Су-25.

По некоторым данным, количество технически готовых к эксплуатации северокорейских боевых самолетов составляет около 340, а вертолетов — 100. Это обеспечивает Южной Корее преимущество по самолетам в 1,8 раз, а вертолетам — в 5,0 раз.

РК имеет на вооружении 103 беспилотных летательных аппарата (БПЛА). Такие разработки ведутся и в КНДР. Помимо этого, северокорейцы используют советские БПЛА Ту-143 «Рейс» и, возможно, переоборудованные американские самолеты-мишени MQM-107 Streaker.

На вооружении противовоздушных сил КНДР состоят морально и физически устаревшие зенитные ракетные комплексы (ЗРК): 128 пусковых установок (ПУ) С-125 и 240 ПУ С-75. Среди относительно современных систем противовоздушной обороны можно выделить 24 ПУ ЗРК С-200. Их дополняют 11 тыс. зенитных установок от 14,5-мм пулеметов до 100-мм зенитных орудий, а также многочисленные переносные зенитные ракетные комплексы «Стрела» и «Игла».

Военно-морские силы

КНДР имеет 72 подводные лодки, в то время как РК — только 23. Однако в своем большинстве (46 кораблей) они относятся к классу малых и сверхмалых подводных лодок, которые больше предназначены для высадки северокорейского спецназа на побережье Южной Кореи. Пхеньян располагает также существенным превосходством по количеству патрульных кораблей и катеров (383 против 110), и тральщиков (24 против 10)¹⁴.

Но все это нивелируется за счет подавляющего превосходства Сеула в надводных кораблях основных классов. Так, ВМС КНДР включают всего два эсминца, три фрегата и 18 малых противолодочных кораблей. Для сравнения, РК имеет 10 эсминцев, 9 фрегатов и 28 корветов.

Силы специальных операций

По южнокорейским данным, численность Сил специальных операций КНДР составляет 200 тыс. человек. Как считается, их целью является «нарушение планов как Соединенных Штатов, так и Южной Кореи, на самой ранней стадии войны, поставив под удар основную инфраструктуру Юга — такую как атомные производства»¹⁵.

Несомненно, что указанные силы являются ключевым компонентом асимметричных возможностей Северной Кореи. Их реальная численность, скорее всего, не превышает 50 тыс. военнослужащих. При необходимости они могут совершить крупные аварии или даже уничтожить большинство объектов химической промышлен-

ности и атомной энергетики РК. Но произойдет это лишь в случае крупномасштабной агрессии со стороны Южной Кореи.

Таким образом, проведенный анализ убедительно показывает, что КНДР готовится исключительно к оборонительным действиям. Именно поэтому Пхеньян готов к реальному диалогу с Сеулом, в том числе — на высшем уровне. К сожалению, в РК этого стараются не замечать, а порой сознательно провоцируют Пхеньян путем проведения масштабных американо-южнокорейских учений.

Примечания

¹ *Bandow D.* Broken Hearts Club: 6 Allies America Needs to Divorce. The National Interest. Center for the National Interest. Washington D.C. 16.02.2015. URL: <http://nationalinterest.org/feature/broken-hearts-club-6-allies-america-needs-divorce-12239>

² *Гордиенко Д.В.* Оценка уровня военной безопасности государств Корейского полуострова. Аналитический доклад. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2015 г. С. 44.

³ Демилитаризованная зона на Корейском полуострове имеет длину 241 и ширину 4 км. Она располагается вдоль 38-й параллели.

⁴ Восстановление режима ядерного нераспространения на Корейском полуострове. Полученные результаты и основные выводы конференции (ИМЭМО РАН, 28.03.2013) [Электронный ресурс] // Сайт ИМЭМО РАН. М. URL: http://www.imemo.ru/ru/conf/2013/28032013/280313_result.pdf

⁵ North Korean Security Challenges. A net assessment. London: The International Institute for Strategic Studies (July 2011). P. 131.

⁶ *Vick C.P.* Nogong-A. GlobalSecurity.org (January 23, 2007). [Electronic resource]. URL: <http://www.globalsecurity.org/wmd/world/dprk/nd-1.htm>

⁷ *Bermudez J.S.* A History of Ballistic Missile Development in the DPRK. Monterey Institute of International Studies. Center for Nonproliferation Studies (1999). PP. 17—20.

⁸ *Есин В.* Ядерное оружие КНДР: угроза или шантаж // Независимое военное обозрение. М., 25.02.2005.

⁹ *Евсеев В.* Северокорейская ракетная «угроза» // Независимое военное обозрение. 08.02.2013.

¹⁰ *Richardson D.* Transonic Buffeting May Have Doomed Taepo Dong-2. Jane's Missiles and Rockets (01.08.2006).

¹¹ *Плясункова Е.* КНДР, возможно, спустила на воду подводную лодку, способную запускать ракеты // РИА Новости. М. 02.11.2014.

¹² *Пожидает Е.* Заржавевшая ось зла // Росбалт. М. 04.05.2013.

¹³ Военный потенциал Северной Кореи [Электронный ресурс] // Информационный сайт «Военные новости России». М., 05.09.2013. URL: <http://voennovosti.ru/2013/09/voennyj-potencial-severnoj-korei/>

¹⁴ Сравнение сил армий Северной и Южной Кореи [Электронный ресурс] // Информационный сайт «Вопросик». М., 02.08.2012. URL: <http://voprosik.net/sravnenie-sil-armij-severnoj-i-yuzhnoj-korei/>

¹⁵ Военный потенциал Северной Кореи [Электронный ресурс] // Информационный сайт «Военные новости России». М., 05.09.2013. URL: <http://voennovosti.ru/2013/09/voennyj-potencial-severnoj-korei/>

И.В. Дьячков

ЯДЕРНАЯ ПРОГРАММА РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ В КОНТЕКСТЕ ЯДЕРНОГО НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ В СВА

Введение

Несмотря на антагонизм с Северной Кореей и постоянное ощущение военной угрозы с Севера, Сеул не создал ядерное оружие, хотя, начиная с 1970-х годов, экономически и технологически был более готов к этому и располагал набором мотивов, на первый взгляд сходным с северокорейским. Для понимания этого иллюзорного парадокса рассмотрим основные факторы, повлиявшие на развитие южнокорейской ядерной программы и её возможное взаимодействие с северной.

Зарождение южнокорейской ядерной программы

Южнокорейская ядерная программа началась примерно в то же время, что и северокорейская, однако Сеулу раньше удалось убедить своего «старшего партнёра» — США — в необходимости сотрудничества по этому вопросу. Как повод для этого Южной Корее удалось удачно использовать объявленную президентом Д. Эйзенхауэром в 1953 г. программу «Атом ради мира»¹ (что интересно, в

1970-е годы плодами этой инициативы воспользуется и КНДР в создании своего реактора типа «Магнокс», взяв технологии из открытых источников).

3 февраля 1956 г. США и РК подписали соглашение о мирном использовании ядерной энергии. Стороны договорились о сотрудничестве и коммерческих контактах в области эксплуатации исследовательских реакторов, научном и хозяйственном использовании радиоактивных изотопов, а также передаче Вашингтоном Сеулу в аренду 6 кг урана, обогащённого на 20 %. Республика Корея обязалась не распространять получаемые технологии и не изготавливать ядерное оружие². Идентичные соглашения США заключили в том же году с Уругваем и Швецией³.

В 1957 г. Республика Корея получила по соглашению 1956 г. исследовательский реактор мощностью 100 КВт и вступила в МАГАТЭ. Сеул подписал ДНЯО ещё в 1968 г., однако не ратифицировал его до 1975 г. (см. ниже). В 1958 и 1965 гг. соглашение с США продлевалось и обновлялось, в частности мощность реактора была повышена сначала до 250 КВт, а затем до 2 МВт⁴. Как раз в 1965 г. в КНДР заработал советский исследовательский реактор ИРТ-2000, имевший до северокорейских самостоятельных модификаций такую же мощность.

«Ядерный ответ» на вызовы безопасности

В конце 1960-х годов у Сеула обострилось ощущение угрозы на фоне сокращения американского контингента в Республике Корея с 70 до 44 тыс. военнослужащих по объявленной в 1969 г. «доктрине Никсона»⁵ и сближения США и КНР. Северокорейская армия превосходила южную численно (1 млн военнослужащих против 600 тыс.⁶), свежи в памяти были демонстрации силы Севера, например покушение на южнокорейского президента Пак Чжон Хи и захват американского корабля «Пуэбло» в 1968 г.⁷

Под влиянием ухудшающейся для Сеула международной ситуации в 1970 г. в Южной Корее создаются Агентство по оборонным разработкам⁸ (АОР) и Комитет по разработке оружия⁹ (КРО). АОР существует поныне и является официальной организацией, зани-

мающейся НИОКР в военной сфере. Это агентство упоминается в цитируемых ниже американских документах 1970-х годов как организация, осуществляющая практическую работу по развитию военной ядерной программы Юга. КРО был секретным органом, в который входил ряд высокопоставленных чиновников. Именно на его заседании в начале 1970 г. было принято политическое решение о запуске военной ядерной программы. По линии КРО устанавливались контакты со странами, где Сеул надеялся приобрести «чувствительные» технологии¹⁰.

Становление южнокорейской ядерной энергетики

Соображения безопасности не были единственной причиной старта ядерной программы. На рубеже 1960—1970-х годов власти Южной Кореи приняли решение развивать ядерную энергетику на фоне бурного развития энергоёмких производств, чтобы избавиться от растущей зависимости от импорта нефти, цены на которую начали подниматься¹¹.

В 1972 г. в целях ускорения развития атомной энергетики было заключено новое соглашение с США. Оно существенно расширяло спектр сотрудничества: теперь речь шла о взаимодействии в области проектирования, строительства и эксплуатации всех, а не только исследовательских реакторов. Новая договорённость весьма строго ограничивала действия Южной Кореи надзором со стороны США и МАГАТЭ: почти любое действие с расщепляющимися материалами должно было одобряться из Вашингтона¹².

Также одним из поставленных США условий ратификации соглашения было обязательство Сеула не создавать полный ядерный топливный цикл, в частности — не заниматься обогащением урана и переработкой отработавшего топлива¹³. Однако документ, запрещающий выделение плутония из отработавшего топлива в военных целях, не оговаривал его извлечение в мирных целях, что беспокоило американскую сторону. Военные эксперты США признавали, что на тот момент Республика Корея всё равно не располагала необходимыми технологиями и оборудованием¹⁴. Однако вскоре, уже в 1975 г., дипломатам пришлось убеждать Сеул отказаться от создания собствен-

ных мощностей по регенерации и переработке топлива, увязывая сдержанность с предоставлением американских кредитов, а также ссылаясь на возможную убыточность такого масштабного проекта¹⁵.

Можно сказать, что начатый Сеулом в 1970 г. проект по нефтемещению оказался успешным. Первая южнокорейская АЭС была запущена в 1978 г., всего на сегодняшний день их работает 23 и строится ещё пять¹⁶. В 2011 г. на АЭС приходилось 40 % производства энергии в стране, а сама Южная Корея занимала 6-е место в мире по производству электроэнергии на АЭС¹⁷.

Существуют объективные препятствия, несколько сдерживающие дальнейшее развитие ядерной энергетики (проблема выбора мест для новых объектов, вопрос захоронения отходов, общественное мнение и т. п.¹⁸). Однако Республика Корея не отказалась от атомной энергии даже после масштабных дискуссий, развернувшихся вследствие аварии на АЭС «Фукусима-1» в Японии в 2011 г.

Реакция США на ядерную программу Сеула

Разведывательные службы США внимательно наблюдали за ядерными изысканиями Сеула с начала 1970-х годов¹⁹. Американская сторона следила, в частности, за попытками южнокорейцев приобрести ядерные технологии в других странах и продумывала стратегию контроля таких поисков²⁰.

Уже в 1974 г. Вашингтону было известно, что Пак Чжон Хи планирует создать прототип ядерного заряда и обзавестись современными ракетными технологиями доставки, в частности твердотопливными двигателями. И ядерное оружие, и твердотопливные ракеты (даже без ядерных боеголовок) руководство США считало «стратегическими вооружениями в контексте Корейского полуострова» и намеревалось препятствовать их получению Сеулом. При этом Вашингтон, опасаясь возможной дестабилизации международной обстановки, не планировал заявлять о своей информированности публично²¹ и не делился подозрениями и планами даже со своим близким союзником — Великобританией²².

Весьма скоро, в 1975 г., Советом национальной безопасности США для государственного секретаря Г. Киссинджера был подго-

товлен меморандум, в котором излагалась официальная позиция США по военным ядерным исследованиям Сеула. Основываясь на данных, собиравшихся с 1969 г., Вашингтон делал вывод, что Южная Корея планирует изготовить ядерное оружие к концу 1970-х годов. Американскую сторону беспокоили и надежды Сеула приобрести ядерные технологии у третьих стран, заняться разработкой месторождений урана и привлечь работающих в США южнокорейских учёных. Американцев беспокоили также наличие у Сеула средств доставки ядерного оружия (американские истребители-бомбардировщики F-4 и ракеты «Найк-Геркулес») и интерес Южной Кореи к современным ракетным системам. При этом американские эксперты признавали, что военная ядерная программа Республики Корея находится на зачаточной стадии: решение о её развитии было принято, но реальные шаги только начались²³.

Предлагались следующие меры: не допускать получения Сеулом «чувствительных» технологий путём односторонних действий и координации деятельности стран-поставщиков, а также оказать давление на Южную Корею с целью ратификации ею ДНЯО²⁴. Нарушение военного баланса на Корейском полуострове вредило бы интересам США и могло бы стать причиной вовлечения их в новый вооружённый конфликт в регионе. Вашингтон опасался эффекта, который может оказать южнокорейская ядерная программа на Северную Корею и Японию, а также того, что СССР и КНР предоставят Пхеньяну чёткие гарантии, аналогичные «ядерному зонтику»²⁵. Что примечательно, хотя американские документы 1970-х годов и упоминают влияние южнокорейской деятельности на Северную Корею, они не говорят напрямую о возможности симметричного ядерного ответа Пхеньяна. По-видимому, эксперты США попросту не считали такой вариант реалистичным.

Американское посольство в Сеуле внесло коррективы в оценки аналитиков в Вашингтоне. По мнению дипломатов, предлагаемый десятилетний срок разработки ядерного заряда мог оказаться в полтора-два раза короче, если учесть упорство Республики Корея, не отказавшейся от идеи, несмотря на зарождавшиеся в США подозрения, а также приоритетный характер проекта и высокий уровень южнокорейских кадров²⁶.

В мае 1975 г. Республика Корея под давлением США ратифицировала ДНЯО. Однако месяц спустя Пак Чжон Хи заявил в интервью журналистам Р. Новаку и Р. Эвансу, что, хотя Республика Корея соблюдает ДНЯО, у неё есть все необходимые технологии для получения ядерного оружия и она его изготовит, если лишится американского «ядерного зонтика»²⁷. Позднее южнокорейский президент пояснял американскому министру обороны, что сделал это заявление исключительно для поддержания духа соотечественников и из-за настойчивости журналистов, вдобавок неверно передавших в итоговом тексте его слова²⁸. Тем не менее оно вызвало у США серьезные опасения.

В целом американская политика приносила результаты. В 1976 г. после почти полугода интенсивного давления под угрозой пересмотра всего комплекса американо-южнокорейских отношений²⁹ были сорваны сделка с Францией о покупке опытного завода по выделению плутония³⁰, а в 1977 г. — переговоры с Бельгией о приобретении завода по производству смешанного уран-плутониевого оксидного топлива³¹. В США опасались, что появление таких технологий у Сеула заставит Северную Корею потребовать от своих союзников передать ей такие же технологии либо оно будет рассмотрено СССР или КНР как прямая ядерная угроза³². От передачи исследовательского реактора NRX в 1974 г. Сеулу отказалась Канада из-за того, что подобный реактор использовала для создания своего ядерного взрывного устройства Индия³³.

К 1977 г. Пак Чжон Хи вынужден был публично объявить, что Республика Корея не будет создавать ядерную бомбу. Тем не менее идея о создании ядерного оружия мелькнула у южнокорейского руководства ещё раз, в том же 1977 г., когда президент США Дж. Картер объявил о планах полного вывода американских войск с Корейского полуострова, но к 1978 г. данный план был отменён³⁴. Главным ударом по военной ядерной программе Южной Кореи стало убийство в 1979 г. её вдохновителя — президента Пак Чжон Хи. Историки полагают, что его излишне независимая с точки зрения США политика, в частности — запущенный ядерный проект, могла стать одной из причин его устранения³⁵.

Вопрос о недопущении получения Южной Кореей технологии переработки отработавшего ядерного топлива (и, соответственно, обретения ею возможности выделять оружейный плутоний) представлялся США наиболее принципиальным. Республика Корея, ссылаясь на необходимость сократить объём отправляемых на захоронение отходов и экономичность вторичного использования урана из отработавшего топлива, предлагала разные новые форматы переработки, не подразумевавшие разделения урана и плутония (технология TANDEM в 1980-х, DUPIC в 1990-х годах), однако Вашингтон неизменно отвечал отказом.

К раздражению южнокорейцев, ещё в начале 1970-х годов разрешение на переработку топлива от США получила Япония, несмотря на её заявления о намерении разработать ядерное оружие, если это потребуются для обеспечения безопасности³⁶. Сложилась весьма неприятная для южнокорейских политиков ситуация: страна-агрессор, поражённая в правах по итогам Второй мировой войны, получила доступ к ядерной технологии двойного назначения, а пострадавшая от её действий бывшая колония оказывалась слишком «неблагонадёжной» для такого разрешения. Кроме того, ссылка на прецедент Японии всегда оставалась для КНДР доступным и простым вариантом обоснования своих ядерных амбиций.

Наверняка раздражает южнокорейцев и то, что Север, не только не спрашивавший ни у кого разрешения, но и нарушавший запреты, обладает замкнутым топливным циклом.

Ратифицировав в 2004 г. подписанный в 1999 г. дополнительный протокол к соглашению с МАГАТЭ, предполагавший строгие меры контроля за ядерной деятельностью, Южная Корея вынуждена была признать, что проводила тайно ряд экспериментов с «чувствительными» технологиями. Так, опыты включали обогащение урана в 1979—1980 гг. и 2000 г., выделение плутония в 1982 г., а также изготовление снарядов с обеднённым ураном в 1983—1987 гг.³⁷ Нарботка обогащённого урана или оружейного плутония — два альтернативных пути к созданию ядерного заряда. Опробовав их оба, Южная Корея показала, что главным препятствием для создания ею ядерного оружия являются политические запреты, а не научно-технологические барьеры.

Специфика и взаимовлияние ядерных программ Севера и Юга

При анализе истории ядерных исследований в Южной Корее и сравнении их с северокорейскими видны следующие специфические черты и аспекты взаимовлияния двух программ.

Во-первых, южнокорейская ядерная программа гораздо более жёстко контролировалась США, нежели северокорейская — СССР. Северокорейцы намного усерднее охраняли секретность своих разработок и были гораздо более независимы от своих союзников во внешнеполитическом отношении, нежели южнокорейцы. Кроме того, КНДР в ядерной программе больше опиралась на собственные разработки (пусть это и замедляло процесс), а Республика Корея активно искала технологии за границей, что привлекало внимание США. Также союз Республики Корея с США оставлял гораздо меньшую степень суверенитета «младшему» партнёру, нежели союз КНДР с СССР или КНР. Фактором контроля служило и физическое присутствие войск и ядерных сил США в Южной Корее. Примечательно, что союз с могущественной ядерной державой и давление США в южнокорейском случае стали не фактором сдерживания, а фактором, подстегнувшим распространение из-за сомнений Сеула в «старшем» союзнике, стремления к самостоятельности и наличия угроз безопасности.

Вопрос «Если США смогли подавить ядерную программу Юга, то почему СССР не предотвратил её появление на Севере?» некорректен в принципе. СССР объективно не обладал такими инструментами контроля и рычагами давления на Пхеньян. КНДР в своей внешней политике лавировала между СССР и КНР, заручаясь поддержкой обеих держав, но при этом настаивая на проведении самостоятельной внешнеполитической линии³⁸. Это позволяло Северной Корее пользоваться гораздо большей свободой в «чувствительных» вопросах и избегать столь же тщательного контроля со стороны своих союзников.

Во-вторых, США заложили более широкую основу для сотрудничества с Югом, нежели СССР с Севером, и Вашингтон взял на себя роль «куратора» международных ядерных связей Сеула. Советские соглашения с Пхеньяном 1959 и 1985 гг. заключались для реализации конкретных проектов — поставки исследовательского реак-

тора ИРТ-2000 и АЭС — и за их рамки не выходили. Иные советско-северокорейские договорённости, касающиеся технического и экономического сотрудничества, напротив, были слишком общими, чтобы как-то регулировать ядерную отрасль КНДР и советско-северокорейское сотрудничество по этому направлению в целом.

В-третьих, США охотно шли на контакт с Сеулом по ядерному вопросу, в то время как СССР не всегда считал помощь ядерному проекту Пхеньяна целесообразной. В частности, из-за этого Южная Корея раньше получила исследовательский реактор (1957 г.; Север — только в 1965 г.) и раньше построила первую АЭС (1978 г.; Север смог только подписать в 1985 г. так и не реализовавшееся соглашение о её строительстве, а уговаривать Москву пришлось около 20 лет). Можно сделать вывод, что успехи Южной Кореи почти наверняка (как и опасались в США) повлияли на ядерную программу Севера, заставляя его форсировать поиски технологий и проводить «асимметричную» милитаризацию своего атома (к такому выводу наблюдавшие за ситуацией дипломаты пришли ещё в 1970-е годы)³⁹. Не исключена и обратная связь: уже информация о «запретных исках» Пхеньяна могла стать стимулом для проведения Сеулом секретных опытов.

Заключение

В целом можно сделать вывод, что не сам по себе союз с США, а их весьма настойчивое вмешательство стало главным препятствием для продвижения военной программы Юга. При этом, благодаря бурному успешному развитию мирной атомной отрасли, а также экономики и науки в целом, Южная Корея остаётся пороговым государством, способным сравнительно быстро создать ядерный заряд. Кроме того, Сеул намерен политическими методами добиваться снятия наложенных на него ограничений в ходе переговоров о продлении соглашения с США от 1972 г. Сеул стремится расширить сферу политически дозволенного так, чтобы она соответствовала его научно-техническому потенциалу. В частности, Южную Корею интересует получение разрешения на создание замкнутого ядерного топливного цикла, наличие которого упрощает создание ядерного

оружия. Подобные стремления, а также игнорирование международным сообществом южнокорейских нарушений режима нераспространения не могут не настораживать Север.

Примечания

¹ *Sheen S.* Nuclear Sovereignty versus Nuclear Security: Renewing the ROK-U.S. Atomic Energy Agreement. // The Korean Journal of Defense Analysis. Vol. 23. No. 2. 2011, June. P. 274.

² Agreement for Cooperation Between the Governments of the United States of America and the Republic of Korea Concerning Civil Uses of Nuclear Energy. February 3, 1956 // United States Treaties and Other International Agreements. Vol. 3. Part 1. Washington: United States Government Printing Office, 1956. P. 161—166.

³ United States Treaties and Other International Agreements. Vol. 3. Part 1. Washington: United States Government Printing Office, 1956. P. 33—43.

⁴ *Sheen S.* Nuclear Sovereignty versus Nuclear Security: Renewing the ROK-U.S. Atomic Energy Agreement. // The Korean Journal of Defense Analysis. Vol. 23. No. 2. 2011, June. P. 274.

⁵ *Engelhardt M.* Rewarding Nonproliferation: The South and North Korean Cases // The Nonproliferation Review. 1996. Spring-Summer. P. 32.

⁶ *Тихонов М., Кан Мангиль.* История Кореи. XX в. Т. 2. М.: Восточная книга, 2011. С. 226.

⁷ *Торкунов А.В., Денисов В.И., Ли Вл.Ф.* Корейский полуостров: метаморфозы послевоенной истории. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. С. 226, 278.

⁸ Официальное корейское название — 국방과학연구소, английское — Agency for Defense Development, ADD. Официальный сайт АОР. URL: <http://www.add.re.kr/> (дата обращения: 13.08.2014).

⁹ Корейское название — 무기개발위원회; английское: Weapons Exploitation Committee.

¹⁰ *이윤섭, 박정희 정권의 시작과 종말 = И Юн Соп.* Формирование и падение режима Пак Чонхи. 서울: 북큐브 = Сеул: Буккьюб, 2012. P. 270—271.

¹¹ *Стеклов М.М.* Проблемы развития топливно-энергетического комплекса Южной Кореи. М.: Навона, 2009. С. 16.

¹² Agreement for Cooperation Between the Government of the United States of America and the Government of the Republic of Korea Concerning Civil Uses of Atomic Energy. 1972. URL: http://nnsa.energy.gov/sites/default/files/nnsa/05-13-multiplefiles/2013-05-02%20Korea_South_123.pdf (дата обращения: 11.08.2014).

¹³ *Sheen S.* Nuclear Sovereignty versus Nuclear Security: Renewing the ROK-U.S. Atomic Energy Agreement. // The Korean Journal of Defense Analysis. Vol. 23. No. 2. 2011, June. P. 274.

¹⁴ Memorandum. US National Security Council. Sale of Canadian Nuclear Reactor to South Korea. 1974. URL: <http://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/114631> (дата обращения: 12.08.2014).

¹⁵ *Wolfowitz P., Kalicki J.* Telegram. US Department of State to US Embassy in Seoul. 1975, June 30. URL: <http://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/114619> (дата обращения: 12.08.2014).

¹⁶ Nuclear Power Reactors in the World. Vienna : IAEA, 2014. P. 13—14.

¹⁷ *Sheen S.* Nuclear Sovereignty versus Nuclear Security: Renewing the ROK-U.S. Atomic Energy Agreement // The Korean Journal of Defense Analysis. Vol. 23. No. 2. 2011, June. P. 273.

¹⁸ *Стеклов М.М.* Проблемы развития топливно-энергетического комплекса Южной Кореи. Москва : Навона, 2009. С. 54—55.

¹⁹ Telegram. US Secretary of State to US Embassy in Seoul. 1974, December 11. URL: <http://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/114617> (дата обращения: 11.08.2014).

²⁰ Memorandum. US National Security Council. Sale of Canadian Nuclear Reactor to South Korea. 1974. URL: <http://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/114631> (дата обращения: 12.08.2014).

²¹ Memorandum. US Department of State. Sale of Rocket Propulsion Technology to South Korea. 1975, February 4. URL: <http://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/114634> (дата обращения: 12.08.2014).

²² *Sneider R.* Telegram. US Embassy in Seoul to the US Secretary of State. 1975, December 11. URL: <http://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/114613> (дата обращения: 15.08.2014).

²³ Memorandum. US National Security Council. Development of US Policy Toward South Korean Development of Nuclear Weapons. 1975, February 28. URL: <http://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/114627> (дата обращения: 12.08.2014).

²⁴ Ibid.

²⁵ Memorandum. US National Security Council. ROK Weapons Plans. 1975, March 3. URL: <http://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/114628> (дата обращения: 12.08.2014).

²⁶ Telegram. US Embassy in Seoul to the US Secretary of State. 1975, March 12. URL: <http://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/114615> (дата обращения: 12.08.2014).

²⁷ Интервью было напечатано во многих американских газетах под разными заголовками. Наиболее заметным из изданий была «Вашингтон пост». См.:

Novak R., Evans R. Korea: Park's inflexibility / R. Novak, R. Evans // The Washington Post. 1975. 12 June.

²⁸ Memorandum of Conversation Between President Park Chung Hee, Senior Protocol Secretary Choi Kwan-soo, Secretary of Defense James R. Schlesinger and Ambassador Richard L. Sneider. Seoul, 1975, August 27. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76ve12/d272> (дата обращения: 15.08.2014).

²⁹ См. например: *Wolfowitz P., Kalicki J.* Telegram. US Department of State to US Embassy in Seoul. 1975, June 30. URL: <http://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/114619> *Lodal J.M., Elliott D.* Memorandum for H. Kissinger. Approach to South Korea on Reprocessing. 1975, July 8. URL: <http://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/114621> *Marcum J.* US National Security Council Memorandum. 1975, July 24. URL: <http://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/114626> *Sneider R.* Telegram. US Embassy in Seoul to the US Secretary of State. 1975, December 10. URL: <http://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/114612> (дата обращения: 15.08.2014).

³⁰ *Sneider R.* Telegram. US Embassy in Seoul to the US Secretary of State. 1976, January 14. URL: <http://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/114604> (дата обращения: 15.08.2014).

³¹ *Kang J., Feiveson H.A.* South Korea's Shifting and Controversial Interest in Spent Fuel Reprocessing. // The Nonproliferation Review. 2001. Spring. P. 71—72.

³² *Froebe J.* Memorandum for H. Kissinger. Draft US Department of State Cable on Approach to South Korea on French Reprocessing Plant. 1975, July 11. URL: <http://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/114623> (дата обращения: 13.08.2014).

³³ *Kang J., Feiveson H.A.* South Korea's Shifting and Controversial Interest in Spent Fuel Reprocessing. // The Nonproliferation Review. 2001. Spring. P. 71—72.

³⁴ Ibid. P. 72.

³⁵ *Тихонов М., Кан Мангиль.* История Кореи. XX в. Т. 2. М. : Восточная книга, 2011. С. 231.

³⁶ *Campbell K.M., Sunohara Tsuyoshi.* Japan: Thinking the Unthinkable. // The Nuclear Tipping Point: Why States Reconsider Their Nuclear Choices. Washington, D.C. : Brookings Institution Press, 2004. P. 222—225.

³⁷ Kang Junmin et al. South Korea's Nuclear Surprise. // Bulletin of the Atomic Scientists. Vol. 61. No. 1. 2005. January/February. P. 40.

³⁸ *Торкунов А.В., Денисов В.И., Ли Вл.Ф.* Корейский полуостров: метаморфозы послевоенной истории. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. С. 274.

³⁹ *Szabo F.* Report. Embassy of Hungary in North Korea to the Hungarian Foreign Ministry. February 23, 1979. URL: <http://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/110134> (дата обращения: 15.08.2014).

В.Е. Петровский

СОСТОЯНИЕ И БУДУЩЕЕ МЕЖКОРЕЙСКОГО ДИАЛОГА

На протяжении последних десятилетий ситуация на Корейском полуострове решающим образом влияет на характер международных отношений как в Северо-Восточной Азии (СВА), так и в Азиатско-тихоокеанском регионе (АТР) в целом. Неурегулированность отношений двух корейских государств создает высокий потенциал региональной и субрегиональной напряженности.

Решение корейской проблемы лежит на пути постепенного развития политического диалога, ядерного нераспространения, двусторонних отношений во всех областях в условиях благоприятного внешнего окружения и надежных международных гарантий, с объединением Кореи в качестве конечной цели. Развитие режима мер доверия на Корейском полуострове является основным содержательным компонентом этого процесса.

Уроки истории учат тому, что нормализация ситуации на Корейском полуострове возможна лишь на основе устойчивого и необратимого диалога Севера и Юга Кореи, который способен привести в перспективе к мирному объединению. Казалось бы, окончание холодной войны давало шанс на прекращение многолетнего противостояния КНДР и РК. В 1991 г. оба корейских государства были приняты в ООН, СССР и США выступили гарантами безъядерного ста-

туса Корейского полуострова. Москва установила с Сеулом дипломатические отношения в 1990 г., Пекин — в 1992. Было естественным ожидать симметричных шагов со стороны Запада. Однако США и их союзники тогда на признание КНДР не пошли.

Однако не все зависело тогда от советской и российской дипломатии. Общеизвестно, что руководство КНДР последовательно отвергало идею «перекрестного признания», полагая, что такое увечие раскол на Корейском полуострове, затруднит воссоединение корейской нации и объединение двух Кореи.

Об этом вспоминается при очередном обострении ситуации вокруг КНДР и ее ядерной программы. Но как бы ни кипели страсти на Корейском полуострове, трудно не согласиться с тем, что провокационная риторика, одностороннее силовое давление, попытки монополизировать урегулирование конфликтов — отнюдь не способ решения корейской проблемы.

Россия неизменно поддерживает наведение мостов между Сеулом и Пхеньяном, выступает в пользу шагов двух корейских государств к самостоятельному мирному объединению родины. При этом наша страна выступает с независимых самостоятельных позиций, что обеспечивает ей роль одного из определяющих элементов системы «сдержек и противовесов» в Северо-Восточной Азии.

Вывод Северной Кореи из изоляции, ее социально-экономический подъем, превращение в полноценного участника международного общения — все это пошло бы только на пользу России, и не только ей. Расчеты на близкий крах существующей в Северной Кореи политической системы вряд ли оправданы: она неоднократно доказывала, что обладает немалым запасом прочности. Чувствующая себя в относительной безопасности и уверенная в себе КНДР — гораздо более надежный партнер для переговоров по любым вопросам, чем страна, загнанная в угол под бременем санкций. Обращаясь к Сеулу, Пекину, Токио и Вашингтону, Москва призывает отделять интересы населения Северной Кореи (выживание и стремление к благосостоянию) от интересов сохранения правящего режима.

Пока, к сожалению, и в Пхеньяне, и в Сеуле (на уровне конституций и политических стратегий) объединение страны воспринимается не иначе, чем взаимное поглощение друг друга. Корейцы сами

должны пройти трудный и долгий путь к примирению и согласию, достичь взаимного признания на межгосударственном уровне, что откроет в перспективе возможность воссоединения нации. Россия, со своей стороны, готова всячески этому способствовать и будет призывать к тому же других заинтересованных внешних игроков: Китай, США, Японию.

Россия намерена активизировать свою роль в деле содействия межкорейской нормализации, инициируя крупные трехсторонние инфраструктурные проекты с участием РФ, Севера и Юга Кореи. В их числе международный железнодорожный коридор Европа — Корея, строительство газопровода Россия — КНДР — Республика Корея, создание в Северо-Восточной Азии единой энергетической системы, включающей регионы Восточной Сибири и российского Дальнего Востока.

С учетом многообещающих перспектив трехстороннего интеграционного диалога РК—Япония—Китай (к которому Россия хотела бы подключиться), реализация этих проектов будет способствовать формированию экономического партнерства в Северо-Восточной Азии, участниками которого, наряду с нашей страной, могут стать Китай, Япония, Южная Корея и Монголия, а через какое-то время — и Северная Корея. В таком партнерстве, нацеленном на решение проблем энергетической безопасности, устойчивого развития, охраны окружающей среды, создания единого таможенного пространства и пр., Россия выполняла бы роль энергетической базы региональной интеграции, модернизационного партнера и связующего звена между Северо-Восточной Азией и Европой.

Ситуация на Корейском полуострове решающим образом влияет на характер отношений безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Высокая концентрация вооруженных сил и вооружений на небольшой территории представляет собой угрозу не только для двух Корей, но и для региона в целом. В связи с этим режим прозрачности и мер военно-политического доверия на Корейском полуострове и вокруг него приобретает особую актуальность.

В то время как само развитие мер прозрачности и доверия рассматривается большинством политиков и экспертов как двусторонний процесс с участием КНДР и РК, никем не оспаривается те-

зис о том, что обеспечение мира и стабильности на Корейском полуострове и достижение объединения страны возможны лишь в условиях эффективного функционирования многостороннего механизма региональной безопасности.

Союзнические отношения США и Республики Корея и американское военное присутствие во многом определяют характер межкорейского диалога в военно-политической области и перспективы создания режима прозрачности и мер доверия. Как в самих Соединенных Штатах, так и в военно-политическом истеблишменте Республики Корея все настойчивее раздаются голоса о модификации структуры американо-корейского военного сотрудничества и повышении соответствующей роли корейской стороны, а также о пересмотре статуса и назначения сил ООН в обеспечении перемирия на Корейском полуострове.

Политическую и договорно-правовую основу режима прозрачности и мер доверия на Корейском полуострове составляет Соглашение о примирении, ненападении, сотрудничестве и обменах между Севером и Югом от 13 декабря 1991 г. Содержащиеся в нем предложения по мерам доверия, опирающиеся на богатый опыт ОБСЕ и успешно опробованные в Европе на протяжении ряда лет, могут быть успешно применены в условиях Корейского полуострова. Они основаны на принципах прозрачности и ограничения военной деятельности, взаимно усиливающих друг друга¹.

В частности, ст. 12—14 Соглашения предусматривают взаимное уведомление и контроль за крупными военными учениями; мирное использование демилитаризованной зоны (ДМЗ); обмен информацией и военным персоналом; установление телефонной линии «горячей связи»; а также создание совместной военной комиссии для разработки и применения мер прозрачности и военного доверия.

Этот перечень вполне исчерпывающ и нуждается лишь во взаимно согласованных процедурах по реализации предусмотренных мер. Что касается *мер ограничения (сдерживания)*, то они могли бы включать в себя:

- ограничения на производство и размещение определенных видов вооружений;

- ограничения размеров и видов вооруженных сил, размещаемых в определенных районах².

Речь идет прежде всего о некоторых категориях наступательных вооружений, вызывающих наибольшую взаимную обеспокоенность сторон. Юг видит особую угрозу для себя в северокорейских танковых и моторизованных частях передового базирования, диверсионных и штурмовых спецподразделениях, а также баллистических ракетах СКАД, нацеленных на крупные города и промышленные центры. Север прежде всего опасается реактивной истребительной авиации и более совершенного электронно-технического оснащения средств вооруженной борьбы, управления и связи южнокорейской армии.

В структуре режима транспарентности и мер военного доверия на Корейском полуострове важную роль призваны сыграть меры по ограничению размещения войск в районе демилитаризованной зоны (ДМЗ). Взаимный отвод войск от ДМЗ позволил бы существенно снизить вероятность неожиданного нападения или непреднамеренно спровоцированных военных действий.

Реализация мер транспарентности и военного доверия на Корейском полуострове невозможна без конструктивного участия заинтересованных региональных держав, прежде всего США, России, Китая и Японии. На протяжении ряда лет политики и эксперты азиатско-тихоокеанских стран обсуждают различные варианты участия четырех держав в создании международных режимов безопасности вокруг Корейского полуострова. Их роль могла бы прежде всего заключаться в предоставлении гарантий безопасности двум корейским государствам, как по методу Локарно (пакт о ненападении подписывается заинтересованными региональными державами), так и путем заключения перекрестных соглашений о ненападении между вовлеченными сторонами и их союзниками.

Опыт других регионов может использоваться при создании многостороннего переговорно-консультационного механизма в СВА. Например, опыт СБСЕ и ОБСЕ, особенно в части так называемой «первой корзины» — многосторонних мер транспарентности и военного доверия. Однако не следует испытывать слишком большого энтузиазма относительно «Хельсинкского процесса для Азии», по-

скольку соответствующий опыт многостороннего диалога в Евро-Атлантическом регионе был востребован в условиях биполярной конфронтации и предназначался, прежде всего, для регулирования конфронтации. Сейчас в СВА и АТР, при всех существующих между странами региона противоречиях, речь идет не о конфронтации, а скорее о партнерстве и сотрудничестве с элементами соперничества.

Следует также учитывать, что любой международный опыт применим к ситуации на Корейском полуострове лишь условно. Так, нормы и принципы европейской интеграции, основанные на общей европейской идентичности, культуре диалога и компромисса, а также приверженности демократии, могут трансформироваться применительно к субрегиону в виде Пакта стабильности для Северо-Восточной Азии (по образцу аналогичного Пакта стабильности, предложенного в свое время ЕС для Юго-Восточной Европы).

Такого рода многосторонний документ, подписанный шестью странами, мог бы предусматривать взаимообусловленные обязательства и гарантии в трех сферах: военно-политической, социально-экономической и гуманитарной. Это, в свою очередь, послужило бы институциональной основой субрегионального режима безопасности. Шестисторонний договорно-правовой и переговорно-консультационный механизм мог бы постепенно развиваться в систему режимов безопасности регионального масштаба.

Если присмотреться внимательнее к идее использования опыта ОБСЕ в Северо-Восточной Азии, то можно обнаружить уже действующий в субрегионе переговорно-консультативный механизм, который может стать прототипом и моделью построения новой архитектуры безопасности. Речь идет о шестисторонних переговорах по северокорейской ядерной проблеме с участием двух корейских государств, Китая, Японии, России и США.

Ряд исследователей отмечают особую роль шестисторонних переговоров в создании будущей архитектуры региональной безопасности. По их мнению, этот формат отражает взаимную заинтересованность Китая и США в конечном прекращении ядерной программы КНДР. Он также символизирует признание Китаем военно-политической вовлеченности США в дела АТР, с одной стороны,

и признание Соединенными Штатами ведущей роли КНР в работе шестисторонних переговоров — с другой. Участвуя в переговорах, Китай показывает свою готовность развивать многосторонние механизмы региональной безопасности, а США — приверженность к сочетанию двусторонних отношений со своими региональными союзниками с участием в развитии многосторонних образований в сфере безопасности.

В споре пессимистов и оптимистов относительно возможной роли шестисторонних переговоров в формировании новой архитектуры субрегиональной и региональной безопасности первые указывают на то, что мандат «шестисторонки» (которая к тому же находится сейчас в замороженном состоянии), сводится исключительно к разрешению конкретной проблемы, связанной с наличием ядерного оружия у КНДР.

Оптимисты указывают на то, что важным новым моментом является договоренность «шестерки», достигнутая в феврале 2007 г. в Пекине, о выделении в отдельную группу переговоров о безопасности и сотрудничестве в СВА. Корейская проблема, по их мнению, становится лишь частью, хотя и по-прежнему важнейшей, переговорного процесса. Пять стран — Россия, Китай, США, Япония и Южная Корея — получают возможность обсуждать и более широкий спектр региональных проблем.

В отличие от европейского опыта и европейской традиции многостороннего сотрудничества, подобную культуру диалога в АТР еще предстоит сформировать, убежден известный американский ученый и дипломат, бывший глава делегации США на переговорах в рамках БСБСЕ Дж. Гудби³.

Он полагает, например, что упомянутая выше договоренность делает возможным периодические встречи глав внешнеполитических ведомств стран «шестерки», на которых обсуждались бы вопросы политики, безопасности, торгово-экономического, научно-технического и культурно-гуманитарного сотрудничества, включая свободный обмен информацией, межлические обмены, воссоединение семей и пр., в их взаимосвязи.

В этом контексте перспективы возглавляемой Россией Рабочей группы по механизму мира и безопасности в СВА в рамках шести-

сторонних переговоров могут быть весьма многообещающими. Некоторые исследователи полагают также возможным расширение механизма «АСЕАН плюс три» с включением в него России и США. Это позволило бы пяти участникам шестисторонних переговоров начать комплексный диалог по широкому спектру вопросов безопасности, экономики и политики уже в масштабах Азиатско-Тихоокеанского региона.

Реализация мер транспарентности и военного доверия на Корейском полуострове, придание межкорейскому диалогу необратимого характера невозможны без главного — обоюдного желания и готовности сторон создавать культуру диалога, основанного на принципе взаимной открытости и мерах доверия. Это «задача задач», решение которой требует терпения, политического мужества и дипломатического искусства. Очень непросто преодолевать инерцию нескольких последних десятилетий, на протяжении которых взаимно формировался «образ врага».

Транспарентность (добровольная и взаимная информационная открытость) может потребовать особенно напряженных усилий: ее достижению будут препятствовать не только мощная политическая инерция по обе стороны 38-й параллели, но и сама суть северокорейского режима, основанного на закрытости и непрозрачности. Однако постепенное открытие Пхеньяна для диалога и сотрудничества вполне возможно, при готовности учитывать интересы Пхеньяна в сфере безопасности и экономики.

Вполне логичен основной подход, заложенный в новую стратегическую концепцию Сеула — двигаться от малого к большому, постепенно развивать торгово-экономические отношения и межлические контакты. Именно это должно создать в перспективе ту «критическую массу» взаимного интереса и доверия, которая обеспечит стабильность диалога и гарантию от внезапных угроз его поддержке.

Китайско-американские отношения могут послужить прекрасным примером: при всех несовпадениях национальных интересов двух держав, политических и геостратегических разногласиях и противоречиях торгово-экономическая взаимозависимость Пекина и Вашингтона столь беспрецедентно тесна и масштабна, что сейчас

невозможно представить себе сколько-нибудь серьезный открытый конфликт в двусторонних отношениях. «Взаимозависимость не представляет взаимной угрозы, если она сбалансирована», — заметил по этому поводу известный американский политолог Дж. Най⁴.

Только взаимозависимость, основанная на транспарентности и доверии, станет гарантией сохранения и развития межкорейского диалога. Однако эта взаимозависимость может сама по себе стать серьезным испытанием для сторон: можно предвидеть, например, попытки Севера использовать структуру межкорейского диалога и сотрудничества для того, чтобы вбить клин между Сеулом и его ближайшим союзником, Вашингтоном.

Да и сами меры транспарентности и доверия — не свидетельство отсутствия конфликтов и противоречий, а лишь инструменты для их преодоления. Если Север и Юг пойдут на них и выдержат грядущее испытание взаимозависимостью, то корейская проблема будет в конечном счете разрешена.

Главная проблема, которую предстоит преодолеть, — это северокорейская ракетно-ядерная программа. После очередного обострения межкорейских отношений Пхеньян заявил о том, что готов вернуться за стол шестисторонних переговоров «без всяких предварительных условий», чтобы обсуждать там свою «программу ядерного развития» (в то время как все остальные участники переговоров привыкли обозначать их тему как «северокорейская ядерная проблема»). Северокорейская сторона таким образом пытается подчеркнуть, что впредь намерена обсуждать на шестисторонних переговорах не условия отказа от своей ядерной программы, а условия ее сохранения и даже дальнейшего развития.

У такой позиции есть свои доводы, не лишённые оснований. В свое время Пхеньян начал ядерные исследования в условиях отсутствия гарантий безопасности со стороны США, пытаясь обеспечить таким образом сохранение режима, защитить независимость и территориальную целостность страны. С тех пор прошло уже не одно десятилетие, ядерная программа (по крайней мере, создание ядерных боезарядов и средств их доставки) продвинулась вперед — и какой смысл, по мнению Пхеньяна, сворачивать ее сейчас, когда столько сил и средств было в нее вложено?

Тем более что Соединенные Штаты по-прежнему отказываются вести переговоры с КНДР о мирном договоре и установлении дипломатических отношений. А прежние договоренности по сворачиванию ядерной программы в обмен на поставки продовольствия и энергоносителей, а также помощь в развитии собственных энергетических мощностей (например, программа KEDO) неоднократно срывались по вине западной стороны.

Тем не менее Пхеньян уже много лет открыто и последовательно игнорирует режим ядерного нераспространения, основанный на Договоре о нераспространении ядерного оружия, других договорах и соглашениях, работе Агентства ООН по атомной энергии (МАГАТЭ) и отражающий консолидированную волю мирового сообщества — поставить заслон на пути распространения ядерного оружия и средств его доставки.

Все годы своего существования режим ядерного нераспространения подвергался критике как «несправедливый»: почему одним странам можно иметь ядерное оружие, а другим нельзя? Пхеньян неоднократно обращался к этому доводу — достаточно вспомнить его согласие, после долгих увещеваний международного сообщества, подписать Договор о нераспространении, а затем демонстративный выход из Договора в 1993 г.

Великие, они же «официальные», ядерные державы, при всех своих противоречиях и разногласиях, потратили много лет и сил на то, чтобы остановить ядерное распространение в различных регионах мира, в том числе и на Корейском полуострове.

Достаточно вспомнить договоренность Михаила Горбачёва и Дж. Буша-старшего не размещать на Корейском полуострове и в прилегающих акваториях американское и советское тактическое ядерное оружие. Именно это открыло путь к подписанию Соглашения о безъядерном статусе Корейского полуострова 1991 г., которое, при его надлежащем исполнении всеми сторонами, уже давно могло бы решить проблему безопасности в регионе.

С точки зрения формального международного права никто не может заставить суверенное государство вступить в Договор о ядерном нераспространении или выйти из него, говорят в Пхеньяне. Но если такой путь избирает лишь одна из почти 200 стран, присоеди-

нившихся к режиму ядерного нераспространения, то это воспринимается остальными как нелегитимное поведение и вызов мировому сообществу.

По такому пути пошли Индия и Пакистан, которые, вопреки призывам остальных стран, обзавелись ядерным оружием. Но если кому-то удалось пробить брешь в международном режиме ядерного нераспространения, то это не значит, что в Вашингтоне, Москве, Пекине и других «ядерных» столицах согласятся с очередной попыткой сделать это, будь то в Пхеньяне или Сеуле.

В связи с этим нуждается в отдельном рассмотрении вопрос о целесообразности и эффективности международных санкций против Северной Кореи. Эти санкции были приняты Совбезом ООН в ответ на ядерные испытания Северной Кореи, начало которым было положено в октябре 2006 г. Речь идет о серии резолюций (№ 1718, 1874, 2094), которые предусматривают целый ряд ограничительных и запретительных мер, призванных остановить разработку в Пхеньяне ядерного оружия и средств его доставки (баллистических ракет).

Резолюции, в дополнение к которым на Северную Корею были наложены санкции со стороны ЕС, США, Канады и других стран, призывают КНДР вернуться в Договор о нераспространении ядерного оружия и Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, исполнить все требования об инспекциях со стороны Международного агентства ООН по ядерной энергии (МАГАТЭ), а также вернуться за стол шестисторонних переговоров с участием США, Японии, Китая, России и двух корейских государств.

Комплекс ограничений, принятых Советом Безопасности ООН в марте 2013 г., позволяет блокировать банковские транзакции, замораживать счета КНДР, досматривать воздушные и морские суда, а также дипломатов в поисках крупных сумм денег при подозрении, что они направлены на развитие ядерной и ракетной программ Пхеньяна. Однако последний заявил, что намерен продолжить свою ядерную и ракетную программу, невзирая ни на какие обстоятельства.

В ответ положения резолюций о санкциях становятся все более всеобъемлющими и радикальными, но вряд ли более результативными. Например, Совет Безопасности ООН в своей Резолюции

№ 2094 от 7 марта 2013 г. «осуждает всю проводимую КНДР ядерную деятельность»⁵ — при том, что МАГАТЭ, по своему Уставу, призвано содействовать развитию атомной энергии и ее практическому применению в мирных целях.

Предлагаемые меры сопровождаются характерной оговоркой: они могут применяться, «если есть разумные основания предполагать», что деятельность, подлежащая ограничению и запрету, имеет отношение к северокорейской ракетно-ядерной программе. Такие формулировки, при известной хитрости и сноровке Пхеньяна, часто делают санкции неисполнимыми. Так что международному сообществу предстоит еще немало сделать, чтобы его санкции были действительно разумными и достигали цели.

Тем временем ровные, устойчивые и добрососедские отношения с двумя корейскими государствами как нельзя более полно отвечают интересам России в Северо-Восточной Азии.

Примечания

¹ *Петровский, В.Е.* Режимы транспарентности и мер доверия в АТР // Проблемы Дальнего Востока, № 5. 1998. С. 5—19.

² См.: *Adelphi Papers* 299. 1995. P. 53.

³ *James Goodby.* «A Regional Framework for a Comprehensive Security Settlement in the Korean Peninsula», NAPSNet Policy Forum, June 20, 2013. URL: <http://nautilus.org/napsnet/napsnet-policy-forum/a-regional-framework-for-a-comprehensive-security-settlement-in-the-korean-peninsula/>

⁴ *Ethics Matter Series: Interview with Joseph S. Nye, Jr.* February 10, 2011. URL: <http://www.carnegiecouncil.org/resources/transcripts/0363.html>

⁵ URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N13/253/08/PDF/N1325308.pdf?OpenElement>

Н.С. Медведева

ОБЪЕДИНЕНИЕ КОРЕИ: ВЗГЛЯД ИЗ СЕУЛА В ГОД 70-ЛЕТИЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ

За последние месяцы одной из главных тем в южнокорейских СМИ стала подготовка к предстоящему юбилею освобождения Кореи от японского колониального господства. Основная часть этих сообщений в контексте 70-летия национального освобождения уделяет большое внимание проблеме мирного объединения Кореи.

Анализ южнокорейских СМИ и официальных заявлений Пак Кын Хе показал, что в понимании южных корейцев 15 августа — это не только праздник обретения независимости, но еще и печальное напоминание о том, что расколу нации также исполняется 70 лет. В связи с этим в заявлениях правительства РК все громче звучит тема объединения Корейского полуострова. Судя по публикациям в СМИ и официальным заявлениям правительства РК, на современном этапе вопросу будущего объединения уделяется не меньшее, если не большее, внимание, чем вопросу о том, как и с помощью каких международных акторов была достигнута национальная независимость.

Не вызывает сомнения тот факт, что способ и тональность освещения событий крупнейшими южнокорейскими СМИ зависит от официальной позиции правительства РК¹. Наиболее читаемые издания Южной Кореи («Чосон ильбо», «Чунан ильбо», «Тона ильбо» и

«Хангук ильбо»), а также информационное агентство Ёнхап в своих публикациях уделяют большое внимание предстоящему юбилею освобождения Кореи. Анализ новостных статей за период со второй половины 2014 г. по настоящее время выявил несколько интересных тенденций.

Во-первых, сравнительно большее внимание уделяется теме будущего, чем анализу прошлого. Даже тема борьбы за независимость и преступления японского колониального правления уступили в 2015 г. теме межкорейского диалога и будущего объединения Кореи. Практически в каждой статье, посвященной освобождению Кореи, встречается утверждение об особой необходимости проведения подготовки будущего объединения именно в этом году. 2015 г. рассматривается южнокорейцами как последний исторический рубеж, знаменующий неумолимое приближение того момента, когда расколу корейской нации исполнится 100 лет и он станет практически необратимым². Германия, к опыту которой южнокорейцы любят апеллировать больше, чем к другим примерам национального воссоединения, объединилась всего через 41 год после образования ФРГ и ГДР, а история раскола Кореи длится уже 70 лет. На этом основываются опасения Сеула касательно того, что всего через 30 лет корейцы рискуют отметить вековой юбилей национального раскола, если уже сейчас не будут приняты меры, направленные на воссоединение.

Во-вторых, тональность новостных сообщений, касающихся будущего объединения, полностью совпадает с официальной позицией правительства РК. В целом в южнокорейских СМИ преобладает оптимистическая оценка возможности объединения. Часто встречаются довольно громкие лозунги, по своему характеру совпадающие с теми, которые используют представители правительства РК в своих официальных заявлениях: «Объединение — это будущее», «Объединение — это джекпот» и т. д.

Если в публикациях и отмечаются существующие проблемы межкорейского диалога, то недостатки правительственной политики, как правило, не анализируются. Вместо возможной критики проектов правительства РК практически в каждой статье делаются отсылки к КНДР как главному виновнику невозможности реализовать все предложенные Сеулом инициативы: «Север отказался при-

нять переданный ему проект резолюции, призывающей к возобновлению межкорейского диалога»³, «...из-за нежелания Севера идти навстречу в налаживании межкорейского диалога...»⁴ и т. д.

Сама по себе тема мирного объединения не нова — это общее чаяние корейского народа, к которому апеллировали и предыдущие президенты РК. Однако все указывает на то, что в этом юбилейном году удастся проследить несколько довольно интересных тенденций в объединительной политике Пак Кын Хе. С наступлением 2015 г. высказывания Пак Кын Хе по поводу объединения приобрели более смелый характер по сравнению с предыдущими годами ее президентства. Все чаще в заявлениях президента РК встречаются звучные выражения, больше напоминающие рекламные слоганы: «Объединение — это джекпот»⁵, «Объединение — это моя эпохальная задача»⁶, «Объединение — это дух эпохи», «2015 год — это год надежды»⁷. Кроме того, призывы к объединению стали более настойчивыми, по сравнению с предыдущими годами. Президент обещает, уже начиная с этого года, «подготовить эру объединения»⁸, «положить конец 70 годам раскола и конфликта и открыть путь в эру объединенного Корейского полуострова»⁹.

Вопрос налаживания межкорейского диалога и последующего воссоединения нации не означает резкой смены политического курса действующего правительства РК. Напротив, он занимал важное место в предвыборной компании Пак Кын Хе в 2013 г. Однако до конца 2014 г. на этом направлении не было достигнуто никаких реальных успехов. В начале своего президентского срока Пак Кын Хе пришлось заниматься, скорее, вопросами безопасности страны в условиях обострившейся политической обстановки на полуострове. В итоге в своей новогодней речи в начале 2014 г. Пак Кын Хе признала, что отношения с КНДР находятся в катастрофическом состоянии¹⁰.

Вдобавок к середине президентского срока рейтинг Пак Кын Хе среди населения упал до рекордно низкого показателя: всего 30 % населения положительно оценили политику правительства¹¹. Важнее, что Пак Кын Хе потеряла большой процент поддержки людей в возрасте старше 50 лет, которые составляли основную группу ее избирателей на президентских выборах и чьи голоса она завоевала, в

том числе и благодаря своим обещаниям наладить межкорейский диалог.

Однако к концу 2014 г. появилась надежда на возобновление двустороннего диалога. Несмотря на то что встречи на уровне министров РК и КНДР не проводились с мая 2007 г., 12 февраля 2014 г. состоялась встреча на уровне замминистров двух государств. Кроме того, в своем новогоднем обращении Ким Чен Ын заявил не только о готовности к диалогу с Югом, но и о возможности проведения межкорейского саммита.

В силу сложившейся внутривнутриполитической ситуации Пак Кын Хе может попытаться использовать тему объединения Кореи, чтобы поднять свой рейтинг среди населения. В случае если удастся добиться улучшения отношений с Пхеньяном и провести межкорейский саммит, рейтинг Пак Кын Хе вырастет и у нее появится шанс не остаться в истории Кореи в качестве самого непопулярного президента.

В связи с этим можно выделить вторую тенденцию в политике южнокорейского правительства — осознание важности момента. Во время официального визита в Италию Пак Кын Хе заявила в Милане 16 октября 2014 г., что подготовка объединения Кореи — это ее задача эпохи, решение которой нельзя больше откладывать¹². Правительством РК с новой силой подчеркивается необходимость заложить основу для предстоящей эры объединения уже сейчас: «Понимая срочность решения этой проблемы, мы выражаем нашу готовность вести диалог с Северной Кореей без каких-либо ограничений»¹³. Все чаще высказываются опасения, что если в этом году момент будет упущен, то будет крайне сложно добиться объединения в будущем.

Кроме того, момент важен не только с точки зрения его исторической и символической составляющей — заявление руководителя КНДР о готовности к диалогу также сыграло немаловажную роль. После новогоднего обращения Ким Чен Ына у Сеула появилась надежда на то, что Пхеньян готов пойти на серьезные уступки. Южнокорейские эксперты верят, что якобы в сложившихся условиях дипломатической изоляции и тяжелого экономического положения у Ким Чен Ына нет другого способа выхода из кризиса и сохранения стабильности в стране, кроме налаживания диалога с Югом¹⁴. Это мнение разделяет и администрация Пак Кын Хе.

Возможно, именно надежда на «сговорчивость» руководства КНДР объясняет более активную позицию РК по сравнению с предыдущим годом. Если в 2014 г. правительство Южной Кореи в основном ограничивалось обвинением КНДР в нежелании идти на диалог и нагнетании политической обстановки на полуострове, то уже за последние три месяца оно выступило с целым рядом предложений разнообразных проектов не только по совместному празднованию 15 августа, но и по объединению Кореи¹⁵.

Хотя сама Пак Кын Хе оценивает эти проекты как «практические» и «конкретные»¹⁶, они носят, скорее, символический характер и имеют мало общего с реальностью. *Во-первых*, Пхеньяну было предложено подписать совместную декларацию, которая, по мнению Сеула, должна не только заложить основы мирного объединения, но и гарантировать, что согласованные меры будут исполняться систематически и в случае смены руководства обеих стран. *Во-вторых*, Сеул многократно заявлял о планах открыть логистический маршрут, который должен соединить южнокорейский порт с железной дорогой Раджин—Хасан, а к дате 70-летия освобождения, 15 августа, совершить пробный запуск поездов по маршрутам Сеул—Синчжу и Сеул—Раджин, которые согласно планам Сеула должны проследовать через Пхеньян¹⁷.

Видимо, администрация Пак Кын Хе верит в своевременность данных проектов, а также в то, что КНДР положительно отреагирует на эти инициативы как на шанс реанимировать якобы «просевшую» экономику и способствовать развитию своих северо-восточных территорий¹⁸. Наконец, планы Сеула включают совместные проекты в области экологии, возобновление встреч разделенных семей, развитие Кэсонского индустриального парка, открытие межкорейских культурных центров в столицах двух государств, а также ряд других символических мероприятий, посвященных празднованию 15 августа.

Предполагается, что эти проекты будут способствовать сближению двух государств и помогут подготовить почву к мирному объединению Кореи. Однако парадокс заключается в том, что выполнение этих проектов невозможно без предварительного налаживания двустороннего диалога.

Таким образом, можно выделить третью тенденцию в объединительной политике Пак Кын Хе: отсутствие последовательности. Сеул стремится добиться объединения Кореи в отсутствие реальных попыток наладить конструктивный диалог с Севером. В своей новогодней речи Ким Чен Ын заявил о возможности проведения межкорейского саммита вследствие развития двусторонних отношений. На Юге это заявление встретили с оптимизмом, однако не уделили должного внимания необходимой последовательности действий и решили, пропустив этап выстраивания доверительных отношений, сразу перейти к организации не только саммита, но и объединения полуострова и одностороннему планированию его последующего экономического развития. Разумеется, такая инициатива не получила поддержки со стороны Пхеньяна: проект совместной декларации по объединению, представленный Сеулом 9 января 2015 г., Пхеньян не принял¹⁹.

В таких условиях заявление Пак Кын Хе в Дрездене 28 марта 2014 г. о намерениях Сеула отдать предпочтение гуманитарным проектам помощи рядовым северокорейцам в Пхеньяне может быть воспринято как отрицание состоятельности существующей власти в КНДР. В общем же риторика Пак Кын Хе по поводу объединения сейчас выглядит как попытка «поделить шкуру неубитого медведя». В феврале 2015 г. президент распорядилась разработать дорожную карту воссоединения, которая включает в себя подготовку плана международных государственных и частных инвестиций на Корейском полуострове после национального воссоединения. Пак Кын Хе заявила: «Если будут тщательно составлены планы строительства социальной инфраструктуры и разработок природных ресурсов в Северной Корее после воссоединения, со временем можно будет рассчитывать на инвестиции как внутри страны, так и из-за рубежа»²⁰. Разумеется, такой преждевременный интерес к своим ресурсам не может не вызывать опасений в Пхеньяне.

Ситуация усугубляется совместными учениями РК с США и недавним скандалом вокруг высказывания заместителя председателя президентского Комитета по национальному воссоединению Чон Чон Ука о том, что одно из подразделений комитета занимается подготовкой к «поглощению КНДР»²¹. В сложившейся ситуации

объединительная политика Пак Кын Хе не способствует укреплению доверия между РК и КНДР, а скорее, выглядит, будто вопрос объединения со стороны РК давно и довольно просто решен путем поглощения Севера.

Наконец, последняя тенденция, которую можно выделить в объединительной политике правительства РК, — это стремление перевести решение межкорейских проблем на международный уровень. Пак Кын Хе уже не раз заявляла, что объединение Кореи — это «международная проблема»²². 16 марта 2014 г. в Милане она снова заявила, что для осуществления мирного объединения необходимы не только приготовления внутри страны, но и крайне важна поддержка международного сообщества²³. Во время своей встречи с министром обороны Китая 4 февраля 2015 г. Пак Кын Хе сообщила, что в этом году РК ставит перед собой целью проведение межкорейских переговоров и подготовку объединения полуострова, и попросила содействия со стороны Китая и других стран²⁴.

Попытка перевести решение вопроса объединения Кореи с национального на международный уровень делается, *во-первых*, с целью укрепления позиции РК. Руководство РК понимает, что если вопрос объединения будет решаться на международном уровне и Сеул сможет заручиться поддержкой Китая и других стран Восточной Азии, то у него будет больше рычагов давления на Пхеньян. *Во-вторых*, вынос вопроса межкорейских отношений за рамки Корейского полуострова снимет часть ответственности с администрации Пак Кын Хе перед избирателями в случае возможной неудачи.

Однако несколько иную точку зрения можно обнаружить в разделах «Редакционная статья» и «Мнение» вышеназванных изданий. Анализ этих рубрик также выявил несколько особенностей, заслуживающих внимания.

Так, южнокорейские аналитики в целом положительно оценивают возможность объединения, называя его «третьей великой переменной» в истории Кореи, наряду с «переходом к современности» (1894) и «индустриализации и демократизации» (1961)²⁵, а 2015 г. — «временем великих перемен»²⁶. Высказывается мнение, что Пак Кын Хе необходимо объединение в преддверии окончания ее срока правления, а для Ким Чен Ына сближение с Югом может быть единственным

способом выйти из дипломатической изоляции и экономического кризиса, в котором, по мнению южнокорейских экспертов, находится КНДР. Поэтому южнокорейские эксперты утверждают, что обе стороны, нуждаясь в улучшении двусторонних отношений, смогут достигнуть некоего соглашения в наступившем году²⁷.

Заместитель председателя Федерации корейских промышленников Ли Сын Чхоль, видимо, в попытке поддержать политику Пак Кын Хе перед лицом молодого поколения корейских читателей, которые все более скептически относятся к необходимости воссоединения с Севером, пишет о возможных положительных эффектах объединения. Он утверждает, что объединение полуострова станет настоящим «джекпотом» не только для экономики РК, но и для других стран Восточной Азии. Это создаст прекрасные перспективы для развития бизнеса, взаимного новаторского обновления экономик Севера и Юга, а также позволит трансформировать островную экономику РК в континентальную, превратив Корею в форпост, связывающий Восточную Азию с Европой. Тем самым, объединение Кореи должно принести экономическое процветание не только Кореи, но и всей Восточной Азии²⁸.

Здесь прослеживается вторая тенденция, которую стоит отметить: некоторые аналитики, как и администрация Пак Кын Хе, подчеркивают международный характер проблемы налаживания межкорейского диалога. Но, в отличие от заявлений правительства РК, доклады южнокорейских исследователей конкретизируют понятие «международного» формата. Например, участники международной конференции под названием «Сотрудничество стран Восточной Азии по сохранению региональной безопасности в процессе объединения Кореи под руководством союза РК—США» назвали объединение полуострова международной проблемой, успех решения которой будет зависеть от искусности дипломатии РК, т. е. умения Сеула маневрировать между интересами окружающих государств²⁹. Не только название конференции, но и список участников, в который вошли только представители южнокорейских и американских академических кругов, а также основные тезисы выступавших ясно говорят, что ведущей движущей силой объединения полуострова должны стать РК и США, а роль России, Китая и Японии сводится

только к тому, чтобы они не препятствовали бы процессу объединения Кореи. Показательно, что роль и интересы КНДР в ходе конференции не обсуждались вовсе.

Однако в высказываниях южнокорейских аналитиков можно найти и критичную оценку объединительной политики Пак Кын Хе. С одной стороны, высказывается опасение, что полемика может так и остаться полемикой, потому что в предложениях правительства РК отсутствуют главные компоненты: взаимный диалог и понимание позиции друг друга. Многие эксперты сходятся во мнении, что без улучшения двусторонних отношений нельзя заниматься подготовкой к объединению³⁰. Иначе говоря, не делая реальных шагов для возобновления диалога и не идя для этого на определенные компромиссы, но при этом предлагая Пхеньяну подписать разработанную в одностороннем порядке совместную декларацию о мирном объединении, южнокорейское правительство занимается, говоря словами бывшего министра объединения Ю У Ика, «возведением второго этажа, еще не построив первый»³¹.

В условиях отсутствия конструктивного диалога остается невозможным понять позицию друг друга. Как пишет профессор политологии из университета Кённам Ким Гын Сик, Пхеньян отвергает предложение Пак Кын Хе о мягком сотрудничестве, выдвигая на повестку обсуждения политические и военные вопросы. В свою очередь, Сеул делает ставку на символические и гуманитарные проекты, а не на конкретные меры по сближению с КНДР. Как заявил бывший министр объединения, «важно наше намерение [вести диалог] и позитивный ответ со стороны Северной Кореи»³². Однако до сих пор неясно, в чем это намерение будет выражаться.

Категоричный отказ администрации Пак Кын Хе даже обсуждать отмену совместных военно-морских учений США и РК продемонстрировал нежелание Сеула делать конкретные шаги для налаживания отношений с Севером. Дело не в учениях как таковых: отмена совместных учений на год не оказала бы критического влияния на безопасность РК, ведь подобный прецедент уже имел место в 1992 г., когда вследствие развития переговоров США с КНДР учения были временно отменены³³. Проблема, скорее, в напряженных отношениях Пхеньяна с Вашингтоном.

Сеул, в свою очередь, еще более усугубляет положение, заявляя, что военно-политический союз с США, в котором КНДР видит прямую угрозу своим национальным интересам, является главным гарантом безопасности РК и что Сеул не намерен отказываться от этого союза³⁴, а напротив, планирует усилить его роль на полуострове. Американско-южнокорейские утверждения о том, что главной целью этого союза якобы является мирное объединение Кореи³⁵, Пхеньяну кажутся неубедительными. Тем более что, в силу характера этого союза и проводимых совместных военных учений, подобные заявления, скорее, вызывают опасения о намерении воссоединения Кореи военным путем. В таких условиях вряд ли можно ожидать, что КНДР поддержит предложения Пак Кын Хе по подготовке объединения.

И последнее: для диалога с Пхеньяном Сеул должен четко дать понять, что вариант объединения Кореи путем поглощения Севера не приемлем и не рассматривается как возможная опция. Однако полностью такой вариант Юг исключить не может. Поэтому, как выразился профессор политологии Ким Гын Сик, лучший способ прийти к объединению, это не говорить о нем³⁶.

Отсутствие диалога, усиление санкционного давления на Пхеньян и односторонняя активная подготовка к объединению со стороны РК ограничивает возможности сближения двух государств и способствует нарастанию напряженности на полуострове. Поэтому представляется, что администрация Пак Кын Хе сможет добиться больших успехов в реализации своей политики «процесса доверия на Корейском полуострове», если сосредоточит внимание на поиске реально возможных компромиссов и способах наладить межкорейский диалог.

Примечания

¹ The 2014 World Press Freedom Index. Reporters without Borders. URL: <http://rsf.org/index2014/en-index2014.php> (Дата обращения 04.03.2015).

² National Future Strategy 2015. Ikon, 2014.

³ North Korea Newsletter 346. Yonhap News Agency. 15.01.2015. URL: <http://english.yonhapnews.co.kr/northkorea/2015/01/14/73/0401000000AEN20150114002100325F.html> (Дата обращения 07.03.2015).

⁴ North Korea Newsletter 347. Yonhap News Agency. 22.01. 2015. URL: <http://english.yonhapnews.co.kr/northkorea/2015/01/22/86/0401000000AEN20150122002200325F.html> (Дата обращения 07.03.2015).

⁵ 박근혜 대통령 신년 구상 발표 및 기자회견 질의응답 (Новогодняя пресс-конференция президента Пак Кын Хе) Cheong Wa Dae News. No.319. 06.01.2014. URL: http://www1.president.go.kr/news/newsList.php?srh%5Bview_mode%5D=detail&srh%5Bseq%5D=4019 (Дата обращения 04.03.2015).

⁶ «송호근. 감동과 설렘의 정치는 어디에?» (Сон Хо Гын. Куда делась трогательная и сердечная политика?). Чунан Ильбо. 13.01.2015. URL: http://article.joins.com/news/article/article.asp?total_id=16916560 (Дата обращения 05.03.2015).

⁷ Remarks by the President at the New Year Press Conference. 12.01.2015. URL: http://english1.president.go.kr/activity/speeches.php?srh%5Btext%5D=new+year&srh%5Bview_mode%5D=detail&srh%5Bseq%5D=9152#sthash.htNNqpcN.jr2cKlKb.dpuf (Дата обращения 05.03.2015).

⁸ «분단 70년'...박근혜정부, 통일시대준비선언» (70 лет раскола... Правительство Пак Кын Хе провозгласило подготовку к эре объединения). Ёнхап ньюс. 12.01.2014. URL: <http://www.news-y.co.kr/MYN20140112000500038/> (Дата обращения 04.03.2015).

⁹ Ibid.

¹⁰ Ibid.

¹¹ Korea Gallup Opinion № 147 (01.2015). URL: <http://www.gallup.co.kr/gallupdb/reportContent.asp?seqNo=624&pagePos=1&selectYear=&search=&searchKeyword=> (Дата обращения 02.03.2015).

¹² «[ASEM 참석] 박근혜 대통령, 이탈리아 동포 오찬간담회 개최» ([Участие в АСЕМ] Президент Пак Кын Хе приняла участие в открытии круглого стола с соотечественниками в Италии). Cheong Wa Dae Website. 16.10.2014. URL: <http://blog.president.go.kr/?p=30843> (Дата обращения 04.03.2015).

¹³ S. Korean minister urges N. Korea to keep dialogue promise. Yonhap News Agency. 28.01. 2015. URL: <http://english.yonhapnews.co.kr/national/2015/01/28/80/0301000000AEN20150128006000315F.html>

¹⁴ «분단 70주년은 남북관계 대변혁의 적기다» (70-летие раскола — время великих перемен). Чунан ильбо. 2015.01.02. URL: http://article.joins.com/news/article/article.asp?total_id=16836873&ctg=-1 (Дата обращения 05.03.2015).

¹⁵ North Korea Newsletter 347.

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Ibid.

²⁰ «Пак Кын Хе распорядилась разработать план по воссоединению с КНДР». РИА Новости. 16.02.2015. URL: <http://ria.ru/world/20150216/1047893992.html#ixzz3UpranJJ> (Дата обращения 08.03.2015).

²¹ «КНДР пригрозила добиться воссоединения Кореи по своему усмотрению». РИА Новости. 16.03.2015. URL: <http://ria.ru/world/20150316/1052702462.html#ixzz3UpuCVor4> (Дата обращения 04.03.2015)

²² «[ASEM 참석] 박근혜 대통령, 이탈리아 동포 오찬간담회 개최» ([Участие в АСЕМ] Президент Пак Кын Хе приняла участие в открытии круглого стола с соотечественниками в Италии). Cheong Wa Dae Website. 16.10.2014. URL: <http://blog.president.go.kr/?p=30843> (Дата обращения 04.03.2015).

²³ Ibid.

²⁴ President Park emphasizes Chinese support for Korean reunification. Korea.net. 05.02.2015. URL: <http://www.korea.net/NewsFocus/Policies/view?articleId=125471> (Дата обращения 03.03.2015).

²⁵ Сон Хо Гын. Куда делась трогательная и сердечная политика? Чунан Ильбо. 13.01.2015. URL: http://article.joins.com/news/article/article.asp?total_id=16916560 (Дата обращения 05.03.2015).

²⁶ 70-летие раскола — время великих перемен. Ibid. 02.01.2015. URL: http://article.joins.com/news/article/article.asp?total_id=16836873&ctg=-1 (Дата обращения 05.03.2015).

²⁷ Ibid.

²⁸ «통일, 대륙형 경제로 가는 기회» (Объединение, как шанс перехода к континентальной модели экономики). Чунан Ильбо. 2015.01.20. URL: http://article.joins.com/brandnews/article/article.asp?total_id=16972281&ctg=1100 (Дата обращения 06.03.2015).

²⁹ Third KRIS-Brookings Joint Conference: «한반도 통일시 동아시아 안정을 위한 한·미 중심의 지역국가 협력» (Сотрудничество стран Восточной Азии по сохранению региональной безопасности в процессе объединения Кореи под руководством союза РК—США) // 한국전략문제연구소 국가안보전략지널 (Журнал «Стратегия национальной безопасности» Корейского института стратегических исследований) 02.2015. URL: http://www.kris.or.kr/free_album1/free_view.asp?id=monthly&no=128&page=1&tempno=31&keyfield=&keyword=# (Дата обращения 03.03.2015).

³⁰ «통일 준비, 말로만 할 것인가» (Подготовка к объединению — только на словах). Чунан ильбо. 2015.02.02. URL: http://article.joins.com/news/article/article.asp?total_id=17071400&clck=olink|article|default (Дата обращения 03.03.2015).

³¹ Ibid.

³² Ibid.

³³ Ibid.

³⁴ President calls 2015 golden chance to boost economy, improve innovation. Cheong Wa Dae Website. 12.01.2015. URL: http://english1.president.go.kr/activity/headlines.php?srh%5Btext%5D=new+year&srh%5Bview_mode%5D=detail&srh%5Bseq%5D=9141 (Дата обращения 12.03.2015).

³⁵ Third KRIS-Brookings Joint Conference: «한반도 통일시 동아시아 안정을 위한 한·미 중심의 지역국가 협력» (Сотрудничество стран Восточной Азии по сохранению региональной безопасности в процессе объединения Кореи под руководством союза РК—США) // 한국전략문제연구소 국가안보전략저널 (Журнал «Стратегия национальной безопасности» Корейского института стратегических исследований) 02.2015. URL: http://www.kris.or.kr/free_album1/free_view.asp?id=monthly&no=128&page=1&tempno=31&keyfield=&keyword=# (Дата обращения 03.03.2015).

³⁶ «통일 준비, 말로만 할 것인가» (Подготовка к объединению — только на словах). Чунан ильбо. 2015.02.02. URL: http://article.joins.com/news/article/article.asp?total_id=17071400&cloc=olink|article|default (Дата обращения 03.03.2015).

К.В. Асмолов

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В КНДР: ПРОБЛЕМА ДАННЫХ

В течение 2013—2014 гг. ведущим направлением критики КНДР стал вопрос о соблюдении в Северной Корее прав человека. Главным аргументом поддержки этого тренда является 372-страничный Доклад ООН о правах человека в КНДР, составленный группой международных экспертов и опубликованный 17 февраля 2014 г. на сайте Верховного комиссара ООН по правам человека. Хотя его итоги вызвали дискуссию, обсуждение доклада дошло до СБ ООН и рекомендаций о передачи северокорейского досье в Международный уголовный суд¹.

В докладе выдвигаются весьма серьезные обвинения, включая «уничтожение людей, убийства, обращение в рабство, пытки, заключение в тюрьму, изнасилования, насильственные аборты и другие виды сексуального насилия, преследования по политическим, религиозным, расовым и гендерным мотивам, насильственное перемещение населения, исчезновение людей и вопиющий нечеловеческий акт сознательной организации голода»².

Теоретически, если бы подобное происходило на самом деле, такие действия могли бы послужить основанием для серьезного международного вмешательства. Однако ниже мы разберем то, как составлялся этот документ и почему мы считаем, что сделанные в нем выводы более чем сомнительны.

Комиссия по расследованию нарушений прав человека в Северной Корее была создана Советом по правам человека ООН в марте 2013 г. В основе резолюции, посвященной расследованию, лежал доклад спецпредставителя ООН по правам человека в КНДР Марzuki Дарусмана, известного высказываниями типа: «Северная Корея сменила ЮАР в качестве страны — примера тотального нарушения прав человека. Конечно, это нельзя сравнить с геноцидом в Руанде и Сомали, но это система, которая отрицает права человека»³.

Северокорейской проблематикой Дарусман занимается уже несколько лет в качестве «специального докладчика ООН по правам человека в Северной Корее». Его доклады не раз вызвали споры и даже драку между северокорейским и южнокорейским представителями в ООН. Также он известен как эксперт по вопросу о положении в области прав человека в Гаити, хотя, судя по упоминаниям его имени в данном контексте, ситуация там не вызывала у него столь «праведного» гнева, хотя массовые убийства в Гаити (включая сожжения заживо) были задокументированы куда лучше. Видимо, одно дело — Гаити, где победила демократия, а другое — «тоталитарная» Северная Корея.

В помощь ему была назначена видная сербская правозащитница Соня Бисерко, руководитель Хельсинкской группы по правам человека в Сербии, принимавшая самое активное участие в развале Югославии и последующем информационном обеспечении «гуманитарной интервенции» против Сербии. Это сделало ее признанным экспертом по преступлениям против человечности, и в данном качестве она стала членом комиссии⁴.

Главой комиссии был назначен Майкл Керби, бывший председатель Верховного суда Австралии, лауреат премии ЮНЕСКО за воспитание в духе прав человека, известный юрист, который в своих работах и в своей практике выступал против законов о криминализации заражения СПИДом. Северокорейской проблематикой Керби ранее не занимался, но его взгляды говорят о нем как о стороннике европейских ценностей, которые, безусловно, сформировали определенное предубеждение по отношению к Северной Корее.

Для нас это весьма важно, так как непрофессионал, занимающийся новой проблемой, будет воспринимать ее исходя из господ-

ствующих в его среде представлений о ней. И здесь не может не играть свою роль устойчивая медиа-картинка КНДР, которая существует в западном сознании и во многом определяет дискурс. Новости, которые укладываются в его рамки, воспринимаются как более достоверные и не вызывают желания тщательно их перепроверять, даже если нейтральному наблюдателю они могут показаться абсурдными.

В задачи комиссии входила проверка фактов «систематических, широко распространенных и грубых нарушений прав человека в КНДР» с целью «гарантировать полную ответственность виновных, особенно в тех случаях, когда эти нарушения могут быть расценены как преступления против человечности». Это весьма сложная задача, так как при расследовании массовых преступлений доказывать приходится именно системность явления, а не отдельные «эксцессы исполнителя».

Здесь комиссия сразу же столкнулась с проблемой: хотя Керби высказывал желание «взаимодействовать с Северной Кореей, чтобы мы смогли получить самые надежные и достоверные материалы для ООН, которые, в конце концов, подтвердят или опровергнут данную информацию»⁵, в КНДР комиссию не пустили, обвинив в изначальной ангажированности. Это имело два последствия: *во-первых*, сформированное предубеждение по отношению к Северу («раз не пускают, значит, им есть что скрывать»); *во-вторых*, информацию пришлось собирать из иных источников, в первую очередь из показаний перебежчиков, проживающих в РК и США.

Однако вместо длительной работы с большим числом свидетелей, официальный Сеул устроил публичные слушания только 30 персон, носившие пропагандистский характер и исключившие возможность постановки неудобных вопросов или перепроверки данных с помощью других источников и т. д.

Сторонник англосаксонской традиции ведения судебных процессов, Керби изначально выбрал «британский стиль расследования», предполагающий публичные слушания и относительно мягкий стиль расспросов свидетелей⁶. Кроме того, он подходил к составлению доклада как к важному публичному мероприятию. Сочетание этих двух мотиваций окончательно сформировало тот формат опроса свидетелей, который автор считает некорректным. Эта некоррект-

ность была продемонстрирована казусом с Син Дон Хёком, о котором придется рассказать довольно подробно.

30-летний Син Дон Хёк является, по его словам, единственным человеком, которому удалось бежать из особой северокорейской колонии для политических заключенных. Син якобы родился в концлагере, прожил там до 20 с лишним лет, а затем благополучно сбежал сначала на Юг, а потом — в США. Показания Сина были, можно сказать, «гвоздем» доклада. Они больше всего цитировались, пересказывая содержание книги, которую Син написал вместе со своим американским соавтором Б. Харденом⁷: казнь как первое воспоминание детства; голод, пытки и издевательства; выломанный средний палец за то, что мальчик выронил швейную машинку; донос на мать и брата в надежде на лучшее обращение; прочие истории в таком же духе.

Достоверность показаний Сина сразу же вызвала сомнения по комплексу причин. Так, описания его «мучений» не очень стыкуются с уровнем его физического здоровья: если бы все, что он описал, он пережил на самом деле, перед нами предстал бы тяжелобольной инвалид. Не меньшие вопросы вызывало «признание» в том, что ради дополнительного пайка он был способен оклеветать и послать на смерть собственную мать. Где, в таком случае, гарантия того, что человек столь сомнительных моральных качеств не лжет сейчас, чтобы заработать очередной «бонус»?

История Сина стала бестселлером, переведенным на иностранные языки, в том числе — на русский⁸. Однако в конце 2014 г. вокруг его показаний начал разгораться скандал. Сначала северокорейцы опубликовали материалы, приводящие их версию его истории. Согласно таковым Син отбывал срок, но не там; его отец жив до сих пор; следы от пыток оказались следами производственной травмы; из страны он сбежал после того, как против него было возбуждено уголовное дело по обвинению в изнасиловании 13-летней девочки⁹. Син признал, что его отец жив, а через некоторое время его соавтор заявил, что Син признался и в том, что практически все наиболее душераздирающие подробности его истории (включая рождение в лагере или историю доноса на мать) были им придуманы или изменены для «пушшего драматизма»¹⁰. Одновременно Сина стали крити-

ковать и другие перебежчики¹¹, после чего он оставил в социальных сетях довольно двусмысленный пост о том, что у каждого из нас есть «скелеты в шкафу», он благодарит всех, кто его поддерживал, но уходит из публичной политики¹².

Есть несколько версий того, какие именно «скелеты в шкафу» у Сина повлекли за собой такое решение, но подобный поворот событий не мог не вызвать целый ряд контрпропагандистских действий со стороны КНДР, заявившей, что этот скандал является «знаком качества» всего доклада, хотя составители доклада и их группа поддержки и заявили, что казус не отменяет сделанные выводы¹³.

Следует помнить, что свидетельские показания — это интерпретация данного конкретного человека, и ни один свидетель не запоминает ситуацию со всей точностью. Когда человек вспоминает о событии спустя длительное время, многие детали он сознательно или несознательно искажает, даже если на него не давит политическая конъюнктура. В случае перебежчиков, особенно претендующих на статус политического беженца, это давление конъюнктуры важно учитывать: весьма соблазнительно подать себя как человека, рассказывающего то, что другая сторона хочет от тебя услышать. Особенно тогда, когда эти данные нельзя проверить¹⁴.

Отвечая на вопросы журналистов, насколько он уверен в правдивости показаний перебежчиков, Керби поясняет, что все записывалось на камеру. Исключения составляют показания тех перебежчиков, чьи семьи (по их словам) остались в КНДР. Кроме того, множество свидетелей говорили похожие вещи, не зная друг друга¹⁵.

Так или иначе, формат слушаний перебежчиков привел к тому, что наряду с показаниями тех, кто был честен, в доклад попало множество данных сомнительной достоверности. Однако это не единственная проблема. Помимо 30 свидетелей в Сеуле и еще 50 — на слушаниях в Токио, Лондоне и Вашингтоне, доклад опирается на 240 «конфиденциальных интервью жертв режима и иных свидетелей». При этом если допросы открытых свидетелей записывали на камеру, то в отношении секретных это правило по понятным причинам не соблюдалось.

Это настораживает, заставляя вспомнить засекреченных свидетелей обвинения, которые были в ходу в РК при Ли Сын Мане¹⁶. То-

гда большинство обвинительных материалов тоже строилось на показаниях «секретных источников», которые не появлялись в суде из соображений их безопасности, или донесений секретных агентов спецслужб, существование которых никто не подвергал сомнению.

После слушаний в Сеуле комиссия направилась в Японию, где общалась с родственниками похищенных спецслужбами КНДР граждан этой страны, которые вошли в число свидетелей. Новые доказательства собрать не удалось, потому что проверить, живы ли те люди, которых в КНДР объявили умершими, не представляется возможным. Северокорейцы утверждают, что эти люди умерли, а их могилы были уничтожены во время наводнений. Родственникам хочется верить, что их близкие живы, и потому для них объяснения и оправдания Пхеньяна выглядят надуманными. В свое время КНДР пыталась представить останки одной из умерших для проведения теста на ДНК, но в Японии объявили, что северяне пытались всех обмануть, и соответствия ДНК не обнаружено. Правда, впоследствии выяснилось, что из-за непрофессионализма проводивших экспертизу образцы были загрязнены и испорчены. Вопрос остался открытым, а журнал Nature даже выступил со специальной статьей, критикующей японские власти за вмешательство в научные исследования¹⁷. Однако комиссия это проигнорировала и приняла трактовку Японии — просто на основании господствующей точки зрения.

После этого комиссия посетила Вашингтон и Лондон, где изучала вопросы, связанные с голодом середины 1990-х. Ее собеседниками оказались члены американского Совета по правам человека в КНДР, на основании выкладок которых были сделаны некорректные выводы об искусственной природе голода. В качестве экспертов были приглашены Маркус Ноланд и Эндрю Натсиос. Оба — члены американского «Совета по правам человека в Северной Корее», организации весьма специфической и ангажированной¹⁸.

Естественно, у таких специалистов режим оказался виновен в организации голода середины 1990-х, ибо власти не предприняли меры для защиты населения, сконцентрировавшись на выживании режима, а не на попытках накормить народ, увеличив поставки продовольствия (при этом забывается, что страна уже была под санкциями, и продовольствие ей бы никто не продал).

Более того, по мнению Э. Натсиоса, северо-восточные провинции страны, оказывается, специально «голодоморили», поскольку тамошнее население было нелояльно режиму, и в течение двух лет Пхеньян запрещал посылать в этот регион помощь и согласился сделать это только тогда, когда ООН пригрозила вообще не посылать в страну продовольствие. Здесь Натсиос лукавит. *Во-первых*, трудности с доставкой продовольствия были связаны со слабой дорожной сетью, а большинство дорог перекрыли оползни. *Во-вторых*, в отличие от центральных регионов северо-восточные провинции имели возможность «кормиться» за счет соседних КНР и РФ, благо граница там весьма проницаема. Поэтому большая часть помощи ушла в те регионы, где у народа не было дополнительных источников продовольствия.

Кроме того, Э. Натсиос заявил, что в пользу партийных и военных кадров было «отжато» от 40 до 70 % продовольственной помощи. М. Ноланд дополнил эти высказывания утверждением, что голод начался еще до наводнений 1995 г. Тут он тоже лукавит, поскольку за голод выдаются те трудности с продовольствием, из-за которых, в частности, население пытались перевести на двухразовое питание. Он также утверждает, что после поступления помощи Пхеньян сократил объем импорта продовольствия за деньги. По его словам, если бы Ким Чен Ир потратил еще 100 или 200 млн долл. в год на закупку продовольствия (а такие резервы у него, вроде бы, были), нехватки пищевых продуктов можно было бы избежать.

И снова передергивание. Программа борьбы с последствиями катастрофы включает в себя не только закупку еды, но и восстановление разрушенного хозяйства, и деньги из госрезерва пошли именно на это.

Картина получается совсем иная, если посмотреть интервью Дж. Морриса, директора Всемирной продовольственной программы, непосредственно занимавшегося помощью КНДР. Хотя Моррис говорит, что в ряд районов (север и северо-запад страны, а вовсе не упомянутый выше северо-восток) их не пускали по соображениям безопасности, и оттого «не можем точно оценить ситуацию абсолютно везде»; «нам предоставляется все больший доступ в разные районы... сокращается время, необходимое для получения разрешения на по-

ездки в те или иные регионы... расширяется система мониторинга поставок и распределения». Моррис говорит: «Уверен, что вся помощь, проходящая через нас, не становится объектом спекуляции, а доходит до нуждающихся»¹⁹.

Его позицию разделяет сотрудница Всемирной продовольственной программы ООН Хэйзел Смит. На пресс-конференции в Сеуле в 2003 г. она подтвердила, что помощь, направляемая в КНДР и состоящая в основном из детского питания и пищевых добавок, распределяется по назначению, а не разворовывается или поступает на нужды армии или элиты, и это подтверждается лицами, непосредственно отвечающими за ее распределение²⁰.

Из доклада американского Совета по правам человека в КНДР был позаимствован и пассаж о том, что, «начиная с 1950 г., государственное насилие распространялось за пределы страны посредством организованных государственными структурами похищений людей других наций. Эти действия уникальны по своей интенсивности, размаху и природе»²¹.

Действительно, в указанном тексте число похищенных и насильственно перемещенных зашкаливает за 80 тыс. человек, однако львиная доля этих тысяч — это не «люди других наций», а граждане РК, которые после окончания Корейской войны остались на северокорейской территории вне зависимости от того, что заставило их там оказаться. Вплоть до недавнего времени родственники этих людей были поражены в правах как потенциально связанные с коммунистами. Однако в правление Ли Мён Бака у них появилась возможность улучшить свой статус и даже получить компенсацию, если будет доказано, что их родичи оказались на Севере против своей воли. Можно понять, что после этого «насильно увезенных в КНДР» стало ОЧЕНЬ много. Тем не менее данные об их количестве сначала были некритически использованы западными правозащитниками, а потом перекочевали в отчет комиссии, у которой не было ни времени, ни способов проанализировать весь массив документов и выяснить, можно ли говорить о насильственном перемещении всех этих лиц.

Таким образом, если при анализе свидетельских показаний комиссия оказалась зависимой от формата слушаний, то в выборе экс-

пертов — от ее идеологических предпочтений. Вроде бы нет ничего удивительного в том, что комиссия выбирала тех, кого экспертами считала именно она, ориентируясь на репутацию и взгляды эксперта. Потому получилось, что ведущей экспертной оценкой оказалась позиция одной весьма определенной организации, базирующейся в США и занимающей откровенно антисеверокорейскую позицию.

Это не означает, что опрашивали только их. Составители доклада интервьюировали разных специалистов (в том числе, А. Ланькова) и даже отметили наличие разных точек зрения, но в выводы попали только те оценки и цифры, которые соответствовали уже устоявшимся предположениям о ситуации в КНДР.

Забавно, что при этом количество политзаключенных в северокорейских тюрьмах было определено в 80—120 тыс. человек, хотя ранее обычно в СМИ писали про 200 тыс.²² Это, между тем, существенная корректировка данных, примерно равная информации о том, что в 1995—1997 гг. от голода (точнее, недоедания и болезней) погибли 600 тыс. человек, а не 1,5—2 (а у некоторых ретивых авторов — и 3) млн человек.

Правда, что-то из реальных проблем Комиссия отметила. Упомянула систему сонбун, назвав КНДР «жестко стратифицированным обществом с внедренными принципами дискриминации». Однако и тут не обошлось без недочетов. Оказывается, в Пхеньяне живут только представители лояльных слоев населения, а распределение продовольствия во время голода происходило в соответствии с «анкетой». Этого не было.

Интересно, что при этом в отчете не упомянули такие действительно заслуживающие критики элементы режима, как наказания по аналогии²³, принципы коллективной ответственности и уголовное наказание за оскорбление священных символов режима — забыли.

Комиссия сделала вывод о том, что КНДР, оказывается, является тоталитарным государством, многие элементы которого обладают поразительным сходством с нацистской Германией. Правда, в КНДР нет ни расовых законов, ни лагерей уничтожения, ни экспансионистской риторики ненависти по отношению к другим странам или нациям. Зато теперь фашизмом оказались отсутствие прав и

свобод, репрессивный аппарат и культ личности вождя (Южная Корея времен Ли Сын Мана тоже неплохо вписывается в это определение).

Газовые камеры Керби тоже не нашел, но дело, скорее, в том, что о совсем закрытых лагерях для политзаключенных, где людей морят голодом, а тела сжигают в печах (в отличие от прочих лагерей, о которых сведений хватает), мы знаем только из одного источника. И имя его — Син Дон Хёк.

Более того, оказывается, причина того, что во время голода значительная часть северокорейских женщин оказалась объектами торговли или принуждения к сексуальному рабству за пределами КНДР, тоже связана с режимом. Не случись голода, они не бежали бы в КНР и не стали бы там жертвами преступности, так что и в их бедах виноваты власти.

Уничтожение политзаключенных в течение последних 50 лет оказалось приравнено к геноциду, несмотря на то, что формальное определение геноцида имеет в виду иное. Кроме того, данные о числе уничтоженных политзаключенных (что может служить основанием для подобных заявлений) в докладе не приводятся. Подобное годится для журналистской статьи, но не для юридического документа, в котором должны быть не эмоции, а документально подтвержденные цифры и факты.

Отдельно отметим то, что попытка определить виновников конкретных преступлений тоже провалилась: члены комиссии составили список подозреваемых по материалам свидетельств и доказательств, но в самом докладе не назван никто. Между тем, в начале своей деятельности Керби ставил своей целью именно это: «Наше независимое расследование займется изучением того, какие именно северокорейские учреждения и конкретные чиновники виновны в этих преступлениях»²⁴.

Вместо этого вина возложена на режим вообще и лично на Ким Чен Ына, а не на условного «старшего надзирателя Ли из концлагеря № 8», упомянутого в показаниях нескольких перебежчиков. С формальной точки зрения Ким может нести ответственность только начиная с момента своего назначения на высший пост, а большинство данных, по которым собраны реальные свидетельские по-

казания, относятся к временам даже не Ким Чен Ира, а Ким Ир Сена.

Кроме того, тезис о том, что Ким не мог не знать о преступлениях или отдавал соответствующие приказы, все-таки нуждается в доказательствах хотя бы на уровне, аналогичном требованиям Нюрнбергского процесса, на котором факты преступных приказов пришлось подтверждать. Если же идти от тезиса «те, кто ничего не делает для того, чтобы остановить преступления, подлежат наказанию вне зависимости от того, имели ли они прямое отношение к их совершению», нынешнее руководство США несет аналогичную ответственность за пытки в Абу-Грейб, Гуантанамо и иных тайных тюрьмах ЦРУ.

Тем более что у Пхеньяна есть идеальный козел отпущения в лице казненного Чан Сон Тхэка, который в качестве руководителя Отдела административных органов ЦК ТПК курировал силовые структуры и в этом качестве идеально занимает нишу северокорейского Берия, «который, конечно же, и был во всем виноват». Так как его уже расстреляли, вопрос считается закрытым.

Итак, *во-первых*, комиссия не смогла выполнить декларированную заранее задачу по установлению конкретных виновников преступлений для дальнейшего их наказания в соответствии с международным уголовным правом. Вместо этого мы получили стандартные пропагандистские заявления о «неслыханных жестокостях, санкционированных с самого верха».

Во-вторых, массовое истребление населения или специально спланированный голодомор теоретически должны быть доказаны чем-то большим, чем показания 80 свидетелей, достоверность которых под большим вопросом.

В-третьих, комиссия не смогла преодолеть искушение опереться на заведомо пропагандистские данные из ангажированных источников, что как бы обнулило ее деятельность. В результате вся собранная информация будет рассматриваться через призму «откровенный» Син Дон Хека.

Подведем итоги. Из неверных посылок и вводных несложно сделать неверные выводы. Подготовка этого документа — очень хороший пример того, как не критичный отбор данных наложился на

идеологические шоры и когнитивные искажения составителей доклада и привел к тому, что их работа в итоге обладает ценностью, близкой к нулевой.

Автору сложно выделить ключевую причину того, что Доклад о правах человека в КНДР имеет столь слабую доказательную базу. Возможно, это был социальный заказ, изначально предполагавший повышение уровня демонизации КНДР для оправдания последующих действий по вмешательству в ее дела и дестабилизации режима. Однако более реальной автору кажется версия, что такая направленность доклада была сформирована «не снаружи, а изнутри». Общая база предубеждений и раздражение, вызванное тем, что КНДР изначально отказалась сотрудничать с комиссией, предопределили рамки, в которых шло расследование. Находясь под влиянием определенных стереотипов, комиссия отбирала те факты, которые укладывались в ее представление о Северной Корее, игнорируя иные мнения, а также нестыковки или странности в показаниях свидетелей. В результате произошло накопление ошибок, которое обесценило ее работу и превратило потенциально серьезное исследование в пропагандистский пшик.

Примечания

¹ «СМИ: глава МИД КНДР примет участие в мартовской сессии ООН по правам человека в Женеве» // ТАСС 21.02.2015. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1783902>

² «North Korea: UN Commission documents wide-ranging and ongoing crimes against humanity, urges referral to ICC» // OHCHR Website 17.02.2014. URL: <http://www.ohchr.org/EN/NewsEvents/Pages/DisplayNews.aspx?NewsID=14255&LangID=E>

³ «Work with UN helps Jakarta to promote human rights abroad» // The China Post 01.03.2012. URL: <http://www.webcitation.org/67H4jU12J>

⁴ Kirby M. «Moment of truth. Human rights in North Korea» // APPS Policy Forum. 2014. URL: <http://www.policyforum.net/moment-of-truth-3/>

⁵ «ООН назвала трех членов комиссии, которая проведет расследование нарушений прав человека в Северной Корее» // Tavrika. 09.05.2013. URL: <http://novosti.sevua.com/21370/>

⁶ Kirby M. Op. cit.

⁷ Любопытно, что Харден довольно долго работал вместе с Бисерко, ранее занимаемая заказной демонизацией сербской стороны.

⁸ И если изначально она подавалась как шокирующее свидетельство перебежчика, то по мере накопления вопросов «роман» пришлось рекламировать уже как «бестселлер, основанный на реальных событиях».

⁹ «ТВ КНДР разоблачает «беженца» Син Дон Хёка» // Rutube. 25.10.2014. URL: <http://rutube.ru/video/b9af43afae25b19418e25b56f1a70628/?ref=logo>

¹⁰ «Prominent N. Korean defector Shin Dong-hyuk admits parts of story are inaccurate». Washington Post 17.01.2015. // URL: http://www.washingtonpost.com/world/prominent-n-korean-defector-shin-dong-hyuk-admits-parts-of-story-are-inaccurate/2015/01/17/fc69278c-9dd5-11e4-bcfb-059ec7a93ddc_story.html

¹¹ «Video from father may have compelled North Korea defector to change story» // Reuters. 19.01.2015. URL: <https://uk.news.yahoo.com/video-father-may-compelled-north-korea-defector-change-095246797.html#VnQsWPx>

¹² Аккаунт Сина в социальной сети // URL: <https://www.facebook.com/groups/koreanology/permalink/741911455877741/>: «Every one of us have stories, or things we'd like to hide. We all have something in the past that we never want brought to light.»

¹³ «Defector's life in N. Korea still horrifying despite changes in his accounts: U.S. author» // Yonhap News. 18.02.2015. URL: <http://english.yonhapnews.co.kr/national/2015/02/18/52/0301000000AEN20150218000400315F.html>

¹⁴ Хороший пример такого «очевидца» — иракский перебежчик, получивший кодовое имя Curve Ball (в русском переводе мемуаров тогдашнего директора ЦРУ Дж. Тенета — «Финт»), в 2010 г. признавшийся, что врал про ОМП Саддама Хусейна, ибо «хотел что-то сделать, чтобы свергнуть режим». Поверить было нужно — и поверили.

¹⁵ Kirby M. Moment of truth. Human rights in North Korea. // APPS Policy Forum. 2014. URL: <http://www.policyforum.net/moment-of-truth-3/>

¹⁶ Henderson, Gregory. Korea. The policy of the vortex. Cambridge, London, 1978. P. 428.

¹⁷ Похищения японцев Северной Кореей // Fushigi Nippon. URL: <http://leit.ru/modules.php?name=Pages&pa=showpage&pid=1388&page=3>

¹⁸ Читатели могут составить самостоятельное впечатление по сайту URL: <http://www.hrnk.org/>

¹⁹ Кирьянов О. «Джеймс Моррис: данные о миллионах жертв голода в КНДР не соответствуют действительности». Сеульский Вестник 22.09.2005 // URL: <http://vestnik.kr/interview/817.html>

²⁰ Сеульский Вестник, № 77, июль 2003. С. 3.

²¹ «North Korea: UN Commission documents wide-ranging and ongoing crimes against humanity, urges referral to ICC» // OHCHR Website. 14.02.2014. URL: <http://www.ohchr.org/EN/NewsEvents/Pages/DisplayNews.aspx?NewsID=14255&LangID=E>

²² Ibid.

²³ Наказание за преступления, не предусмотренные кодексом, определяется в соответствии со сходным по природе и тяжести преступлением из числа предусмотренных. А поскольку аналогии можно трактовать достаточно широко, это открывает большие возможности для противоправных действий, особенно — учитывая нечеткую трактовку понятий «подрывная деятельность против государства» или «подрыв престижа государственного органа». См., в частности: *Булчѣв Г.Б.* Политические системы государств Корейского полуострова. С. 113—115.

²⁴ «ООН обнаружила в северокорейских лагерях голод и “страшные зверства”» // РБК. 17.09.2013. URL: <http://www.rbc.ru/rbcfreenews/20130917131925.shtml>

Р.Н. Лобов

ПОДГОТОВКА И ПОДПИСАНИЕ ДОГОВОРА ОБ ОСНОВАХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ РЕСПУБЛИКОЙ КОРЕЯ И ЯПОНИЕЙ

Взаимоотношения Республики Корея и Японии в настоящее время переживают не самые лучшие времена. Внешнеполитические шаги администрации Пак Кын Хе, равно как и позиция правоконсервативного правительства Абэ Синдзо, привели к существенному охлаждению политического диалога между двумя странами. При изучении истории международных отношений в Восточной Азии в целом и взаимоотношений отдельных стран региона после 1945 г. в частности возникает мысль о том, что наибольшего успеха в выстраивании взаимоотношений достигали именно тогда, когда противоречия, связанные с нерешаемыми в нынешних условиях историческими и территориальными спорами, по возможности выносились «за скобки». Характерным примером такого компромисса являются события, связанные с нормализацией и установлением дипломатических отношений между Республикой Корея и Японией. Одним из рубежных событий, ознаменовавшим новый этап в развитии взаимоотношений двух соседних государств, является подписание Договора об основах отношений между Республикой Корея и Японией (кор. 대한민국과 일본국간의 기본관계에 관한 조약. Данный документ в настоящее время остается ключевым междуна-

родным договором, который регламентирует общие вопросы двусторонних отношений между РК и Японией.

Между провозглашением Республики Корея в 1948 г. и заключением данного договора в 1965 г. прошло почти 20 лет. В 1948—1960-е гг. внешнеполитическая линия Республики Корея в отношении Японии выстраивалась на основе личного (и весьма эмоционального) отношения к Японии президента страны Ли Сын Мана. Справедливости ради отметим, что в основной своей массе не отличалось благожелательностью по отношению к бывшей метрополии и южнокорейское общество того времени.

Тем не менее контакты с Японией начинаются уже в первые годы существования Республики Корея. В частности, в январе 1949 г. в Японии было открыто Представительство Республики Корея в Японии (кор. *주일본 한국대표부*)¹, которое, впрочем, игнорировалось дипломатическими кругами Японии в связи с отсутствием юридического документа, который бы регламентировал дипломатические и консульские отношения между двумя странами².

Переговорный процесс между Республикой Корея и Японией начинается практически сразу же после заключения Сан-Францисского мирного договора, подписанного в 1951 г. при содействии США³. Следует отметить, что Республика Корея в подписании мирного договора участие не принимала, — соответственно, возникла необходимость в документе, который бы оформил новый характер двусторонних отношений.

Предварительные переговоры между представителями двух стран — Ян Ю Чханом и Мацумото Сюнъити — состоялись 20 октября 1951 г. в Токио. На повестку переговоров были вынесены, *во-первых*, вопросы, связанные со статусом международных договоров, заключенных между Кореей и Японией до 1910 г. (Канхвасский договор 1876 г., Договор об аннексии Кореи 1910 г.); *во-вторых*, проблемы, связанные с последствиями японского колониального правления в Корее (проблема выплаты репараций, статус корейцев, проживающих в Японии, территориальный вопрос и т. д.)⁴.

По замечанию Чон Сын Хва, отношение правительства Ли Сын Мана к предстоящим переговорам оказалось высказано устами министра иностранных дел РК Юн Юн Тэ, который 1 октября 1951 г.

заявил, что ключевым вопросом, который южнокорейская сторона будет поднимать на переговорах, будет вопрос о репарациях⁵. И, несмотря на то что изначально переговоры были ограничены лишь проблемой корейцев, проживающих в Японии, сторонам пришлось обсудить практически все наболевшие вопросы, касающиеся двусторонних отношений.

В частности, на переговорах завязался ожесточенный спор вокруг вопроса о бывшей японской собственности. Японская сторона потребовала либо реституции прав на принадлежавшее ей до 1945 г. имущество, либо получения компенсации за его утрату. Представители РК доказывали, что по Сан-Францисскому договору Япония утратила все права⁶.

Существенным препятствием, мешавшим прогрессу на переговорах, явились расхождения между корейскими и японскими официальными лицами в оценках колониального правления. Южнокорейская сторона всячески акцентировала внимание на страданиях и унижениях, которые испытывали корейцы в годы аннексии. В свою очередь, японская сторона придерживалась точки зрения о том, что колониальное правление в целом оказало на развитие Кореи положительное влияние⁷. В конечном итоге выступление главы японской делегации Кубота Канитиро во время третьего раунда переговоров, проходившего в октябре 1953 г., выдержанное в подобном духе, привело к временному (до 1958 г.) прекращению переговоров⁸.

При этом политические разногласия оказывали существенное влияние на другие сферы, в частности — на внешнеэкономические отношения между двумя странами. Г.Ф. Ким отмечает, что до 1955 г. Япония занимала значительное место во внешней торговле Южной Кореи. По данным Министерства финансов РК, дефицит в торговле с Японией в 1955 г. составил 66 070 тыс. долл. Тем не менее в 1955 г. торговля между РК и Японией была временно приостановлена (до 14 октября 1955 г.) в связи с разногласиями по вопросу о бывшем японском имуществе⁹.

Несмотря на заметное внешнеполитическое давление со стороны США, переговоры между Республикой Корея и Японией в период президентства Ли Сын Мана успехом не увенчались.

Начало 1960-х годов в Республике Корея сопровождалось значительными переменами как во внутренней, так и во внешней политике. Правительство Чан Мёна (1960—1961 гг.) было заинтересовано в налаживании связей с Японией. В сентябре 1960 г. в Сеул с официальным визитом прибыл министр иностранных дел Японии Косака Синтаро. Правительство РК публично объявило о своей готовности пойти на компромисс по ряду проблем. Чан Мен и Косака Синтаро говорили об экономическом сотрудничестве¹⁰.

Пришедший в 1961 г. к власти в результате военного переворота генерал Пак Чжон Хи форсировал ход двусторонних переговоров. Известно, в частности, что уже 19 июля 1961 г. он объявил о том, что надеется на соглашение с Японией в течение года¹¹.

С чем связано усиление активности Республики Корея на японском направлении? С одной стороны, в США рассчитывали на нормализацию отношений между Сеулом и Токио по причинам сугубо стратегического характера. *Во-первых*, серьезные разногласия, имевшие место между странами, являющимися ключевыми союзниками США, наносили серьезный урон стратегическому потенциалу США в условиях необходимости сдерживания СССР. *Во-вторых*, шли приготовления к Вьетнамской войне и предполагалось, что Япония и Республика Корея будут развивать совместное сотрудничество в военной сфере. С другой стороны, Пак Чжон Хи и его сподвижники имели планы социально-экономической модернизации страны, которую предполагалось проводить в том числе за счет японских репараций и кредитов. Следует принимать во внимание, что уже с конца 1950-х годов объемы американской финансовой помощи Республике Корея начинают снижаться (1957 г. — 383 млн долл., 1960 г. — 260 млн долл. и т. д.)¹².

В октябре 1962 г. глава ЦРУ РК Ким Чжон Пхиль и министр иностранных дел Масахиро Охира заключили меморандум, согласно которому корейская сторона получала от Японии, в частности, 300 млн долл. безвозмездно¹³. Кроме того, удалось достичь некоторого прогресса по линии Ли Сын Мана и проблеме рыболовства. Проблему принадлежности островов Токто, впрочем, отодвинули на второй план¹⁴. Оппозиция подвергла критике этот меморандум. Пред-

ставители оппозиционных партий назвали свою сумму, которую надлежит получить с Японии — 2,7 млрд долл.¹⁵

Между тем двусторонние переговоры приближались к своему логическому завершению. 20 февраля 1965 г. официальные представители РК и Японии парафировали проект Договора об основах отношений между Республикой Корея и Японией. 3 апреля 1965 г. в Токио был парафирован проект трех соглашений между Японией и Южной Кореей: по вопросам рыболовства, имущественных претензий Южной Кореи к Японии и юридического статуса корейцев, проживающих в Японии¹⁶.

22 июня 1965 г. министрами иностранных дел Республики Корея и Японии Ли Дон Воном и Синна Эцусабура соответственно был подписан Договор об основах отношений между РК и Японией. Кроме того, представители внешнеполитических ведомств двух стран подписали ряд соглашений, урегулировавших большую часть острых проблем, стоявших на повестке дня двусторонних отношений¹⁷.

Главным из подписанных договоренностей был Договор об основах отношений между Республикой Корея и Японией, состоящий из преамбулы и семи глав.

Согласно первой главе договора, между Республикой Корея и Японией устанавливаются дипломатические отношения¹⁸. После вступления договора в силу Представительство Республики Корея в Японии (открытое в январе 1949 г.) было автоматически преобразовано в посольство¹⁹, первым послом РК в Японии стал Ким Дон Чжо (впоследствии — министр иностранных дел РК в 1973—1975 гг.)²⁰.

Вторая глава договора подтверждает, что все договоры или соглашения, которые были когда-либо заключены между Японской империей и Кореей 22 августа 1910 г. или ранее, юридически ничтожны²¹.

Третья глава договора подтверждает, что правительство Республики Корея является единственным законным правительством страны в соответствии с Резолюцией № 195 Генеральной ассамблеи ООН. С южнокорейской точки зрения данное положение договора следует воспринимать в контексте соответствующего положения Конституции, которое распространяет власть Республики Корея на всю территорию Корейского полуострова. Следовательно, это озна-

чает, что Япония признает легитимной только РК. С другой стороны, существует неизменная позиция японского руководства, согласно которой речь идет о признании Республики Корея в ее реальных географических границах. С этой же точки зрения указанное положение договора не запрещает Японии налаживать контакты с Северной Кореей²².

Следует также отметить, что данное положение договора является своеобразной приметой времени, напоминая о негласном дипломатическом соревновании между КНДР и Республикой Корея.

Иные главы указанного договора имеют либо нормативный (приверженность принципам международного права — гл. 4), либо служебный характер.

Наряду с Договором об основах отношений между РК и Японией были также заключены соглашения, касающиеся рыболовства (Соглашение между Республикой Корея и Японией по рыболовству), вопросов собственности, репараций и экономического сотрудничества (Соглашение между Республикой Корея и Японией по урегулированию проблем, касающихся собственности, претензий и экономического сотрудничества), а также — о статусе японских граждан корейского происхождения, проживающих в Японии (Соглашение между Республикой Корея и Японией о правовом статусе и защите корейцев в Японии).

В соответствии с Соглашением между РК и Японией по урегулированию вопросов собственности, репараций и экономического сотрудничества Япония передавала РК товары собственного производства на общую сумму 300 млн долл. в течение 10 лет безвозмездно. Кроме того, Япония предоставляла долгосрочные кредиты и кредиты под низкий процент на приобретение товаров, произведенных в Японии (либо услуг, которые производятся японцами) на общую сумму 200 млн долл. Кредитный договор должен быть заключен в течение 10 лет с момента вступления в силу данного соглашения. Помимо всего прочего, все притязания на собственность, права и интересы считаются урегулированными²³.

На вышеупомянутое положение ссылается японская сторона при аргументации своей позиции в спорах вокруг компенсаций «женщинам для утешения». Здесь важны два момента: *во-первых*,

сам факт выплаты репараций; *во-вторых*, аннулирование всех претензий, которые могли бы выдвигаться южнокорейской стороной. Именно это может являться камнем преткновения, который усугубит состояние двусторонних отношений.

Кроме того, составители договора принципиально обошли территориальный спор вокруг островов Токто (Такэсима). Когда документ составлялся, имели место лучшие намерения оставить решение этой проблемы политикам будущего, которые не будут отягощены грузом взаимных антипатий. С другой стороны, при актуализации проблемы Токто договор так и не был бы подписан. Вспоминается реплика, которую иногда приписывают Пак Чжон Хи для иллюстрации его прояпонских взглядов: лучшим решением для будущего Кореи было бы просто разбомбить эти острова. Тем не менее с южнокорейских позиций существование территориального спора под вопросом, поскольку любые притязания на часть территории Кореи считаются незаконными.

Примечания

¹ 연혁 및 관할지역. 주일본대한민국 대사관 (История и зона юрисдикции // Посольство Республики Корея в Японии) URL: <http://jpn-tokyo.mofa.go.kr/korean/as/jpn-tokyo/legation/history/index.jsp>

² Midori Yoshii. Reducing the American Burden? U.S. Mediation between South Korea and Japan, 1961—1965 // The Japanese Journal of American Studies, #20 (2009) URL: http://sv121.wadax.ne.jp/~jaas-gr-jp/jjas/PDF/2009/04_047-065.pdf

³ Sung-hwa Cheong. The politics of antagonism: the case of first conference for normalization of diplomatic relationships between Japan and South Korea, 1951—1952. // Asian Perspective, vol. 14, no. 2, Fall-Winter 1990, pp. 167—193.

⁴ 한일회담 예비회담 (1951.10.20—12.04) // 주 대한민국 외교부 (Переговоры между Республикой Корея и Японией. Предварительный этап. (20.10.1951—04.12.1951) URL: http://www.mofa.go.kr/incboard/boardOpenView.jsp?txtSeqno=76&PARENT_IDX=14

⁵ Sung-hwa Cheong. The politics of antagonism: the case of first conference for normalization of diplomatic relationships between Japan and South Korea, 1951—1952.

⁶ Мазуров В.М. США и Южная Корея (1950—1970 гг.) М., 1971. С. 151.

⁷ Lee Chong-sik. Japan and Korea: the political dimension. Hoover Institution Press, 1985. P.29

⁸ Lee Chong-sik. Japan and Korea: the political dimension... P. 39.

⁹ Ким Г.Ф. Южная Корея: экономическое и политическое положение (1945—1958 гг.) М., 1959. С. 180—181.

¹⁰ Lee Chong-sik. Japan and Korea: the political dimension. P. 46.

¹¹ Midori Yoshii. Reducing the American Burden? U.S. Mediation between South Korea and Japan, 1961—1965 // The Japanese Journal of American Studies, #20 (2009) URL: http://sv121.wadax.ne.jp/~jaas-gr-jp/jjas/PDF/2009/04_047-065.pdf

¹² Коргун И.А., Попова Л.В. Внешнеэкономический фактор в развитии Республики Корея. (1950—2011 гг.) СПб., 2001. С. 26.

¹³ Тихонов В.М., Кан Мангиль. История Кореи. Т. 2. М., 201, С. 223—224.

¹⁴ Midori Yoshii. Reducing the American Burden? U.S. Mediation between South Korea and Japan, 1961—1965.

¹⁵ Мазуров В.М. Указ. соч. С. 174.

¹⁶ Там же. С. 179.

¹⁷ 대한민국과일본국간의기본관계에관한조약//대한민국 국가기록원 (Договор об основах отношений между Республикой Корея и Японией // Государственный архив Республики Корея) URL: <http://www.archives.go.kr/next/search/listSubjectDescription.do?id=005140>

¹⁸ Государственный архив Республики Корея.

¹⁹ Посольство РК в Японии.

²⁰ 김동조 (Ким Дончжо) URL: <http://ko.wikipedia.org/wiki/%EA%B9%80%EB%8F%99%EC%A1%B0>

²¹ Договор об основах отношений между РК и Японией.

²² Shigeru Oda. The normalization of relations between Japan and Republic of Korea // The American Journal of International Law. Vol. 61, No. 1 (Jan., 1967) P. 41—42.

²³ Agreement Between Japan and the Republic of Korea Concerning the Settlement of Problems in Regard to Property and Claims and Economic Cooperation URL: http://en.wikisource.org/wiki/Agreement_Between_Japan_and_the_Republic_of_Korea_Concerning_the_Settlement_of_Problems_in_Regard_to_Property_and_Claims_and_Economic_Cooperation

В.А. Гринюк

ЯПОНИЯ — ЮЖНАЯ КОРЕЯ: ГЛУБОКИЙ КРИЗИС МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Республика Корея и Япония встречают 70-летие окончания Второй мировой войны в обстановке глубокого кризиса двусторонних отношений. За время пребывания у власти премьер-министра Японии Синдзо Абэ, во второй раз возглавившего правительство Японии 26 декабря 2012 г., и президента Республики Корея Пак Кын Хе, вставшей у руля государства 26 февраля 2013 г., между двумя лидерами до конца марта 2015 г. не произошло ни одной официальной встречи. Соединённые Штаты, озабоченные таким состоянием отношений между двумя их союзниками, предпринимали меры, чтобы наладить диалог С. Абэ и Пак Кын Хе. Встреча двух лидеров состоялась 25 марта 2014 г. в присутствии президента США Б. Обамы по окончании саммита по проблемам ядерной безопасности в Гааге. Однако отчуждённость между ними не была преодолена¹. О натянутости отношений между Японией и РК говорит и то, что даже традиционный товарищеский матч национальных футбольных команд двух стран в 2014 г. не состоялся².

Результаты изучения общественного мнения говорят об усилении взаимной неприязни населения двух стран. Согласно итогам опроса, проведенного в мае 2013 г. японской неправительственной организацией «Гэнрон» и южнокорейским Исследовательским ин-

ститутот Восточной Азии, 76,6 % опрошенных корейцев отрицательно относятся к Японии, и только 12,2 % испытывают к ней положительные эмоции. 37,7 % японских респондентов заявили о негативном отношении к жителям Южной Кореи и 31,1 % — о положительном отношении к ним³. По данным опроса об отношении японцев к Южной Корее, проведенного правительством Японии в декабре 2014 г., 66,4 % респондентов заявили об отсутствии у них чувства близости к Корее. В 2013 г. таких ответов было на 8,4 % меньше⁴.

В ситуации роста ксенофобских настроений в Японии растёт и популярность изданий, возбуждающих враждебность к китайцам и корейцам. Серия комиксов «Манга Кэн Кан Рю» (комиксы на тему ненависти к «Корейской волне») с 2005 до начала 2014 г. была распродана тиражом в 1 млн экземпляров⁵. Термин «корейская волна» обозначает наблюдавшийся с конца 1990-х годов рост популярности корейской культуры и искусства в зарубежных странах, в том числе — и в Японии. В последние два года под влиянием ухудшения межгосударственных отношений между Республикой Корея и Японией «корейская волна» в Стране восходящего солнца пошла на спад.

В рассматриваемый период в Японии отмечался рост активности правых националистических элементов, участились случаи нападения членов организации «Граждане против привилегий для проживающих в Японии корейцев» («Дзайтокукай») на этнических корейцев в Японии. В августе 2014 г. Комитет по правам человека ООН рекомендовал японскому правительству принять меры против возбуждающих ненависть выступлений во время демонстраций, направленных против корейцев⁶.

В то же время в Южной Корее активизировалось созданное в 1999 г. молодёжное объединение VANK, насчитывающее 120 тыс. членов. Провозгласив лозунг «Превратим Японию в изгоя Азии!», эта организация ведёт по всему миру активную антияпонскую пропаганду посредством Интернета. Правительство РК субсидирует деятельность VANK, её руководитель был награждён предыдущим президентом РК Ли Мён Баком⁷.

Ожесточённые споры между Токио и Сеулом продолжают по проблемам содержания японских учебников истории, ритуальных посещений японскими политиками святилища Ясукуни, территориального конфликта по поводу островов Токто/Такэсима. Кроме того, остро стоят вопросы компенсаций бывшим *ианфу* («женщинам для утешения»), а также материального возмещения корейцам, подвергшимся во время войны насильственной мобилизации для работы на японских предприятиях.

В апреле и октябре 2013 г. более 300 депутатов японского парламента посетили храм Ясукуни. 26 декабря того же года премьер-министр Японии С. Абэ лично совершил в Ясукуни церемонию поклонения душам обожествлённых воинов, которым посвящен этот храм. Как подчёркивалось в комментарии «Жэньминь жибао», лидер Японии этим шагом пытался снискать расположение правых кругов⁸.

Считается, что в Ясукуни покоятся вызванные с небес души около 2460 тыс. военных, погибших за императора во всех войнах, которые вела Япония, начиная с гражданской войны 1868—1869 гг. В число божеств святилища Ясукуни входят все погибшие участники агрессивных войн японского империализма в новейшее время, включая как рядовых солдат и матросов, так и генералитет. К 1970 г. в святилище были обожествлены около 1000 военных преступников классов «В» и «С», казнённых в соответствии с приговорами военных трибуналов в Иокогаме, Сингапуре, Маниле, Гонконге, на о. Гуам. 17 октября 1978 г. в реестр «душ героев» внесли имена 14 военных преступников класса «А», казнённых по приговору Международного военного трибунала для Дальнего Востока или умерших в заключении⁹.

Посещение премьером С. Абэ святилища, которое рассматривается в мире как символ милитаризма, вызвало резкие протесты в Пекине и Сеуле. Вашингтон заявил о «разочаровании» по поводу этого шага японского премьера, поскольку он вызвал усиление напряжённости в регионе¹⁰. Официальный представитель МИД России Александр Лукашевич подчеркнул, что у Москвы вызывает сожаление посещение храма Ясукуни премьер-министром Японии С. Абэ¹¹.

Правительство РК отреагировало на вызывающий шаг японского лидера отменой нескольких запланированных встреч корейских и

японских военных и мероприятий двустороннего сотрудничества в военной области.

В рассматриваемый период сохранялось противостояние между Токио и Сеулом в связи с проблемой островов Токто/Такэсима. 25 октября 2013 г. южнокорейская сторона провела военные учения по отработке обороны островов Токто¹². Южнокорейскую общественность возмутили участившиеся упоминания островов Токто как японской территории, что было сделано как в школьных учебниках, так и в официальных документах ведомств Японии («Голубая книга» МИД, «Белая книга» министерства обороны и т. д.)¹³.

В 2014 г. продолжались японо-корейские консультации по всеобщей болезненной проблеме «ианфу». Подписав в 1965 г. Договор об основных отношениях между Республикой Корея и Японией и Соглашение относительно прав на требования, которыми предусматривалось окончательное решение всех взаимных претензий сторон, Республика Корея потеряла юридические основания требовать компенсации бывшим «женщинам для утешения». С другой стороны, Конституционный суд Республики Корея летом 2011 г. определил, что бездействие корейского правительства в вопросе о «женщинах для утешения» противоречит Конституции¹⁴.

В 1993 г. генеральный секретарь кабинета министров Японии Ё. Коно выступил с официальным заявлением, в котором говорилось: «Проведенное правительством изучение показало, что во многих случаях «ианфу» были завербованы против их воли, путём обмана, насилия и пр. и что иногда административный или военный персонал принимал непосредственное участие в наборе «женщин для утешения»¹⁵.

Однако ещё в 2007 г. премьер-министр С. Абэ утверждал, что не существует явных свидетельств насильственного принуждения женщин со стороны военных властей предоставлять сексуальные услуги. Выступая 5 марта 2007 г. в парламенте на тему о шагах его правительства в связи с проектом резолюции конгресса США о «женщинах для утешения», С. Абэ говорил, что этот документ содержит фактические ошибки, что правительство Японии не намерено приносить извинения бывшим «ианфу», даже в случае принятия резолюции конгресса США¹⁶. Подобный подход к проблеме «женщин

для утешения» С. Абэ проявляет и теперь, во время повторного пребывания на посту премьер-министра Японии. В мае 2014 г. стало известно, что правительство Японии приняло решение пересмотреть заявление Ё. Коно, т. е. отказаться от признания фактов принуждения со стороны японской армии в отношении «женщин для утешения»¹⁷. Но это решение вызвало волну возмущения, причём не только в Китае, Южной Корее, но и в США¹⁸.

20 июня 2014 г. правительство Японии объявило, что намерено и впредь придерживаться положений заявления Ё. Коно. Однако перед опубликованием официального уведомления на этот счёт Токио многократно консультировался с Сеулом по поводу отдельных выражений данного документа. Последовал протест со стороны южнокорейского правительства. Оно сочло, что японская сторона в действительности пересмотрела своё отношение к заявлению Ё. Коно¹⁹.

Последующие события показали, что декларация официального Токио о приверженности положениям заявления Ё. Коно носила чисто формальный характер, в реальности проводится курс непризнания этого документа. 5 августа 2014 г. газета «Асахи» напечатала заметку о том, что несколько прежних публикаций этой газеты о практике насильственного вовлечения женщин в военные бордели были основаны на ошибочных показаниях бывшего военнослужащего императорской армии. Это послужило толчком к дальнейшей ревизии в Японии курса в отношении проблемы «женщин для утешения». 28 ноября газета «Ёмиури» выпустила редакционную статью с извинением в адрес читателей за то, что в 1992—2013 гг. в англоязычном издании «Дэйли ёмиури» использовались слова «сексуальные рабыни» и другие «неуместные выражения»²⁰.

Пересмотр линии японского правительства в вопросе «женщин для утешения» проявляется и на международной арене. На заседании Комитета по правам человека ООН в Женеве 17 июля 2014 г. японские представители отказались утвердить выражение «принуждение к сексуальному рабству» в документе на эту тему²¹.

Нынешний кризис отношений между Японией и Республикой Корея может усугубиться из-за судебных исков к японским компаниям от лица корейских граждан. Они требуют компенсаций за труд на японских предприятиях во время войны на Тихом океане.

В июле 2013 г. окружной суд Сеула принял судебное решение в пользу группы корейцев, насильно мобилизованных во время войны и работавших на заводах компании «Синниттэцу дзюкин». Решение суда предусматривает выплату истцам компенсации удержанной зарплаты в сумме 400 млн вон (около 40 млн иен). Компания «Мицубиси дзюкогё» тоже проиграла процесс по аналогичному иску и подала апелляцию в апелляционный суд. Кэйданрэн (Федерация экономических организаций) и три другие предпринимательские организации Японии опубликовали заявление, в котором потребовали разрешения проблемы, исходя из того, что Договор об основных отношениях между Японией и Кореей 1965 г. и Соглашение относительно прав на требования урегулировали все претензии корейских граждан к Японии. Если Верховный суд Республики Корея утвердит судебные решения окружного суда, активы обеих компаний в Корее могут быть арестованы. Это может серьёзно осложнить экономическое взаимодействие между двумя странами²².

Помимо перечисленных проблем, относящихся к прошлому японо-корейских отношений и связанных с исторической памятью, руководство Южной Кореи остро реагировало и на некоторые недавние шаги правительства С. Абэ, усматривая в них проявления милитаристских тенденций. По сообщениям прессы, Республика Корея наряду с КНР выразила озабоченность в связи с принятием в Японии 6 декабря 2013 г. Закона об охране государственной тайны. Настороженность Сеула вызвала и новая трактовка права Японии на коллективную самооборону, с которой премьер-министр С. Абэ выступил 1 июля 2014 г.

Во время Сеульского диалога по безопасности, проходившего 29—31 октября 2014 г., заместитель министра обороны РК встретился с японским коллегой и выразил озабоченность по поводу новой трактовки права Японии на коллективную самооборону и проистекающих из неё представлений о праве Японии в случае чрезвычайной ситуации действовать на Корейском полуострове²³.

В Токио основными виновниками ухудшения отношений между Японией и РК считают корейские СМИ, систему образования, судебные органы и антияпонские организации Южной Кореи²⁴. Некоторые претензии в адрес прессы РК выглядят обоснованными. На-

пример, газета «Чунан ильбо» в запале острой дискуссии с японской стороной 20 мая 2013 г. опубликовала колонку обозревателя с текстом, в котором говорилось, что «атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки были мстью жертв опытов над живыми людьми в отряде 721»²⁵.

В некоторых публикациях японской прессы ухудшение японо-корейских отношений связывают с личными качествами президента Южной Кореи Пак Кын Хе, с её ошибками в управлении страной²⁶. Однако представляется, что если говорить о личных качествах и склонностях лидеров двух государств, то нужно иметь в виду, что С. Абэ — политик чётко выраженного правого направления. Об этом можно судить и по его прежней деятельности, и по работе нынешнего правительства Японии. Поэтому противостояние С. Абэ и Пак Кын Хе можно рассматривать как случай, когда «нашла коса на камень».

Ослаблению связей Токио с Сеулом способствуют и объективные факторы. Главный научный сотрудник Исследовательского отдела Японского института комплексных исследований Хидэхико Мукояма полагает, что нынешнее отдаление Южной Кореи от Японии вызвано проблемами исторического прошлого, однако проявляется и снижение важности Японии для РК. С окончанием холодной войны для Южной Кореи упала значимость Японии в плане безопасности. Далее, в процессе глобализации южнокорейской экономики для Республики Корея сократилась весомость Японии в экономическом плане. А если важность какой-то страны снижается, то ослабевают усилия с целью восстановить отношения с этой страной²⁷.

С другой стороны, после 2000 г. и в аспекте обеспечения безопасности (стабилизации обстановки на Корейском полуострове), и в аспекте экономики для Южной Кореи возросла важность Китая. Именно эти моменты служат фоном для таких явлений, как «упор Южной Кореи на связи с КНР» и «отдаление Южной Кореи от Японии».

С точки зрения экономики наблюдается уменьшение разрыва в экономической мощи Японии и Южной Кореи. Во время так называемого потерянного двадцатилетия в Японии продолжался застой в экономике, а в Республике Корея в 2000-х годах ускорился процесс глобализации и экономика росла в среднем на 4,5 % в год. В резуль-

тате если в 1999 г. ВВП Южной Кореи в пересчёте на душу населения составлял 1/4 от соответствующего показателя в Японии, то в 2012 г. он вырос до 1/2. По покупательной способности, учитывающей уровень цен, ВВП на душу населения в РК за этот период вырос с 0,45 до 0,89 японского²⁸.

Ещё один важный момент — снижение весомости Японии и повышение значения КНР во внешней торговле Южной Кореи. В частности, из Южной Кореи в 2000-е годы быстро росли экспорт и инвестиции в Китай, который в этот период вступил в ВТО и демонстрировал высокие темпы роста экономики. В 2003 г. КНР, обогнав США, стала для Южной Кореи первой страной-партнёром по объёму её экспорта. В 2007 г. Китай, перегнав Японию, стал первой страной-партнёром Южной Кореи по объёму её импорта. Сокращение доли Японии в южнокорейском экспорте и как следствие нарастающий дисбаланс в двусторонней торговле привели к постепенному ослаблению заинтересованности РК в развитии экономических связей с этой страной²⁹.

Таким образом, нынешнее ухудшение отношений между Японией и Южной Кореей объясняется прежде всего глубокими противоречиями между двумя сторонами в трактовке исторического прошлого. Противостояние усугубляется из-за радикальной линии японского правительства во главе с С. Абэ на постепенную ликвидацию ограничений, которые прежние поколения японских политиков добровольно ввели в политическую практику, исходя из пацифистского духа Конституции Японии. На процесс взаимного отчуждения двух стран влияет и экономическое «отдаление» Южной Кореи от Японии.

Примечания

¹ *David Kang*. University of Southern California. Jiung Bang. University of Southern California // Japan-Korea Relations: Is the USA a «Wingman» or «Third Wheel»? URL: scis.org/publication/comparative-connections-v.16-N 1 P.131.

² *David Kang*. University of Southern California. Jiung Bang. University of Southern California // Japan-Korea Relations: The Best of Times, the Worst of Times? URL: scis.org/publication/comparative-connections-v.16-N 2. P. 129.

³ *Наканиси Хириси*. Сого фусин ни тораварэта 1500 нэн (1500 лет, прошедшие под знаком взаимного недоверия) // Тьюкорон. Март 2014. С.32.

⁴ *David Kang*. University of Southern California. Jiung Bang. University of Southern California // Japan-Korea Relations: How (Juicy)Tabloid News Subsumed Relations. URL: http://csis.org/files/publication/1403qjapan_korea.pdf

⁵ *David Kang*. University of Southern California. Jiung Bang. University of Southern California // Japan-Korea Relations: Is the USA a «Wingman» or «Third Wheel»? URL: scis.org/publication/comparative-connections-v.16-N 1 P. 134.

⁶ *David Kang*. University of Southern California. Jiung Bang. University of Southern California // Japan-Korea Relations: How (Juicy)Tabloid News Subsumed Relations. URL: http://csis.org/files/publication/1403qjapan_korea.pdf

⁷ *Накагава Такаси*. Никкан канкэй акка но симпаннин (Подлинные виновники ухудшения японо-корейских отношений) // Тью корон. Март 2014. С. 53. The Japan Times. 28.12.201?

⁸ URL: <http://inosmi.ru/world/20131226/216067110.html>

⁹ *Гринюк В.* Политические проблемы храма Ясукуни // Проблемы Дальнего Востока. № 4.2010. С. 45.

¹⁰ *David Kang*. University of Southern California. Jiung Bang. University of Southern California // Japan-Korea Relations: More Naughty Than Nice. URL: scis.org/publication/comparative-connections-v.15-N 3. P. 120.

¹¹ URL: <http://vz.ru/news/2013/12/26/666227.html>

¹² *David Kang*. University of Southern California. Jiung Bang. University of Southern California // Japan-Korea Relations: More Naughty Than Nice. URL: scis.org/publication/comparative-connections-v.15-N 3. P.118.

¹³ *Лобов П.Н.* Японская политика Пак Кын Хе: новый поворот и старые задачи // Россия и Корея в меняющемся мире. Москва. ИДВ РАН. 2014. С. 68.

¹⁴ *Батакова А.* Проблемы исторического прошлого в современных отношениях Японии с Китаем и Республикой Кореей // Проблемы Дальнего Востока. № 6.2014. С. 35.

¹⁵ Abe's Comfort Women Remarks: What Was He Thinking? By Ralf Cossa and Brad Glosserman // Pacific Forum CSIS. Honolulu, Hawai.2007. March 13. Pac Net Number 12.

¹⁶ *Гринюк В.* Япония: проблема исторической ответственности // Проблемы Дальнего Востока. № 5. 2007. С. 48.

¹⁷ *David Kang*. University of Southern California. Jiung Bang. University of Southern California // Japan-Korea Relations: The Best of Times, the Worst of Times? URL: scis.org/publication/comparative-connections-v.16-N 2. P.122.

¹⁸ Ibid. P. 127.

¹⁹ Ibid.

²⁰ *David Kang*. University of Southern California. Jiung Bang. University of Southern California // Japan-Korea Relations: How (Juicy)Tabloid News Subsumed Relations. URL: http://csis.org/files/publication/1403qjapan_korea.pdf

²¹ *David Kang*. University of Southern California. Jiung Bang. University of Southern California // Japan-Korea Relations: The Best of Times, the Worst of Times? URL: scis.org/publication/comparative-connections-v.16-N.2.P.129.

²² *Эгами Го*. Канкоку кэйдзайкай [ханнити] но хоньон о кийта (Я узнал об истинных антияпонских настроениях экономических кругов Южной Кореи) // Бунгэй сьондзю. 2014.1. С. 424.

²³ *David Kang*. University of Southern California. Jiung Bang. University of Southern California // Japan-Korea Relations: How (Juicy)Tabloid News Subsumed Relations. URL: http://csis.org/files/publication/1403qjapan_korea.pdf

²⁴ *Накагава Такаси*. Никкан канкэй акка но симпаннин (Подлинные виновники ухудшения японо-корейских отношений) // Тью корон. Март 2014. С. 53.

²⁵ Там же.

²⁶ *Като Дацую*. Пак Кын Хе [ханнити дайторё]но фукай кодоку(Глубокое одиночество [антияпонского президента] Пак Кын Хе) // Бунгэй сьондзю. 2014.4. С. 126—133.

²⁷ *Мукояма Хидэхико*. Канкоку кэйдзай [Нихон банарэ] но хайкэй то дзиттай (Реальная ситуация [отдаления от Японии] корейской экономики и что служит фоном данного процесса) // Тью корон. Март 2014. С. 58.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. С. 59.

Глава 2 ОСВОБОЖДЕНИЕ КОРЕИ: КАК ЭТО БЫЛО

Ким Ен Ун

70 ЛЕТ ОСВОБОЖДЕНИЯ КОРЕИ И СУДЬБЫ КОРЕЙСКОЙ НАЦИИ

В год 70-летия освобождения Кореи от колониального ига многие правительства, политики, исследователи предпочитают не затрагивать вопрос о том, кто освободил народ этой страны, или же вовсе пытаются доказать, что либо США, либо сами корейцы себя освободили.

Второй крупный вопрос — о причинах происшедшего 70 лет назад раскола освобожденного народа и о мерах по его преодолению.

Не подлежит сомнению, что в августе 1945 г. войсками союзников антигитлеровской и антимилитаристской коалиции, но прежде всего благодаря победам Красной Армии, многолетней антияпонской борьбе самого корейского народа, по Японии был нанесен удар такой силы, что она была вынуждена безоговорочно капитулировать, что позволило ликвидировать японское колониальное иго в Корее.

При этом на 15 августа, в День освобождения Кореи, на Корейском полуострове воевали с ожесточенно сопротивлявшимися японскими войсками только советские войска¹. В порту Вонсан японский гарнизон капитулировал только 22 августа, хотя рескрипт японского императора о капитуляции был обнародован 15 августа, а по всей Квантунской армии приказ о капитуляции был отдан только 19 августа.

Корейцы были освобождены от оккупационного режима угнетения, ограбления, от запрета на свои национальные имена и фамилии, говорить на своем языке, знать свою историю, наконец, от участи полного исчезновения не только как нации, но и этноса. Последнее стало бы неизбежным результатом японской политики ассимиляции, если бы колониальный режим продлился еще хотя бы два десятилетия.

После 15 августа 1945 г. никто не запрещал корейскому народу соблюдать свои национальные традиции, говорить на своем родном языке, развивать свою культуру, утверждать свою этническую и национальную идентичность, иметь свое правительство и государство, устанавливать разнообразные связи с другими странами и народами. В этом смысле освобождение Кореи в августе 1945 г. не подлежит сомнению. Это признавали в те годы корейские руководители, корейские ученые, а главное — народ.

Наиболее сложен вопрос о причинах раскола Кореи после освобождения. Почему освободившийся народ не смог сохранить единство своей страны?

Ответ на него важен не только с точки зрения истории и науки, но и для практической политики, потому что выяснение причин раскола может оказать большую помощь в создании условий для объединения Кореи.

Можно, конечно, как это делают почти все историки Южной Кореи, часть так называемых продвинутых, либеральных историков, политологов, обвинить холодную войну, ее главных фигурантов — СССР и США — в расколе Кореи.

В известной книге «Корейский полуостров: метаморфозы послевоенной истории» говорится: «Советский Союз и другие союзные державы сокрушили бастионы японского колониализма и милитаризма, освободили Корею от чужеземного рабства. Однако им не удалось после окончания тихоокеанской войны выработать согласованные решения по вопросам послевоенного урегулирования на Дальнем Востоке, в т.ч. и в Корее. Две военно-оккупационные зоны на полуострове, контролируемые соответственно Советским Союзом и США, в условиях нарастающей советско-американской кон-

фронтации превратились в два сепаратных государства, которые вступили между собой в непримиримую схватку»².

Согласимся с таким объяснением, но с оговоркой, что это не вся правда, есть и другие факторы, обусловившие превращение двух частей Кореи, по выражению авторов книги, «в два сепаратных государства».

В середине XX в. мало кто в Корее сомневался в том, что Корея, несмотря на самоотверженную борьбу ее народа, все же была освобождена внешними силами, которые объединенными усилиями разгромили Японию и освободили поработанные ею народы.

Так, в юбилейном издании, посвященном 10-летию образования КНДР, написано: «15 августа 1945 года корейский народ был освобожден Великой Советской Армией от ига тридцатилетнего колониального господства японского империализма. Освобождение советскими войсками страны открыло новую эру в историческом развитии корейского народа»³. 27 октября 1945 г. секретарь ЦК Компартии Кореи Пак Хон Ен во время беседы с командующим американскими войсками в Южной Корее генерал-лейтенантом Дж. Ходжем говорил: «Мы ясно признаем, что освобождение Кореи совершилось не благодаря собственной борьбе, а благодаря помощи Объединенных наций»⁴.

Постоянная апелляция к внешним силам, ожидание помощи были свойственны многим политикам Кореи на протяжении многих лет. Об этом говорится в Декларации корейской революции, написанной в январе 1923 г.: «Слабоумная 500-летняя политика династии Ли, защищая страну, в конечном итоге привела к возникновению групп “найма” и “дружбы”. Каждая из них предлагает привлекать иностранную помощь, чтобы подавлять народ, а также, привлекая одну страну, оказывать давление на другую страну. В результате привычка опираться только на силу иностранцев становится одинаковой и для простолюдина, и для политика»⁵.

Эта привычка была очевидной и после освобождения, потому что в поисках лучшей модели своего развития обе части полуострова выбрали заимствованные модели развития. К тому же будущих руководителей двух частей страны привезли из США и СССР.

Неспособность политических лидеров Кореи того времени договориться была одной из основных причин раскола. Эта неспособность была связана, конечно, в определенной степени с личностным характером тогдашних лидеров. Но не это было главным. Одна из причин кроется в социально-классовой структуре Кореи того периода, когда основные силы организованного рабочего класса находились в северной части страны, тогда как в южной части преобладали торгово-ростовщические и мелкобуржуазные круги.

Предприятия Севера давали около 85 % продукции металлургии, 88 % продукции химической промышленности, все производственное оборудование чугунолитейной промышленности, почти всю железную руду, 85 % добычи угля и 92 % электроэнергии. Рабочий класс Кореи составлял 2 млн человек, из которых 600 тыс. относились к фабрично-заводскому пролетариату. При этом 40 % фабрично-заводских рабочих были заняты на крупных предприятиях, в частности на металлургических заводах в Чондине и Сонниме работало по 6—8 тыс. рабочих, а на Хыннамском химкомбинате работали несколько десятков тысяч человек⁶. Организованный рабочий класс выступал активно за антиколониальные, демократические преобразования в обществе.

Большое влияние на размежевание общества оказала популярность идей социализма в мире в целом и в Корее в частности. Победа Советского Союза над фашистской Германией вызвала по всему миру стремление построить свою жизнь по примеру СССР. Это признавали и идеологи, и политики ведущих империалистических государств. В частности, известный дипломат и теоретик «сдерживания» СССР Дж. Кеннан считал в 1945 г., что «народы Западной Европы и Японии, два из пяти главных центров индустриальной мощи в мире, могут быть потеряны для Запада», в том числе в результате «победы коммунистов в свободных выборах»⁷.

СССР был против деления какого-либо государства. Даже Германию, которая принесла неисчислимые бедствия советскому народу, руководство Советского Союза не хотело расчленять.

Впервые вопрос о расчленении Германии поднял президент США. На заседании глав делегаций в Тегеране 1 декабря 1943 г. Ф.Д. Рузвельт предложил обсудить вопрос о расчленении Германии,

ликвидации Германии как государства и создания вместо него отдельных государств. Его активно поддержал премьер-министр Великобритании У. Черчилль, который еще раньше выдвигал идею создания нескольких новых государственных образований за счет комбинации частей расчлененной Германии и других государств региона.

Этот вопрос был еще раз рассмотрен на Крымской конференции. И.В. Сталин, не желая расчленения Германии, но и в то же время не желая напрямую конфликтовать с лидерами союзных государств, предложил передать вопрос на рассмотрение министров иностранных дел. Однако когда комиссия по расчленению Германии начала свою работу в Лондоне, представитель СССР, посол в Лондоне Ф.Т. Гусев, 26 марта 1945 г. по поручению Советского правительства направил председателю комиссии министру иностранных дел Великобритании Идену письмо со следующим разъяснением: «Советское правительство понимает решение Крымской конференции о расчленении Германии не как обязательный план расчленения Германии, а как возможную перспективу для нажима на Германию с целью обезопасить ее в случае, если другие средства окажутся недостаточными»⁸. В своей книге «Раздел и расчленение Германии» американский исследователь Гарольд Страус отмечал: «Письмо советского делегата сделало ясным, что Советское правительство не поддерживало в принципе программу расчленения»⁹.

Так был окончательно снят вопрос о расчленении Германии. Сталин считал нужным напомнить 9 мая 1945 г. в обращении к советскому народу в связи с Победой над фашистской Германией: «Германия разбита наголову. Германские войска капитулируют. Советский Союз торжествует победу, хотя он и не собирается ни расчленять, ни уничтожать Германию»¹⁰.

Непростым является вопрос об установлении опеки над Кореей после ее освобождения, которая расколола политические силы Кореи в конце 1945 — начале 1946 г. Такое решение содержалось в решении Совещания министров иностранных дел СССР, США и Великобритании, состоявшегося в Москве в декабре 1945 г. Отметим, что первоначально, когда США и Великобритания выдвигали эту идею, вопрос касался только тех территорий, которые находились под опекой Лиги Наций, либо колониальных владений Италии.

На Ялтинской конференции трех союзных держав в феврале 1945 г. корейский вопрос не значился в основной повестке дня, но он был достаточно детально проработан во время двусторонней беседы Рузвельта и Сталина 8 февраля 1945 г. Президент США заявил, что после разгрома Японии Корейский полуостров следует передать в систему международной опеки, созданной из представителей СССР, США и Китая. При этом Рузвельт сослался на почти 50-летний американский опыт «подготовки к самоуправлению» Филиппин, добавив, что корейцам этот переходный период может быть сокращен до 20—30 лет. Руководитель СССР спросил, не будет ли это протекторатом. Рузвельт ответил, что ни в коем случае, и пояснил, что попечители будут помогать корейцам управлять своей собственной страной, может быть, в течение 30—40 лет, пока корейцы не будут подготовлены к самоуправлению. Тогда Сталин поинтересовался, предусматривается ли размещение иностранных войск на Корейском полуострове. Последовал также отрицательный ответ, после чего он, не возражая в принципе против краткосрочной опеки, заметил: «Чем короче, тем лучше»¹¹.

Итак, как было разъяснено Ф. Рузвельтом, это был режим опеки, а не протектората, т. е. не прямое внешнее управление, а оказание помощи в управлении, осуществляемое через временное правительство, которое создадут сами корейцы, исходя из расстановки политических сил и осуществления антиколониальной демократической революции. При этом президент США разъясняет, что на подопечной территории не должно быть иностранных войск. И сроки опеки, по мнению руководителя СССР, должны быть минимальными.

Правда состоит в том, что США и Великобритания задолго до Крымской конференции решили установить опеку над Кореей. Президент Рузвельт, выступая на специальном совещании по вопросам тихоокеанской войны 14 января 1944 г., недвусмысленно заявил: «Корейцы пока не в состоянии поддерживать порядок и управлять независимым правительством, поэтому мы возьмем их под опеку сроком до 40 лет...»¹²

На Московском совещании министров иностранных дел СССР, США и Великобритании 17 декабря 1945 г. госсекретарь США Дж.Ф. Бирнс от имени США и Великобритании внес предложение

установить опеку над Кореей сроком на 5 лет с последующим продлением еще на 5 лет, т. е. фактически на 10 лет. При этом предлагалось, чтобы была создана Объединенная администрация для Кореи во главе с двумя военными командующими, которая наделялась полномочиями осуществления исполнительной, законодательной и судебной власти в период осуществления опеки в Корее. Корейцы могли участвовать в работе органов объединенной администрации только в качестве администраторов, консультантов и советников¹³.

Таким образом, делегация США предложила то, что полностью противоречило условиям, о которых Сталин и Рузвельт говорили 8 февраля 1945 г., а именно — установление протектората и введение войск на весь период опеки. И, по-видимому, не случайно, в южнокорейской прессе слово «опека» было переведено как «протекторат».

Почему США пошли на такую подмену согласованной лидерами США и СССР позиции по проблеме опеки в Корее? Как представляется, администрация пришедшего к власти после внезапной кончины Рузвельта Г. Трумэна изначально не хотела объединенной Кореи, потому что понимала, что она не станет проамериканской. 12 мая 1945 г. посол США в СССР А. Гарриман совещался в Госдепартаменте с и. о. госсекретаря Дж. Грю, помощником военного министра Дж. Макклоем и военно-морским министром Форрестолом и среди прочего поставил вопрос, следует ли США поддерживать идею установления над Кореей опеки держав-победительниц или предоставить корейцам право самим создать свое правительство, которое, «несомненно, станет большевистским или советским». Дж. Грю в этот же день направил официально меморандум на имя военного министра Стимсона и Форрестола с предложением согласиться с установлением над Кореей опеки со стороны США, Англии, Китая и СССР, которые явились бы «единственной властью, уполномоченной сформировать временное корейское правительство»¹⁴.

Народный комиссар по иностранным делам СССР В.М. Молотов передал на пятом заседании Московской конференции Дж. Бирнсу 20 декабря предложения СССР, в которых было предложено: «В целях восстановления Кореи как независимого государства, создании условий для развития страны на демократических началах и скорейшей ликвидации пагубных последствий длительного

японского господства в Корее создается временное корейское демократическое правительство, которое будет принимать все необходимые меры для развития промышленности, транспорта и сельского хозяйства Кореи и национальной культуры корейского народа.

Для содействия образованию ВКП и для предварительной разработки соответствующих мероприятий создать Объединенную комиссию из представителей командования. Комиссия должна при выработке своих предложений консультироваться с корейскими демократическими партиями и общественными организациями»¹⁵.

Смысл советского предложения состоял в том, чтобы а сделать опеку формой помощи корейскому народу и осуществлять ее через Временное корейское правительство, которому опекуны от имени ООН должны содействовать в преодолении последствий японского колониального ига, в создании нормальной государственности, экономики и других сфер жизни, как это и предлагалось президентом Ф. Рузвельтом в Ялте.

В конечном итоге было принято предложение СССР о введении режима опеки после создания Временного корейского правительства и ограничении ее срока пятью годами¹⁶.

Идея введения американских и советских войск на территорию Кореи была предложена США под предлогом принятия капитуляции японских войск на полуострове к северу и югу от 38-й параллели. Дело в том, что если бы Трумэн не направил телеграмму Сталину с этим предложением, советские войска освободили бы полностью весь полуостров, потому что США просто не успевали высадить войска в Пусане или в Инчоне. А США хотелось присутствовать в Корее. СССР не собирался оставлять свои войска в Корее, как и во многих других странах, где были советские войска. Так, например, отвод частей Красной Армии из Маньчжурии начался уже осенью 1945 г. и окончательно завершился в мае 1946 г. Примерно к тому же времени части Советской Армии были выведены из Норвегии, Дании, Ирана.

СССР не ставил задачу установления в Корее советской власти, потому что учитывал положение корейского общества в то время. По своему социально-экономическому устройству, по положению различных социальных групп это было общество с начавшимися рыночными отношениями, но с глубокими пережитками феодализма и

его нормами, с преобладанием крестьянского населения, сосредоточением земли в руках помещичьего класса и японских латифундистов. Это отразилось и в сохранявшихся различиях в менталитете и диалектах жителей регионов.

Это понимали и корейские революционеры, и борцы за независимость, это понимало и командование Советской Армии на Дальнем Востоке в лице Главнокомандующего маршала А.В. Василевского, что отразилось в его Обращении к корейскому народу от 8 августа 1945 г. и Обращении командования 25-й армии¹⁷. В директиве Ставки Верховного Главнокомандования Красной Армии от 20 сентября 1945 г. были определены цели и задачи Советской армии в Корее. Они сводились к следующему:

«...3. Не препятствовать образованию в занятых Красной Армией районах антияпонских демократических организаций и партий и помогать им в их работе.

4. Разъяснять местному населению:

а) что Красная Армия вступила в Северную Корею с целью разгрома японских захватчиков и не преследует целей введения советских порядков в Корее и приобретения корейской территории;

б) что частная и общественная собственность граждан Северной Кореи находится под защитой советских военных властей.

5. Призвать местное население продолжать свой мирный труд, обеспечить нормальную работу промышленных, торговых, коммунальных и других предприятий, выполнять требования и распоряжения советских военных властей и оказывать им содействие в поддержании общественного порядка.

6. Войскам, находящимся в Северной Корее, дать указания строго соблюдать дисциплину, население не обижать и вести себя корректно.

Исполнению религиозных обрядов и церемоний не препятствовать, храмов и других религиозных учреждений не трогать.

7. На территории Северной Кореи советов и других органов советской власти не создавать и советских порядков не вводить. Содействовать установлению в Северной Корее буржуазно-демократической власти на базе широкого блока всех антияпонских демократических партий и организаций»¹⁸.

В марте 1946 г. была обнародована Политическая программа Временного народного комитета Северной Кореи из 20 пунктов. В ней предусматривалось обеспечение демократических прав населения, 8-часовой рабочий день для рабочих и служащих, социальное страхование и минимальная зарплата, оплачиваемые отпуска, расширение сети государственных лечебных учреждений, введение бесплатного лечения для бедных, всеобщее обязательное начальное образование. По изданному 5 марта 1946 г. Указу о земельной реформе за 20 дней было изъято более 1 млн чонбо пахотных земель у помещиков и японских землевладельцев, а также прояпонских коллаборационистов, 98 % которых было безвозмездно передано 725 тыс. безземельным и малоземельным крестьянским хозяйствам в бессрочное пользование. 24 июня 1946 г. был обнародован Закон о труде для рабочих и служащих Северной Кореи, введший 8-часовой рабочий день, запрет на использование труда малолетних детей младше 13 лет¹⁹, социальное страхование, меры охраны труда и здоровья трудящихся матерей.

30 июля 1946 г. принимается Закон о равноправии женщин. 10 августа того же года был принят Закон о национализации промышленности, железных дорог и других средств транспорта, связи, банков и торговых и культурных учреждений²⁰. Почти все это принадлежало ранее японцам или их приспешникам, а потом было передано Советской военной администрацией безвозмездно народу Северной Кореи. Также был принят Закон об охране частной собственности, разрешающий капиталистические предприятия с числом рабочих не более 50 человек (они могли получать краткосрочные кредиты).

В то же время на волне антиколониальных выступлений и освобождения страны на первый план выходила потребность в социальной справедливости. Требование справедливости не является изобретением коммунистов или Коминтерна. Это общее требование народа в любое время в любой стране, но особо остро поднимающееся и овладевающее массами как актуальная задача в дни коренных перемен в жизни общества, когда ликвидируется старый политический и социальный порядок и возникает новый.

В это время в Южной Корее американская военная администрация последовательно и жестоко подавляла, а затем и ликвидировала

все антиколониальные, прогрессивные организации, взяла курс на создание сепаратного правительства, целиком зависящего от США. В течение августа-сентября в Южной Корее было создано более 250 народных советов и комитетов, которые представляли фактическую власть, направленную на решение задач антиколониальной, общедемократической революции.

Власти США разогнали в октябре 1945 г. все народные комитеты, использовали полукриминальные и криминальные элементы для разгона прогрессивных организаций и убийства из лидеров, в 1946 г. запретили Трудовую партию Южной Кореи. Даже после репрессий против прогрессивных сил Южной Кореи население высказывалось за создание общества социальной справедливости. В середине 1946 г. Американская военная администрация провела опрос общественного мнения в Сеуле, который охватил несколько тысяч человек. За капитализм высказались 14 %, а за социализм 70 %, плюс за коммунизм — 7 %²¹, т. е. более трех четвертей населения столицы высказалось за создание общества социальной справедливости и народовластия.

Свою роль сыграло также и одно обстоятельство, связанное с исторической особенностью формирования корейского государства. Название страны для северной части полуострова за более чем двухтысячелетнюю историю никогда не было связано с тремя древнейшими племенными образованиями под названием Махан, Чинхан и Пенхан на крайнем юге полуострова. Северокорейцы, в особенности жители провинций Пхенандо, Хамгендо, северная часть Канвондо и нынешние Чагандо и Рянгандо, никогда не были, до провозглашения в 1897 г. императором Кочжоном Корейской империи под названием Тэхан чегук, в составе ханских племенных и государственных образований. Их история — это история Кочосон, Когурё, Корё, Чосон. Сложно представить, что они согласятся поменять название своего государства на никак не связанное с их историей наименование.

Таким образом, раскол Кореи связан, прежде всего, с действиями США по утверждению своего влияния на полуострове как стратегически важного плацдарма военно-политического давления на СССР и Китай, логикой действий США и СССР в условиях начав-

шейся в 1946 г. холодной войны, неспособностью корейских политических сил пойти на компромисс и поставить национальные интересы выше своих идеологических амбиций, неумением и отчасти неспособностью найти взаимоприемлемые пути решения возникающих проблем, особенностями истории формирования корейской государственности, надеждой на внешние силы в решении их внутринациональных проблем²².

Сохраняющийся раскол и межкорейские конфликты все больше отдаляют зарубежных корейцев от своей исторической родины, формируют нежелание поддерживать какую-либо из корейских сторон. Чем дальше, тем больше они становятся не частью корейской нации, а частями своих новых отечеств и, соответственно, действуют, исходя из интересов страны проживания.

К сожалению, почти все эти факторы остаются в силе до сих пор. И в связи с этим будущее корейской нации на ближайшие годы не представляется перспективным с точки зрения преодоления раскола и объединения.

Примечания

¹ Для справки: против 17-го фронта воевали части советской 25-й армии 1-го Дальневосточного фронта, которые одновременно вели основными своими силами боевые действия против Квантунской армии на территории Китая в восточной части Дунбея.

² Торкунов А.В., Денисов В.И., Ли В.Ф. Корейский полуостров: метаморфозы послевоенной истории. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. С. 76

³ Корейская Народно-Демократическая Республика. — Пхеньян, Издательство литературы на иностранных языках, 1958. С. 82.

⁴ Архив внешней политики РФ. Фонд 0102, Оп. 1, П.1, Д.3, л. 34.

⁵ Полное собрание деклараций независимости Кореи. — Москва, МККА, 1999. С. 129.

⁶ История Кореи (с древнейших времен до наших дней). Т. 2. — М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1974, С. 132—133.

⁷ Containment. Documents on American Policy and Strategy, 1945—1950. Ed. by Thomas H. Etzold and John L. Gaddis. — N.Y., 1978. — P. 29. — Цит. по: Славинский Б.Н. Внешняя политика СССР на Дальнем Востоке, 1945—1986 гг. — М.: Междунар. отношения, 1988. С. 22.

⁸ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.: Т. 4. Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4—11 февраля 1945 г.). Сборник документов/М-во иностр. дел СССР. — М.: Политиздат. 1979. С. 23.

⁹ Harold Strauss. The Division and Dismemberment of Germany. Ambilly, 1952. P. 97—98.

¹⁰ См.: Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны». Документы и материалы. Т. III. М., 1947. С. 45.

¹¹ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Т. IV. Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4—11 февраля 1945 г.). С. 141—142.

¹² См.: Торкунов А.В., Денисов В.И., Ли В.Ф. Указ. соч. С. 57.

¹³ АВП РФ. Фонд 0102, Оп. 1, П. 1, Д.1, л. 1—3.

¹⁴ Harriman W.A., Abel E. Special Envoy to Churchill and Stalin, 1941—1946. — N.Y. 1975. P. 461; The Forrestal Diaries. — N.Y., 1965. P. 56). — Цит. по: Сафронов В. П. Война на Тихом океане. СССР, США, Япония в условиях мирового конфликта. 1931—1945 гг. — М., БИМПА, 2007. С. 337—338.

¹⁵ АВП РФ, Фонд 0102, Оп. 1, П. 1, Д.1, л. 4.

¹⁶ Отношения Советского Союза с народной Кореей. 1945—1980. Документы и материалы. — М.: Наука, 1981. С. 21.

¹⁷ Обращение Главнокомандующего советскими войсками на Дальнем Востоке к народу Кореи/Отношения Советского Союза с народной Кореей. Документы и материалы. — М.: Наука, 1981. С. 5—6; Обращения командования войсками 25-й армии 1-го Дальневосточного фронта к освобожденному народу Кореи. Там же. С. 6—7.

¹⁸ Отношения Советского Союза с народной Кореей... С. 13.

¹⁹ Между прочим, в то время было довольно много случаев, когда в этом возрасте женили или выдавали замуж.

²⁰ Корейская Народно-Демократическая Республика. Указ. соч. С. 87—89.

²¹ Торкунов А.В., Денисов В.И., Ли В.Ф. Указ. соч. С. 86.

²² Одно из корейских государств и сейчас постоянно пытается интернационализировать межкорейские отношения, жалуясь партнерам на переговорах на другое корейское государство, призывая их оказать давление на него и создать международные условия, при которых оно поглотит другую часть полуострова.

Д.В. Мен

СОВЕТСКИЕ КОРЕЙЦЫ В ПОЛИТИКЕ СОВЕТСКОГО СОЮЗА В СЕВЕРНОЙ КОРЕЕ

В 2015 г. Корейский полуостров отмечает 70-летие освобождения от японского колониального ига. По-разному сложились судьбы двух корейских государств за эти годы. Одной из важных проблем является роль советских корейцев в становлении КНДР. Эта проблема представляет интерес не только для ученых СНГ, но и далеко зарубежья. Ими уже опубликованы специальные монографии, исследовательские работы проводятся и в наше время, так как ещё имеются невыясненные обстоятельства.

В архивах выявлены документы, в деталях подтверждающие, каким способом шла мобилизация для отправки советских корейцев в Северную Корею и их большой вклад в восстановление и развитие новой Кореи¹. Хотя деятельность советских корейцев на исторической родине была кратковременной, в период с 1946 по 1960 г., но они оставили глубокий след в построении нового общества.

Исследуя деятельность советских корейцев в Северной Корее на протяжении 15 лет, можно заметить, что этот период вместил и годы братской дружбы и бескорыстной экономической помощи, и временна политических и идеологических разногласий между СССР и КНДР.

После освобождения северокорейские руководители неоднократно обращались к Сталину с просьбой об оказании помощи и направлении в Северную Корею советников и специалистов различных профессий. Выполняя директиву Москвы, руководство компартий Казахстана и Узбекистана отбирало кандидатов среди корейского населения для отправки на работу в Северную Корею. Отбор был очень жестким и строгим: надо было обязательно иметь высшее образование, знать корейский язык, состоять членом партии или комсомола².

В 1946 г. в Пхеньян для оказания помощи и восстановления разрушенного народного хозяйства прибыла первая группа советских корейцев-специалистов в количестве 12 человек. «Главной задачей этой группы было обеспечение контактов советских военных властей с местным населением, переводческая деятельность во всех формах, а также развертывание пропагандистской работы на территории, занятой советскими войсками. На практике же в условиях, когда подавляющее большинство советских офицеров не имело никакого представления о Корее, эти люди оказывались консультантами»³. За первой группой последовали другие, к началу 1950-х годов в КНДР уже прибыли более 400 человек с семьями.

В большинстве своём это были учителя, инженеры, служащие. Некоторые из них до отъезда в Корею занимали довольно значительные посты в советском партийном и государственном аппарате. К ним, в частности, относился Хегай Алексей Иванович, в Корее звали Хо Гай, которого считали лидером советских корейцев, бывший секретарь райкома коммунистической партии Узбекистана в г. Чирчик.

Активизировался процесс становления и развития советско-корейских отношений, который в 1961 г. был скреплен Договором дружбы, сотрудничестве и взаимной помощи, а также подписанием ряда других соглашений, в том числе и о положении советских специалистов. Было очевидно, что новое руководство, не имея опыта государственного строительства и соответствующих профессиональных кадров, остро нуждалось в большом количестве специалистов, чтобы выполнить намеченные планы восстановления народного хозяйства. Под девизом «Советский Союз — это старший брат» корей-

цы относились к Советскому Союзу и советским специалистам с большим уважением и возлагали на них большие надежды.

В процессе становления КНДР и системы государственного устройства на всех уровнях формировались четыре фракции. С момента образования государства эти фракции, с одной стороны, борясь, а с другой, содействуя друг другу, играли решающую роль в политическом процессе. В состав руководства входили следующие фракции: внутренняя, маньчжурская, яньаньская и советская.

Вначале советское командование использовало советских корейцев как переводчиков, затем их стали выдвигать на высокие государственные и партийные должности. Этот период можно охарактеризовать как самый дружеский в советско-корейских отношениях, когда наблюдался наибольший приток советских корейцев в Северную Корею. Это было продиктовано как требованиями развития отношений между СССР и КНДР, так и особенностью борьбы в высших эшелонах власти. Корейское правительство, желая укрепить свой авторитет внутри страны и за рубежом, стремилось заручиться пониманием и поддержкой Советского Союза.

Советские специалисты в КНДР работали в самых разных сферах: в правительственных, партийных, военных учреждениях, в промышленности, в системе безопасности, образования, здравоохранения и в других отраслях. Они помогали своим соотечественникам в подготовке руководящих административных и инженерно-технических кадров для управления многими отраслями народного хозяйства. Помощь корейскому руководству оказывалась не только в экономическом развитии страны, но и в укреплении ее обороноспособности — в обучении и подготовке кадров командирского состава корейской армии. Призыв учиться у Советского Союза, учиться у советских специалистов был с большим энтузиазмом воспринят корейским народом.

Практический опыт, хорошее советское образование и патриотическое отношение к своим обязанностям советских корейцев снижали уважение у корейского руководства, вскоре их начали назначать на высокие партийные и государственные посты. Они активно помогали в создании Трудовой партии Кореи. На состоявшемся в августе 1946 г. I съезде ТПК шестеро советских корейцев были из-

браны членами ЦК ТПК из общего количества членов ЦК в 43 человека. Хо Гаи стал заместителем председателя ЦК ТПК; председателем ЦК ТПК был избран Ким Ир Сен.

Советские корейцы широко были представлены в СМИ и вузах. На первых порах они занимали почти все редакторские должности центральных газет и журналов. Некоторые из них, как Ли Мун Ир, Пак Му, Пак Ы Ван, работали в корейской редакции «Ленин Кичи» (ныне «Корё ильбо») в Кзыл-Орде, в КНДР они продолжили свое профессиональную деятельность.

Большое значение имело открытие при содействии СССР в Пхеньяне в 1946 г. Университета имени Ким Ир Сена, Высшей школы инженерных кадров Политехнического института имени Ким Чака, педагогического и медицинского институтов и ряда других вузов, где преподаватели — советские корейцы — обучали будущих специалистов и руководителей Северной Кореи. Первыми из числа профессорско-преподавательского состава из Советского Союза, получившими звание профессора в Пхеньянском университете имени Ким Ир Сена, являлись Нам Ир, Ким Сын Хва, Пак Ир, Чон Ен Хван, И Дон Хва, Хо Ик, Пак Ен, Ким Ен Сон, Чхе Гю Хен, Ким Тхек Ен, О Ван Мук, Мен Вор Бон, Тен Сан Дин и др.

Приехавший в Пхеньян в октябре 1946 г. Нам Ир стал заместителем начальника Управления образования в Национальном комитете, а Пак Ир и Ким Сын Хва являлись проректорами в университете имени Ким Ир Сена. Они внесли огромный вклад в дело «прививания передовых идей советского образования к северокорейскому дереву»⁴.

Корейский народ доверил советским корейцам участвовать в выборах в Верховное народное собрание (парламент). В первом созыве ВНС в 1948 г. было 8 советских корейцев из 572 человек, столько же было избрано во втором созыве в 1957 г., в третьем в октябре 1962 г. — только 2 и столько же в четвертом в декабре 1967 г. и в пятом в декабре 1972 г.

Корейцы из СССР занимали также важные государственные посты: заместителями премьер-министра являлись Нам Ир, Пак Чан Ок, Пак Ыван, министрами Ким Сын Хва, Пан Хак Се и др., заместителями министров являлись около 15 человек, десятки человек

имели ранг Чрезвычайного и Полномочного посла КНДР. Несколько десятков советских корейцев были генералами КНА, многие имели воинское звание полковника, они также работали в спецслужбах и в органах МВД. Трое во время Корейской войны 1950—1953 гг. стали Героями КНДР, а в мирное время четвертым стал Пан Хак Се.

В 1953—1960 гг. произошла заметная трансформация советско-корейских отношений, отразившихся на судьбе советских корейцев. Отношения дружбы и согласия заканчиваются начиная с 1956 г., когда в действиях северокорейского правительства проявляется критическое отношение и сомнения в правильности действий СССР и советских корейцев. Хотя после XX съезда КПСС (1956 г.) критика культа личности Сталина в СССР, события в Польше и Венгрии не оказали радикального влияния на корейско-советские отношения, однако именно после этих событий началось открытое гонение на советских специалистов.

Ким Ир Сен заострил внимание на том, что ухудшение политического и экономического положения страны привело за собой бюрократизм, коррупцию, формализм и авторитаризм в среде руководящих работников. На X пленуме ЦК ТПК в апреле 1955 г. в своем выступлении Ким Ир Сен заявил, что многие руководители, ранее работавшие в зарубежных странах, оказались «разложившимися, карьеристскими элементами». Он остановился на «деле» Хо Гаи (бывший зам. председателя ЦК ТПК), сказав, что «мы хорошо сделали, вовремя изолировав его». По официальной версии, он покончил жизнь самоубийством.

Далее на пленуме Ким Ир Сен раскритиковал всю советскую фракцию. По его мнению, советские корейцы, работая на партийных и государственных должностях, вели себя неправильно. Они не признавали свои ошибки и недостатки, насаждали семейственность. Например, Хо Гаи, по его словам, собирал вокруг себя некоторых советских партийцев и без знания их деловых и политических качеств расставлял на руководящие должности, не согласовывая с руководством ЦК. Вследствие этого среди некоторых советских корейцев ослабла партийная и государственная дисциплина.

Далее Ким Ир Сен подверг критике Пак Чан Ока (член Политкомитета ЦК ТПК). В процессе планирования, будучи Председа-

лем Госплана, он допустил ошибки, бюрократический метод работы привел к утрате связи с министерствами и регионами. Во время борьбы с оппонентом Пак Хен Ен Пак Чан Ок и Пак Ен Бин расправились со многими невинными работниками. На пленуме эти люди выступили с критикой Пак Чан Ока. В Политкомитете неоднократно критиковали Пак Чан Ока как лидера (после смерти Хо Гаи) советской фракции за семейственность, ему пришлось признать свои ошибки⁵.

28 декабря 1955 г. Ким Ир Сен выступил со специальным докладом перед работниками партийной пропаганды и агитации. В докладе он рассказал о результатах последнего пленума партии, поставил задачи о дальнейшем развитии партии и управлении государством.

Он заявил, что «серьезный недостаток идеологической работы заключается в том, что в ней отсутствует учение “чучхе”, ввиду отсутствия теории чучхе в идеологической работе имеют место ошибки, догматизм и формализм, что наносит большой вред делу нашей революции. Мы делаем революцию не в какой-то другой стране, а именно в Корее».

Здесь первый раз в истории КНДР и ТПК был применен термин «чучхе» (дословно перевод слова «чучхе» — хозяин своего тела). Всю идеологическую работу следует подчинить интересам корейской революции. Мы для того изучаем историю КПСС, историю китайской революции и общие положения марксизма-ленинизма, чтобы правильно осуществить нашу революцию⁶.

По мнению Ким Ир Сена, было важно прежде всего изучить историю собственной страны, историю корейского народа и широко пропагандировать ее среди населения. Ошибки, допущенные Пак Чан Оком и другими советскими фракционерами, были обусловлены тем, что они отрицали историю корейского движения в стране.

В истории любого государства есть свои рубежи, свои переломные даты. В 70-летней истории КНДР одной из таких дат стал 1956 г., когда Ким Ир Сен и его окружение едва ли не единственный раз столкнулись с прямым вызовом своей власти. Им удалось одержать победу над политическими соперниками, и эта победа определила судьбу их страны на многие десятилетия. В этом году были ликвидированы последние препятствия на пути к установлению в

КНДР уникального в своем роде режима Ким Ир Сена. Такое развитие событий, в силу различных субъективных и объективных причин, до 1956 г. было вероятным, после же 1956 г. оно стало неизбежным⁷.

В силу своей специфики указанные события оставались малоизвестными на протяжении очень долгого времени. Конечно, что-то о них знали в Советском Союзе, но он в то время решал свои проблемы. Впереди у СССР и КПСС ожидалось крупные противоречия с Китаем и КПК, которые могли непосредственно затронуть весь мир коммунистического движения. Две крупнейшие страны никак не могли договориться о лидерстве в международном коммунистическом движении. От социалистического лагеря отошли коммунисты Албании, неизвестно было, на какой стороне окажутся коммунисты Югославии. В это же время происходили открытые выступления против социализма в Польше и Венгрии. Все эти события в Европе не давали КПСС сфокусировать свое внимание на Корейский полуострове.

Советский Союз сыграл историческую и в определенной степени решающую роль в освобождении Северной Кореи от японского колониализма, в эту борьбу внесли свою лепту и советские корейцы. Они сыграли достойную роль в налаживании политической системы управления и экономического строительства на начальном этапе модернизации новой Кореи. Быстрое восстановление от разрухи и развитие государственной экономики, создание промышленной базы, а также появление политической и экономической системы советского типа также является результатом деятельности советских корейцев.

Устранение советских корейцев с высоких должностей в партии и правительстве имело глубокое идеологическое оправдание. Тогдашние руководители КНДР хотели самостоятельно построить независимое социалистическое государство корейского образца и вывести страну из-под влияния Москвы.

Возникает вопрос: почему была так кратка политическая карьера советских корейцев — всего лишь 15 лет? Основной причиной краткого пребывания во власти в партии и государстве явилась недостаточная поддержка со стороны Москвы. Ее колебания и нере-

шительность в своих действиях придавали уверенность Ким Ир Сenu и его соратникам.

Неудача советских корейцев в Пхеньяне не была единственной в своем роде, все остальные группы постигла такая же трагическая судьба. По сравнению с другими группами советские корейцы все же находились в более выгодном положении, так как имели возможность вернуться на свою родину, когда заканчивалась их политическая карьера в КНДР. С ухудшением отношений между СССР и КНДР многие советские корейцы подверглись политической чистке, особенно в 1956—1959 гг., открытая критика советских корейцев звучала и в 1962—1965 гг.

Использование СССР советских корейцев в своей дальневосточной политике отрицательно сказалось на положении корейской диаспоры, поскольку это касалось, прежде всего, ее образованной части — интеллигенции, ученых, специалистов, владеющих корейским языком. Понадобились долгие годы, чтобы восстановить тонкий слой интеллигенции. Так, в очередной раз сталинский режим оставил свой след в жизни корейцев⁸. Советские корейцы, работавшие по направлению Советского правительства в Северной Корее, не смогли противостоять на своей исторической родине молуху внутриполитической борьбы. Многие оказались в местах лишения свободы и там бесследно исчезли, некоторые, кому посчастливилось, благополучно вернулись в СССР.

В деятельности на исторической родине у советских корейцев были патриотические мотивы, они искренне хотели видеть Корейский полуостров свободным, демократическим, объединенным и процветающим. Они также внесли значительный вклад для укрепления дружбы между народами СССР и КНДР.

Примечания

¹ Ким Г.Н., Мен Д.В. История и культура корейцев Казахстана. Алматы, 1995. 346; Кан Г.В. Корейцы Казахстана. Алматы, 1994. 240 с.; Ли У Хе, Ким Е.Е. Белая книга. О депортации корейского населения России в 30—40-х годах. Книга первая. М., 1992. 206 с.; Они же. Белая книга. О депортации корейского населения России в 30—40 х годах. М., 1997. Книга вторая. 302 с.

² Ким Г.Н., Мен Д.В. Указ. соч. С. 153—185.

³ Ланьков А.Н. Северная Корея 1945—1948 гг.: от освобождения до провозглашения // ПДВ. 1991. № 6. С. 106.

⁴ Син Хё Сук. Трансформация северокорейского общества и подготовка квалифицированных кадров (1945—1960 гг.) // ПДВ. 2003. № 5. С. 143.

⁵ Ким Ир Сен. О недостатках в разработке народнохозяйственного плана и о некоторых задачах по их направлению. Пхеньян, 1972. Соч. Т. 9. 498 с. С. 422—426.

⁶ Ким Ир Сен. Об изжитии догматизма и формализма и установлении чучхе в идеологической работе. - Пхеньян, 1956. Соч. Т. 9. 512 с. С. 464—465.

⁷ Ланьков А.Н. Северная Корея: Вчера и сегодня. М., 1999. С. 71—72.

⁸ Ким Б.И. Корейцы Узбекистана: Кто есть кто. Справочное издание. Ташкент, 1999. С. 165—171.

Ж.Г. Сон

СОВЕТСКИЕ КОРЕЙЦЫ В СЕВЕРНОЙ КОРЕЕ В 1946—1948 ГОДАХ

После освобождения Кореи серьёзную проблему на Севере полуострова представлял кадровый кризис. В апреле 1946 г. Ким Ир Сен просил генерала А. Романенко разрешить выезд в Корею советских корейцев в качестве квалифицированных кадров, объясняя это тем, что народ, находившийся под игом японского империализма, «не мог подготовить даже минимальное их количество»¹.

Просьба была удовлетворена, всего к концу 1940-х годов в КНДР работали 400—500 советских корейцев. Большая часть корейцев, привлечённых из СССР, были специалистами в технической или административной сфере, и в каждом министерстве КНДР был хотя бы один замминистра из числа советских корейцев².

По данным Хо Ун Бэ³, в январе 1949 г. в Северной Корее находились 428 советских корейцев, из них в 1945 г. в Корею прибыли около 140—150 советских военнослужащих-корейцев, во втором эшелоне в 1946—1948 гг. — 100 гражданских специалистов и 110 членов их семей, а также неизвестное количество членов семей военнослужащих, предположительно, 100—150⁴. К сожалению, автор так и не раскрыл своих источников.

Советские корейцы требовались в КНДР не только как специалисты, а прежде всего были необходимы как носители корейского

языка и культуры в качестве переводчиков в помощь советским специалистам. В первую очередь по запросу из КНДР Совмин СССР давал разнарядки для командирования специалистов из различных министерств и ведомств, их было немало и они не владели корейским языком.

В 1946 г. в ЦК ВКП (б) поступило обращение руководства Северной Кореи с просьбой направить группу опытных специалистов для решения хозяйственных задач, организационных вопросов по созданию государственности — КНДР.

Согласно выявленным архивным материалам, в КНДР направлялись специалисты по ирригации, гидрометеослужбе, производству средств связи, по оказанию технической помощи в составлении планов восстановления промышленных предприятий и специалистов-советников в различных отраслях, в том числе в области образования, науки, культуры и здравоохранения⁵.

Алгоритм отбора специалистов в СССР был известен, в их число входили лучшие из лучших члены и кандидаты в ВКП (б). В ЦК Компартии Казахстана и Узбекистана, где проживала большая часть корейского населения, а также во все регионы страны из Москвы поступило распоряжение взять на учет всех корейцев — коммунистов, кандидатов в члены партии, комсомольцев, имеющих образование не ниже среднего и владеющих корейским или китайским языком. Соответствующее распоряжение получили партийные организации на местах, и вскоре были составлены списки подходящих людей. Казахскими корееведами были выявлены архивные материалы по Казахской ССР, где зафиксирован список их 1083 человек⁶.

В РГАСПИ выявлены регистрационные бланки членов и кандидатов в члены ВКП (б), комсомольцев, а также справки с характеристиками корейцев, проживавших не только в Казахской и Узбекской ССР, но и других регионах: в Московской, Ленинградской, Кемеровской, Челябинской, Свердловской, Тульской, Куйбышевской (Самарской), Тамбовской, Воронежской, Молотовской (Пермской), Читинской, Иркутской областях, а также в Приморском крае и Украинской ССР.

Со всех этих мест в ЦК ВКП (б) поступали секретные документы — списки корейцев, рекомендованных областными комитетами

партии для «отправки в распоряжение ЦК ВКП (б)». Общая численность людей, готовившихся к поездке в Корею, составляла 1685 человек. Из трех областей — Алма-Атинской, Кызыл-Ординской и Талды-Курганской — были включены в список 1083 человека, соответственно из других регионов были представлены 602 корейца.

С включенными в списки людьми работали комиссии в республиканских, краевых и областных партийных организациях, затем отобранные лица проходили инструктаж и направлялись в Москву. Отправка в Корею считалась командировкой по заданию ЦК ВКП (б).

Отбор был жестким. Региональные управления госбезопасности проверяли каждого кандидата, направляемого на работу в Северную Корею. На каждой справке должна была стоять виза об отсутствии компрометирующего материала. Списки советских граждан, которых отправляли на работу в Корею, формировались в Москве.

Согласно решению Политбюро ЦК ВКП (б) № 5/99 от 10 сентября 1946 г., в КНДР 24 октября 1946 г. выехали 36 корейцев — граждан СССР⁷. Из них 16 корейцев были педагогами из средних школ и высших учебных заведений в области русского языка и литературы, истории, математики, физики, основ марксизма-ленинизма. Остальные корейцы получили высшее образование в горном институте и техникуме, медицинском, юридическом, институте инженеров транспорта, индустриальном институте (Москва, Алма-Ата, Ташкент, Кызыл-Орда). Они составили первую группу корейцев, откомандированных в Северную Корею.

В 1947 г. при Ташкентском педагогическом институте были организованы шестимесячные курсы по подготовке преподавателей русского языка для корейских школ. С 1 января по 1 июля 1947 г. 46 слушателей улучшали свой русский язык. Характеристики на них были составлены в будущем известным корееведом, заведующим учебной частью В.А. Хван Юндюном. Слушатели имели среднее образование, в основном это были колхозники из корейских колхозов Узбекской ССР. В список общей численностью 142 человека были включены члены семей этих 46 слушателей⁸.

Возникает закономерный вопрос, какие же цели преследовало советское руководство, посылая в Корею эту группу корейцев? Кто

нес финансовые затраты по отправке такой многочисленной группы советских корейцев?

По всей видимости, они должны были работать в провинциальных школах, приобщать местных корейцев к русскому языку, социалистическим нормам, возможно и военному делу. Вместе с ними выезжали члены их семей (96 человек — иждивенцев), зачастую численность одной семьи составляла пять-шесть человек, все расходы несла советская сторона. Несмотря на значительные финансовые затраты, советское руководство ради строительства социалистического государства на Корейском полуострове шло на подобные расходы.

С другой стороны, на фоне яростной антисоветской пропаганды, которая проводилась в это время на Юге полуострова, надо было не только противостоять ей, но и показать миролюбивую политику СССР, желание оказывать всевозможную помощь корейцам, в том числе и направлением специалистов.

Среди корейцев, проходивших отбор для работы в Корею, были и такие, чья отправка признавалась нецелесообразной. Подобный список содержит имена 27 человек⁹. Причины могли заключаться в неполноценном здоровье, неудовлетворительных результатах учебы, слабой идейно-политической подготовке и др. Главное значение имело последнее обстоятельство: человек, не сумевший доказать свою преданность партии и советскому правительству, априори не мог быть отправлен в заграничную командировку.

В 1948 г. в КНДР выехали члены семей корейцев к месту постоянной работы глав своих семей, находившихся там с 1946 г.¹⁰ В списке значится 37 человек, среди них жены, дети, родители тех советских корейцев. Привлекают внимание документы, характеризующие систему отбора советских корейцев для поездки в КНДР. Корейцев, окончивших курсы преподавателей русского языка, было 47 человек. Фактически они все готовились для поездки в КНДР, но утвердили всего 22 человека¹¹. Менее 50 % корейцев — слушателей курсов получили разрешение быть командированными для работы в Корею, условия отбора были более чем жесткие. Вместе с ними отправлялись члены семей, по списку их было 41 человек¹². Согласно этому документу, в КНДР было отправлено 88 человек.

Таким образом, анализ выявленных архивных материалов показал, что после освобождения Корейского полуострова советское руководство поддерживало и оказывало всестороннюю помощь в строительстве молодого государства, в том числе и квалифицированными трудовыми ресурсами.

Исследование о роли и месте советских корейцев в социально-экономическом и культурном строительстве КНДР находится на начальном этапе. Автор надеется, что рассекречивание архивных материалов и документов в этом направлении продолжится и появится возможность более глубокого изучения этой темы.

Анализируя информацию из архивных документов и вышеупомянутых публикаций, можно сделать определенный вывод. Советские корейцы, командировавшиеся в КНДР, были гражданскими специалистами в своих областях, фактически не имели отношения к Красной Армии. В КНДР, ввиду отсутствия военных специалистов, некоторых из них, по необходимости, назначали на офицерские должности. Безусловно, на общем фоне дефицита управленцев и организаторов советские корейцы выделялись своим профессионализмом, эрудицией, образованностью, что позволило им за короткий период подняться по служебной лестнице, стать генералами, министрами и т. д. и оказывать заметное влияние во всех структурах государственной власти КНДР.

Примечания

¹ Окороков А. Корея. 1945—1996 гг. // Секретные войны Советского Союза. М., 2008.

² Там же.

³ Хо Ун Бэ (Хо Чжин), псевд. Лим Ын, (1928—1997) корейский поэт и писатель. Герой корейской войны (1950—1953). В 1952 г. молодого офицера и поэта отправили на учебу в СССР на сценарный факультет ВГИКа. В 1957 г. оказался в числе «невозвращенцев» в КНДР. В 1982 г. в Токио опубликована книга «Северная Корея: основание династии» под псевдонимом Лим Ын. Автором статьи, с разрешения дочери Хо Ун Бэ, использована рукопись книги на русском языке.

⁴ Лим Ын. Указ. соч.

⁵ РГАСПИ. Ф. 17, оп. 144, д. 84, 85, 86, 87, 88, 89.

⁶ Мен Д. Советские корейцы в Северной Корее в 1940—1960 годы. Электронный ресурс. URL: http://world.lib.ru/k/kim_o_i/slrif.shtml

⁷ РГАСПИ. Ф. 17, оп. 144, д. 84, л. 3—9.

⁸ Там же. Л. 10—15.

⁹ Там же. Л. 16.

¹⁰ Там же. Л. 53—58.

¹¹ Там же. Л. 59, 60, 61.

¹² Там же. Л. 51—52.

А.Ю. Иванов

ОСОБЕННОСТИ ЮЖНОКОРЕЙСКОЙ ТРАКТОВКИ ОСВОБОЖДЕНИЯ КОРЕИ КРАСНОЙ АРМИЕЙ

В последнее время не только западные средства массовой информации, но и лидеры ряда европейских государств всеми силами пытаются принизить роль Красной Армии в победе во Второй мировой войне и освобождении Европы от фашизма. Подобные заявления вызывают справедливое возмущение тех, чьи отцы и деды воевали не только за свое Отечество, но и за освобождение европейских государств от «коричневой чумы».

Болезненно реагируя на попытки Европы переписать историю Второй мировой войны, мы, зачастую, не обращаем внимания на то, как меняется мнение о роли Советского Союза в освобождении Кореи и Китая от японского империализма в восточноазиатских странах.

Освобождение Кореи от японского колониализма стало важнейшим событием в истории Кореи XX в. Поэтому его рассмотрение является весьма непростым и деликатным вопросом в историографии некоторых стран. Общеизвестно, что советское военное руководство направило в Северную Корею части 25-й армии под командованием генерал-полковника И.М. Чистякова, входившей в состав 1-го Дальневосточного фронта, а также корабли и части Тихоокеанского флота (ТОФ) под командованием адмирала И.С. Юмашева и авиацию.

С первого же дня войны начались активные боевые действия. В течение 9 и 10 августа 1945 г. военно-воздушные силы флота нанесли массированные удары по Унги, Начжину и Чхончжину. За эти дни советские летчики совершили 616 самолето-вылетов, они прорывались через заградительный огонь и поражали вражеские корабли и береговые военные объекты.

Одновременно удары по портам и базам противника наносили торпедные катера. 12 августа в порту Унги был высажен десант в составе батальона 13-й бригады морской пехоты и 140-го разведывательного отряда. В этот же день 358-й отдельный батальон морской пехоты — основные силы десанта, выделенные для овладения порта Начжин — успешно высадился в порту и, преодолев сопротивление противника, полностью овладел портом и городом Начжин.

В отличие от тактических десантов, высаженных в порты Унги и Начжин, взятие военно-морской базы Чхончжин, которая являлась важнейшим опорным пунктом противника на побережье Северной Кореи, потребовало проведения десантной операции. Она стала первой крупной операцией ТОФ в ходе войны с Японией.

13 августа шесть торпедных катеров, имея на борту 180 человек под общим командованием полковника А.З. Денисина, вошли в порт Чхончжин. Десантники заняли порт и начали бой за город. Однако, встретив сильное сопротивление, перешли к обороне. Несмотря на это, морские пехотинцы с честью выполнили свой долг и удержали плацдарм.

В ночь на 14 августа с фрегата «ЭК-2» и «ТЩ-278» в порту был высажен 355-й отдельный батальон морской пехоты. В течение 14—15 августа огнем кораблей и бойцами отряда было уничтожено 11 дзотов, 19 огневых точек и около 100 солдат и офицеров. В целях подавления сопротивления противника активизировала действия авиация.

В ночь на 15 августа началась высадка в порт Чхончжин главных сил десанта в составе 13-й бригады морской пехоты с частями усиления общей численностью 5 тыс. человек и семи танков. Штурмовые отряды при поддержке артиллерии кораблей завязали бой за город. В результате совместных действий десантных войск, кораблей и авиации ко второй половине дня 16 августа Чхончжин был полно-

стью очищен от противника. В результате боев были убиты и пленены более 3 тыс. солдат и офицеров противника.

В ходе боев за Чхончжин десантники проявили массовый героизм. Только в одном 355-м батальоне морской пехоты звания Героя Советского Союза были удостоены сразу шесть человек. Еще 204 морских пехотинца были награждены орденами, 255 получили медали «За отвагу» и «За боевые заслуги».

Очевидцы боев при Чхончжине вспоминают подвиг медсестры 355-го, отдельного батальона морской пехоты Тихоокеанского флота Марии Цукановой. 14 августа 1945 г. в Чхончжине она высадилась в составе первого эшелона морского десанта. В сражении девушка была ранена, но продолжала оказывать помощь пострадавшим бойцам. Она вынесла с поля боя 52 тяжелораненых воина. В ходе контратаки японцев Мария Цуканова получила тяжелое осколочное ранение и попала в плен японцам. После того, как морские пехотинцы отбили у японцев высоту, они обнаружили изрезанное ножами тело медсестры с выколотыми глазами. Посмертно Марии Цукановой было присвоено звание Героя Советского Союза.

Все эти ожесточенные бои происходили в тот момент, когда 15 августа пришло сообщение о том, что японский император издал указ о прекращении военных действий. Однако японские войска, окруженные советскими войсками в Корее, не сразу подчинились приказу императора и окончательно прекратили сопротивление только 18 августа. Японский гарнизон в г. Вонсан, крупнейшем порту восточного побережья, лишившись последней возможности эвакуировать свои войска из Кореи, сдался советским войскам 22 августа. По согласованию с местным японским командованием, 24 августа для принятия капитуляции были высажены воздушные десанты в Пхеньян и Хамхын. К 25 августа 1945 г. было завершено разоружение японских войск в северной части Кореи, а к началу сентября части 25-й армии вышли к 38-й параллели.

Так завершились действия Тихоокеанского флота по освобождению портов побережья Северной Кореи от японских войск. Таким образом, Красная Армия освободила Корею от японского колониализма. В ходе освобождения Кореи боевые потери 25-й армии составили 4717 человек, среди них более 1500 — убитыми.

Интересно, что Днем освобождения в Корее считается не тот день, когда советские войска окончательно разгромили японскую группировку, дислоцированную на Корейском полуострове, а 15 августа, когда император Японии отдал приказ о прекращении боевых действий.

В КНДР знают и ценят роль советского народа в избавлении от японского колониального режима. В центральном парке Пхеньяна Моранбон стоит памятник «Хэбантхап» («Монумент освобождения») советским воинам, отдавшим жизни за освобождение Кореи, за которым заботливо ухаживают. На монументе высечены на русском и корейском языках слова: «Великий советский народ разгромил японских империалистов и освободил корейский народ. Кровью, пролитой советскими воинами при освобождении Кореи, еще больше укрепились узы дружбы между корейским и советским народами. В знак всенародной благодарности воздвигнут этот памятник». На памятнике, сооруженном в Вонсане, начертаны следующие слова: «Здесь покоятся воины ВМФ СССР, героически павшие за дело освобождения от японского ига и независимость корейского народа».

Кроме того, захоронения наших воинов имеются и в пяти провинциях КНДР: 15 братских могил и 344 отдельные могилы (самые крупные, кроме Чхончжина и Вонсана, расположены в Пхеньяне, Хамхыме, Рачжине, Синийчжу). Общая численность погребенных — 969 человек.

Президиум Верховного народного собрания КНДР своим указом от 16 октября 1948 г. учредил медаль «За освобождение Кореи», которой были награждены воины Советской Армии, принимавшие участие в освобождении страны.

Даже после того, как в 1991 г. перестал существовать СССР и КНДР оказалась в очень тяжелом положении из-за свертывания экономических связей с бывшими социалистическими странами, кладбища советских воинов бережно сохраняются правительством КНДР.

Между тем в средствах массовой информации Южной Кореи даются весьма неоднозначные интерпретации событий, связанных с освобождением Красной Армией Корейского полуострова к северу от 38-й параллели.

Прежде всего, необходимо отметить, что в южнокорейских учебниках освобождение Кореи от японского колониализма расценивается как «результат боевого взаимодействия временного правительства Республики Корея с союзными войсками». Особое внимание уделяется деятельности корейских политических лидеров, направленной на освобождение страны и построение нового корейского государства¹.

Многие южнокорейские историки освобождение Кореи советскими войсками непосредственно связывают с разделением Корейского полуострова на две части. Так, в своем учебнике по новой и новейшей истории Кореи Ким Юк Хун утверждает, что стремительное продвижение Красной Армии в Маньчжурии и на севере Кореи вызвало беспокойство со стороны США, чьи войска еще даже не планировали проводить десантную операцию на юге Корейского полуострова. В связи с этим американское руководство предложило СССР разделить сферы влияния на Корейском полуострове по 38-й параллели².

После этого советские войска, установив полный контроль над 38-й параллелью, ввели полный запрет на перемещение корейцев как с севера на юг, так и с юга на север Кореи³. Профессор Академии корееведения Ли Ван Бом в освобождении советскими войсками северной части Кореи видит одну из основных целей Сталина установить в Северной Корее лояльный Советскому Союзу режим⁴.

Именно утверждение о том, что советское руководство якобы в «сговоре» с США сыграло решающую роль в разделении корейской нации, вызывает в последнее время отклик у определенной части южнокорейского общества. Это недовольство пытается подогревать южнокорейская пресса и отчасти ученые. Так, в попытке очернить тот вклад, который сделал Советский Союз в освобождении Кореи, в прессе появились «свидетельства» о мародерстве Советской Армии.

Появление подобных публикаций выглядит несколько странным на фоне растущего политического, экономического и культурного сотрудничества России с Республикой Корея.

Подобные заявления наводят на мысль, что определенные южнокорейские круги опасаются того, что расширение российско-корейских двусторонних контактов, а вместе с ним и приток из России

достоверной информации о нашем общем прошлом, разрушит образ «врага», каким долгое время представляли корейцам Советский Союз и Россию западные и американские СМИ, а также заставит южнокорейскую общественность по-другому взглянуть на роль Советской Армии в освобождении Корейского полуострова от японских захватчиков.

Огорчает и тот факт, что в подобной неблагоприятной кампании участвуют и некоторые старейшие и уважаемые газеты Южной Кореи, такие как «Тона ильбо» и «Чосон ильбо». В частности, в ряде публикаций предвзято, в оскорбительном тоне освещаются события, последовавшие сразу после освобождения Кореи советскими войсками в 1945 г.

Некоторые газеты, оперируя эпитетами вроде «голодного и нищего захватчика», пытаются сформировать у читателей образ, который совершенно не соответствует действительности и искажает историю, пытаются найти «новые подробности», связанные с пребыванием советских войск на территории Кореи.

Так, профессор Сеульского университета Ли Ён Сик в своем труде «Покидая Корею» поднимает тему жестокости советских войск на территории Северной Кореи⁵. Он утверждает, что советская военная администрация применяла «варварские» методы при обращении с японскими гражданами, оставшимися после освобождения в Северной Корее. Как пишет Ли Ён Сик, в отличие от гуманных действий США, которые сразу после захвата юга Корейского полуострова репатриировали японцев на их родину, советская военная администрация вывезла японских военных, а также гражданских лиц мужского пола в Сибирь, где они содержались в «адских условиях». Оставшиеся на территории Кореи японские женщины и старики, которые подвергались постоянному унижению и насилию, были возвращены в Японию лишь в 1947 г.

Одной из причин такого поведения Красной Армии на территории Кореи, по мнению Ли Ён Сика, является то, что часть подразделений, освобождавших Корейский полуостров, состояла из бывших заключенных, часто нарушавших воинскую дисциплину. Важным фактом Ли Ён Сик считает то, что передовые части Красной Армии, принимавшие на себя основной удар противника, имеют совсем

другой менталитет, нежели тыловые подразделения или военная администрация, устанавливавшаяся на оккупированных территориях. Именно эти подразделения, участвовавшие в разгроме фашистской Германии, штурмовали оборонительные позиции японской армии в пров. Хамгён.

Ли Ён Сик также утверждает, что курс советского руководства на «поставки и обеспечение армии на местах» стал серьезным толчком к «грабежам» и «насильственным действиям» в отношении местных жителей. По его мнению, распоряжение о «самообеспечении армии на местах» было связано с тем, что огромные средства уходили на послевоенное восстановление экономики страны. Таким образом, поощрялось использование «военных трофеев», захваченных советскими солдатами. Особенно это касалось имущества японцев и всех тех, кто бежал вместе с ними в Японию. Кроме того, Ли Ён Сик, ссылаясь на данные бюджета северокорейской администрации, утверждает, что содержание «оккупационной армии» осуществлялось также из корейских средств.

Необходимо также отметить, что в 1945 г. Корея входила в состав Японской империи, с которой воевали союзные державы, включая СССР, и 80—90 % ее экономики составляла японская собственность. По всем международным правилам Советский Союз, разгромив Японию, имел на занятой им территории законное право на японскую собственность как на военные трофеи. Трофеями преимущественно считались японские военные заводы и крупные предприятия тяжелой промышленности, в основном работавшие на войну, а также склады произведенной ими продукции. Тем не менее советское командование не только оставило Корее японское имущество, но и помогало восстановлению и развитию ее экономики.

По утверждению Ли Ён Сика, «злодеяния» солдат Красной Армии на территории Кореи достигли пика в середине — конце сентября 1945 г., когда на смену боевым частям пришла гражданская администрация. В основном «бесчинствам» советских солдат подвергались провинциальные районы. Этот период, по мнению Ли Ён Сика, был «настоящей головной болью» для военного руководства частей, дислоцированных на территории Северной Кореи, приказы которого часто просто игнорировались. Лишь после ноября 1945 г.

такие действия со стороны советских военных существенно сократились, после того как воинская дисциплина была введена общими усилиями частей НКВД и военной комендатуры⁶.

По мнению пастора пресвитерианской церкви Мин Гён Бэ, освобождение Корейского полуострова к северу от 38-й параллели привело к началу гонения на христианство в Северной Корее. Для этого создавались группы из коммунистических и рабочих активистов, а также деклассированных элементов из пров. Хамгён, которые были переброшены в Пхеньян и пров. Пхёнан, где они начали борьбу с Христианской социал-демократической партией, занимавшей в колониальный период четкую антияпонскую позицию⁷.

Очевидно, что многие ученые, в том числе и корейские, которые объективно оценивают и анализируют ход Второй мировой войны, не могут не видеть величайшую роль Советского Союза в победе не только над фашистской Германией, но и над японским милитаризмом. При этом нельзя не признать, что вместе с освобождением СССР нес поработанным странам и дух демократии. Южнокорейские ученые отмечают, что, в отличие от американской военной администрации, которая установила прямое военное правление, сохранив при этом японские методы администрирования, советская военная администрация предоставила право управления внутри страны народным комитетам, взяв на себя функцию обеспечения общественного порядка⁸.

Советские воины пришли в Корею отнюдь не ради трофеев или каких-либо других корыстных побуждений, а чтобы выполнить то, чего, при всех героических усилиях и жертвах, не смог сделать сам корейский народ — разгромить и изгнать из Кореи японских колонизаторов.

Как уже говорилось, Красная Армия в боях за освобождение Кореи потеряла свыше 1500 человек. Некоторые корейские историки пренебрежительно относятся к этой цифре, утверждая, что в ходе Тихоокеанской войны другие союзники в отдельных сражениях несли большие потери. Но необходимо отметить то, что погибшие советские воины, прошедшие Великую Отечественную войну, отдали свою жизнь непосредственно за Корею и на корейской земле.

Хотелось бы, чтобы добрая память о подвиге советских воинов-освободителей, не шадящих своей жизни ради освобождения поработанных народов, долгие годы хранился в памяти народов, сражавшихся против общего врага. Освобождение Кореи, 70-летие которого отмечается в августе 2015 г., явилось результатом совместных усилий всех союзных держав, боровшихся против империалистической Японии. Свой огромный вклад в избавление корейского народа от японского колониального ига и последующее налаживание мирной жизни внесли Советский Союз и его вооруженные силы.

Примечания

¹ Кукса (История Кореи). Ч. 2. Сеул: Куксапхёчханвонхве, 1996. С. 172—173.

² Ким, Юк Хун. Сараиннын Хангуккынхёндэса (Живая новая и новейшая история Кореи). Сеул: Хьюмонист, 2007. С. 351.

³ Сорёнгунепукханчинджу-ва Ким Иль Соне кволлёкчанъак (Вступление советских войск в Северную Корею и захват власти Ким Ир Сенем) // URL: <http://blog.naver.com/proshadow/90193345785>

⁴ Ли Ван Бом. Хангукхэбансамнёнса (История трех лет после освобождения Кореи). Сеул: Тхэхакса, 2007. 248 с.; Мигундочомнёнгун, соренгундочомнёнгун (И американские войска, и советские войска являлись оккупационными войсками) // Интервью Ли Ван Бома газете «Хангёре». 10.25.2005. № 582.

⁵ Ли, Ён Сик. Чосоньльттонамё (Покидая Корею). Сеул: Ёксапипхёнса, 2012. 296 с.

⁶ Там же.

⁷ Мин Гён Бэ. Хэбанчикхупукханкидоккё (Христианство в Северной Корее после освобождения) // Хангукчанъносинмун. 09.21.2013.

⁸ Хэбанчику-ыйХангук (Корея после освобождения) // URL: <http://blog.naver.com/go0210/80161973922>

Д.А. Садаков

АМЕРИКАНСКИЕ ОЦЕНКИ ПОЛИТИКИ СССР НА СЕВЕРЕ КОРЕИ В 1945—1948 ГГ.

Разделение Кореи на два враждебных друг другу государства по сей день остается одной из важных международных проблем и постоянным источником напряженности в Северо-Восточной Азии. Обращаясь к истокам конфликта, становится очевиден контраст между целями, которые пытались достичь освободившие Корейский полуостров страны, и результатами, к которым привела их политика. Ситуация, сложившаяся на полуострове в 1945 г., существенно отличалась от таковой во многих других регионах земного шара, где сталкивались интересы двух сверхдержав. Позиции Вашингтона и Москвы в отношении Кореи не носили конфликтный характер, так как обе стороны выступали за построение единого и независимого корейского государства. Однако итогом советско-американского диалога по Корее, напротив, стал раскол полуострова, произошедший в 1948 г.

Известно, что курс на раскол Кореи был взят именно в Вашингтоне. Однако это решение было принято не в 1945 г., когда была проведена линия раздела зон влияния по 38-й параллели, а значительно позднее. Долгое время США хотя и стремились не допустить победы коммунизма в Корее, но в своей политике исходили из необходимости сотрудничества с СССР в деле строительства единого и

независимого корейского государства, как предусматривали решения Московского совещания министров иностранных дел 1945 г. Отход от этих соглашений был связан с целым комплексом факторов, среди которых можно назвать большое влияние левых сил на полуострове, слабость политического режима, организованного американцами на Юге, трудности в переговорах с Советским Союзом в рамках Совместной советско-американской комиссии.

Другой важной причиной закрепления раскола Кореи стало формирование в умах представителей американского истеблишмента образа Севера Кореи как советизированной территории с более прочной властью, чем на Юге. К 1948 г. американские политики пришли к выводу, что советская зона ответственности не просто является отличным плацдармом для наступления коммунизма, но, кроме того, ее будет практически невозможно реинтегрировать с южной частью Кореи на приемлемых для Вашингтона условиях. Задача данной статьи состоит в том, чтобы разобраться в основаниях, на которых сформировался этот образ, и обозначить конкретные проявления его влияния на внешнеполитический курс США.

Для начала стоит выделить несколько категорий источников информации о ситуации на Севере Кореи, которыми американская администрация могла оперировать в рассматриваемый период. В первую очередь, это официальная информация, которую предоставляла советская администрация в рамках советско-американского диалога, а также печать. Разумеется, эта информация была далеко не полной и давала лишь общее представление о происходящих процессах. К этой же категории источников можно отнести данные прослушивания северокорейских радиостанций, которое велось ЦРУ. Эти материалы доступны с 1948 г.¹

Кроме того, одним из важнейших источников информации о ситуации севернее 38-ой параллели для американцев стали беженцы. Миграционный поток как с севера на юг, так и с юга на север был весьма существенным. Так, в 1946—1949 гг. территорию будущей КНДР покинули около 580 тыс. вынужденных переселенцев. В основном это были люди из привилегированных социальных групп: бывшие землевладельцы, мелкие предприниматели и торговцы, служащие японской колониальной администрации². Причины

для бегства на юг могли быть различными, однако главной было неприятие порядков, устанавливаемых советской администрацией и народными комитетами на севере (что не могло не сказываться на их мнении о происходящих событиях). Полученная информация дополнялась сообщениями офицеров американской армии, по долгу службы взаимодействовавшими с Советской Армией, и отчетами должностных лиц, отправлявшимися на север Кореи с различными поручениями.

Стоит дополнительно остановиться на двух специфических категориях беженцев с Севера, чьи показания оказали значительное влияние на представления американцев о положении в этом регионе. Одна из таких групп вынужденных переселенцев — христиане. Христианские церкви традиционно пользовались большим влиянием на полуострове: к моменту окончания Второй мировой войны севернее 38-ой параллели насчитывалось около 600 тыс. христиан. Христианские политические лидеры Севера, среди которых были известные политики, такие как лидер Демократической партии Чо Ман Сик, практически сразу выступили против режима опеки, решение о котором было принято на Московском совещании министров иностранных дел в декабре 1945 г. После того как 5 января 1946 г. Чо Ман Сик был заключен под домашний арест, значительное число его последователей бежали на Юг.

Следует учесть, что среди уехавших на юг христиан, как правило, были люди, принадлежащие к богатому или среднему классу корейского общества. В итоге, беженцами стали около 80 тыс. протестантов и 6 тыс. католиков, многие из которых потеряли свое имущество в ходе земельной реформы, организованной советской администрацией³. Естественно, эти люди преподносили происходящие на севере события преимущественно в неблагоприятном свете. А поскольку одну из ключевых ролей в христианизации Кореи играли именно американские миссионеры, доверие к показаниям было довольно высоким.

Вторую категорию людей, пересекавших 38-ю параллель с севера, составляли японцы, которые до окончания войны работали на полуострове. СССР и США с самого начала заняли принципиально разные позиции по вопросу о роли этих людей в послевоенном уст-

ройстве Кореи. Американцы на начальных этапах предпочли использовать организованную японцами систему управления для достижения своих целей. В результате, значительное число японцев сохранили свои места и продолжали работать на прежних должностях. Подход Советского Союза к данной проблеме был принципиально иным: власть на местах передавалась сформированным корейцами народным комитетам. Судьба ненавистных местному населению японцев была незавидной: хотя реальных расправ местного населения с бывшими колонизаторами было совсем немного, японские гражданские лица нередко лишались имущества и привлекались к общественным работам. Пленные солдаты также принуждались к труду на территории будущей Северной Кореи и СССР. На момент окончания войны на севере находилось около 215 тыс. гражданских лиц и 30 тыс. военнослужащих-японцев, и многие из них стремились попасть в порты на юге Кореи, чтобы вернуться на родину. Репатриация японцев завершилась только к 1947 г.⁴ Таким образом, и эта категория беженцев не могла служить источником объективной информации о положении севернее 38-ой параллели.

Безусловно, некоторая часть информации поступала от проамерикански настроенных местных жителей. Стоит, однако, отметить, что вплоть до осени 1946 г. американской разведке было запрещено проводить тайные операции на территории советской зоны ответственности⁵. Соответственно, большую роль здесь приобретали сообщения корейских правых националистов, а также иных недовольных политикой СССР категорий населения. Они имели все возможности, чтобы преподнести ее в ангажированном ключе, и могли использовать имеющуюся у них информацию для достижения собственных политических целей. Вероятно, к началу 1947 г. возможности американской разведки по самостоятельному получению информации значительно расширились, однако это стало лишь дополнением к традиционным методам добычи данных, речь о которых шла выше.

Таким образом, американцы обладали определенным набором источников информации о ситуации севернее 38-ой параллели. Однако эти источники заведомо не могли быть нейтральными и объективными, что, вкуче с нарождавшейся к концу 40-х годов логикой

глобального советско-американского противостояния, естественным образом искажало картину мира в умах творцов политики США на полуострове.

8 августа 1945 г. СССР, исполняя союзнические обязательства, присоединился к войне против Японской империи. Задачу по освобождению Кореи от господства завоевателей выполняла 25-я армия под командованием генерал-полковника И.М. Чистякова. К 24 августа ее подразделения вышли к 38-й параллели и остановились у нее. Отдельные части продвинулись несколько южнее, однако вскоре вернулись за линию 38-й параллели, соблюдая договоренности правительств СССР и США. Американцы высадились в Корею 8 сентября. Разумеется, вступив в прямое соприкосновение, недавние союзники внимательно следили за действиями друг друга.

Имея в виду приведенный выше обзор американских источников о ситуации в Корею, перейдем к первой серьезной информации о ситуации на севере, которую американцы получили в сентябре 1945 г. Она основывалась на письме, авторы которого — два неназванных корейца, — вероятно, стали беженцами и были подробно допрошены американцами, «знакомыми с Кореей». В письме описывались события, произошедшие в приграничном г. Синьиджу в конце августа 1945 г. Незадолго до этого, 16 августа, отцами города был сформирован Совет самоуправления. К 25 числу влияние этого совета распространилось на всю провинцию. Эффективность этой организации, по мнению авторов документа, была столь высока, что, несмотря на освобождение 1400 преступников и отсутствие оружия, мир и порядок полноценно поддерживались на территории всей провинции. 30 августа в город вступили подразделения РККА. В документе утверждалось, что советское командование насильно заменило Совет самоуправления Народным политическим комитетом, которым фактически руководили две крошечные коммунистические группы. После этого Коммунистическая партия начала стремительно организовываться, а оппозиционная Демократическая партия была принуждена к роспуску. Одновременно в документе сообщалось, что на местное население обрушилась советская пропаганда, которая звучала по радио, печаталась в газетах и сыпалась с небес в виде сбрасываемых с самолетов листовок. Авторы письма

были уверены, что подобная тактика повсеместно применяется СССР, который твердо намерен целиком советизировать всю территорию будущей Северной Кореи⁶.

Об активной пропагандистской работе, такой как организации парадов и демонстраций, о попытках дискредитировать американцев в глазах корейцев сообщали и другие перебежчики⁷.

Стоит отметить, что в активной пропагандистской работе США подозревали и сотрудников советского Генерального консульства в Сеуле, созданного вместе с приходом американских войск. По словам главы американской военной администрации генерала Дж. Ходжа, советские представители получили в южной части Кореи все средства для наблюдения за ситуацией в стране и пытаются оказывать поддержку местному коммунистическому движению, а также стремятся дискредитировать американскую военную администрацию перед местным населением⁸.

Параллельно в адрес американской военной администрации поступала информация о реквизициях промышленного оборудования с северокорейских предприятий, бедственном положении американских военнопленных в освобожденных РККА лагерях⁹.

Неизменным провалом заканчивались попытки наладить эффективное взаимодействие советской и американской администраций. Генерал Ходж и его окружение попросту «не понимали» решений советского командования и методы, к которым прибегала советская администрация¹⁰. В результате уже в ноябре 1945 г. американские «ястребы» начали говорить о необходимости предотвратить захват власти коммунистами южнее 38-й параллели путем формирования своего собственного, «разумного и уважаемого» правительства¹¹.

Нельзя, однако, сказать, что с севера Кореи поступала исключительно негативная информация. Историк Б. Камингс в монографии «Истоки Корейской войны» приводит следующие сведения: к началу декабря 1945 г. американская разведка заключила, что Советский Союз не стремится манипулировать народными комитетами, а, напротив, признает их в качестве руководящих органов на уровне отдельных провинций и населенных пунктов. Один из служащих советской администрации позволил себе следующую ремарку в беседе

с неназванным американцем: «Нам нравятся англичане и американцы — они похожи на нас... Нам не нравятся корейцы. Мы останемся до формирования приемлемого правительства, а затем уйдем»¹². Аналитики американской разведки предположили, что единое северокорейское правительство до сих пор не было образовано, так как в Москве считают, что Север скоро вернется под контроль центральной администрации в Корею¹³. Прошло в достаточно конструктивном ключе и Московское совещание министров иностранных дел, состоявшееся в декабре 1945 г. СССР и США сумели прийти к принципиальной договоренности о создании Совместной советско-американской комиссии, призванной обеспечить создание единого и независимого корейского государства.

Однако на любую хорошую новость приходило несколько плохих. Немедленно после достижения политических договоренностей американские источники начали докладывать, что советская администрация формирует политические партии, состоящие из скрытых коммунистов с целью манипуляции составом будущего объединенного корейского правительства. Появлялись и новые свидетельства антиамериканизма в советской политике: информаторы сообщали, что в новооткрытых коммунистических школах Кореи рассказывают о необходимости уничтожения США¹⁴, а люди, перешедшие без визы 38-ю параллель, арестовываются по обвинению в шпионаже в пользу американцев¹⁵.

В результате, когда в марте 1946 г. начала свою работу Совместная комиссия, у США уже сформировалось мнение, что СССР в Корею использует ту же тактику, что и в Восточной Европе¹⁶, стремясь искусственно распространить влияние коммунистов на всю территорию полуострова. Разумеется, такие представления не могли содействовать развитию конструктивного советско-американского диалога по корейскому вопросу. На полуострове начала складываться атмосфера соперничества и взаимного недоверия.

Первое заседание Совместной советско-американской комиссии по образованию Временного корейского демократического правительства состоялось 20 марта 1946 г. в Сеуле. Главами советской и американской делегаций являлись соответственно генералы Т.Ф. Штыков и А. Арнольд. Продуктивность работы комиссии с са-

мого начала оставляла желать лучшего. Стороны не могли прийти к общему решению ни о принципах организации Временного правительства, ни о мерах осуществления опеки над Кореей. Особые разногласия вызвал вопрос о порядке консультаций с корейскими политическими партиями и организациями. Ни одна из сторон не могла пойти на значительные уступки, что и привело к тупику в переговорах и последующей приостановке работы комиссии 6 мая 1946 г.

В условиях, когда переговоры в Совместной комиссии становились менее и менее продуктивными, американцы не могли не задумываться об альтернативных путях решения корейского вопроса. В этой ситуации актуальная информация о происходящем на Севере, приобретала большое значение. Поскольку территория севернее 38-ой параллели была закрыта для свободного посещения представителями США, в ход шли дипломатия и разведка.

Так, летом 1946 г. личный представитель президента США в Межсоюзной репарационной комиссии Э. Поули изъявил желание посетить северную часть Кореи. Цель этой поездки, которую посол США в Москве У. Смит называл «причудой много думающего о себе человека»¹⁷, заключалась в проверке информации о реквизициях промышленного оборудования корейских предприятий советскими войсками¹⁸. Поули не смог найти подтверждений фактам реквизиций. Однако, пребывая севернее 38-й параллели, он пришел к выводу, что после падения японского колониального режима прижиться коммунизму в Корею будет проще, чем где бы то ни было еще. Американский дипломат стал свидетелем массовой коммунистической пропаганды, чьи простые популистские лозунги находили отклик в сердцах политически неграмотных рыбаков и крестьян, составлявших около 70 % населения полуострова, и убедился, что Советская Армия готова надолго задержаться в Корею.

Поули рекомендовал принудить СССР к исполнению решений Московского совещания и, что не менее важно, параллельно развернуть активную пропагандистскую и образовательную кампанию, которая, вкупе со всесторонней экономической помощью, поможет предотвратить победу коммунизма на полуострове. Предложения Поули легли на стол президенту США Г. Трумэну в конце июня 1946 г. и, большей частью, были поддержаны. В ответном письме

американский лидер особо подчеркнул, что ключом к решению корейского вопроса является не столько исполнение решений Московского совещания, сколько интенсификация собственных усилий по построению независимого и демократического корейского государства¹⁹.

В условиях неопределенности дальнейшей судьбы Кореи активизировались усилия и разведывательных ведомств. Ранее действующий запрет на разведывательную деятельность на контролируемой СССР территории был снят, и к июлю 1946 г. Подразделение стратегических служб (Strategic Services Unit) США подготовилось к развертыванию на территории, подконтрольной советскому командованию, шпионской сети, состоящей из специально обученных корейцев²⁰.

Несмотря на недостаток источников информации²¹, первый «детальный» отчет о ситуации на полуострове был готов уже к 3 января 1947 г. Аналитики американской разведки утверждали, что, несмотря на наличие некоторых признаков недовольства советской администрацией среди местного населения, на Севере удалось построить прочный и стабильный коммунистический режим²². В документе отмечалось, что Москва гораздо больше преуспела в советизации Севера, чем Вашингтон в демократизации Юга²³. В отличие от строго контролируемой, по мнению американцев, советской зоны ответственности, для территории южнее 38-ой параллели, были характерны частые волнения и беспорядки, усугубляемые советской пропагандой. Тяжелым было и экономическое положение Юга²⁴.

Судя по всему, к середине 1946 — началу 1947 г., на основании имеющихся данных, США окончательно приходят к выводу о твердом намерении Москвы получить контроль над всей территорией Корейского полуострова и признают заметные успехи коммунистов в этом деле. Предшествующая политика американской администрации в Корее признается малоэффективной, происходит ее пересмотр и резкая смена курса. Вашингтон уже не возлагает серьезных надежд на дипломатические методы решения корейской проблемы и отдает предпочтение созданию стабильного и лояльного южнокорейского режима, который был бы достаточно прочен, чтобы ограничить аппетиты Советского Союза и вынудить его согласиться с выгодной для США трактовкой решений Московского совещания.

Тем не менее отказа от сотрудничества Советского Союза и Соединенных Штатов под эгидой Совместной комиссии в тот период не произошло. Усилиями дипломатических ведомств двух стран заседания комиссии были возобновлены 21 мая 1947 г. Однако, несмотря на первые успехи, комиссия вскоре вновь стала местом бесплодных дискуссий, которые продолжались вплоть до конца лета.

В июле 1947 г. Пхеньян посещает политический советник администрации США в Корее Дж. Джейкобс. На месте он убеждается, что на Севере Кореи Москве удалось построить полноценное коммунистическое государство со всеми необходимыми атрибутами: повсеместными портретами И.В. Сталина и Ким Ир Сена, забытыми коммунистической литературой книжными магазинами и тайной полицией. Тем временем некоммунисты изгонялись из правительственных учреждений, молодежь отправлялась учиться на территорию СССР, а промышленность стремительно национализировалась. Выводы американского дипломата после этого визита не вселяли оптимизма: даже если бы Совместной комиссии и удалось реализовать решения Московского совещания, реинтеграция обеих Кореи стала бы крайне трудной задачей. Кроме того, прочный коммунистический режим на Севере расшатывал и без того нестабильную ситуацию на Юге²⁵. С мнением Джейкобса был согласен и направленный со специальной миссией в Китай и Корею представитель президента Трумэна генерал А. Ведемейер²⁶.

В результате к концу 1947 г. США окончательно приходят к выводу о бесперспективности диалога с советской делегацией в рамках Совместной комиссии и необходимости выбора принципиально иного способа решения корейского вопроса. 17 сентября 1947 г. Вашингтон объявляет о намерении передать его на рассмотрение Генеральной Ассамблеи ООН²⁷. Несмотря на протесты со стороны СССР, 28 октября 1947 г. в политическом комитете ГА ООН началось обсуждение корейского вопроса. Советское предложение об обоюдном выводе войск было отклонено, и 14 ноября 1947 г. принимается резолюция Генеральной Ассамблеи по Корее, составленная на основе американского проекта. В ней рекомендовалось провести выборы в Национальное собрание по всей территории полуострова до 31 марта 1948 г., для наблюдения за которыми предполагалось

создать специальную комиссию ООН²⁸. Естественно, сотрудничать с Временной комиссией ООН по Кореи Советский Союз отказался²⁹.

10 мая 1948 г. в южной части Кореи состоялись выборы в Национальное собрание. Им сопутствовали преследования левых партий и силовое подавление демонстраций оппозиции. Члены центральной избирательной комиссии назначались американцами³⁰. 15 августа 1948 г. было провозглашено создание Республики Корея, а 9 сентября того же года создается Корейская Народная Демократическая Республика. Процесс разделения Кореи на два независимых государства был завершен.

Анализируя эволюцию внешней политики США в Корее, можно выделить три этапа, на которых представления о положении на Севере играли принципиально разную роль в формировании внешнеполитического курса. На первом (август — декабрь 1945 г.) американцы лишь присматривались к действиям своего будущего оппонента. Активность СССР хотя и вызывала непонимание, но не оказывала прямого влияния на советско-американский диалог по вопросу о будущем Кореи. На втором этапе (1946 — осень 1947 г.) происходит формирование образа советской угрозы. На фоне неудач Совместной комиссии противоречия между недавними союзниками усугубляются, а поступающая с Севера информация начинает внушать все большие и большие опасения. Последний этап (1947 г. — до провозглашения Республики Корея) — период активного реагирования на «красную угрозу». США стремятся любой ценой предотвратить победу коммунистов на территории всей Кореи. Резкой смене курса способствуют поступающие сведения о военной угрозе, якобы исходящей с Севера. На третьем этапе раскол полуострова на два враждебных друг другу государства стал неотвратимым. Создание двух независимых государств стабилизировало положение на полуострове и позволило обеим великим державам спокойно вывести свои войска из Кореи. Новый же виток напряженности был связан, в первую очередь, с внутрикорейским и китайским факторами.

Таким образом, влияние представлений США об эффективности советизации Севера Кореи на курс американской внешней политики со временем росло. В целом нельзя говорить о том, что именно они стали ключевой причиной раскола Кореи, который был

практически predetermined сложным комплексом внешних и внутренних факторов. Однако именно осознание опасности, скобы исходящей с Севера, стало для США одной из важнейших причин для принятия решения о прекращении попыток достигнуть взаимоприемлемого соглашения с СССР и начала реализации сценария, направленного на создание сепаратного южнокорейского государства.

Примечания

¹ Baptism By Fire: CIA Analysis of the Korean War Overview // CIA FOIA (foia.cia.gov). URL: <http://www.foia.cia.gov/collection/baptism-fire-cia-analysis-korean-war-overview#FBIS>.

² Lankov, A. Crisis in North Korea. The Failure of De-Stalinization, 1956. Honolulu, 2005. P. 214.

³ Tikhonov, V. South Korea's Christian Military Chaplaincy in the Korean War — religion as ideology? // The Asia-Pacific Journal, Vol. 11. Issue 18, No. 1, May 6, 2013.

⁴ Armstrong, C. The North Korean revolution. Ithaca, 2003. P. 46—47.

⁵ War Department — Strategic Services Unit Official Dispatch. 4 November 1946. URL: <http://nsarchive.chadwyck.com.ezproxy.usr.shpl.ru/nsa/documents/CI/00199/all.pdf> (после регистрации).

⁶ Foreign Relations of United States (Далее — FRUS). 1945. Vol. 6. P. 1065—1066; War Department Incoming Classified Message. October 1, 1945. URL: http://www.trumanlibrary.org/whistlestop/study_collections/korea/large/documents/pdfs/kr-6-14.pdf. P. 1.

⁷ War Department Incoming Classified Message, September 18, 1945. URL: http://www.trumanlibrary.org/whistlestop/study_collections/korea/large/documents/pdfs/kr-6-15.pdf. P. 2.

⁸ FRUS 1945. Vol. 6. P. 1072—1073.

⁹ FRUS 1945. Vol. 6. P. 1067; War Department Incoming Classified Message. September 28, 1945. URL: http://www.trumanlibrary.org/whistlestop/study_collections/korea/large/documents/pdfs/kr-6-13.pdf

¹⁰ FRUS 1945. Vol. 6. P. 1143; P. 1146.

¹¹ Cumings, B. The Origins of the Korean War (in 2 vols.). Vol. 1. Liberation and the Emergence of Separate Regimes, 1945—1947. Seoul, 2002, P. 183.

¹² Ibid. P. 392.

¹³ Ibid.

- ¹⁴ FRUS 1946. Vol. 8, P. 647.
- ¹⁵ Ibid. P. 641.
- ¹⁶ Ibid. P. 645.
- ¹⁷ Советско-американские отношения. 1945—1949. Документы. М., 2004. С. 251.
- ¹⁸ MacArthur Told Pauley's Goals // Miami Daily News. May 12, 1946. URL: <http://news.google.com/newspapers?nid=2206&dat=19460512&id=CgotAAAAIIBAJ&sjid=Y9YFAAAAIBAJ&pg=3809,4348922>
- ¹⁹ FRUS 1946, Vol. 8, P. 713.
- ²⁰ Strategic Services Unit Station in Japan. Top Secret, Cable, July 08, 1946, 4 pp. U.S. Intelligence and China: Collection, Analysis, and Covert Action, CI00149. URL: <http://nsarchive.chadwyck.com.ezproxy.usr.shpl.ru/nsa/documents/CI/00149/all.pdf> (после регистрации). P.2.
- ²¹ «The Situation in Korea», Office of Reports and Estimates 5/1, January 3, 1947. URL: http://www.trumanlibrary.org/whistlestop/study_collections/korea/large/documents/pdfs/kr-8-4.pdf P. 5.
- ²² Ibid., P. 6.
- ²³ Ibid., P. 1.
- ²⁴ Ibid., P. 6—7.
- ²⁵ FRUS 1947, Vol. 6, P. 690—691.
- ²⁶ Ibid. P. 799.
- ²⁷ Ibid. P. 794.
- ²⁸ Ibid. P. 857—859; Resolutions : General Assembly (GA), 2nd session: United Nations (UN). 1947. A/RES/112(II)[A-B] The problem of the independence of Korea. URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/038/19/IMG/NR003819.pdf>
- ²⁹ FRUS 1947, P. 856; Encyclopedia of the Korean War: A Political, Social, and Military History. Vol. III. Edited by S. C. Tucker. Santa-Barbara; Denver; Oxford, 2000. P. 806.
- ³⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 1119. Л. 78.

Л.В. Овчинникова

РЕЛИГИОЗНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ В КОРЕЕ И ИХ РОЛЬ В БОРЬБЕ КОРЕЙСКОГО НАРОДА ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ В 1920-е — 1930-е ГОДЫ

Тема борьбы корейского народа за независимость в 1920—1930-е годы освещалась в трудах отечественных востоковедов. Уделялось внимание и деятельности религиозных организаций, которые внесли свой вклад в борьбу корейского народа за независимость, однако источниковедческая база исследований по рассматриваемому периоду представляется недостаточной, и поиск новых источников приобретает большое значение.

Таковыми источниками можно считать служебные и секретные материалы и документы, выпущенные японским генерал-губернаторством в Сеуле на японском языке, в частности издания японской тайной полиции, суда, прокуратуры. Они раскрывают как деятельность японских властей в Корее, так и положение дел в стране. Задачей данного исследования было проследить, как эти источники освещают деятельность различных религиозных групп и организаций, а также их роль в борьбе корейского народа за освобождение.

Если говорить о корейском сопротивлении в целом, то, думается, можно обозначить основные его этапы:

- 1919—1925 гг. Подъем корейской освободительной борьбы в начале новейшего периода истории. Выступление 1919 г. Заро-

ждение и развитие социалистического движения в Корее, его зарубежный период;

- 1925—1928 гг. Движение за накопление «реальных сил» и социалистическое движение. Потенции и зачатки единого фронта патриотических сил Кореи. Июньская демонстрация 1926 г. Образование общества «Синганхве». Образование КПК;
- 1929—1935 гг. Левосектантский курс мирового освободительного движения в конце 1920-х — начале 1930-х годов. VI Конгресс Коминтерна. Ультралевый курс и сектантство в борьбе корейских патриотов, их трагические последствия и уроки. Роспуск «Синганхве»;
- 1935—1939 гг. Изменение тактики корейского освободительного движения накануне и после VII Конгресса Коминтерна. Патриотическое подполье в стране. Борьба корейских партизан в Маньчжурии.

Как же излагают и трактуют японские источники события каждого из этих этапов? Какие сведения о деятельности религиозных групп и организаций в этот период приводят они?

Источники свидетельствуют, что к началу новейшего периода истории в Корее сложились условия для подъема народной борьбы за освобождение. Издания генерал-губернаторства приводят сведения о первоапрельском движении 1919 г., в котором принимали участие жители всех 218 округов и уездов страны. Руководителями и участниками более полутора тысяч демонстраций и митингов были и религиозные деятели — как приверженцы *Чхондогё*, так и христиане и буддисты. Основное внимание они уделяли просветительской, дипломатической и культурной деятельности, сообщая разработав курс на подъём движения. Начавшись как мирное и ненасильственное, первоапрельское выступление постепенно перешло к насильственным действиям и было жестоко подавлено. Репрессиям подверглись и религиозные деятели.

Для характеристики политической ситуации в стране и роли религиозных организаций в борьбе корейского народа за освобождение в конце 1910-х — 1920-х годах следует напомнить о деятельности миссионеров. Их наиболее многочисленный отряд составляли американцы. В стране функционировало около 650 организованных

миссионерами школ и кружков, 25 больниц, 27 диспансеров, почти 1900 церквей и молелен. Американская миссия создавала в разных районах Кореи спортивные, научные и другие кружки, вела работу среди молодежи, приобщая её к образованию и культуре. В российском корееведении оценка этой культуртрегерской миссии американцев в данный период, думается, занижена. На первый план выдвигалась только задача миссионеров готовить социальную опору для установления американского господствующего влияния. Она также имела место, причем значительное. Но по мере того, как усиливались американско-японские противоречия, в деятельности миссионеров из США заметно расширялся антияпонский компонент¹.

После первоапрельского выступления японская администрация была вынуждена сменить методы управления и контроля в Кореи на политику «культурного управления». В этот период в борьбе за национальное освобождение образовалось 2 течения: правое, унаследовавшее традиции движения за первоочередное накопление «реальных сил», за предложение автономии и движение, выступившее против примирения с японскими властями и за развертывание активной борьбы. Ряд религиозных деятелей стремился защитить корейскую культуру, поддержать сознание национальной независимости. К их числу можно отнести Хан Ён Уна, который основал Общество обновления буддизма (1921 г.), а затем Партию буддийского креста (1930 г.) и др. Колониальная администрация бдительно следила за деятельностью религиозных групп и организаций, иногда и вовсе запрещала деятельность некоторых религиозных групп. Например, церковь *Тэджонгё*, которая ещё в 1910 г. развернула активное антияпонское движение, стала чисто религиозной организацией, а в 1930 г. деятельность её была вовсе запрещена. Помогал этому и действовавший в Кореи с 1911 г. Закон о храмах. Он позволил разделить буддизм на два течения — *Сонджон* и *Кёджон*; было установлено 15 главных монастырей и более 1300 подчинённых им храмов (отделений), причем генерал-губернаторству принадлежало право выдавать разрешение на объединение храмов и управление их имуществом. После создания в 1925 г. Главного управления служителей буддийского культа Кореи генерал-губернаторство получило право назначать управляющего корейскими буддийскими храмами².

В данный период левое и правое крыло национально-освободительного движения было охвачено кризисом, хотя в то же время наблюдалось стремление к созданию единого фронта. Одним из свидетельств этой тенденции стала июньская демонстрация 1926 г., проходившая под лозунгом борьбы за независимость Кореи и ставшая заметной вехой в борьбе народа за освобождение. Движение за сотрудничество между правыми и левыми проявилось с 1927 г. в деятельности *Синганхве* («Общества новых корней»). Инициаторами его создания, кроме членов националистических групп и компартии, были представители христианских организаций, старой ветви *Чхондогё* и буддистов. Оно имело 140 отделений по всей стране и насчитывало свыше 40 тыс. членов³.

Японские издания приводят сведения о конце 1920-х — первой половине 1930-х годов. Этот период, с одной стороны, был связан с усилением милитаризации Японии, с ее подготовкой к «большой» войне и с ужесточением карательных акций в отношении антиколониальных и антивоенных сил Кореи. С другой стороны — с преобладанием крайней левизны, сектантства в леворадикальном крыле этих сил, в его стратегии и тактике соответственно установкам VI Конгресса Коминтерна. В рассматриваемых источниках этот период характеризуется как стремительный рост левого подпольного движения, как полный переход от коалиции различных социальных и политических сил к движению чисто классовому, как разрыв коммунистов с националистами. В это время разворачивалась нелегальная работа, основой которой стали маломощные, ультрареволюционные «красные союзы». Отмечается, что легальная борьба всё больше уходила в подполье и в конце концов стала целиком нелегальной⁴.

Сведений о религиозных группах и организациях, действовавших в этот период, в японских изданиях генерал-губернаторства немного. Больше всего внимание властей привлекают многочисленные «красные союзы» рабочих, крестьян, представителей интеллигенции, учащихся; кроме лозунгов «большевизации» всей Кореи, ставили перед собой и задачу национального освобождения.

Со второй половины 1930-х годов произошли принципиальные изменения в зоне национально-освободительной борьбы, менялись её содержание и формы. С одной стороны, в левом лагере освободи-

тельного движения стали проявляться симптомы постепенного «выздоровления», что было в немалой степени связано с решениями VII Конгресса Коминтерна. С другой стороны, подготовка Японии к войне с Китаем и ее развязывание усилили бдительность метрополии в колонии, еще более ужесточили репрессии. В стране продолжало действовать обескровленное репрессиями властей патриотическое подполье. Эта борьба все теснее связывалась с действиями партизан в Маньчжурии, на территории которой складывался единый корейско-китайский фронт, направляемый компартией Китая. Но основная магистраль корейского освободительного движения пролегла в Кореи. Все острее проявлялся курс на совместные действия всех национальных сил в борьбе против колониальной политики Японии и развязанной ею войны. Японские издания приводят данные о «проникновении» патриотов в религиозные организации, о совместной с ними антивоенной деятельности. Например, японские издания упоминают «Общество изучения социологии», которое развернуло активную работу в религиозных организациях, в частности в буддийских. Представители корейской интеллигенции, игравшей заметную роль в борьбе за независимость, также были связаны с религиозными организациями.

По сведениям японских закрытых изданий генерал-губернаторства, число религиозных организаций в первой половине 1930-х годов в целом выросло. Так, по данным книги «30 лет управления Кореей» в стране чуть более, чем за 20 лет (с 1910 по 1933 г.) число последователей синто приблизительно увеличилось в 8 раз, буддизма — в 6 раз, христианства — в 2 раза, в общем, имело место увеличение числа верующих в 3 раза. В 1933 г. население Кореи составило 21 млн человек, из них 880 тыс. верующих. Для сравнения даются цифры по 1910 г.: последователей синто было 10 911 человек, буддизма — 61 649 человек, христиан — 200 314 человек, итого — 372 874 человек⁵. «Религиозные организации в Кореи, — читаем мы в этом издании, — проводят общественные мероприятия по обучению, воспитанию, гигиене, осуществляют помощь нуждающимся»⁶.

Примечательна политика властей в отношении религиозных организаций. Им принадлежало видное место в формировании единого национального фронта, который, едва зародившись, сразу рас-

пался. Служебные издания японской администрации дают на сей счёт некоторую информацию. Из их материалов можно сделать вывод, что Чхондогё и другие религиозные организации представляли угрозу для «общественного спокойствия» в Корее. Учитывая, их важную роль в условиях Кореи, а также то, что последователи этих религиозных групп были способны расширить потенции единого фронта антияпонских, антивоенных сил, колониальная администрация приняла в отношении этих организаций серию акций. Они включали репрессии, аресты и меры политического и идеологического воздействия и давления.

Народу внушалось, что Корея — передовая база Японии на материке, что почётна и ответственна сама миссия корейцев укрепить её. Судя по изданиям, для материализации этого лозунга применялись разнообразные средства. Работа среди различных слоев населения проводилась дифференцированно. К ней настойчиво привлекались религиозные организации. Японское издание «Состояние общественного спокойствия в Корее...», давая развернутый обзор деятельности религиозных групп и организаций в Корее в 1930-е годы, указывает, что с начала китайских событий религиозные общества развернули работу по агитации как своих последователей, так и широких народных масс, на служение трону в тылу. Подразумевались организация разных мероприятий: проводы на фронт, сбор пожертвований на оборону, посылки на фронт, утешения семей погибших и фронтовиков и т. п. Особенно активной в этом направлении была деятельность представителей буддийских сект и организаций. «После начала японо-китайской войны, — пишут авторы этого издания, — власти созвали представителей 18 храмов, и было решено оказывать помощь тылу». «Согласно указанию генерал-губернаторства, — как сказано в этом издании, — в 31 храме была проведена мобилизация 7000 монахов для помощи тылу»⁷.

Религиозные общества синто особенного влияния в Корее не имели.

О христианских организациях в этом издании говорится, что они в этот период все еще высказывались против поклонения синтоистским святилищам, а также вели агитацию против войны, пропагандируя религиозный пацифизм. Но «так как возникла опас-

ность, что это будет мешать духовной мобилизации народа», в феврале 1939 г. генерал-губернаторство «установило общую линию руководства христианами, и в конце концов они также стали подчиняться требованиям правительства». Большинство стало выступать за поклонение синтоистским храмам, за сборы пожертвованиям на оборону и т. д. Постепенно, по мнению японских источников, которые могли выдавать желаемое за действительное, происходило слияние многочисленных христианских обществ, освобождение от европейского и американского влияния и строительство «японского христианства» (*нихонтеки киристокё*):⁸.

Относительно конфуцианства в издании «Состояние общественного спокойствия...» сказано, что раньше конфуцианство носило ярко выраженный националистический характер, его последователи придерживались старых традиций (отказывались стричь волосы, носить цветные платья), следовали идее почитания Китая, но благодаря «стараниям» властей после начала японо-китайской войны они развернули патриотическое движение. Действуя под руководством властей, конфуцианцы распространяли агитационный печатный материал, проводили такие мероприятия, как произнесение клятвы «за единство и рост силы государства», пение национальных гимнов, поднятие флага, выражалось это и в других атрибутах верности Японии⁹.

В отношении национальной религии *Чхондогё* (по-японски — *Тэндокё*), игравшей немалую роль в освободительной борьбе, издание «Состояние общественного спокойствия...» сообщает, что «стараниями» властей большинство организаций *Чхондогё* было распущено. Осталось лишь три, принадлежащих к так называемой старой школе (*Тэндокё кю:ха*). Новая ветвь *Тэндокё* (*Тэндокё симпа*) сразу проявила прояпонскую ориентацию и стала следовать политике генерал-губернаторства¹⁰. Но другие две продолжали вести националистическую линию. «Однако после начала китайских событий они также её изменили, провозгласив принципы паназиятизма, единства Кореи и Японии, борьбы против коммунистических идей, порицая антигосударственные выступления»¹¹. Далее написано, что хотя и новая и старая ветви *Чхондогё* «встали во главе широких народных масс и его последователи проповедовали необходимость выполне-

ния народом своих обязанностей в тылу и читали на собраниях вслух присягу императору, среди них были и мечтающие о независимости. Они проводили сбор средств на борьбу за неё¹². В феврале 1939 г. они были арестованы¹³. Вообще же в этом году были арестованы 4189 религиозных деятелей. Причины — требования независимости и антивоенные настроения¹⁴.

Издание «Состояние общественного спокойствия...» неоднократно указывает на «значительное влияние на народ организаций типа религиозных, многие из которых имели ярко выраженную политическую окраску». Учитывая это, корейские власти с 1936 г. приступили к чистке и роспуску этих организаций, а некоторые из них перевоспитали и поставили себе на службу¹⁵. Таких организаций к концу 1934 г. было 64, количество последователей — более 170 тыс.; а на конец 1937 г. организаций уже стало 15, а последователей — 90 тыс. человек¹⁶. В издании часто говорится о переориентации организаций религиозного толка со второй половины 1930-х годов. «Организация *Чхондогё*, которая имела в течение нескольких лет историю как националистическая, образовала новую группу и переориентировала свою деятельность в пользу Японии. По тому же пути пошли многие другие организации религиозного толка, и даже христиане — 460 тыс. человек»¹⁷.

Исследуемые материалы помогают и анализу методов управления и контроля в колонии, подавления японскими властями корейского сопротивления. Они позволяют сделать вывод об умелой маневренности и гибкости, о продуманности и многообразии этих методов. Хотя во все периоды главным средством подавления корейского сопротивления являлся террор, этой цели служила и мощная идеологическая система. Целью этой политики было внедрение в общественное сознание идей величия Японии, необходимости всячески содействовать ее победе. Лозунг «Корея и Япония — одно целое, одна семья» призван был ослабить нарастающий протест, стать бальзамом для больного национального самолюбия корейцев, повесить их усердие в труде.

В своей колониальной политике Япония достигла определённых успехов. Мы видим это даже при сравнении антияпонских настроений и выступлений рассматриваемого 20-летия. Так, во время вы-

ступления 1919 г., а также июньской демонстрации 1926 г., Вонсанского движения главными лозунгами были освобождение от японского господства. Однако с середины 1930-х годов ситуация меняется. Японские закрытые издания приводят огромное количество материалов о стачках, арендных конфликтах, которые не имели национально-освободительной направленности и выдвигали на первый план проблемы социального протеста против японских и корейских капиталистов. Во второй половине 1930-х годов в значительной степени из-за разумной политики колониальных властей всё сопротивление ушло за пределы страны.

Итак, служебные издания японского генерал-губернаторства приводят важные сведения о деятельности религиозных групп и обществ, которые участвовали в борьбе корейцев за национальное освобождение. Корейскому народу свойственно выражение политического протеста под религиозной оболочкой. Как пишут исследуемые издания, деятельность такой влиятельной организации, как *Чхондогё*, а также буддийских, христианских и других религиозных обществ и групп представляли угрозу для «общественного спокойствия» в Кореи. Колониальная администрация провела в отношении этих организаций серию акций. Они включали репрессии, аресты и меры политического и идеологического воздействия и давления, оказавшиеся довольно результативными. Число религиозных организаций во второй половине 1930-х годов уменьшилось, деятельность многих из них была переориентирована на работу в пользу Японии. Вместе с тем японские материалы позволяют сделать вывод, что они все же внесли свой вклад в борьбу корейского народа за освобождение.

Список исследуемых закрытых изданий японского генерал-губернаторства в Кореи

1. «Состояние общественного спокойствия в Кореи в последнее время» («Сайкин-ни окэру тё:сэндзиан дзё:кё:»), Сеул, 1939 («секретно»).
2. «Вестниках идеологии» («Сисо: ихо:»), выпуски 1934 г. № 12, 1936 г. № 6, 1937 г. № 11, 1938 г. № 14 и 16 («секретно»).
3. «Корейская полиция» («Тё:сэн кэйсацу»), Сеул, 1938 г. («секретно»).

4. «Словарь тайной полиции» («Ко:то: кэйсацу ё:годзитэн»), Сеул, 1935 г. («секретно»).

5. «Материалы комиссии по изучению чрезвычайных мер генерал-губернаторства» («Тё:сэн со:току дзикёку тайсакай симонган санко:сё») Сеул, 1938 г. Издания:

- а) «Общественные учреждения и мероприятия» («секретно»);
- б) «Движение за возрождение корейской деревни» («секретно»);
- в) «Внешняя торговля Кореи» («секретно»);
- г) «Промышленные ресурсы Кореи» («секретно»);
- д) «Справочник по бюджету генерал-губернаторства» («секретно»);
- е) «Мероприятия, связанные со спецификой Северной Кореи» («сов. секретно»);
- ж) «Организация сухопутного транспорта» («секретно»);
- з) «Телеграф, почта, радио» («секретно»).

6. «25 лет управления Кореей» («Сисэй нидзюгонэнси»), Сеул, 1935 г.

7. «30 лет управления Кореей» («Сисэй сандзюнэнси»), Сеул, 1940 г.

8. «Обстановка в Корее» («Тё:сэн дзидзё:»), Сеул, 1941 г.

9. «Беспорядки в Корее» («Тё:сэн со:дзё дзикё:»), Сеул, 1930 г.

10. «Исследование поселков в Корее» («Тё:сэн буракутё:тё:сахо:коку»), ч.1, Сеул, 1924 г.

11. «Город Сеул» («Кэйдзё: фу:сэй иппан»), Сеул, 1942 г. («секретно»).

12. «Ежегодник национального движения в Корее» («Тё:сэн миндзоку ундо: нэнкан»), Сеул, 1932 г., («секретно»).

13. «Приложение к законам и указам в Корее» («Тё:сэн дзикёку канкэй хо:ки цуйроку»), т.8 — «Законы и указы в Корее на 1 июля 1941 г.» («Тё:сэн Гё:сэй гаккай хакко:»), Сеул, 1941 г.

Примечания

¹ «История Кореи», 1974 г. Т. 2. С. 32—33.

² Хан Ёнъю «История Кореи: новый взгляд», РАН, 2010. С. 485.

³ «Состояние общественного спокойствия в Корее в последнее время». Сеул, 1939 г. С. 74.

⁴ Там же. С. 9—10.

⁵ «30 лет управления Кореей». Сеул, 1940 г. С. 337.

⁶ Там же.

⁷ «Состояние ...». С. 54.

⁸ Там же. С. 55.

⁹ Там же. С. 51.

¹⁰ Там же. С. 57.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 63.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 53.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 53—54.

Н.А. Чеснокова

«ИСПРАВИТЬ ЛАНДШАФТ» И ПОДНЯТЬСЯ НАД ПРОШЛЫМ (К 20-ЛЕТИЮ СНОСА БЫВШЕГО ЗДАНИЯ ЯПОНСКОГО ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСТВА)

Снос бывшего здания главного управления японского генерал-губернаторства в Корее¹ (*Чосон чхонтокпу чонса*) и восстановление дворца Кёнбоккун в первоизданном виде были официально объявлены 1 марта 1995 г., в день 76-летия Первоапрельского движения за независимость (1919)². Как писала газета «Korea Times», «гранитное здание в стиле Ренессанс, ныне функционирующее в качестве Национального музея, было накрыто белой тканью, прикрывающей строительные леса в центральной части, и напоминало замершее под наркозом тело на операционном столе»³. Построенное в 1926 г. по проекту немецкого архитектора Георга де Лаланде (1872—1919) и под руководством японского архитектора Номура Ичиро (1868—1942), здание генерал-губернаторства простояло почти 70 лет.

В 1910 г. Сеул, переименованный в Кэйдзё, стал столицей японского генерал-губернаторства, и в 1911 г. было принято решение выстроить для японской администрации, прежде располагавшейся во дворце Кёнбоккун, отдельное здание. Работы начались 25 июня 1916 г., и, чтобы расчистить место для новой постройки, было снесено 10 сооружений дворцового комплекса Кёнбоккун⁴. Современные исследователи полагают, что строительство здания генерал-губерна-

торства на территории упомянутого дворца означало символическую «смену правящего дома», конец династии Чосон⁵.

Согласно проекту здание генерал-губернаторства было сделано по европейскому образцу: «композиционно фасады, плоскости несущих стен, профили здания и сечения были симметричны и ориентированы по одной оси как единая конструктивная система, в центре которой — входные двери, внутренний дворик, куполовидная крыша и башенки, установленные на обоих крыльях здания. Таким образом, бывшее здание генерал-губернаторства было выполнено с учетом геометрических пропорций, соответствующих дворцу периода Ренессанса»⁶. Как корейцы писали позднее, это был «враг, который никогда прежде не выглядел так прекрасно, так обманчиво»⁷.

С 1926 по 1945 г. там находилась японская администрация, т. е. генерал-губернатор Кореи. В письме преподавателя Ли из Сеула, направленном в «Korea Times» в 1994 г., это здание описывалось так: «Именно оттуда шли указания для всех корейцев говорить по-японски, использовать японские имена, поклоняться в храмах синто. Именно там иностранные идеи ложились в основу намеренно запутанных иностранных законов, вредивших корейским крестьянам и землевладельцам. Это был центр мира, жестокость которого была не в танках и ружьях, а во вносимом смятении и секретности. Но также это были роскошь и богатство, космополитизм и западная или «цивилизованная» красота — от строгих мундиров солдат до постриженных по французской моде усиков лейтенантов»⁸.

Сверху новая постройка напоминала иероглиф «солнце», соответствовавший также первому иероглифу в слове «Япония». Здание было «символом власти, имперского превосходства, вестернизации ... увеличения японского влияния и сотрудничества с Западом»⁹.

Вместе с тем здание генерал-губернаторства не было первой постройкой в Корее, сделанной по европейским канонам. Первым западным архитектором в Корее был А.И. Середин-Сабатин (1860—1921), проживший в этой стране 20 лет (1883—1904) и построивший около полутора десятков сооружений, среди которых — мемориальные Ворота независимости (*Тонниммун*), возведенные в Сеуле в 1897 г. в честь окончания многовековой вассальной зависимости от Китая. В конце XIX — начале XX в. они были символом страны для

всего мира. Их изображения помещали в газетах и журналах, на почтовых открытках, в книгах о путешествиях на разных языках¹⁰. Примечательно, что первый камень Ворот был заложен 21 ноября 1896 г., почти за 20 лет до начала строительства здания генерал-губернаторства. Но если Ворота независимости символизировали «свободолюбивые устремления Кореи»¹¹, то здание генерал-губернаторства ассоциировалось с «попыткой унижить аннексированное королевство»¹².

35-летний период господства Японии закончился с ее поражением во Второй мировой войне. После подписания Акта о полной и безоговорочной капитуляции Японии 2 сентября 1945 г. в Токио прибывший 9 сентября 1945 г. в Сеул командующий войсками США в Корее Джон Р. Хадж (1893—1963) принял формальную капитуляцию у последнего генерал-губернатора Кореи Абэ Нобуюки (1875—1953)¹³, который уже фактически не управлял Кореей. Произошло это в здании генерал-губернаторства, которое с этого момента и до 1948 г. использовалось как штаб-квартира американской военной администрации («Korea Times» позднее, через 45 лет, напишет, что «это был символ перемены “бесчеловечной оккупации” на “благожелательную”, но оккупацию, тем не менее»)¹⁴. С 1948 по 1975 г. в бывшем здании генерал-губернаторства заседал парламент Южной Кореи, и на его ступенях принял присягу первый президент Южной Кореи Ли Сын Ман (1948). Спустя 15 лет, в 1963 г., также на этих ступенях произнес речь президент Пак Чон Хи.

В 1983 г. бывшее здание генерал-губернаторства было закрыто. С 1985—1986 гг. оно стало Национальным музеем: экспозиция переехала туда из дворца Токсугун (1986)¹⁵. Общество разделилось: кто-то говорил, что здание теперь — часть корейской истории¹⁶, но большинство по-прежнему считало, что постройка перекрывает «жилы страны». Сторонники традиционной географии *пхунсу чирисоль* открыто выступали за снос здания, утверждая, что Национальный музей расположен таким образом, что разрушает положительную энергию, которая спускается с гор Пэктусан (по его «стволу» и «ветвям») и выходит на поверхность у главного корейского дворца Кёнбоккун. Согласно *пхунсу чирисоль*, Кёнбоккун располагался (и располагается) в наилучшем месте, богатом положительной энерги-

ей, обеспечивая процветание Кореи и корейского народа¹⁷. Постройка здания генерал-губернаторства, таким образом, нарушала связь «большого ствола» Пэктусана и ворот Кванхвамун, а от них — и всего Сеула.

С 1993 г. при президенте Киме Ен Саме в Южной Корее началось национальное движение за снос музея и восстановление первоначального облика Кёнбоккуна.

Несмотря на то, что проект по сносу Национального музея перед Кёнбоккуном и возведением, согласно *пхунсу чирисоль*, его в другом месте требовал определенных затрат (47 млн долл. — снос здания, 500 тыс. долл. — перевоз хранящихся музейных экспонатов, 330 млн долл. — постройка нового здания музея)¹⁸, корейское правительство оказалось готово на это пойти.

1995 г., когда было принято решение о сносе здания, был знаковым для корейской истории: исполнялось 600 лет старейшему сеульскому дворцу Кёнбоккун¹⁹, 50 лет со дня освобождения Кореи от японского колониального правления и 50 лет окончанию Второй мировой войны. Снос бывшего здания генерал-губернаторства начался 15 августа 1995 г. с символического «обезглавливания» — съема башенки с куполовидной крыши. Это было «поднятие занавеса в проекте, целью которого было уничтожение следов японского колониального правления»²⁰. В 1996 г. здание было полностью демонтировано.

Большую роль в аргументации необходимости сноса сыграла теория *пхунсу чирисоль*. Рассмотрим подробнее ее принципы и значение для корейского народа. Теория *пхунсу* — это корейская наука, описывающая взаимное положение географических объектов, их видимые (и невидимые глазу) связи, опирающаяся на «Книгу перемен», теорию об *инь-ян* (кор. — *ым* и *ян*) и теорию о пяти элементах²¹. Основные объекты *пхунсу* — это горы, воды, стороны света, человек. Согласно Большому толковому географическому словарю, идея *пхунсу* заключается в изучении особенностей ветра и вод²². Как пишет историк, знаток корейской культуры и традиционной географии Хон Сун Мин, «по принципам *пхунсу* строили дома, основывали селения и города, копали могилы»²³.

Сторонники теории *пхунсу* считают, что в земле есть особенная энергия *чиги*²⁴. Она бывает как «живительной энергией» *сэн ки*, так и

«смертоносной» *саль ги*. Такие же энергии есть и в воздухе. Задача *пхунсуга* (геомантов, специалистов *пхунсу*) — отыскать такие места, где энергии *сэн ки* неба и земли объединяются. Такие места называются *хёль*, и они считаются самыми лучшими для строительства²⁵.

Одна из целей *пхунсу* — это *пхихюн чхугиль* — «избегать вредного и следовать за благоприятным»²⁶. Основной же источник «живительной энергии» — это горы Пэктусан. Основоположником теории *пхунсу чирисоль* в Корее был монах То Сон (827—898), который, опираясь на китайскую теорию *фэншуй*, вывел правила для корейского ландшафта. Горы Пэктусан в теории *пхунсу* представляли как «наследник» китайских гор Куньлунь. Эта идея сохранялась и в XVIII в.: в частности, в «Тхэнниджи» («Описание избранных деревень», 1751) Ли Джун Хвана (1690—1756?) написано: «Ветвь гор Куньлунь тянется к югу Великой пустыни — на востоке она поднимается горой Иулюйшань, и здесь — Ляодун. А пройдет долину — поднимается горой Пэктусан, названной в “Книге гор и морей” Бусян^{27, 28}».

Места для королевских дворцов подбирались геомантами, искавшими земли, наполненные «живительной энергией». Так, дворец Кёнбоккун занял одно из самых благоприятных мест у подножия горы Пугаксан. Окруженный с трех сторон — востока, запада, юга соответственно горами Тхараксан, Инвансан и Намсан и укрытый с севера, со спины, горой Пугаксан, Кёнбоккун стал в 1395 г. основным дворцом новой столицы — Сеула. Он, как считалось, был местом сосредоточения идущей с гор Пэктусан «живительной энергии», поддерживавшей всю страну.

Трудно предположить, что выбор места для здания генерал-губернаторства был случаен. Известно, что японское колониальное правительство поддерживало исследования, направленные изучение истории и культуры Кореи, и позднее многие специалисты опубликовали результаты своих трудов в монографиях. Изучалась также теория *пхунсу чирисоль* как традиционная корейская география, связанная с системой представлений о мире.

Строительство здания генерал-губернаторства на месте Кёнбоккуна, как считают исследователи, — это была демонстрация силы Японии и ее желания править Кореей, а также того, что «живительная энергия» более не поддерживает королевскую династию²⁹.

Можно провести параллель между строительством здания генерал-губернаторства и стальными шпалами, которые, как считают корейцы, японские лазутчики, пробуравив горы в точках концентрации энергии *ки*, забили, чтобы ослабить связь корейцев с землей. Как писала «Korea times», корейское правительство зимой 1995 г. организовало и спонсировало несколько экспедиций по поиску шпал, чтобы к 76-й годовщине Первоапрельского движения «восстановить гармонию в стране»³⁰.

Здание генерал-губернаторства, как считали корейцы, блокировало поток «живительной энергии», и поэтому необходимо было прибегнуть к способам корректировки, также предлагаемым теорией *пхунсу чирисоль*, — *пхунсу пибо* (или просто *пибо*), что можно определить как «различные способы, предпринимаемые геомантами для улучшения уже существующей топографии местности либо для превращения неблагоприятной местности в благоприятную»³¹ или же «способы исправления недостатков земли»³².

В сохранившихся до наших дней письменных памятниках мы находим различные упоминания о советах по корректировке местности. Это возведение пагоды или храма в месте, бедном «живительной энергией», или же, наоборот, снос сооружения, препятствующего спокойному течению энергии или аккумулирующего ее: например, имеющееся в «Корёса» указание снести построенные буддийские храмы, разрушающие «жилы земли вновь и вновь»³³. К способам видоизменения природы также относятся изменение направления водного потока, очертания лесных холмов и создание искусственных возвышенностей. В определенных случаях возможно переименование местности.

Вероятно и обратное действие: используя вышеперечисленные способы корректировки ландшафта, можно его и искусственно ухудшить. Например, известно, что японцы переименовали гору Чамисан в Пибонсан, и новое название дословно можно было перевести как «Гора улетающего прочь феникса». Это было сделано, как считают корейцы, чтобы подавить бытующее поверье о том, что в районе горы рождается много выдающихся людей³⁴.

Здание генерал-губернаторства было той самой постройкой, что, согласно теории *пхунсу чирисоль*, нарушала спокойное течение «жи-

вительной энергии». Несмотря на попытки корейцев после освобождения «вписать» его в культуру своей страны, используя для своих целей, оно все же оставалось чужеродным элементом.

Это был символ колониального правления и политической слабости последних правителей династии Чосон, оказавшихся, как и дворец Кёнбоккун, фактически «запертыми» в своей стране. Здание генерал-губернаторства стояло на территории королевского дворца и, более того, превосходило его в размере. Долгое время построек, которые могли бы соперничать с ним по высоте, в Сеуле не было.

При этом стоит отметить, что японцы для постройки этого здания специально использовали натуральные материалы, которые можно произвести на территории Кореи: дерево, гранит, песок, мрамор и др.³⁵ Но все равно даже построенное на основе корейских материалов, оно воспринималось чужеродным. Не помогла смена статуса постройки, переименование ее и создание там музея.

Представляется, что альтернативы сносу не могло быть. Даже спустя несколько десятков лет, здание оставалось той «стальной шпалой», что причиняла корейцам боль, напоминала о перенесенном унижении. Ким Ен Сам озвучил желание корейцев идти дальше, избавиться от следов колониального периода, и теория *пхунсу чирри соль* выступила в качестве доказательства необходимости и срочности данного действия.

Примечания

¹ Далее в статье постройка упоминается как здание генерал-губернаторства.

² Independence Movement Ceremony Marks Japanese Building Dismantling // Korea Times. 02.03.1995.

³ Там же.

⁴ В период 1915—1917 гг. 296 из 330 построек дворцового комплекса Кёнбоккун были снесены или перенесены по решению японского правительства в 1917 г. на место сгоревших зданий дворцового комплекса Чхандоккун. Таким образом, на прежнем месте осталось только 36 сооружений. См.: Мунхва чхвеюкпу (Министерство культуры и спорта) и Куннип чунган панмультван (Национальный музей Кореи). Ку Чосон чхондокпу конмуль (Здание главного управления японского генерал-губернаторства), с. 342, док. 1. Цит. по: Yoon Hong-key.

The Culture of Fengshui in Korea: An Exploration of East Asian Geomancy. The United States of America, Lexington Books, 2006. P. 288.

⁵ Yoon Hong-key. The Culture of Fengshui in Korea: An Exploration of East Asian Geomancy. P. 287—288.

⁶ *Ким Сок Ман*. 舊朝鮮總督府庁舎의 空間과 形態分析에 관한 研究 (Исследование внутреннего пространства бывшего здания главного управления японского генерал-губернаторства) // 大韓建築學會論文集 (Очерки научного архитектурного общества, Хангук кончхук хаххверон мунджип), 102-й выпуск, апрель 1997 г. Сеул. С. 53.

⁷ Lee Edward K. A Monument and Its Fate // Korea Times. 01.08.1994.

⁸ Ibid.

⁹ Ibid.

¹⁰ Подробнее см.: *Симбирцева Т.М.* Владыки старой Кореи. М.: РГГУ, 2012 (Orientalia et Classica. Труды Института восточных культур и античности, вып. 35). С. 156—163.

¹¹ Там же. С. 156.

¹² Architectural Report, Picture Album Issued on Colonial Headquarters Bldg // Korea Times. 30.07.1995.

¹³ *Тихонов В.М., Кан Мангиль*. История Кореи: В 2 т. Т.2: Двадцатый век. (Кан Мангиль. Новый взгляд на новейшую историю Кореи (1945—1992) / пер. с кор. Симбирцева Т.М., ред. и прим. Тихонов В.М.) / ред., сост. хрон. табл., сост. указателя Симбирцева Т.М. (Orientalia et Classica: Труды Института восточных культур и античности: вып. 41, т. 2. под редакцией Смирнова И.С.). М.: Наталис, 2011. С. 178.

¹⁴ Lee Edward K. Op. cit.

¹⁵ National Museum Closing for Movement of Collection to Temporary Reposition // Korea Times. 13.04.1995.

¹⁶ См. например: направленное в редакцию «Korean Times» письмо профессора Пака (университет Соган, Сеул) Removal of Chungang-chong // Korea Times. 19.08.1995, или Lee Edward K. Op. cit.

¹⁷ Подробнее см.: *Ким Ду Гю*. Ури пхунсу ияги (Рассказ о корейском пхунсу). Пхаджу: Букхаусы, 2008. С.70—74.

¹⁸ National Museum Closing for Movement of Collection to Temporary Reposition // Korea Times. 13.04.1995.

¹⁹ Примечательно, что для восстановления павильонов дворца Кёнбоккун корейцы специально использовали сосны с горы Пэктусан, отмечая, что гора «священна». См. подробнее: Restoration of Kyongbok Palace to Mark 50th Anniversary of Nation's Liberation // Korea Times. 28.01.1995.

²⁰ Demolition of Domed Museum Building Begins With Cutting Off Topknot First // Korea Times. 10.07.1995.

²¹ 韓國史辭典 (Энциклопедия корейской новой истории). Сост. Ли Хон Чик, Пак Сап Хён. Сеул: Кёхакса, 1989. С. 1432.

²² 解説地理大典 (Большой толковый географический словарь). Сост. Хан Джун Су, Чон Вон Сан. Сеул: Поммун буксы, 2014. С. 297.

²³ Хон Сун Мин. Ури кунгволь ияги (Рассказ о наших дворцах). Пхаджу: Чхоннёнса, 2007. С. 21.

²⁴ Ким Ду Гю. Указ. соч. С. 15.

²⁵ Ким Сон Ён. Хангук пхунсухак (Корейская наука пхунсу). Сеул: Корёмунакса, 2006. С. 62.

²⁶ Ким Ду Гю. Указ. соч. С. 18.

²⁷ «В Великой пустыне находится гора под названием Бусян». Каталог гор и морей (Шань хай цзин). Пред., пер., комментарий Яншиной Э.М.. М.: Наука, ГРВЛ, 1977. С. 123.

²⁸ Ли Джун Хван. Тхэнниджи. / пер. Ли Ик Сон. Сеул: Ырюмунхваса, переизд. 2011. С. 31.

²⁹ Yoon Hong-key. The Culture of Fengshui in Korea: An Exploration of East Asian Geomancy. P. 289.

³⁰ К середине февраля 1995 г., как считается, было обнаружено и извлечено 10 шпал. По примерным подсчетам, к 2021 г. должно быть извлечено свыше 1000 возможных стальных шпал. Japanese Spikes to 'Stifle' Nat'l Spirit to Be Removed // Korea Times. 17.02.1995.

³¹ Yoon Hong-key. Pungsupibo or human attempts to remedy imperfect geomantic landscapes in Korea // The Flow of Ideas and Institutions: Korea in the World and the World in Korea. The First Kyujanggak International Symposium on Korean Studies. Proceedings. Seoul, 2008. P. 277.

³² Ким Ду Гю. Указ. соч. С. 18.

³³ Vermeersch S. The relation between Geomancy and Buddhism in Koryo: pibo sasang reconsidered // History, Language and Culture in Korea. Proceedings of the 20th Conference of the Association of Korean Studies in Europe (AKSE). Compiled by Youngsook Pak, Jaehoon Yeon. England, Saffron Books, 2001. P. 196.

³⁴ Подробнее см.: Japanese Spikes to 'Stifle' Nat'l Spirit to Be Removed // Korea Times. 17.02.1995.

³⁵ Подробнее см.: Architectural Report, Picture Album Issued on Colonial Headquarters Bldg // Korea Times. 30.07.1995.

Глава 3 КОРЕЙСКАЯ КУЛЬТУРА: В ПОИСКАХ ИДЕНТИЧНОСТИ

О.В. Дьякова

ВЛИЯНИЕ ИДЕЙ ЧУЧХЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ КНДР

Учение *чучхе*, являющееся официальной идеологией КНДР, оказало принципиальное воздействие на развитие и формирование государственных исторических доктрин¹. В первую очередь это касалось археологических концепций, связанных с проблемами времени появления человека на территории КНДР, этногенеза корейцев, времени и места возникновения производящего хозяйства (земледелия, скотоводства), времени появления и обработки цветного и черного металлов, образования и развития древних государств, поскольку именно эти проблемы прямо проецировались на «самостийность» как корейского этноса, так и корейского государства.

Следует сразу отметить, что северокорейские ученые в своих разработках опирались на общемировую археологическую систему периодизации, базирующуюся на изменении материалов и технических открытий. Археологическая периодизация включает: *эпоху палеолита*, делящуюся на ранний (нижний) палеолит, связанный с антропогенезом человека, и поздний (верхний) палеолит, обусловлен-

ный деятельностью *Homo sapiens*, т. е. человека разумного, когда человек изготавливал только каменные орудия; *эпоху мезолита*, когда человек изобрел лук и стрелы; *эпоху неолита*, когда появились керамические изделия, возникло производящее хозяйство — земледелие и скотоводство — и появились древние государства; *эпоху бронзы*, когда человек открыл способы обработки меди; *эпоху железа*, когда человек изобрёл способы обработки железа и начал активно создавать государственные образования.

Палеолит. Проблема появления человека на территории Северной Кореи имеет свою предысторию, связанную с открытием древнейших археологических памятников на Дальнем Востоке. В начале 20-х годов XX в. европейскими исследователями, среди которых был П. Тейяр де Шарден, в Китае, в пров. Ганьсу, были обнаружены сначала каменные орудия, сопоставимые с нижнепалеолитическими изделиями Евразии, а позднее в пещере Чжоукоудянь близ Пекина найдены кости синантропа, датируемые 700—400 тыс. лет. Поэтому возник естественный и закономерный вопрос: входила ли остальная территория Дальнего Востока, в том числе Корейский полуостров, в зону формирования человека? Первые сведения о наличии древнейших археологических памятников в Корее получили японские исследователи, обнаружившие в 1933—1934 гг. в верхнем течении р. Тэдонган (пров. Северная Хамгён) объект Тонгванчжин с палеозоологическим материалом (костями мамонта) и предположительно каменными артефактами, могущими, по мнению японского археолога Наора Нобуо, относиться к раннему палеолиту. В период 1910—1945 гг. Корея была японской колонией, и факт открытия палеолитического памятника в научных кругах не получил должной оценки. Предполагается, что это связано с идеологическими соображениями: корейская культура не должна была быть древнее японской. И до 60-х годов XX в. археологические памятники Корейского полуострова датировались неолитическим, редко мезолитическим, временем, т. е. X—III тыс. до н. э. С начала 1960-х годов ситуация изменилась. Вместо принципов «законов общественного развития» (кор. — «хаппоп чхиксон») появилась концепция «чучхе», т. е. концепция «самостийности» и «опоры на собственные силы». Ким Чен Ир сказал, что если археологи до сих пор не обнаружили палеолити-

ческие памятники в Корее, то это не значит, что их нет. И в 1962—1963 гг. северокорейскими учеными срочно были обнаружены позднепалеолитические орудия на стоянке Кульпхори уезда Унги пров. Сев. Хамгён и раннепалеолитические орудия на стоянке Сокчанни уезда Конджу пров. Юж. Чхунчхон. В 1966 г. недалеко от Пхеньяна была открыта пещера Комын мору, возраст которой датируется в 600—400 тыс. лет. К настоящему моменту в обеих Кореех зафиксировано более 50 палеолитических стоянок, относимых к раннему (700—120 тыс. лет), среднему (120—50 лет тыс. лет) и позднему палеолиту (50—10 тыс. лет). Благодаря этому история страны резко удревнялась и Корея превращалась в «землю обетованную», дающую начало антропогенезу и зарождению мировой цивилизации. Что касается раннепалеолитических памятников Северной Кореи (насчитывающихся 600—150 тыс. лет), то в настоящее время в научном мире эта проблема окончательно не прояснена. Признанными считаются обнаруженный в 1972 г. среднепалеолитический памятник в пещере на горе Сынни в уезде Токчхон пров. Юж. Пхённан (возраст 150—40 тыс. лет, нижняя челюсть и ключица, предположительно, неандертальца); пещера Тэхёндон (г. Пхеньян, район Ёкпхо) со скелетом мальчика, представляющего промежуточный этап эволюции от вида *Homo Erectus* («Человек прямоходящий») к неандертальцу; пещера Мандалли (недалеко от Пхеньяна) с останками, вероятно, позднепалеолитического *Homo sapiens*. Следовательно, территория Северной Кореи не была прародиной человека.

Однако идеи *чучхе* спровоцировали в дальневосточном регионе активный поиск палеолитических объектов. В Японии попытки удревнить историю страны закончились печально — мировым скандалом. Афера с подлогами была раскрыта самими японскими учёными, и реальными археологическими материалами были признаны только артефакты верхнего палеолита, древность которых не превышала 20 тыс. лет. Иная ситуация сложилась на Дальнем Востоке России. В Приамурье в конце 60-х годов прошлого века А.П. Окладниковым и А.П. Деревянко были обследованы артефакты стоянок Филимошки (бассейн р. Зея), Кумары-1 (бассейн р. Амур) и предварительно отнесены к нижнему палеолиту. В Приморье сделана попытка отнести к этому периоду нижний слой поселения Осиновка². Но обще-

признанными для Приморья по-прежнему остаются только памятники верхнего палеолита и мезолита, датируемые возрастом 10—12 тыс. лет³. Значимые открытия в этой области сделаны в 1982 г. в Якутии Ю.А. Мочановым, в корне изменившие представление о прародине человечества⁴. На правом берегу р. Лены, в 140 км выше Якутска была раскопана стоянка древнего человека Дириг Юрях, где обнаружено более 4,5 тыс. каменных орудий, аналогичных находкам самых древних памятников Восточной Африки, датируемых возрастом 2,5—1,7 млн лет. Однако все эти открытия не поколебали идеи *чучхе*, и северо-корейская историография относит позднепалеолитических *Homo Sapiens* Корейского полуострова к предкам современных корейцев, утверждая их «гомогенность» и «исконную связь» с современной территорией обитания.

Большую осторожность в этом вопросе проявляют южнокорейские историки. Они отмечают наличие миграционных процессов, но в то же время (особенно молодое поколение) пытаются проследить сходство материальной культуры позднего палеолита и раннего неолита, т. е. все-таки вывести формирование корейского этноса из палеолита, что, в принципе, не только не противоречит идеям *чучхе*, но практически их поддерживает.

Неолит. Эпоха неолита — это начало формирования этнических особенностей, появление производящего хозяйства (земледелия и скотоводства), изобретение керамики, шлифовки камня, образование ранних государств. До появления учения *чучхе* северо-корейские историки датировали ранний неолит V—IV тыс. до н. э., средний — III тыс. до н. э., поздний — III—II тыс. до н. э. В раннем неолите выделялись три культурные зоны: западная, южная и восточная. Для западной зоны была традиционна остродонная керамика с гребенчатым орнаментом. Для южной и восточной зон характерна плоскодонная гладкостенная керамика. В развитом неолите в западной зоне распространяется гребенчатая керамика, в южной и восточной зонах появляется керамика с орнаментом в виде «скелета рыбы». В позднем неолите гребенчатую керамику сменяет гладкостенная керамика. Причем отмечалось влияние миграционных процессов на формирование этих зон⁵. В настоящее время неолитические памятники Корейского полуострова значительно удревнены и вплотную

смыкаются с верхним палеолитом и мезолитом, что демонстрирует изначальную непрерывность и преемственность культурной традиции, т. е. «самостийность». Отмечаются попытки связать производящее хозяйство с ранним, а не с поздним неолитом. Самое же главное — идеи *чучхе* повлияли на дату возникновения государства Древний Чосон, приравненного по времени к древнейшим государствам Ближнего Востока.

Бронза. Эпоха бронзы на Корейском полуострове начинается на рубеже II—I тыс. до н. э. и продолжается до IV в. до н. э., т. е. до железного века. Символом бронзового века в Северной Корее признан кинжал *пипха* (короткий меч), имеющий форму лютни (скрипки) и ставший маркером протокорейской культуры. Первоначально центром распространения мечей *пипха* были район современной китайской провинции Ляонин, п-ов Ляодун и Южная Маньчжурия. Позднее такие мечи появились на самом Корейском полуострове. Вместе с мечами *пипха* появляются бронзовые зеркала с бугристым декором на тыльной стороне, характерные исключительно для Корейского полуострова и Маньчжурии, и новые типы красной керамики (остродонные и плоскодонные сосуды). Следовательно, культуру бронзового века, в частности новое оружие, новую керамику и бронзовые изделия, и их производство в Северную Корею принесли северные мигранты, относимые к племенам алтайской языковой семьи⁶. Но под влиянием *чучхе* эти факты в современной северо-корейской историографии стали отрицаться.

Железный век. До 1993 г. корейские исследователи считали, что археологическая культура железного века на Корейском полуострове появилась из Китая и была ассимилирована местной культурой, преобразившись в особую культуру Корейского полуострова. Миграции в Корею из Китая в IV в. до н. э. шли через бассейны рек Амноккан, Чхончхонган, Тэдонган и принесли не только новый тип тонкого серповидного кинжала *се* («тонкий, изящный»), считавшегося исключительно корейским изделием, железные орудия, металлические зеркала с тонкими узорами на тыльной стороне и гладкую керамику, но и монеты древнекитайского государства Янь⁷. После 1993 г. ситуация изменилась. Возникла необходимость аргументировать «самостийность» культур железного века. И артефакты, свиде-

тельствовавшие о миграционных процессах, заимствованиях и прочих вещах, стали признаваться «фальшивками».

Государственные образования Северной Кореи. Эта проблема является наиболее дискуссионной в международных научных кругах. Самым древним государством Корейского полуострова является Чосон. Сведения о ранних этапах истории Древнего Чосона почерпнуты из мифов, зафиксированных в нескольких средневековых корейских источниках: «Самгук юса», «Достопамятные события Трёх государств» (1281 г.) и др. Историю Древнего Чосона принято было делить на три периода. *Первый период*, «мифический», назван «Чосон Тангуна» и датирован 2333—1122 гг. до н. э. В этот период «тангуны» консолидировали племена Корейского полуострова. В 2333 г. до н. э. Тангун основал столицу в крепости Пхеньян, а страну назвал Чосон («Утренняя свежесть»). Позднее столица была перенесена в город Асадаль («Восточная гора»). Правил Тангун Чосоном 1500 лет. По мнению многих исследователей, Тангун — это название должности главы союза племён, а не имя конкретного человека. Следовательно, 1200 лет Чосон находился под управлением тангунов. *Второй период*, «легендарный», назван «Чосон Кичжа» и датирован 1122—195 гг. до н. э. С ним связана легенда о Тангуне, когда правитель китайской династии Чжоу (1122—247 гг. до н. э.) У-ван (1121—1116 гг. до н. э.) отдал земли страны Чосон в удел некоему Цзи-цзы (кор. — Кичжа). В результате Тангун вынужден был перенести столицу в город Чан-дангён (горы Кувольсан пров. Хванхэ), а сам возвратился в Асадаль и в возрасте 1908 лет, став горным духом, покинул мир людей. *Третий период* истории Древнего Чосона назван «Чосон Ви Мана» и датирован 194—108 гг. до н. э. В 108 г. до н. э. Древний Чосон пал, на его месте были образованы четыре китайских округа: Чженьфань (корейское прочтение Чинбон), Линьтунь (Имдун), Сюаньту (Хёнтхо) и Лэлан (Наннан). На этом заканчивается история государства Древний Чосон.

В 1993 г. Ким Ир Сен указал на неверное изложение истории Кореи в период японской колонизации. Искажения незамедлительно начали проверять археологическими раскопками. Так, в октябре 1993 г. в 30 км к северо-востоку от Пхеньяна у горы Тэбак обнаружили гробницу Тангуна с останками Тангуна и его жены. Проект

возведения мавзолея Тангуна был подписан Ким Ир Сенем летом 1994 г. Памятник (по физико-химическому анализу костей) был датирован 3018 г. до н. э., и личность Тангуна из мифической превратилась в историческую, а возникновение Древнего Чосона в результате удревнилось до III тыс. до н. э.

Естественно, открытие гробницы Тангуна и новая дата вызвали сомнение у специалистов и активно стали оспариваться. Большинство историков склонилось к тому, что образование государства Древний Чосон произошло лишь в I тысячелетии до н. э. В южнокорейской историографии время формирования государства Чосон датируется V—IV вв. до н. э., в российской историографии — не ранее рубежа VIII—VII вв. до н. э. и позже.

Одновременно с удревнением Чосона перед историками Северной Кореи была поставлена задача сделать Когурё наследником этого государства, а также — движущей силой национального и территориального объединения Корейского полуострова и демонстрацией «традиционного превосходства» северных государств над южными. Когурё объявили не «древним», а феодальным государством и отнесли к средневековью. В 1964 г. была пересмотрена дата его образования. Вместо традиционно принятой даты 37 г. до н. э., значившейся в «Самгук саги», Ким Чен Ир предложил новую дату — 277 г. до н. э., что означало, что Когурё — самое древнее из Трёх государств на Корейском полуострове. Для этого в начале 1990-х историки КНДР открыли новое рабовладельческое протогосударство Курё (V—III вв. до н. э.), входившее в состав Чильбонского Пуё и расположенное в Южной Маньчжурии, на основе которого возникло Когурё. Новая дата образования Когурё позволяла рассматривать его историю как «тысячелетнюю» (277 г. до н. э. — 668 г. н. э.). Для обоснования идей *чучхе* в Северной Кореи была создана специальная археологическая бригада по обнаружению захоронения короля Тонмёна. В 1974 г. погребальная камера с настенными фресками основателя Когурё была обнаружена в 25 км к востоку от Пхеньяна (селение Рёнсанри). Как известно, первоначально Тонмён был захоронен в одной из ранних столиц Когурё, крепости Куннесон (современный г. Цзяньсянь, пров. Цзилинь, КНР) на северном берегу р. Ялуцзян (кор. — Амноккан). Но потом его захоронение якобы пе-

ренесли в окрестности Пхеньяна, куда в начале V в. Когурё перенесло свою столицу. Точное местонахождение могилы оставалось забытым 1500 лет. Северокорейские историки вынуждены до сих пор рассеивать сомнения и искать доказательства подлинности данной гробницы. Особенно остро этот вопрос встал при регистрации когурёских памятников в качестве мировых культурных ценностей⁸.

В результате история КНДР была переписана согласно идеям *чучхе*, и Когурё стало не только государством — наследником Древнего Чосона и лидером Трёх государств, но и оказало мощное влияние на историю государств Пархэ, Корё и даже династию Ли (Чосон). Однако все попытки северокорейских историков и археологов доказать древность Когурё так и не были признаны мировым научным сообществом. При этом нельзя не отметить, что проведенные исследования дали импульс к изданию серии археологических источников и введению их в научный оборот⁹.

Этногенез. По данной проблеме существует несколько теоретических разработок, но ни одна из них не является общепринятой. Наиболее аргументированно этногенез корейцев представлен в северокорейской, южнокорейской и российской историографиях¹⁰. Согласно *южнокорейской версии* этногенеза корейцев первоначально корейцев являются носители неолитической культуры гребенчатой керамики, связанные своим происхождением с палеоазиатами Сибири. В эпоху среднего и позднего неолита на Корейский полуостров проникают носители культуры гладкостенной керамики, близкой культуре тунгусов Северного Китая, принесших на Корейский полуостров культуру земледелия (просо). Носители обеих культур по антропологическому типу являются монголоидами, по языку относятся к алтайской семье.

Российская версия этногенеза корейцев разработана на археологических, лингвистических и нарративных источниках, позволяющих заключить, что в период неолита происходила миграция на Корейский полуостров населения с севера. Носителями культуры протокорейцев были либо палеоазиаты (гребенчатая керамика), ассимилированные в дальнейшем пришлыми тунгусами (гладкостенная керамика), либо исключительно тунгусы, проживавшие в районе Восточной Сибири еще с верхнего палеолита. Кроме того, рос-

сийские ученые на основе схожести мифов об основателях корейских государств с полинезийскими мифами (рождение первоуправителей из яйца) выявили полинезийскую (южную) роль в этногенезе корейцев¹¹.

Северокорейская версия этногенеза корейцев исходит из самостоятельности и выводит протокорейцев из палеолитических культур. Исследователи КНДР утверждают, что на Корейском полуострове и в прилегающих к нему районах Северо-Восточного Китая, российского Приморья происходило самостоятельное развитие людей палеолита, неолита, бронзы, железа, эпохи средневековья, представлявших единую линию корейского этногенеза. Хотя до 1993 г. историки КНДР считали, что большинство населения Древнего Чосона составляла народность *е* и частично — *мэ* или единая народность *емэк*. Аргументировали это данными из мифа о Тангуне, в котором отмечен факт миграции — приход вместе с сыном Небесного правителя Хвануном (отца Тангуна) трех тысяч человек, что интерпретировалось как переселение протокорейских племен *емэк* с Алтая в Восточную Азию.

Наиболее аргументированной выглядит российская теория корейского этногенеза. По археологическим материалам в палеолите, неолите, бронзе, железе и средневековье прослеживаются миграции на Корейский полуостров с северных территорий. Окончательное формирование корейских племен в единый этнос произошло только в I тыс. н. э., а после выявления 200 лексических соответствий в корейском и алтайских языках корейский язык включен в алтайскую языковую семью.

Примечания

¹ *Ким Чен Ир.* Об идеях чучхе. Пхеньян, 1989; Ким Чен Ир. Прочно установить чучхейскую систему взглядов на революцию. Пхеньян, 1988 — на кор. яз.

² *Деревянко А.П.* Приамурье в древности (до начала нашей эры): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Новосибирск, 1971.

³ *Дьяков В.И.* Приморье в раннем голоцене (мезолитическое поселение Устиновка-IV). Владивосток: Дальнаука, 2000.

⁴ Мочанов Ю.А. Древнейший палеолит Диринга и проблема внетропической прародины человечества. Новосибирск: Наука, 1992.

⁵ Воробьев М. В. Корея до второй трети VII века. СПб., 1997.

⁶ Воробьев М.В. Древняя Корея. М.: Издательство Восточной литературы, 1961.

⁷ Там же.

⁸ Дьякова О.В. Северо-восточный проект: итоги и перспективы // Корея: уроки истории и вызовы современности. М.: BLD РАН, 2013. С. 192—198.

⁹ Культура Когурё [Когурё мунхва]. Пхеньян, 1975. Могила Короля Тонмёна и другие реликвии найденные в её окрестностях [Тонмён ваннын-гва кы пугын-ый Когурё ючжок]. Пхеньян, 1976. Общая история Кореи [Чосон Тхонса]. Пхеньян, 1977. 3-е издание; Полная история Кореи [Чосон чонса]. Пхеньян, 1979—1982.; Иллюстрированные книги о древних развалинах и реликвиях [Чосон Ючжок Юмуль Тогам]. — Пхеньян, 1990—1996; Исследование по истории Когурё [Когурё Ёнгу]. Пхеньян, 1976; Чхве Хи Рим. Когурёская крепость Пхеньян [Когурё Пхёнянсон]. Пхеньян, 1978 — на кор. яз.

¹⁰ Воробьев М. В. Корея до второй трети VII века...

¹¹ Дьякова О.В. Государство Бохай: археология, история, политика. М.: Издательство Восточной литературы, 2014. 319 с.; Воробьева М. В. Корея до второй трети VII века...

Е.А. Хохлова

СОВРЕМЕННОЕ ЮЖНОКОРЕЙСКОЕ ИСКУССТВО: ПОПЫТКА СИСТЕМАТИЗАЦИИ

На протяжении XX в. искусство Кореи развивалось под влиянием западного модернизма, а после — постмодернизма. 1950-е годы стали временем полноценного знакомства с западными направлениями. В это время южнокорейское художественное сообщество поставило перед собой задачу модернизировать искусство и выйти на международную сцену: «Сегодня, когда абстрактное искусство становится основной мировой тенденцией, мы должны идти в ногу со временем и прогрессом»¹. Начинается период увлечения абстракцией, экспериментов с цветом, различными техниками. Фигуративная живопись, так же как и традиционная, была «сброшена с корабля современности».

Наиболее прогрессивной группой конца 1950-х годов являлась «Ассоциация современных художников». Молодое поколение жаждало нового искусства, которое могло рассказать об ужасах пережитой войны и духовных исканиях молодых. Вдохновлял художников европейский *информель* (фр. — *art informel*, «бесформенное искусство»). Пак Собо (род. в 1931 г.), Ким Чанёль (род. в 1929 г.) и др. вслед за европейцами покрывали холсты большого размера толстыми слоями краски, нанося ее крупными агрессивными мазками. Корейский *информель* просуществовал до 1965 г. В целом данное направление не является чем-то авангардным в мировом масштабе,

однако для корейского искусства оно стало творческой школой, учебным материалом, подготовившим художников к более независимому творчеству.

С конца 1960-х годов художников начинает занимать вопрос, как выйти за рамки подражания западным мастерам и найти способ выразить национальное в искусстве. Художникам-абстракционистам постепенно удалось соединить корейскую эстетику с западной техникой. Зародилось первое корейское направление абстрактной живописи — *тансэхва* (досл. «одноцветная живопись»). 1970-е годы прошли под знаком монохромной живописи. Особенности направления следующие: стремление подчеркнуть плоскостность холста, монохромная палитра, желание выразить понимание природы и мировоззрение восточного человека². *Тансэхва* — это полотна, покрытые чаще всего белой, а также серой, коричневой или какой-либо другой краской одного нейтрального оттенка. Лидерами направления были Пак Собо, Ха Чжонхён (род. в 1935 г.) и др.

В 1980-х годах *тансэхва* подверглась критике со стороны сторонников *минджун мисуль* — «искусство народа». Последнее зародилось как реакция на непонятную, по мнению сторонников этого направления, обычному зрителю монохромную живопись. Художники настаивали на том, что искусство должно быть понятно всем, а не только кругу избранных, должно реагировать на события, происходящие в современном обществе, раскрывать язвы существующего режима. Они открыто критиковали правительство и проводимую им политику, изображали Запад источником зла, превращающим жизнь народа в ад. При этом художники идеализировали традиционную деревню и занятие сельскохозяйственным трудом; возвращение к традиционному деревенскому укладу представлялось решением проблем современного общества.

Протест против западной цивилизации не мог не сопровождаться отказом от художественных традиций западных школ. Художники стремились соединить традицию и современность, поэтому жанровые сцены на злобу дня они выполняли на манер буддийской и народной живописи, чем объясняется яркая палитра работ таких типичных представителей *минджун мисуль*, как О Юн (род. в 1946 г.), Им Оксан (род. в 1950 г.), Син Хакчхоль (род. в 1943 г.) и др.

Отправной точкой новой волны в искусстве стали Олимпийские игры 1988 г. Начиная с 1990-х годов корейские художники стремятся выйти на международный уровень. С целью решения этой задачи, а также в поисках ответа на вопрос, что является современным искусством, молодое поколение художников уехало на Запад, где их захватила волна концептуального искусства и идеи постмодернизма. Художники, особенно те, кто находился за границей, ощутили ничем не ограниченную свободу самовыражения; началась эпоха эксперимента. Вопрос создания произведений, в которых бы выразилось общее национальное, перестал интересовать авторов, им было интересно рассказать о своем личном опыте. Сегодня каждый работает индивидуально, художники не стремятся работать вместе или создать единое универсальное направление. Южнокорейское искусство рубежа веков — это многообразие направлений, форм, техник и тем. Систематизировать творчество современных художников непросто, их объединяет зачастую лишь желание экспериментировать. Однако мы постараемся выделить основные темы и проблематику корейского искусства рубежа веков, рассмотрев творчество наиболее влиятельных художников двух последних десятилетий.

Кимсуджа (род. в 1957 г.), закончив Национальная высшую школу изящных искусств в Париже, одна из первых получила признание на Западе³. Она шьет покрывала и *поттари* (корейские традиционные стёганые покрывала), которые использует в инсталляциях и перформансах. Кимсуджа рассказывает о социальном положении женщин в РК, а также о жизни мигрирующих людей. В наиболее знаменитом произведении «Грузовик *Поттари* 2,727 км» (1997) Кимсуджа затрагивает популярную в 1990-х тему нomaдизма (*nomadism*). *Поттари* — это сама Кимсуджа — вечный кочевник, переезжающий из страны в страну, и в целом символ кочевнической жизни современного человека.

Главная тема творчества Чон Сучхона (род. в 1947 г.) — это природа и цивилизация. В работе «Блуждающие внутри планеты фигурки *тхоу*» (1995) художник критикует человеческую цивилизацию, которая ради собственного комфорта уничтожает природу. Инсталляция представляет собой комнату, заполненную индустриальным

мусором, помещенным под стекло, поверх которого размещены глиняные фигурки людей.

Ли Буль (род. в 1964 г.) — одна из самых ярких фигур современного корейского искусства, привлекла к себе внимание инсталляцией «Majestic Splendor» (1995). Художница декорировала яркими нитями, бусинами и лентами туши рыб, каждую из которых поместила в отдельный прозрачный полиэтиленовый пакет. Красота ярких узоров привлекала зрителей, однако с течением времени туши начинали разлагаться, издавая характерный запах. Рыбы в работе символизируют природу или плоть, над которой совершается насилие. С конца 1990-х годов Ли Буль начала раскрывать тему стремления человека к идеальному существованию, некоей утопии, которая обречена на неизбежный провал. Данная тема была наиболее проникновенно раскрыта в серии работ «Киборги», принесшей автору мировое признание. Киборги — это висящие в воздухе одноцветные силиконовые фигуры, созданные под влиянием японского анимэ и классической греческой скульптуры. В идеально проработанных, гладких, словно отшлифованных фигурах явно женского пола не хватает частей тела. Киборги словно с ампутированными частями безупречно красивы и ужасны одновременно. Ли Буль не дает им быть совершенными для того, чтобы показать, насколько несостоятельна мечта человека об идеальном теле (как известно, Южная Корея занимает лидирующее место в мире по количеству пластических операций) и сверхсильном бессмертном человеке. Кроме этого, киборги — это визуализация стереотипного представления о роли женщины в обществе, об идеальной женщине, матери и жене⁴.

Тема творчества Со Дохо (род. в 1962 г.) — это нонмадизм, а также роль личности в обществе. В работе «Униформы. Автопортреты: мой 39 лет» (2006), представляющей собой инсталляцию из униформ, которые носил художник в течение жизни, Со Дохо раскрывает проблему формирования личности и исчезновения самоидентичности в условиях существования человека в социальных группах⁵.

Юн Соннам (род. в 1939 г.) называют крестной матерью корейского феминизма. Из подобранных на улицах обломков деревьев художница вырезает плоские фигуры, на которых традиционными техниками рисует женщин. Главная тема ее творчества — это материн-

ство и женская доля. В серии «Розовая комната» Юн Соннам показала скрытую от посторонних жизнь корейских женщин. Произведения представляют собой инсталляции из подобранной художницей ярко-розовой мягкой мебели с торчащими металлическими крюками или лезвиями, на которую были помещены фигуры дорого одетых, но напуганных женщин средних лет. Торчащие шипы говорили о том, что, даже находясь в привычной обстановке, женщина прибывает в состоянии психологического напряжения. Так Юн Соннам попыталась рассказать о противоречиях и конфликтах, с которыми сталкивается женщина, выполняющая возложенную на нее роль доброй жены и матери.

Фотограф О Хёнгын (род. в 1963 г.) в конце 1990-х годов привлек к себе внимание арт-общественности серией портретов под названием «Ачжума» (кор. — «замужние женщины»). После этого были созданы: «Старшеклассницы», «Cosmetic girls», серия «Middleman» и др. О Хёнгын выделяет существующие в обществе типы людей. Героями отдельно взятой серии портретов являются представители одного класса, одной возрастной категории. Цель портрета — не привычное желание передать индивидуальность. О Хёнгыну интересно не то, чем герои отличаются друг от друга, а то, насколько они похожи. Так он показывает стереотипное представление о том, что есть красота, как должен выглядеть человек, каким критериям соответствовать и т. д. А также раскрывает внутренние механизмы работы общества, как оно воздействует на людей и формирует их сознание.

Основная тема творчества Ким Кира (род. в 1974 г.) — это критика общества потребления. В его серии инсталляций «Убийца Кока-кола» названный напиток является символом капитализма. В 1990-х годах художник создал серию натюрмортов, в которых поверхность холста заполнена изображением мусора от фастфуда, остатков еды и др.

Работы Ким Бом (род. в 1963 г.) показывают, насколько примитивно восприятие человека, как легко люди верят в правду, предложенную им, считая, что она не может быть фальсификацией. В серии работ под названием «Предметы, которым сказали, что они всего лишь инструменты» художник показывает, насколько пагубное влияние оказывают укоренившиеся стереотипы на человека.

Квон Осан (род. в 1974 г.) из фотографий делает скульптуры людей. Для того чтобы создать скульптурные формы, художник наклеивает фотографии модели на пенопласт. Что движет художником, зачем из фотографий складывать объемные фигуры? Наблюдая за процессами, происходящими в обществе, увлеченном маркетингом, потреблением, гламуром и глянцем, художник пришел к мысли о том, что в современном мире фотографии часто заменяют реальность. Основным источником вдохновения художника — это гляцевые журналы, поэтому его фигуры гладкие, яркие и блестящие, словно картинки. Автор также обращается за вдохновением к греческой скульптуре, и его модели нередко стоят в позах, напоминающих греческих богов. В целом его скульптура, так же как и греческая, является выражением культа, только не культа красоты человеческого тела, а культа гламура и потребления. Произведения Квон Осана — это портрет современного общества и продукт современности, увлеченной и переполненной картинками, умеющей воспринимать себя только через глянец фотографий.

Чхве Урам (род. в 1970 г.) из запчастей старых машин, ламп, электронных устройств создает грандиозные кинетические механизмы, похожие на насекомых, растения, скелеты доисторических рыб или других живых существ. Объекты начинают двигаться при приближении зрителя. Своим работам автор придумывает названия, созвучные научным терминам, например «Urbanus Anmopista Volaticus Floris Uram». Каждый механизм сопровождается описанием псевдонаучного характера, в котором дается характеристика, место обитания, информация о том, чем существо питается и др. Существа-механизмы Чхве Урама словно живут собственной независимой жизнью, художник убирает из выставочного помещения любое напоминание о существовании человека.

Зайдя в затемненную комнату, в которой подвешено огромное движущееся и светящееся существо из железа, зритель словно попадает в один из многочисленных фантастических фильмов. Находясь рядом с объектами Чхве Урама, зритель испытывает любопытство, поскольку объекты обладают невероятной притягательностью, но одновременно у него появляется ощущение дискомфорта, поскольку он привык, что подобное существует только на экране, но не в

жизни. Художник, стремится предостеречь самоуверенное, не знающее границ человечество о последствиях безрассудной разработки и использования новых технологий без учета последствий. Ведь создаваемые все более умные механизмы рано или поздно могут начать действовать независимо от человека.

Ли Сегён (род. в 1973 г.) создает необычайно красивую и изящную фарфоровую посуду и плитку. Ее работы привлекают зрителя утонченной красотой, однако мало кто сможет скрыть удивление или даже отвращение, услышав, что декорированы изделия человеческим волосом. Ли Сегён приклеивает волос на поверхность фарфоровых изделий, повторяя известную художественную роспись. Для экспонирования работы помещаются в шкафы-витрины, похожие на музейные. У зрителя создается ощущение, словно перед ним известные предметы фарфорового искусства. Автор не дает зрителю возможности догадаться о происхождении используемого материала и словно задает ему задачу проанализировать, почему меняется его отношение к утонченно-красивому изделию при слове «волос». Ли Сегён начала работать с волосом для того, чтобы понять и исследовать двойственность отношения человека к нему. Ее интересует вопрос, почему волос, являющийся символом красоты, с того момента, как он отделяется от головы человека, превращается в нечто, ассоциирующееся с грязью, и начинает вызывать чувство отвращения, особенно если оказывается в тарелке⁶.

Ли Донук (род. в 1976 г.) из полимерной глины «скалпей» создает миниатюрные, размером с указательный палец гиперреалистичные фигурки обнаженных людей, которые испытывают сильнейшие физические муки, носят одежду, сделанную из человеческой кожи, но при этом на их лицах не выражено никаких эмоций. Художник часто меняет роли человека и животного, например помещает фигурки людей в консервные банки, где они лежат, подобно анчоусам, или насаживает тела на рыболовный крючок вместо наживки. Серия «Бонсай» представляет собой нагроможденные друг на друга, словно туши животных, обнаженные человеческие тела. Человек представлен как существо, роль которого и значение существования которого решено за него обществом.

Чхве Чонхва (род. в 1961 г.), несомненно, один из самых ярких и веселых современных южнокорейских художников. Он известен инсталляциями, материалами для которых служит мусор и домашняя утварь. Автор уверен в том, что любой предмет, будь то тазик, корзина или воздушный шар, может стать произведением искусства. Художник стремится создавать искусство, способное пробудить души людей. Ему интересно стирать границы между подделкой и подлинными вещами, искусством и повседневностью. Чхве Чонхва задает вопрос зрителю, кто решает, что достойно называться искусством, а что нет, и дает ему возможность самому попытаться дать ответ. В его работах всегда есть скрытый смысл, желание разрушить стереотипы и законы, по которым живет современное общество⁷.

Итак, искусство РК 1990-х и 2000-х годов можно назвать в целом концептуальным. Художники верят в силу идеи, стремятся донести ее до зрителя, большое значение приобретает диалог автора со зрителем. Сегодня ни одно произведение искусства не появляется в выставочном зале без *чакка-нотхы* — пояснительной записки автора, поскольку от художника требуется не только создать произведение искусства, но и объяснить его содержание. Выставляя произведение и объясняя его, автор ждет реакции зрителя, надеется на него воздействовать. Художники творят зачастую с целью пробудить зрителя, этим можно, кроме прочего, объяснить порой неприятные и резкие формы.

Если попробовать выделить основные темы современного южнокорейского искусства, получится следующее:

1. Критика современного общества потребления, беспощадного отношения к природе (Ким Кира, Чон Сучхон).
2. Человек в условиях современного глобального мира (Кимсуджа, Со Дохо, О Хёнгын).
3. Критика общественных норм, господствующих стереотипов (Ким Бом, Ли Буль, Ли Сегён).

Вышеперечисленные темы интересуют не только корейских художников, они являются общими для мирового искусства. Это говорит о том, насколько успешно РК интегрировалась в глобальный мир. Отличает же корейских художников трепетное отношение к форме. Известно, что в концептуальном искусстве идее, т. е. содер-

жанию, отводится первое место, а форма играет роль второстепенную. Постмодернизм провозгласил, что произведением искусства может быть все что угодно, даже предмет промышленного производства. Однако, несмотря на это, корейские художники трепетно относятся к форме, их произведения всегда доведены до совершенства. Современное искусство РК отличается высоким уровнем мастерства. Для создания работ художники используют новейшие материалы, достижения компьютерных технологий. Они ставят перед собой задачу создания качественного продукта.

Проследив, какой прорыв совершила РК в области искусства за последние десятилетия, можно с уверенностью сказать, что страна в ближайшем будущем станет одним из мировых центров актуального искусства.

Примечания

¹ Kim Youngna. Modern and Contemporary art in Korea. Hollym International Corp., NJ, 2005. P. 26.

² Ibid. P. 48.

³ Автор пишет своё имя в одно слово — «Кимсуджа», подчеркивая этим желание избавиться от социополитических и культурных ограничений, которые накладывает на человека полученное при рождении имя. «A one word name refuses gender identity, marital status, socio-political or cultural and geographical identity by not separating the family name and the first name. Action One: «A One-Word Name Is An Anarchist's Name» is my first statement for opening my website project». URL: <http://kimsooja.com>

⁴ С. А. Xuan Mai Ardia. The Art of Lee Bul: Of Cyborgs, Monsters and Utopian Landscapes. Сентябрь 2014 [Электронный ресурс] // URL: <http://theculturetrip.com/asia/south-korea/articles/the-art-of-lee-bul-of-cyborgs-monsters-and-utopian-landscapes/> (дата обращения: 28.02.2015).

⁵ Korean Rhapsody. A montage of History and Memory. Leeum Samsung Museum of Art. Seoul. 2011. P. 159.

⁶ Songeun art and cultural foundation. Sekyung Lee: recollection. Июнь 2013 [Электронный ресурс] // URL: <http://www.spacek.co.kr/community/gongi.asp?pmode=view&IDX=514> (дата обращения: 28.02.2015).

⁷ Korean Rhapsody. A montage of History and Memory... P. 204.

М.Е. Осетрова

ВОСПРИЯТИЕ И СПОСОБЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУХНИ В КНДР И РК

В октябре 2007 г. в Пхеньяне состоялся второй межкорейский саммит. С обеих сторон ему предшествовала тщательная подготовка, которую вели не только политики, дипломаты и чиновники, но и сотрудники президентской кухни. Как сообщалось в прессе, для подготовки торжественного ужина южнокорейской стороной были проведены консультации с главой Института традиционной корейской кулинарии госпожой Юн Сукча, а также опытными шеф-поварами лучших сеульских отелей¹.

Гастрономической темой ужина, организованного южнокорейской стороной, была избрана «Пхальдо тэчжангым» из популярного сериала «Тэчжангым»², т. е. набор блюд, отражающий кулинарные особенности восьми провинций Юга. А в качестве одного из главных блюд в меню был включен *чончжуский пибимпан*, который, по словам организационного комитета, был призван символизировать идею гармонии и единения, так как сама суть этого блюда состоит в смешении разных компонентов в единое целое. Пресс-секретарь президента Но Му Хёна отметил, что «южнокорейская сторона надеется сблизить политиков двух частей полуострова с помощью традиционной корейской еды»³. Кроме того, по окончании саммита Но Му Хён и Ким Чен Ир обменялись пищевыми подарками: южноко-

рейский президент передал на Север чайные наборы из местности Посон, а лидер КНДР презентовал Но Му Хёну ценные сорта грибов, собранных на склонах горы Чхильбосан⁴. Подобные события наглядно демонстрируют, что вопросы национальной кухни выходят за рамки исключительно этнографического интереса и могут служить инструментом изучения более широких тем. В случае данного доклада — темы сопоставления политики национальной идентичности в условиях разделённых государств.

С момента деления Корейского полуострова на два государства в 1948 г. национальная кухня стала развиваться в двух самостоятельных направлениях. Сегодня южный и северный варианты корейской кухни не только имеют разные названия (*хансик* на Юге, *чосон рёри* на Севере), но через них транслируются различные национально-культурные установки, как внутри самих корейских государств, так и на внешнем уровне. Цель данного доклада — сравнить восприятие и способы репрезентации национальной пищевой традиции на Юге и на Севере, выделить, какие «внекулинарные» смыслы они передают, определить и объяснить сходства и различия, экстраполировать выводы на перспективы дальнейшего развития политики национальной идентичности двух корейских государств.

Автор статьи полагает, что, несмотря на разницу в идеологии, а также в политическом и общественном укладе двух корейских государств, в способе их восприятия и репрезентации национальной пищевой традиции можно проследить сходные тенденции. В частности, это сильный акцент на восхваление национальной кухни и желание через неё подчеркнуть преимущества своего видения корейской культуры и образа жизни на международном уровне. Однако причины появления сегодня сходных тенденций в восприятии своей национальной пищевой традиции у двух Корей различны. Для Южной Кореи это желание укрепить свою глобальную идентичность и повысить уровень международного присутствия и влияния (так называемая мягкая сила), а для Севера — в очередной раз отстоять истинность идей *чучхе*, а также упрочить связь народа с властью и вождём.

В данной работе будет предпринята попытка доказать это положение на основе анализа следующих групп источников: 1) североко-

рейских пропагандистских журналов «Корея», «Корея сегодня», «Кымсугансан» и южнокорейских — «Кореана» и «Корея»; 2) материалов справочников и путеводителей по РК и КНДР; 3) кулинарных книг, журналов и рубрик КНДР и РК.

Современное понимание и репрезентация национальной пищевой традиции в КНДР

Ранее уже отмечалось, что в Южной Корее с недавнего времени тенденция подчеркивания своей национальной идентичности, а также позиционирования себя на международном уровне посредством активного продвижения национальных пищевых практик и кулинарных традиций стала всё более заметной. Корейская кухня подаётся уже не просто как отражение национальных пищевых вкусов и пристрастий, но намного шире — как символическое выражение корейской культуры, ментальности, философии, эстетики, образа жизни. Кроме того, многие корейцы убеждены, что их кухня не только имеет замечательные вкусовые качества, но, *во-первых*, чрезвычайно полезна для здоровья, *во-вторых*, имеет глубокие исторические корни (иногда до 5 тыс. лет) и, *в-третьих*, уникальна в своём историческом развитии. И хотя все эти утверждения во многом спорны, сегодня в общественном дискурсе национальная кухня предстаёт именно в таком виде⁵.

Данная идея подтверждается, если посмотреть популярные иллюстрированные журналы о Южной Корее, а также справочники и путеводители последних лет. В этих изданиях представление Кореи через образы национальной кулинарии чрезвычайно популярно последние годы. Часто с помощью образов национальной кухни иллюстрируются не только непосредственно гастрономические темы, но и не связанные с ней напрямую рубрики. Причём чаще всего используются пищевые изображения в условно «традиционном» стиле, т. е. с подчеркиванием «исторического», «натурального», «природного» аспектов.

Подобный акцент особенно бросается в глаза, если сравнить эти журналы с их северокорейскими аналогами. При таком сравнении обнаруживается целый ряд отличий. *Во-первых*, тема национальной пи-

щевой традиции представлена в северокорейских источниках и качественно, и количественно скромнее. *Во-вторых*, визуальная репрезентация образа КНДР посредством национальных пищевых символов непопулярна в этих журналах. Как показывает анализ публикаций, на Севере пищевая тема чаще выражается через призму улучшения жизни народа, достижений государственной промышленности и народного хозяйства и т. п. То есть если на Юге акцент ставится на «традиционное», «натуральное», «сделанное вручную», то на Севере в фокусе «современное», «промышленное», «технологичное». Почти нет таких популярных на Юге мотивов, как «созвучный природе», «экологичный», «зелёный», упоминаний так называемой *slow food*. В лучшем случае можно встретить лишь «полезный для здоровья».

Обратим внимание на кулинарные рубрики в таких журналах. Если сравнивать южнокорейскую «Кореану» и северокорейскую «Корею», то опять обнаруживаются значительные отличия. Если «Кореана» ввела у себя регулярную кулинарную рубрику ещё в 1999 г. и с тех пор почти ни разу не пропустила её, а отдельные тематические статьи о национальной кулинарии выходили и ранее, то в «Корее» кулинарная рубрика хоть и присутствует, но выходит нерегулярно, да и оформлена значительно проще. Это даже не полноценная кулинарная страничка (так как в этой рубрике нет непосредственного рецепта), но скорее общая информация о национальных блюдах и специфике их употребления. То же можно сказать и о журналах «Кымсугансан» и «Корея сегодня». Это даёт основания полагать, что на Севере, по крайней мере на уровне пропагандистских журналов, выходящих за рубежом, теме национальной кухни отводится второстепенное по сравнению с другими темами национальной культуры место.

Обратимся к профильным источникам — кулинарным книгам. И здесь способы подачи на Юге и на Севере разные. Перечислим характерные особенности северокорейского гастрономического нарратива:

а) политико-идеологический подтекст

Северокорейский пищевой нарратив заметно отличается от южнокорейского ярко выраженный политико-идеологический подтекст. Он выражается, *во-первых*, в обязательном цитировании высказыва-

ний вождей не только в кулинарных книгах, но и часто в других связанных с кулинарией текстах. Например, в «Справочнике по кухне корейских провинций» есть следующая цитата Ким Чен Ира: «Чтобы развивать нашу национальную кулинарию, необходимо отыскивать по провинциям национальные блюда, которые любит наш народ»⁶. В кулинарной книге «Особые корейские блюда» другое его высказывание: «Нужно активно поддерживать и развивать национальную кулинарию и внедрять в массовый рацион региональные блюда, которые любит наш народ»⁷.

Во-вторых, политико-идеологический подтекст выражается также в неперенном подчеркивании связи национальной кухни с социалистическим образом жизни, идеями *чучхе* и *сонгун*. Например, из общей (не связанной с кулинарией) брошюры Ким Чен Ира «Утвердить социалистическую культуру быта, как того требует эпоха *сонгун*»: «Преимущества социализма должны выражаться прежде всего в питании людей»⁸. Более специально во вступлении к «Справочнику по кухне корейских провинций» есть следующая фраза: «Благодаря великодушному интересу и огромной заботе любимого полководца сегодня наша национальная кухня всесторонне развивается на основе пищевых традиций наших регионов в соответствии с принципами социалистического образа жизни и современными вкусами, внося большой вклад в развитие мировой гастрономии»⁹. Как видно из этих примеров, улучшения в питании народа и развитии национальной кулинарии всегда связываются с непосредственной волей вождя. Вождь выступает фактически как «отец, кормящий своих детей». Кстати, богато накрытый стол — частый подарок вождя передовику производства или заслуженному деятелю¹⁰. Эта особенность роднит Северную Корею с обычаями Чосона, где ваны часто награждали подданных пищевыми дарами. Да и в целом наличие в КНДР государственной распределительной системы, долгое время обеспечивавшей население основными продуктами питания, подтверждает тезис о том, что сфера пищевого — важный канал связи между властью и народом в Северной Корее.

В-третьих, подчеркивается и важность национальной пищевой традиции как элемента национальной культуры и образа жизни, достойного восхищения и прославления. Например, «сохранение

культуры и традиций нашей национальной кухни необходимо не только для улучшения рациона питания народа, но и для воспитания духа патриотизма и национальной гордости»¹¹.

б) *стандартные вступительные и общие тексты*

Северокорейским кулинарным книгам свойственны чрезвычайно стандартные вступительные тексты. Сравнив кулинарные книги разных десятилетий, автор статьи обнаружила, что вводные тексты почти не меняются. Помимо обязательного цитирования вождей и подчеркивания их неустанной заботы об улучшении питания народа, в таких текстах непременно упоминаются глубокие исторические корни национальной пищевой традиции, их историческая и культурная уникальность и ценность. Вот, например, типичная вступительная фраза в северокорейской кулинарной книге: «Чосонская кухня — это уникальная национальная кухня нашей страны. Наша нация, обладающая пятитысячелетней историей и выдающейся культурой, на основе продуктов, выращенных на нашей земле, благодаря своей мудрости и умениям создала и унаследовала от своих предков многочисленные национальные блюда, отвечающие национальным особенностям и вкусам»¹².

На фоне подобной стандартности вступительных текстов появление любых новых элементов в них особенно значимо. Так, во вступлении к «Особым блюдам Кореи» появляется не свойственная более ранним текстам фраза: «Великий вождь указал нормализовать работу ресторанов, специализирующихся на блюдах национальной кухни, сделать их более разнообразными и улучшить снабжение и техническое оснащение»¹³. Упоминание ресторанов национальной кухни отражает относительно новую тенденцию массового открытия в Северной Корее заведений общепита. По сообщению одной прохвёнъянской японской газеты, в 2005 г. в северокорейской столице насчитывалось 500 ресторанов — практически «ресторанный бум» по северокорейским меркам¹⁴.

в) *подчёркивание уникальности корейской пищевой традиции и превосходства её перед другими нациями*

Почти во всех северокорейских текстах, касающихся национальной кулинарии, обязательно говорится об уникальности и оригинальности корейской пищевой традиции. Почти нет упоминаний

китайского или японского влияния. В № 9 журнала «Корея сегодня» за 2014 г. в регулярной рубрике об экспозиции Этнографического музея Кореи рассказывается о зале, посвящённом истории национальной кулинарии и обычаям в питании с древних времён по сегодняшний день. В публикации нет ни одного упоминания иностранного влияния на развитие корейской кулинарии¹⁵. Впрочем, это вполне характерная черта северокорейской действительности. Как пишет А. Жебин, «главные идеологические постулаты последних лет в КНДР — “жить по-нашему”, “нация — прежде всего”. В соответствии с ними при анализе всех сфер жизни северокорейского общества нужно выявлять и подчеркивать “самобытность” и “превосходство” корейской нации, в связи с чем избегать любого упоминания китайского влияния, в том числе конфуцианства, на политику, идеологию и культуру Кореи»¹⁶.

Сравнение национальных пищевых символов КНДР и РК

Важную роль в восприятии и репрезентации национальной пищевой традиции в обществе играют так называемые национальные пищевые символы (далее НПС), т. е. те блюда национальной кухни, которые декларируются как своего рода «визитная карточка» данной пищевой традиции. Обычно такими символами становятся либо наиболее распространённые в повседневном рационе блюда, либо наиболее яркие с точки зрения создания привлекательного образа данной пищевой традиции. Интересно отметить, что это — искусственный конструкт и что подобные пищевые символы могут меняться в зависимости от эпохи, внутреннего положения в стране и/или изменений мировых диетических тенденций¹⁷.

Поэтому неудивительно, что на Юге и Севере Корейского полуострова НПС не совпадают, за исключением, пожалуй, только ферментированных овощей *кимчи*. Помимо *кимчи*, НПС на Юге сегодня — это рисовое блюдо *пибимпан*, различные ферментированные соусы *чан*, закуска *ттокпокки*, слабоалкогольный напиток *макколли*. На Севере главными блюдами, представляющими корейскую кухню, считаются холодная лапша *пхёнъян-рэнмён*, рисовое блюдо *пхёнъян-онбан*, а также *синсолло*.

Любопытно, что почти все перечисленные блюда присутствуют в кулинарной традиции обеих Корей, однако статус НПС был «присвоен» им избирательно, что в очередной раз свидетельствует об искусственности самого понятия НПС. Сравним, как репрезентуют некоторые из данных блюд на Юге и на Севере Кореи.

а) *пхёнъян-рэнмён / нэнмён*

Пхеньянский *рэнмён* — это практически блюдо № 1 в Северной Корее. Информацию о нём можно найти во всех профильных северокорейских источниках¹⁸. Это основное блюдо, которое подают в главном северокорейском ресторане «Оннюгван», известном как официальный собиратель и хранитель северокорейской кулинарной традиции¹⁹.

Во всех описаниях этого блюда обязательно говорится о его полезных свойствах, древней истории, широком мировом признании. В журнале «Чосон нёсон» так пишут о значении этого блюда для корейцев: «Пхеньянский *рэнмён* — бесценное наследие наших предков, которые добились превосходной структуры питания народа и обработки продуктов. Поэтому необходимо в каждой семье сохранять и передавать это ценное наследие пищевой культуры новым поколениям и делать наше питание ещё более цивилизованным и удобным»²⁰.

В современном южнокорейском «пищевом пейзаже» (foodscape) это блюдо также присутствует, но называется оно *нэнмён* в соответствии с южнокорейским произношением и относится к типичным сезонным (летним) блюдам. На Юге *нэнмён* также популярен, но в «пантеон» НПС не входит. Там это блюдо прочно ассоциируется с Севером, так как изначально оно пошло именно из северных провинций²¹.

б) *синсолло*

Синсолло упоминается как типичное блюдо, символизирующее корейскую кулинарию, почти во всех использованных автором статьи северокорейских источниках. Вот как его представляют в журнале «Корея»: «Оригинальное по вкусу *синсолло* имеет долгую историю. В конце XV — начале XVI в. один музыкант, разочаровавшийся в морально разложившихся и бездарных феодальных правителях, оставил свет и зажил один в лесу, готовя себе пищу из разных съедобных растений в оригинальной посуде в форме жаровни. Однажды другой

известный ученый, увидев этот сосуд, назвал его «синсолло» в смысле жаровни, что, по преданиям, использовали небожители (*синсон*). После этого такая посуда широко распространялась, и блюдо, приготовляемое в нём, тоже стало называться «синсолло»²². В другом тексте есть следующее описание этого блюда: «*Синсолло* — поистине шедевр корейской кухни <...> Летописи свидетельствуют, что раньше оно было редким и изысканным блюдом, поэтому его подавали в основном на королевский стол или стол аристократии»²³.

На Юге *синсолло* также относят к деликатесам королевского стола и вообще «высокой кухне», однако отдельно в НПС не выделяют. В «Кореане» в специальной статье, посвящённой *синсолло* (автор — директор южнокорейского Исследовательского института мировой пищи Ку Чунсо) говорится, что первое упоминание этого блюда встречается в сборнике «Тонгук сесиги» (東國歲時記). Название блюда также объясняют связью с небожителями. Однако изобретение подобного сосуда связывают не с разочарованным в продажных правителях ученым мужем, а с проявлением классового превосходства. Так, Ку Чунсо пишет: «В аграрном обществе Кореи, существовавшем до эпохи индустриализации, большое значение придавали классовой принадлежности. Люди использовали каждую возможность представить себя на более высоком уровне, чем они были на самом деле. Особенно это выражалось в еде и одежде. Корейцы выставляли на стол всю еду, что у них была, чтобы подчеркнуть свой статус и своё богатство. Но в таком виде еда быстро остывала и становилась неаппетитной. Так был изобретен сосуд *синсолло*, который позволял постоянно держать еду в подогретом состоянии». Интересно и то, что в южнокорейской статье говорится о наличии сходного блюда в китайской кулинарной традиции, хотя, по мнению автора статьи, китайский вариант не такой богатый, изысканный и сложный в приготовлении, как корейский²⁴.

в) *пибимпан*

Пибимпан присутствует в рационе корейцев обеих частей Корейского полуострова, но в качестве НПС он есть лишь на Юге, причём с относительно недавнего времени. В 2008 г. с запуском программы глобализации корейской кухни *пибимпан* был выбран организаторами этой программы в качестве «флагмана» корейской кулинарии, и

это блюдо стали продвигать как внутри страны, так и за рубежом особенно активно. Было создано несколько промороликов, рекламирующих *пибимпан*, с участием звёзд корейского шоу-бизнеса и *халлю*, пропагандирующих это блюдо как собирательный образ традиционной культуры Кореи²⁵. Именно *пибимпан* стали подавать на международных рейсах Korean Air (с 2005 г.).

Рассказывая о *пибимпане*, южнокорейские эксперты непременно упоминают, что это блюдо является гастрономическим воплощением основ корейских традиционных космогонических представлений (теория пяти базовых элементов вселенной *ымьян охенъ-солъ* 陰陽五行說), корейской традиционной эстетики (теория пяти цветов *обансэк* 五方色) и в целом отражением основополагающей для корейской ментальности идеи гармонии²⁶.

В «Кореане» в специальной статье рассказывается о нескольких теориях происхождения блюда и делается вывод, что само наличие разных теорий доказывает уникальность и стопроцентную принадлежность *пибимпана* к корейской кулинарной традиции²⁷, хотя название «пибимпан» стало активно использоваться не так давно, а в эпоху Чосон было более распространено другое (иероглифическое) имя этого блюда — *кольдонъбан* (骨董飯)²⁸.

На Севере *пибимпан* также распространён (рецепты различных региональных его вариаций есть во всех кулинарных книгах), но статуса НПС он не приобрёл.

Выводы

Анализ восприятия и репрезентации национальной пищевой традиции в КНДР и РК показывает серьёзные различия в способах подачи корейской кухни на Севере и Юге Корейского полуострова. Во-первых, они носят разные официальные названия: *хансик* на Юге и *чосон рёри* на Севере. Во-вторых, если смотреть по источникам общего характера, в РК сегодня тема национальной кулинарии освещается гораздо масштабнее и содержательно богаче по сравнению с КНДР. В южнокорейском дискурсе с помощью темы национальной кухни часто представляют Корею в целом — её культуру, философию, эстетику, образ жизни. На Севере тема национальной кухни пока идёт

лишь как часть национальной культуры. На Юге национальную кулинарию подают в ключе «традиционности», «экологичности», часто с ностальгическим подтекстом. На Севере основные мотивы при описании национальной кулинарии — «технологичность», «достижения трудового коллектива», «улучшение питания народа». Отличаются и так называемые национальные пищевые символы.

Что касается «внекулинарных» смыслов, транслируемых через кулинарные тексты, то и здесь есть своя специфика. На Севере она выражается в ярко выраженном политико-идеологическом подтексте. Развитие национальной кулинарии и шире — любые изменения в сфере питания — напрямую связываются с волей вождя. Это доказывает, что в КНДР сфера пищевого — важный канал связи и контроля между властью и народом. На Юге подобного подтекста не наблюдается. Однако там через пропаганду национальной кулинарии проводится идея об особом месте Кореи в мировом сообществе, о том, что культура РК не только соответствует мировым тенденциям, но и способна сама их задавать. Эта особенность обращает внимание на ещё одно различие между южным и северным отношением к национальной кулинарии. На Юге на волне продвижения корейской кухни в мир корейцы демонстрируют готовность менять не только вкусовые характеристики и внешний вид национальных блюд, но даже некоторые их названия, чтобы адаптировать их под международные вкусы и стандарты²⁹. Таким образом, южане готовы в некотором смысле жертвовать аутентичностью ради мирового признания. На Севере пока такой тенденции не наблюдается. Наоборот, национальные вкусы всячески подчеркиваются и охраняются.

Но есть и общая черта дискурса национальной пищевой традиции на Юге и Севере: это подчеркивание выдающихся качеств и уникальности корейской кухни, а также в некоторых моментах даже противопоставление её некорейской пище и превозношение корейской пищи над национальными пищевыми традициями других стран по ряду важных признаков.

Как видно из вышеприведённого сравнения, на сегодняшний день на Юге и Севере Корейского полуострова в понимании и репрезентации национальной пищевой традиции больше различного, чем сходного. Это свидетельствует о том, что даже такая идеологиче-

ски безобидная сфера, как национальная кухня, испытывает на себе последствия раскола страны, становясь объектом пропаганды, и в результате усугубляет разделение двух частей некогда единого народа. Тем не менее если отвлечься от официальной подачи национальной кулинарии и взглянуть на повседневную жизнь и питание корейцев, то можно обнаружить и много совпадающего в пищевых пристрастиях жителей обеих Корей. Несмотря на высокий уровень вестернизации южнокорейского рациона в последние годы, всё же опросы общественного мнения до сих пор фиксируют предпочтение южнокорейцев своей кухни по отношению ко всем остальным³⁰. Поэтому, возможно, общая пищевая история и традиция смогут в будущем стать одним из тех элементов, которые сблизят и облегчат взаимопонимание корейцев Юга и Севера.

Примечания

¹ 2007남북정상회담: 남측 답례만찬 무슨 음식 올랐나, 동아일보. 10.04.2007. (Межкорейский саммит 2007 г.: чем угощала южнокорейская сторона на ответном банкете, Тона Ильбо. 10.04.2007). URL: news.donga.com/3/all/20071004/8495962/1 (дата обращения: 03.03.2015).

² Южнокорейский телесериал «Тэчжангым» («대장금», в русском переводе «Жемчужина дворца») был выпущен в 2003 г. В дальнейшем он был показан во многих странах Азии и снискал огромную популярность в мире, став одним из символов халлю («корейской волны»). Сериал повествует о девушке, работающей на дворцовой кухне во времена вана Чунчжона (1-я пол. XVI в.), попутно представляя зрителю различные блюда корейской традиционной, преимущественно дворцовой («высокой») кухни.

³ «South Delegation Preparing Lavish Feast», Korea Times. 10.03.2007. URL: http://www.koreatimes.co.kr/www/common/printpreview.asp?categoryCode=116&newsIdx=11186 (дата обращения: 03.03.2015).

⁴ «Ким Чен Ир подарил президенту Южной Кореи четыре тонны грибов», Lenta.ru, 10.05.2007. URL: lenta.ru/news/2007/10/05/Koreas (дата обращения: 03.03.2015).

⁵ Осетрова М.Е. Национальная кухня и корейский национализм / Россия и Корея в меняющемся мире. М.: ИДВ РАН, 2014. С. 253—254.

⁶ 조대일, 지방음식 편람, 평양: 사회과학출판사, 2010, 3면. (Чо Дэиль. «Справочник по кухне корейских провинций», Пхеньян: из-во по общественным наукам, 2010).

⁷ 조재화. 조선의 특산료리, 평양: 평양출판사, 2005. 1면. (Чо Чэхва. «Особые блюда Кореи», Пхеньян: изд-во «Пхеньян», 2005).

⁸ Kim Chen Ын. Утвердить социалистическую культуру быта, как того требует эпоха сонгун: беседа с ответственными работниками ЦК Трудовой партии Кореи (10 февраля и 2 июня 92 года чучхе (2003)). М.: Общество дружбы и развития сотрудничества с зарубежными странами, 2010. С. 14.

⁹ 조대일. Op.cit. 3면 (Чо Дэиль. С. 3).

¹⁰ Например, журнал «Корея» в 9-м номере за 2014 г. публикует фотографию юбилейного стола, присланного Ким Чен Ыном репатрианту из Японии Юн Со-кчхону в день его столетия (см. «Долгожитель получил юбилейный стол», Корея, № 9, 2014. С. 24—25).

¹¹ 조재화. Op. cit. 1면. (Чо Чэхва. С. 1).

¹² 조선료리협회. 조선료리진집 (민족전통료리), 평양: 외국문중합출판사, 1994, 14면. (Ассоциация корейской кухни. «Полное собрание рецептов корейской кухни (национальные традиционные блюда)». Пхеньян: изд-во литературы на иностранных языках, 1994).

¹³ 조재화. Op. cit. 1면. (Чо Чэхва. С. 1).

¹⁴ Ланьков А.Н. «Северокорейские рестораны», Сеульский вестник, 2007, № 11. С. 12.

¹⁵ «Этнографический музей Кореи», Корея сегодня, № 9, 2014. С. 42—44.

¹⁶ Жебин А.З. Эволюция политической системы КНДР в условиях глобальных перемен. М.: «Русская панорама», 2006. С. 14.

¹⁷ Например, на Юге долгое время в качестве типичного блюда корейской кухни представляли жареное на огне мясо пульткоги. Это считалось самым известным за рубежом корейским блюдом во время и после Сеульской олимпиады 1988 г. Однако ближе к эпохе глобализации корейской кухни пульткоги утрачивает статус «блюда № 1» корейской пищевой традиции. Объясняется это, видимо, тем, что жареное мясо нельзя отнести к категории «здорового питания», которое сегодня задаёт тренды в мировой гастрономии [см. подробнее: 이규진, 조미숙. 문헌에 나타난 불고기 개념과 의미 변화, 한국식생활문화학회지, 25(5), 2010, 508—515면 (Ли Гючжин, Чо Мисук. «Изменение концепта и значения пульткоги, отражённое в справочной литературе», Журнал общества изучения корейской пищевой культуры, 25(5), 2010)].

¹⁸ «Известные блюда Пхеньяна», Корея, № 6, 2014. С. 33; 조재화. 조선의 특산료리, 평양: 평양출판사, 2005. 24면 (Чо Чэхва. «Особые блюда Кореи», Пхеньян: изд-во «Пхеньян», 2005); «Основные повседневные блюда». URL: <http://www.naenara.com.kp/ru/history/?culture+7+11/>, 25.09.2013 (дата обращения: 10.03.2015).

¹⁹ URL: <http://www.kcna.co.jp/item/1998/9808/news08/31.htm> (дата обращения: 10.03.2015).

²⁰ «이름난 민족음식 — 평양랭면», 조선녀성, #10, 2007, 52면. («Знаменитые национальные блюда — пхёнъянь-рэнъмён», журнал «Кореянка», #10, 2007).

²¹ 한식재단. 맛있고 재미있는 한식이야기. 서울: 한식재단, 2012. 44—45면. (Фонд корейской кухни. «Рассказы о корейской кухни — вкусно и интересно», Сеул, изд-во Фонда корейской кухни, 2012).

²² «Известные блюда провинции Канвон», Корея, № 11, 2014. С. 39.

²³ «조선민족음식 — 신선로» (Чосонская национальная пища — синсолло). URL: <http://www.naenara.com.kp/ko/society/?life+1+25>, 08.04.2013 (дата обращения: 10.03.2015).

²⁴ «Sinseollo», Koreana, Vol.15 (4), 2001. P. 64—66.

²⁵ Taste of Harmony: bibimbap, promo video made by popular show group muhan dojeon on request of Hansik Fund, 2011. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=6-VKow0anIU> (дата обращения: 13.03.2015); Korean food — Bibimbap, promo video made by popular hallyu star Rain on request of Korean Ministry for Food, Agriculture, Forestry and Fishery, 2008. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=cd8GnPR0Mqg> (дата обращения: 13.03.2015).

²⁶ 한경심. «우리 음식에 담긴 고유의 철학, 그 풍요로움을 발견하는 즐거움», in 동아일보사 한식문화연구원. 우리는 왜 비벼먹고 찜 싸먹고 말아먹는가.. 서울: 동아일보사, 2012, 19면. (Хан Гёнъсим. «Уникальная философия, заключённая в нашей пище и радость открытия её богатства», в книге «Почему мы едим, смешивая, заворачивая и закручивая», Сеул: из-во Тонъа ильбо, 2012).

²⁷ «High-nutrition all-in-one meal bibimbap», Koreana, Vol.18 (2), 2004. P. 62—65.

²⁸ 김상보. 조선시대의 음식문화. 서울: 가람기획, 2006, 187—189면. (Ким Санъбо. «Пищевая культура эпохи Чосон». Сеул: изд-во Карам Кихвек, 2006).

²⁹ Несмотря на то что топопки подаётся как блюдо «традиционной» корейской кухни, его пропагандисты не боятся менять и совершенствовать это блюдо в рамках «культурного ребрендинга». Многие аспекты вкуса и внешнего вида блюда изменены в угоду возможным предпочтениям зарубежных потребителей. И даже само название блюда в переводе на английский язык подкорректировано для удобства иностранного произношения — torokki [см. подробнее: 권영미 Torokki Story: 떡볶이, 한국을 말하다. 서울: 서울 미디어그룹, 2009 (Квон Ёнми. «Истории топки: Топки рассказывает о Корее». Сеул: Сеульская медиа группа, 2009)].

³⁰ Gallup Report. 한국인이 좋아하는 음식2004—2014 (Любимая еда южнокорейцев: 2004—2014). URL: <http://www.gallup.co.kr/gallupdb/report.asp?pagePos=2&selectyear=&search=&searchKeyword=> (дата обращения: 16.03.2015).

А.А. Гурьева

КОРЕЙСКАЯ КНИГА В ЯПОНСКИХ ПРОЕКТАХ КОЛОНИАЛЬНОГО ПЕРИОДА

Изучение корейских источников стало частью колониальной политики Японии как способ составить полное представление о народе, которым предполагалось управлять. Одним из важных шагов в рамках политики ассимиляции являлся сбор информации о корейском обществе, в связи с чем подведомственным Генерал-губернаторству органам было поручено собирать материалы, в частности старые книги¹. Эти материалы исследовались и частично переиздавались. В то время как издание книг корейцами регулировалось японскими властями — начиная с 1909 г. требовалось получить разрешение на издание², — сами власти активно занимались книгопечатанием. Так, согласно списку, составленному в Генерал-губернаторстве, до июня 1938 г. там было издано 1986 книг. Это, в частности, исследовательские труды по истории, географии, религии, языку и литературе, административной системе Кореи³. Логично предположить, что в основу исследований ложились корейские первоисточники.

Еще до официальной аннексии усилиями японцев были изданы отдельные корейские памятники письменной культуры (*Самгук юса* («События, опущенные в “Исторических записях Трех государств”») (1907)⁴, *Чынбо тонгук мунхон пиго* «Энциклопедия Восточного госу-

дарства. Дополненное издание» (1908), *Кукчо погам* «Драгоценное зеркало правящей династии» (1909) и др.). Выбор произведений указывает на интерес, в первую очередь, к памятникам, которые в самой Корее также относятся к наиболее значимым и которые содержат основополагающие сведения о стране. После 1910 г. японские власти получили доступ к фондам корейских книгохранилищ: отдельное ведомство в Генерал-губернаторстве занималось деятельностью по освоению фондов Королевской библиотеки Ключжангак, а в 1911 г. книги из дворцовых хранилищ были объединены в ныне крупнейшее собрание страны — Чансогак (название сохраняется с 1918 г.)⁵.

Таким образом, обусловленный политическими причинами интерес японцев к корейской книге получил возможность активной реализации. Ниже будет представлен обзор деятельности японцев в колониальный период, связанной с корейскими рукописями и старопечатными книгами.

«Общество издания корейских старых книг» (кор. — *Чосон косо канхэнхве*)

Знаменитое общество было образовано в 1908 г. Сяко Сюдзё, школьным преподавателем японского языка в пров. Кёнсан в 1900 г. и участником процесса открытия новых школ в Кёнсоне. В Уставе Общества отмечается необходимость приобретения книг у корейцев с участием не только самих исследователей, но и всех, кто может иметь отношение к непростому процессу сбора информации: найти корейские книги у корейцев не просто, как не просто и приобрести их⁶.

Деятельность Общества получила активную поддержку Генерал-губернаторства, однако выделяемых средств скоро стало не хватать в связи с ростом цен на бумагу. При этом, несмотря на трудности, за первые полтора десятилетия существования Общества было издано 83 памятника, которые издатели объединили в проект *Чосон кунсо тэге* («Общий свод корейских книг»). Корейская исследовательница Чхве Хечжу отмечает, что памятники в основном представ-

ляют собой наиболее характерные сочинения, необходимые для получения базовых сведений о разных сферах корейской жизни⁷.

Руководящий состав Общества охватывал высокие чины японских властей в Корее. Также, в отличие от других подобных обществ, в список руководства входили корейцы. Это и Ли Ванён, который, как правило, воспринимается в Корее как пособник японских агрессоров, Ю Кильчжун, известный, в частности, как автор сочинения о путешествии по западным странам *Сою кёнмун* («Что я видел и слышал на Западе»), и др.

«Общество изучения Кореи» (кор. — *Чосон кангухве*)

Общество было образовано Хосои Хадзимэ в октябре 1910 г. Хосои Хадзимэ жил в Корее с 1908 г., работал в газетах, однако вскоре попал в число «опасных» людей в связи со своим увлечением социалистическими взглядами⁸. Вскоре он передал бразды правления Аояги Синатаро, который занимался составлением истории эпохи Чосон в хранилище Чансогак и, соответственно, имел доступ к корейским материалам прошлых веков. С его именем связано начало активной деятельности Общества⁹.

Поначалу деятельность была не очень успешной, и Общество чуть было не прекратило свое существование, но с 1912 г. получило поддержку генерал-губернатора Тэраути, который был убежден, что изучение Кореи является залогом успешного управления корейцами и их ассимиляции¹⁰. Всего Обществом было издано около 60 письменных памятников корейской культуры¹¹.

На первом этапе к членству в Обществе активно привлекались сотрудники Генерал-губернаторства. Участие людей, находившихся в должности и имевших влияние в среде японских властей, было необходимо как гарант финансовых возможностей Общества. Постепенно в состав его управления вошли преподаватели, руководители и сотрудники информационных агентств, включая тех, кто находился в Кёнсоне, Японии или в Маньчжурии¹². В целом Общество насчитывало порядка пятисот членов различной национальной принадлежности (японцы, маньчжуры, вьетнамцы), которые должны были платить членские взносы. Средства шли на сбор, описание,

перевод, издание корейских старых книг. Издания Общества распространялись среди его членов, которые имели определенные скидки, а также по школам, информационным агентствам, фирмам в Японии и Маньчжурии¹³.

Издательство «Научное общество свободных бесед» (кор. — *Чаю тхогуса*)

Общество было основано Хосои Хадзимэ в 1920 г. как филиал «Общества изучения Кореи» в связи с необходимостью более активно изучать Корею с целью единения Кореи и Японии, которое усложнилось в результате Первомартовского восстания 1919 г. Первомартовское движение, в свою очередь, представлено им как результат «непонимания» корейцами преимуществ единого культурного государства¹⁴. Еще одной целью обозначен вклад в общее благосостояние человечества.

Хосои Хадзимэ размышляет о высокомерном отношении японцев, препятствующем успеху единения народов. Он пишет, что если не знать положительных качеств корейцев и с презрением относиться к их слабым сторонам, то о каком дружественном объединении может идти речь («надо *понять местных жителей*»), отмечая, что отношение к корейцам как к любимому младшему брату, является долгом японцев. Также Хадзимэ утверждает, что для понимания души того или иного народа необходимо знакомиться с литературой этого народа¹⁵.

Общество имело многоуровневую структуру, возглавляемую различными влиятельными людьми, например членом руководства банка Тёсэн, руководителями подразделений Генерал-губернаторства¹⁶.

Крупнейшим проектом издательства стали два собрания переводов корейской литературы на японский язык: «Антология корейской литературы»¹⁷ и «Полное собрание литературы Кореи», вместе составивших полтора десятка томов¹⁸. «Антология» включает в себя широкий диапазон произведений корейской литературы, например знаковые произведения: роман Ким Манчжуна «Сон в заоблачных высях» или «Повесть о Чхунхян», проза на *ханмуне*, поэтические сборники, различные исторические сочинения и др. Заслуживает

внимания оглавление к антологии, в котором содержатся не только названия переведенных произведений, но и краткий комментарий к каждому из них. Комментарии достаточно разнородны. В отдельных случаях, видимо, когда информации о переводимом источнике было не вполне достаточно, комментарий заменяют строки из переведенного текста¹⁹.

«Общество любителей книг» (кор. — *Сомуль тонхохе*)

В отличие от рассмотренных выше проектов, данное Общество было основано в конце колониального периода (существовало с 1937 по 1944 г.) и не преследовало явных политических целей. Оно функционировало для японцев, проживавших в Кёнсоне, и занималось различного рода деятельностью, прямо или косвенно связанной с письменной культурой Кореи. Общество организовывало выставки и публичные лекции, экскурсионные поездки по историческим местам Корейского полуострова, проводило ежемесячные собрания, на которых обсуждались научные темы. В сфере научных интересов членов Общества были как содержание памятников корейской письменной культуры, так и книжная культура как таковая: библиографические особенности корейской книги, способы производства корейской бумаги, различные типы издания, история печати подвижным шрифтом и другие вопросы²⁰. Также Общество занималось публикацией периодических изданий: «Вестник Общества» (кор. — Хвебо), «Буклет» (кор. — Чхэкча), «Печати» (кор. — Инбо), «Отражения книг» (кор. — Соён). «Буклеты» и «Вестники Общества» формировались по результатам ежемесячных собраний членов Общества. За восемь лет существования Общества было проведено 60 заседаний, издано 11 номеров «Буклетов»²¹ и 20 номеров «Вестников»²².

«Отражения книг» — открыточные сборники изображений корейских рукописей и старопечатных книг. Изображения сопровождались комментариями, которые, однако, как показала Но Гёнхи, исследовательница, специально занимавшаяся деятельностью Общества, характеризовались высокой степенью ошибочности²³. Основным источником материала для этих изданий стали фонды

Кёнсонской императорской библиотеки, а также личные собрания членов Общества²⁴. Библиотечные фонды использовались и для проекта Общества «Печати» — сборника образцов печатей в корейских книгах, который издавался как приложение к «Вестнику»²⁵. Такие печати, составляющие культурную ценность, как правило, помещались на первом листе и могли содержать информацию как о владельце книги, так и о том, в каком книгохранилище ее предписывалось хранить²⁶.

Примечательно, что любовь к книгам предьявлялась членам Общества как основное требование. Его членами стали, в первую очередь, преподаватели и сотрудники библиотеки Кёнсонского императорского университета. В деятельности Общества принимали участие также корейские ученые, например первый корейский этнограф Сон Сокха, активист просветительского движения Чхве Намсон, в издаваемом Обществом журнале публиковался также историк Сон Чжинтхэ и др.²⁷

В связи с финансовыми затруднениями Общество временно прекратило деятельность и возобновило работу в Токийском университете искусств уже в 1950 г.²⁸, что говорит о его малой политизированности.

Журнал «Тёсэн»

Еще одну группу имеющих отношение к корейской книге проектов, осуществляемых японцами, стало издательство журналов, в которых публиковались сведения, почерпнутые из корейских источников. Одним из наиболее значимых журналов является журнал «Тёсэн». Самый первый выпуск журнала увидел свет вскоре после установления протектората, в марте 1908 г., усилиями владельца книжного магазина Морияма Ёсио. Впоследствии дело издания перешло в руки его коллег, а магазин был преобразован в издательство журнала. По утверждению корейцев, журнал «Тёсэн» имел большое влияние на проживавших в Корее и Японии японцев, интересовавшихся Кореей²⁹.

Журнал представлял собой брошюру небольшого формата в несколько десятков страниц,. По типу издания он был схож с распро-

страненными в Корею начала XX в. изданиями *ттакчи-бон* — книжечками с красочной обложкой. Внутри мелким шрифтом помещались заметки на различные темы, на одной странице могло располагаться несколько таких заметок. В них содержалась различная информация о Корее и ее жителях: описание ритуалов, обычаев, тексты песен и стихов в японском переводе. Журнал иллюстрировался преимущественно изображениями корейцев. Также в нем размещалась реклама³⁰.

Цели проектов

Отдельного внимания заслуживают сформулированные организаторами проектов цели. В Уставе «Общества издания старых книг» в качестве основных целей обозначено: «[Пере]издавая корейские старые книги, известные издания, способствовать удобству японских исследователей Кореи представлением древней цивилизации Чосон, способствовать обеспечению справочными материалами для развития Кореи»³¹.

В качестве целей «Общества изучения Кореи» было указано способствование ответу насущным требованиям времени, которые заключаются в «изучении выдающихся корейских личностей, исследовании корейских обычаев, административной системы, <....>, в благородном стремлении улучшить общество»³². Изданные в нем свыше шестидесяти корейских памятников также содержат разнообразные сведения о Корее. С точки зрения некоторых ученых, выбор определенных книг обусловлен не только интересом к корейскому обществу как объекту колониальной политики. Чхве Хечжу пишет, что акцент на непомерное бремя налогообложения, отмечаемое в сочинениях авторов «движения за реальные науки», позволял представить государство Чосон как обреченное, а сочинения, в которых повествуется о борьбе партий, или труды по отношениям Кореи с другими государствами представлены как демонстрирующие слабость государства и постоянную подверженность внешней агрессии³³. Кроме того, Обществом распространялись сочинения Тоётоми Хидэёси, в которых оправдывается нападение на Корею и события Имчжинской войны (1592—1598)³⁴.

В проектах «Научного общества свободных бесед» — антологиях корейской литературы — также исподволь делается упор на проблемы, с которыми сталкивались корейцы. Согласно Чхве Хечжу, японские составители акцентируют в представленных произведениях моменты, которые позволяют составить мнение о продажности и лени корейцев, о распространенности семейных конфликтов. Тексты переводов искажали оригинал таким образом, чтобы расставить акценты в выгодном для японской политики свете. Примечательно, как издатели обозначают цель издания «Полного собрания литературы Кореи»: решить загадку, что делать с сотнями тысяч младших братьев³⁵.

Примечателен интерес составителей журнала *Тэсён* к литературным текстам. Так, в двух первых его выпусках были помещены переводы корейской поэзии, выполненные переводчиком секретариата Кёнсонского муниципального суда Мацуо Токэёси³⁶. Следует отметить, что автор статьи, не являющийся филологом, комментирует тексты, структуру памятника, в который они включены³⁷, и часть комментариев при этом ошибочна³⁸. Это указывает на то, что составители журнала отводили поэтическому творчеству корейцев важную роль и стремились ознакомить своих соотечественников с его особенностями.

В связи с этим особого внимания заслуживает утверждение автора статьи, что данные поэтические тексты способны передать особенности страны. Это рассуждение наводит на мысль о том, что поэзия осознавалась им как ключ к пониманию корейского народа. Это соответствует самовосприятию корейской поэзии на родном языке корейцев. Так, по мнению одного из наиболее выдающихся корейских писателей Ким Манчжуна (1637—1689), именно в такой поэзии содержится «душа нации»³⁹.

Рассмотрение целей, которые обозначали инициаторы проектов, а также целей, которые прослеживаются при анализе издаваемого материала, позволяет сделать вывод о том, что корейские письменные памятники играли важную роль в японской колониальной политике. Они осознавались японскими властями как источник сведений о Корее, что крайне важно — об особенностях корейского национального сознания. Понимание корейского менталитета мысли-

лось японскими деятелями как условие выбора правильной политики колониальных властей. Способствование деятельности ученых, занимавшихся изучением данных материалов, признавалось одной из задач Генерал-губернаторства, которое активно поддерживало указанные проекты материально и включало в состав их руководства своих сотрудников.

Деятельность, направленная на сбор и анализ сведений о Корее после ее открытия внешнему миру в конце XIX в., стала частью политики многих западных стран по отношению к бывшей стране-отшельнику. Коллекции корейских рукописей и старопечатных книг, собранные российскими, французскими, британскими, канадскими и другими деятелями, проживавшими в Корее в тот период, стали основой для создания образа Кореи на Западе.

Внимание японцев к письменному наследию Кореи прослеживается на протяжении всей истории двусторонних отношений. Так, японцы публиковали корейские произведения, которые были вывезены из Кореи во время Имчжинской войны (1592—1598). Преимущественно это литература на *ханмуне*, прочтение которой требовало знания китайского языка, что служило признаком образованности.

Образ народа, который предполагается присоединить к своей стране, изучался и корректировался японскими политиками в связи с избранными политическими целями. Их работа с книгами и текстами позволяет сделать вывод о том, что японские власти понимали место, которое занимает книга в корейской культуре, особое отношение в ней к тексту. В связи с этим внимание японских издателей распространялось не только на официальные издания на *ханмуне*, но и велась работа с популярными текстами на родном языке, в которых содержится «душа» корейской нации.

Примечания

¹ *Чхве Хечжу*. Ильче камчжонги кочжон-ый хёнсон — Чосон Кванмунхве-ва чэчжоильбонин-ый кочжон канхэн-ыль чунсимыро (Формирование классики в колониальный период) // Тонасиа кочжон-ый (чэ)хэок-ква чончжон-ый хёнсон (The Reception of Classics and the Formation of Canons in East Asia). Сеул. Исследовательский институт Кючжангак. 2013. С. 33.

² *Ли Чханхон*. Ханнам сорим канхэн кёнпхан пангаксосоль ёнгу. (Проза, изданная способом пангак в Сеуле издательством «Ханнам сорим» // Корейская культура. Вып. 21). Сеул, 1997.

³ Куго кунмунхак чагва сачжон Базовый словарь Корейского языка и литературы. Сост. Ли Ынбэк, Ким Вонхян, Ким Сонпхун. Т. 2. Хангук сачжон ёнгу. Сеул, 2001. 2 т. 2960.

⁴ *Троцевич А.Ф.* Несколько слов о «Самгук юса» — историческом труде буддийского наставника Ирёна // Вестник ЦКЯК. Вып. 5—6. СПб., 2003.

⁵ Чансогак. Чансогак-есо ет кирогыль маннада. Под ред. Чансогак ёнгу. Сеул: изд-во хангукхак чунан ёнгувон, 2013.

⁶ *Чхве Хечжу*. Указ. соч. С. 35.

⁷ Там же. С. 40.

⁸ Там же. С. 36.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 37.

¹¹ Там же. С. 40.

¹² Там же. С. 39.

¹³ Там же. С. 37.

¹⁴ Там же. С. 38.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. С. 51.

¹⁷ 南薰太平歌. 通俗朝鮮文庫; 5. 東京堂. 自由?究社. Нанкун тайхэй-ка // Цудзоку тёсэн бунко: 5. (Нанкун тайхэй-ка//Полная антология корейской литературы). Т. 5 Токио, 1921.

¹⁸ *Чхве Хечжу*. Указ. соч. С. 41.

¹⁹ Там же.

²⁰ *Но Гёнхи*. Ильче камчжонги кёнсон кочжу ильбонин-ый хангук комунхон ёнгу хвальтон (Деятельность проживавших в Кёнсоне в колониальный период японцев, связанная с исследованием корейских письменных памятников)// Сочжихакпо. Сеул: Хангук сочжихакхве. № 35. 2010.6. С. 16.

²¹ Там же. С. 22.

²² Там же. С. 19.

²³ Там же. С. 26.

²⁴ Там же. С. 25.

²⁵ Там же. С. 27.

²⁶ *Троцевич А.Ф., Гурьева А.А.* Описание письменных памятников корейской традиционной культуры. Т. 1. СПб., 2008. 300 с.

²⁷ *Но Гёнхи.* Указ. соч. С. 7—8.

²⁸ Подробнее см.: там же.

²⁹ Кэхваги чэхан ильбонин чапчи чагва чип Тёсэн 1. Тонянхак чхонсо. 15 чип. (Полный сборник журнала «Тёсэн», издававшегося японцами, которые проживали в Корее в период Открытия страны. Полное собрание трудов по востоковедению.) Сеул: Изд-во «Востоковедение», 2004.

³⁰ «Тёсэн». Кёнсон. 1908.

³¹ Чхве Хечжу. Указ. соч. С. 35.

³² Там же. С. 36.

³³ Там же. С. 41.

³⁴ Там же.

³⁵ Цит. по: там же.

³⁶ *Чон Чэчжин.* Намхун тхэпхён-га-ый инган-гва кэхваги ханнам сорим сочжок пархэн-ый ыйи// инмун квахак. Вып. 39. (Издание антологии Намхун тхэпхён-га и значение книгоиздательской деятельности Ханнам сорим, Университет Сонгюнган). Сеул, 2007. С. 18.

³⁷ *Мацуо Токэёси.* Намкун тайхэй-ка 1// Тёсэн № 1. (Мацуо Токэёси. Намхун тхэпхён-га 1//Корея. № 1). Сеул, 1908 и Мацуо Токэёси. Намкун тайхэй-ка 2// Тёсэн № 2. (Намхун тхэпхён-га 2//Корея. № 2). Сеул, 1909.

³⁸ *Guryeva A.A.* Dissemination of Traditional Korean Poetry in Vernacular in Colonial Korea (using the example of Namhun taeryeong-ga anthology)// CEESOK Journal of Korean Studies, 14. Seoul, 2013. С. 25.

³⁹ *Троцевич А.Ф.* Корейская документальная художественная проза супхиль — «Вслед за кистью» (краткий обзор). Корея. Сборник статей «К восьмидесятилетию со дня рождения профессора М.Н. Пака». М., 1998.

Л.Б. Хван

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НОВОЙ ПРОЗЫ КОРЕИ

Конец XIX в. и первая половина XX в. — тягчайший период в истории Кореи, характеризуемый продолжением экспансии мировых держав — Англии, США, Японии, Франции, России, — установлением Японией протектората над Кореей (1910), аннексии ее на многие десятилетия (1910—1945), разделением государства на две части — Юг и Север (1948). Установление Японией колониального владычества в Корее ознаменовало новый период в жизни страны — период трансформации государственности, утраты ее суверенных прав, беспощадной эксплуатации народа.

Общественная жизнь в этот период протекала в атмосфере социальных взрывов, ментальных потрясений, роста национально-освободительного и просветительского движений как внутри страны, так и за рубежом — в Шанхае, Приморье, США. Судьбоносным событием в истории Кореи явилось Первомартовское восстание, вобравшее в себя революционный дух предшествующих ему движений «Армии справедливости» («Ыйбен»), патриотических просветительских идей «Тонхак», «Сирхак», «Конджинхве» («Ассоциация всеобщего прогресса») и др.¹ Первомартовское восстание, несмотря на жесточайшее подавление, обусловило всплеск идеологических выступлений и демократических порывов. Ярким свидетельством тому является

создание и деятельность «Школы нового направления» («Синкен-хяпха») (1922), КАПП (Корейская ассоциация пролетарских писателей) (1925) и др.

Новые исторические условия — порабощение страны, вступление ее на буржуазный путь развития, бесправность народа, его обнищание — усилили интерес к жизни простых людей, активизировали демократические силы страны, обусловили перелом в общественном сознании, существенно повлияли на национальную ментальность, что незамедлительно сказалось на развитии духовной культуры и литературы. Радикальные изменения, веяния новой жизни определили необходимость поиска новых средств и способов художественного выражения действительности, ведь, как справедливо подчеркивал Бартольт Брехт, «чтобы отобразить изменяющуюся жизнь, нужно изменить способы отражения».

Отчет развития новой прозы начинается с 1910 г. и завершается 1950 годом. Периодизация новой прозы 1910—1950-х годов носит условный характер. Согласно точке зрения корееведов М.В. Солдатовой и К.А. Пак, новая проза делится на следующие периоды: проза 1910-х годов; проза 1920-х годов; проза 1930-х годов и до 1945 г.; проза периода хаоса и идеологического противостояния с 1945 г. и до 1950-х годов². Зачинателями новой прозы были писатели Ли Гвансу (1896—1957) и Ким Донин (1900—1951).

Неоспоримое влияние на развитие новой прозы оказал процесс европеизации, интенсивное распространение западной и русской литературы, публикации их лучших образцов на корейском языке в периодических изданиях, в газетах «Тоннип», «Хвансон синмун», «Тона Ильбо», журналах «Чханджо», «Чхончхун», «Муне синбо». Благодаря этому, широкому читателю стали доступны произведения Гёте, Байрона, Шекспира, Золя, Бальзака, Мопассана, Тургенева, Чехова, Толстого, Достоевского и др. С проникновением в Корею западных духовных ценностей претерпевают значительные изменения и традиционные модели поведения.

Заметное влияние на новую прозу оказали усиливающиеся в начале XX в. просветительские идеи. Их активными проводниками становятся участники культурно-просветительского движения «Кемонги ундон», лозунгами которых были «Знание — сила», «Совер-

шенствоваться внутренне, учиться внешнему». Кроме того, важную роль играли изменения в духовном сознании народа, произошедшие во многом под воздействием деятельности научных обществ — «Северо-западное научное общество» («Собукхакхве»), возглавляемое Ли Гапом; «Юго-западное научное общество» («Хонамхакхве»), «Научное общество Великой Кореи» («Тэдонхакхве»), основанное Ким Юсиком, «Общество обновления» («Синганхве»). Также большое влияние оказывали кампании по созданию миллионной армии христиан, статьи истинного буддиста Хан Енуна «К вопросу об обновлении корейского буддизма» и др.

Под влиянием трагических исторических событий внимание писателей сосредотачивается на проблемах общественной жизни в условиях враждебного им мира, изменении социального положения героев произведений, их образа мыслей и чувств, обличении несправедливости, жестокости, утверждении освободительных идей, обусловивших закономерное развитие реализма, определившего отличительные особенности новой прозы. Весьма примечательным в этом аспекте представляется суждение академика Д.С. Лихачёва о том, что «элементы реалистичности чаще всего появляются там, где необходимо объективное преобразование действительности, где необходимо изменение действительности»³.

Характерной тенденцией в новой прозе является избавление ее от канонов в сюжетостроении, присущих предшествующей ей литературе, обязательных структурно-образующих элементов — пролога, эпилога, чудесного рождения героя и т. д., отказ от использования в заглавии морфемы «чон».

Важнейшей особенностью новой прозы стало проявление в ней тенденций разных литературных направлений (романтизма, натурализма, модернизма), а также синтез их с реалистическими принципами изображения и слияние в художественных обобщениях писателей социального, психологического и духовно-нравственного начал. Синтез реалистического и романтического прослеживается в лучших образцах новой прозы, например в романе «Бессердечие» Ли Гвансу, «Клуб фантазий» Ли Хесока, «Нирвана» Пак Тэвона и др. Связь реалистического с натуралистическими принципами изображения, обусловленность образа мысли и действия героев общест-

венными условиями жизни, социально-биологическая детерминированность порабощенной жизни, безысходность положения народа в условиях японской оккупации — всё это проявилось в рассказах «Лягушка в препараторской» Ем Сансопа, «Корзина бататов» Ким Донины и др. Так, реалистичность рассказа «Корзина бататов» определяется тем, что писатель сумел показать характерную для того времени действительность, социальное бытие, обнищание народа, бесправное положение женщины, обличить общественные пороки — лень, подкуп, падение нравов, используя при этом приёмы натурализма.

Натуралистические подходы прослеживаются и в реалистическом рассказе Ём Сансопа «Лягушка в препараторской», являющимся художественным открытием прозы 1920-х годов. В нём раскрывается трагичность социального бытия в условиях японского порабощения, тягостное, мучительное, безысходное состояние героя: «Я был измотан, и на моем теле, куда ни ткни, не осталось места, не источавшего отвратительный запах никотина и алкоголя»⁴. Безысходность заставляет героя вспомнить «о препарированной лягушке, распластанной на смертном одре с приколотыми булавками конечностями».

О синтезе различных направлений в литературе убедительно говорит Е.М. Евнина, рассматривая проблему импрессионизма в литературе. Она подчеркивает, что «чистого импрессионизма в литературе не существует, и импрессионистские тенденции как бы накладываются на другие художественные методы (реализм, натурализм, символизм»⁵. В произведениях представителей новой прозы 1920-х годов — «Удачный день» Хён Джингона, «Сон» На Дохяна, «Письмо беглеца», «Голод и бойня» Чхве Сохэ и др. — прослеживаются импрессионистские тенденции, выраженные в изображении не столько события жизни героя, сколько ощущения, настроения, быстрой смены чувств и душевных смятений. Это в свою очередь ведет к углублению психологизма, к созданию новой формы, когда раскрываются подсознательные, текучие, трудно уловимые настроения и чувства, связанность духовных процессов с телесными⁶.

Свидетельством художественного освоения новых принципов изображения жизни является творчество Ли Сана (1910—1937), од-

ного из ярких представителей корейского модернизма, соратника крупных прозаиков 1930—1945 гг.

Тенденции новой прозы проявились как в ее содержании, так и в форме. Содержание новой прозы определяется истинным патриотизмом, гражданственностью авторов, их демократической устремленностью, обусловившими высокий уровень социальности, пристальное внимание к повседневной жизни людей разных сословий — крестьян, рабочих, интеллигенции — в условиях порабощения, раскрытие материально-бытового окружения персонажей. Отсюда ведущими темами новой прозы являются: порабощенность народа и страны; личность в порабощенном мире, её отношение к нему; беспросветность, несправедливость людей; рутинность мышления, моральное падение; тема любви, тяжелого положения женщины; социального неравенства. Одной из основных тем становится тема духовного пробуждения, интеллектуального развития героев, их устремленность к образованию, научной дерзновенности.

Характерными особенностями новой прозы являются перевод социальных коллизий в морально-нравственные аспекты, введение трагических ситуаций жизни героя в контекст его личных переживаний, чувствований; глубокий психологизм на основе использования внутренних монологов, мотивов сна, писем, предметных деталей, описания интерьера, пейзажных зарисовок; публицистичность; стремление к универсализму; интертекстуальность; реминисценции; смысловые намеки; раскрытие социальной природы трагического, пограничной ситуации, связанной со смертью героя, воспринимающегося как вызов, возмездие, приговор колониальной политике японцев, как символ свободы, негибкости духа народа.

Названные тенденции новой корейской прозы с особой силой выразилась в принципах создания образов, новых социальных типов и характеров: маленьких людей; мечтателей-фантазеров, одержимых просветительскими идеями; героев-борцов за освобождение страны; образов женщин, вынужденных вступить на порочный путь, и т. д. Как правило, в новой прозе отсутствуют широко очерченные характеры: акцент делается на каком-либо происшествии, случае, событиях, конкретных фактах, служащих поворотным началом в судьбах героев, доведенных до художественного обобщения, связанного со

смыслом человеческого существования. Одной их важнейших особенностей, определяющих своеобразие социальных типов в новой корейской прозе, является самовыражение героя, «слово героя о себе», зачастую обретающее характер исповеди, пронизанной глубоким психологизмом, нередко усиливающимся на основе использования автором реминисценции, прямых или косвенных отсылок к другим авторам, религиозных мотивов, множества аллюзий, сновидений, писем, элементов мистического, фантастических допущений. Общим в создании социальных типов и характеров новой прозы является экзистенциальная парадигма, выраженная в использовании противопоставления добра и зла, жизни и смерти; в изображении людей, бегущих, говоря словами Ж.П. Сартра «от смерти и повседневности». Таковы герои рассказов «Потерянный рай», «Гонение» Хён Санюна; «Удачный день» Хён Джингона; «Письмо беглеца», «Голод и бойня» Чхве Сохэ; «Соната огня» Ким Донины; «Нирвана» Пак Тэвона и др.

Художественным достижением новой прозы является рассказ «Нирвана» Пак Тэвона, в названии которого заключен идейный смысл, связанный с буддийским учением, согласно которому познавший страдания и освободившийся «от десяти цепей» мог достигнуть последней степени нравственного совершенства Будды и вместе с тем нирваны⁷. Рассказ основан на «слове героя о самом себе», которое отличается исповедальной тональностью. Из рассказа читатель узнает о перипетиях судьбы героя, о том, что юношу окружающие принимают за сумасшедшего, так как он задавил человека и объяснил это тем, что «ему просто захотелось убить человека»⁸. Однако юноша отличается здравым умом, начитанностью, говорит о фальши, об абсурдности мира: «Мы живем, обманывая друг друга и обманываясь. Животное под названием человек — это насквозь фальшивое существо»⁹. Герой устал от алчности, лживости, жестокости жизни. Об апокалипсисе души говорят признания героя в том, что «в этом мире человек может быть счастливым лишь после смерти. Я не знаю, действительно ли я найду счастье в стране смерти... я смотрю в сторону этой страны с большой тоской и надеждой»¹⁰. Юноша понимает, что в мире произвола, несвободы «самые счастливые люди — это душевнобольные, <...> душевнобольной может

делать все, что хочет, не обращая ни на кого внимания»¹¹. Новаторство писателя определяется тем, что он сумел раскрыть природное стремление человека к свободе, утвердить мысль, что никакие трагические испытания не могут истребить свободный дух. Существенной особенностью рассказа является использование реминисценции — ссылок на «Человеческую комедию» Оноре де Бальзака, на Эдгара По и др., что свидетельствует о начитанности героя, о его духовном богатстве, выразившемся в речи юноши, отличающейся повышенной метафоричностью, насыщенностью эмоциональными эпитетами, сравнениями. Смерть героя «Нирваны» символизирует спасение, победу над чудовищностью японского произвола.

Важнейшей особенностью новой прозы является использование арсенала изобразительно-выразительных средств — метафор, сравнений, гиперболы, гротеска, связь стилистических особенностей с концепцией произведения, с жанровым своеобразием. В связи с этим примечательной представляется мысль В.В. Виноградова о том, что «при стилистическом подходе язык в художественной литературе неотделим от идейного замысла писателя, от характера действующих лиц и от той творческой личности повествователя, которая создается всей композицией художественного произведения»¹².

Бесспорно, что новая проза в своем развитии испытывала влияние традиций национальной литературы. Патриотизм и гражданственность, протест против социального неравенства, сатирико-обличительные тенденции, свойственные древней классической литературе нашли отражение в лучших ее образцах.

Таким образом, можно отметить, что новая проза 1910—1950-х годов, опираясь на национальные и общемировые традиции, обрела новые свойства и качества. При всем разнообразии способов и принципов изображения жизни она широко использовала освоенные ею тенденции реализма, приравливая к ним подходы иных направлений — натурализма, романтизма, модернизма, избавляясь от консервативной нормативной поэтики. Ее сила и притягательность заключается в том, что, выступая наследницей древней классической литературы, она сумела создать летопись о тяготах повседневного социального бытия, жестокости, бесчеловечности японского произвола, раскрыть ментальное потрясение народа, обусловившее новые

веяния, социальное движение, отразить новые процессы в веровании народа, выразить могущество национального духа, нравственные искания народа, «экзистенциальный кошмар» в условиях судьбоносных трагических событий японской агрессии и распада страны.

Примечания

¹ Подробнее об этом см.: *Ли Ги Бек*. История Кореи: новая трактовка. Перевод с корейского под редакцией С.О. Курбанова. М., 2000. С. 354—360.

² Подробно об этом см.: *Солдатова М.В., Пак К.А.* Современная литература Кореи. Учебное пособие. Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 2003.

³ *Лихачев Д.С.* Поэтика древней литературы. М., 1979. С. 134.

⁴ *Солдатова М.В., Пак К.А.* Указ. соч. С. 72.

⁵ *Евнина Е.М.* Проблемы литературного импрессионизма в различных тенденциях его развития во французской прозе конца XIX — начала XX в. // Импрессионисты, их современники, их соратники. М., 1977. С. 242.

⁶ *Суботина К.А.* Чехов и импрессионизм //Художественный метод А.П.Чехова. Ростов н/Д, 1982. С. 119.

⁷ *Мусский С.А.* Сто великих людей. М., 2014. С. 13.

⁸ Клуб фантазий. Сборник рассказов корейских писателей. Перевод с корейского И. Нигай. СПб.: Гиперион, 2011. С. 156.

⁹ Там же. С. 158.

¹⁰ Там же. С. 166.

¹¹ Там же. С. 169.

¹² *Виноградов В.В.* О языке художественной литературы. М., 1959. С. 172.

И.Б. Панова

ОРНАМЕНТЫ И РИСУНКИ КОРЕЙСКИХ ЖЕНСКИХ УКРАШЕНИЙ

С незапамятных времен корейские женщины носили разнообразные виды причесок, что изображено на когурёских фресках. Например, прическа замужней когурёской женщины *ончжын-мори* (волосы заплетаются в две косы и симметрично закалываются наверх), прическа *ччукчин-мори* (волосы укладываются в пучок и закалываются шпильками на затылке), прическа *пхунгимён-мори* (волосы забирают в низкий в хвост на затылке, а на висках оставляют две длинные распущенные пряди), прическа *ттаын-мори* (волосы заплетают в одну или две косы), прическа *моккынчунбаль-мори* (волосы убраны в низкий хвост) и др.

Основываясь на письменных памятниках Пэкче, можно установить, что у незамужних девушек было очень популярным убиение волос в одну низкую косу, что называлось *пёнбаль*, а у замужних дам был популярен способ разделять волосы на прямой пробор и заплетать две косы. В Силла замужние женщины предпочитали распускать волосы или забирать их в низкие хвосты. Силла также славилась своими париками чхе, которые вывозились в качестве ценного товара для торговли с Китаем.

В «Иллюстративном сборнике эпохи Корё» (*Корё тогён*) зафиксированы сведения о том, что обычно в Корё незамужние девушки пропускали под волосами (на затылке) и завязывали чуть выше лба шелковую красную ленту, а волосы оставляли распущенными сзади, а замужние дамы среднего класса, подобно простолюдинкам, свешивали волосы по правое плечо и заплетали их красной лентой. Замужние дамы богатого сословия могли позволить себе заколоть волосы небольшой шпилькой *пинё*¹.

Основными женскими прическами в указанный период были вышеназванные: прическа замужней женщины — *ончжын-мори*, прическа *ччукчин-мори*, а также прическа незамужней девушки — *ттаын-мори*. Кроме этого делались такие виды причёсок, как широкая прическа *кхын-мори* (волосы убраны в косы и закреплены в верхней и нижней части головы в несколько слоев), сложная прическа с накладными локонами *оё-мори*, прическа с накладной диадемой и множеством шпилек для закрепления волос наверху *тэсу*, женская ритуальная причёска, украшенная серебряной заколкой в виде кузнечика *чхончи-мори* и др.

Короткая налобная шпилька для волос *чхончи*

Заколкой *чхончи* пользовались женщины всех рангов и сословий, которые делали себе причёску *ччукчин-мори* (волосы укладываются в пучок и закалываются шпильками на затылке). Орнамент, форма, материал украшения — любой элемент в заколке указывал на социальный статус обладательницы шпильки. По особым случаям (праздникам, ритуальным церемониям или приемам) шпильку *чхончи* могли использовать вместо диадемы *хвагван* или богато украшенного головного убора *чоктури*. Королевы, как правило, носили золоченую заколку, орнаментированную с одного конца головой дракона; супруга принца и фрейлины первого ранга носили позолоченную заколку с одного конца орнаментированную фигуркой феникса. Остальные женщины в зависимости от происхождения, могли носить позолоченные, серебряные, латунные заколки, орнаментированные фигуркой лягушки.

Позолоченные и серебряные заколки *чхончи* с фигуркой лягушки были всегда востребованы. Хотя ремесленникам приходилось изготавливать их достаточно часто, у них не было готового шаблона для ее создания. Каждая новая *чхончи* с лягушкой была неповторима. В этом заключалась особенность их изготовления. Однако латунные заколки с фигуркой лягушки всегда изготавливались в изложницах получались одинаковыми. В конце правления династии Ли латунные *чхончи* с лягушкой изготавливали крайне редко².

Заколку, сделанную из рога черного буйвола, надевали по случаю смерти родителей или мужа и носили в течение всего траура. По окончании траура, ее немедленно выбрасывали или сжигали, поэтому таких экземпляров осталось совсем немного.

Поскольку во дворце заколки *чхончи* носили постоянно, это позволяло легко разграничивать социальный статус их обладательниц. Заколку нередко прикрепляли к черной подложке, к которой справа и слева плотно были прикреплены длинные накладные локоны или полоски черной ленты. *Чхончи* привязывали к подложке под орнаментированной головкой и перед самым кончиком, 5—6 раз обматывая алой нитью. Способ использования был следующим: волосы (без челки) разделялись на прямой пробор и плотно забирались сзади в пучок. На начало пробора накладывали заколки, а концы ленты или локоны уводили назад и прятали в пучок волос сзади. Время ношения заколки *чхончи* наступило, когда при ване Ёнчжо был наложен запрет на ношение накладных локонов и париков и невозможно стало делать причёску *ончжын-мори* (волосы заплетаются в две косы и симметрично закалываются наверх)³.

Дракон и феникс, являвшиеся разновидностями декоров головки заколки *чхончи*, символизировали принадлежность к королевскому роду и королевскому двору соответственно. Лягушка на заколках предназначалась для простолюдинов⁴. Также она предназначалась для молодых девушек, готовящихся стать фрейлинами.

Девушка могла стать фрейлиной в возрасте 20 лет. Когда претендентке исполнилось 15 лет, она поступала во дворец для специального обучения. Таковую девушку в самом начале обучения называли «фрейлиной, которая не носит никакой причёски» или «фрейлиной с просто причёской *сэнмори*». Когда они становились настоящими

фрейлинами, их называли уже более почтительно — «Хана», подчиненные такой фрейлины и простой люд обращались к ней *항아님*, или «фрейлина, которая носит заколку *чхончи* с фигуркой лягушки». Когда она становится фрейлиной, она может носить прическу *чочжим-мори* (прямой пробор с низким пучком сзади; на пробор одевается лента с заколкой *чхончи*, частично закрывающая пробор), а также кофту *чогори* желтовато-зеленого цвета с цветным кантом по горловине и тёмно-синюю юбку *чхима*⁵. В день, когда король посвящает фрейлину в более высокий ранг, он дает ей заколку *чхончи* и новое платье, а также присваивает ей новое имя.

Шпилька для волос, украшенная орнаментированной шишечкой *пинё* (*чам*, *чхэ*)

Шпилькой *пинё* пользовались замужние женщины, когда закрепляли пучок волос, собранный на затылке, для того, чтобы прикрепить к прическе корону, а также закрепить на голове парик или накладные локоны.

Согласно историческим источникам и фрескам, еще до периода Трех государств мужчины уже носили волосы, забранные в пучок высоко на затылке, а женщины делали прически *ончжын-мори* и *ччукчин-мори*. Чтобы прическа не рассыпалась, женщины уже тогда стали пользоваться массивными шпильками *пинё*⁶.

В эпоху Объединенного Силла девушкам и женщинам ранга «чистой кости» *чинголь* было запрещено украшать шпильки резьбой или покрывать их слоем красной охры; девушкам и женщинам 6-го ранга кости *юктунхум* было запрещено отливать шпильки из чистого золота; для девушек из неблагородных сословий разрешалось делать шпильки из речного или обычного камня. Данные ограничения и правила о ношении украшений были установлены еще при силласком короле Хындок-ване⁷.

В историческом трактате «Основы музыкальной науки» (*Акхак квебом*) в способ ношения одежды у женщин входили шпильки двух видов: шпилька *чха* и шпилька *чам*. Шпилька *чха* — короткая и легкая (2 *чхона*⁸ 6 *пхуна*⁹), а шпилька *чам* — длинная (1 *чхок*¹⁰ 2 *чхона*¹¹)¹².

Способы заплетания волос на голове у замужних женщин со времени Трех государств и до конца эпохи Корё практически не изменялись. Женщины для поддержания прически использовали небольшие двузубые шпильки. В эпоху Корё шпильки *пинё* изготавливали их бронзы и золота. До наших дней сохранилась только одна шпилька из бронзы с двойной головкой *чамду*, полая внутри, с высеченным на ней рисунком цветов и птиц. Сделанные же из золота шпильки по своей форме обычно были плоские, зачастую напоминающая лопаточку для чистки ушей. Также сохранилась корёская шпилька *хвачжам* с шишечкой в виде цветов, украшенная жемчужинами.

С середины периода правления династии Ли все больше входит в моду прическа *ончжын-мори* с использованием накладных локонов. Для прикрепления к своим волосам парика или накладных локонов также использовались шпильки. При королевском дворе были популярны ритуальные прически из заплетённых в косу накладных волос, уложенных на голове в виде бабочки *кхын-мори*, и прическа с накладной диадемой и множеством шпилек для закрепления волос наверху *тэсу*. В домах благородных янбанов были популярны прически разной формы, которые создавались при помощи накладных локонов *оё-мори*.

Для создания ставшей столь популярной прически *ончжын-мори* требовалось большое количество накладных локонов. А для создания накладных локонов необходимо большое количество актинидии острой¹³, закупка которой бала достаточно дорогостоящей. В связи с необходимостью сокращения расходов на дорогостоящие парики и украшения, в годы правления Ёнчжо-вана (1724—1776) и короля Чончжо-вана (1776—1800) были наложены запреты на использование в женских прическах накладных локонов.

В годы правления Сунчжо-вана (1800—1834) вместо прически *ончжын-мори* в моду все больше стала входить прическа *ччукчин-мори*. Поскольку для создания такой прически не требовались парики или локоны, большее внимание стали уделять изяществу и красоте шпилек, которыми закалывали волосы. Шпильки *пинё* именно этого периода отличаются разнообразием, особым изяществом создания и декорирования¹⁴.

Кроме всего прочего, шпильки *пинё* использовались для закрепления небольших диадем-корон *гван*.

Шпильку *пинё* как правило украшали орнаментом или объемным декором. Благодаря этому шпилька наделялась особыми свойствами, и считалось, что она передавала их своему владельцу. Из всех шпилек королевы и жены наследного принца в нарядах по официальным случаям одевались шпильки с фигурками дракона и феникса, которые означали не только принадлежность к королевской семье или двору, но и были призваны притягивать удачу в жизни и сулили материальное благополучие¹⁵.

В годы правления Ёнчжо-вана (1724—1776) придворным дамам 5-го ранга *мёнбу* и женщинам домов известных фамилий запрещалось носить шпильки с фигурками дракона и феникса. Исключение составляла свадебная церемония.

Кроме этого, для поддержания прически использовалось огромное количество шпилек-невидимок, которые изготавливали из серебра.

В качестве особенных шпилек в пров. Кёнсан шаманки использовали плоские латунные шпильки для причесок при подготовке к проведению шаманских ритуалов, а на летний праздник Тано для отпугивания злых духов женщины украшали свои прически ритуальной шпилькой «праздника Тано»: такая шпилька изготавливалась из корня аира благовонного, на ней высекались слова-благопожелания долгой и счастливой жизни¹⁶.

Для молодой девушки время, когда она начинала носить шпильку (а соответственно и закалывать волосы наверх) было связано с «периодом взросления», или «периодом социализации». Это был период, когда девушка была готова вступить в брак и готовилась к рождению детей. В период Чосон такой ритуал перехода назывался *кере*. Обряд «убирания волос наверх и закрепления их шпилькой» проводился перед свадебной церемонией и был обязательным для всех девушек. По традиции женщина могла снимать шпильку только в своих покоях перед сном, а в первую ночь после проведения бракосочетания жених сам должен был расплести волосы своей невесте, сняв шапочку *чоктури* и вынув шпильку *пинё*¹⁷.

Примечания

¹ 황호근. 한국장신구사. 서문당, 1996. [Хван Хогын. История корейских традиционных украшений. Издательство Сомундан, 1996]. С. 65.

² 장숙환 저. 전통 장신구. 대원사, 2002. [Чан Сукхван. Традиционные (женские) украшения. Издательство Тэвон, 2002]. С. 32.

³ Там же. С. 35.

⁴ 허균. 전통문양. 대원사, 1996. [Хо Гюн. Корейский традиционный орнамент. Издательство Тэвон, 1996]. С. 24.

⁵ 장숙환 저. 전통 장신구. 대원사, 2002. [Чан Сукхван. Указ. соч.]. С. 70.

⁶ Там же. С. 78.

⁷ 황호근. 한국장신구사. 서문당, 1996. [Хван Хогын. История корейских традиционных украшений. Издательство Сомундан, 1996]. С. 71.

⁸ 촌 чхи (мера длины = 3,3 см).

⁹ 풀 пхун (мера весов = 0,375 г).

¹⁰ 척чок (мера длины = 30,3 см).

¹¹ 촌 чхи (мера длины = 3,3 см).

¹² 장숙환 저. 전통 장신구. 대원사, 2002. [Чан Сукхван. Указ. соч.]. С. 68.

¹³ Актинидия острая (лат. Actinidia arguta) — многолетняя лиана; самый крупный вид рода Актинидия. Встречается в смешанных и хвойных лесах на Дальнем Востоке России, в Японии, Корее, Китае. В культуре с 1874 г.

¹⁴ 황호근. 한국장신구사. 서문당, 1996. [Хван Хогын. Указ. соч.]. С. 75.

¹⁵ Шевандронова О.М., Панова И.Б. Орнаменты и рисунки корейских женских украшений (на основе предметов личного обихода из коллекции МАЭ (Кунсткамеры) РАН) // Вестник центра корейского языка и культуры. Выпуск № 16. СПб., 2014.

¹⁶ 이선재, 김정진. 우리 나라 여성의 머리 양식사. 신광출판사, 2003 [Ли Сончжэ, Ким Чонджин. История корейской традиционной женской прически. Издательство Сингван, 2003]. С. 114.

¹⁷ 황호근. 한국장신구사. 서문당, 1996. [Хван Хогын. Указ. соч.]. С. 82.

Глава 4

ПРОБЛЕМЫ

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

КНДР И РК

С.С. Суслина

ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЕ ДИСБАЛАНСЫ

СЕВЕРНОЙ И ЮЖНОЙ КОРЕИ

И ВОЗМОЖНОСТИ МЕЖДУНАРОДНОГО

ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Этапы становления и характеристика энергетического баланса Южной Кореи

В начале 60-х годов прошлого века Южная Корея столкнулась с проблемой острого дефицита энергоресурсов. Осознавая стратегическую важность этой проблемы, государство заняло монопольное положение (до конца 1990-х годов) в производстве и сбыте электроэнергии, взяло под свой контроль добычу, импорт и переработку энергоресурсов, создание энергетической инфраструктуры, оказывало прямое воздействие на ценообразование в энергетическом секторе.

Приступая к созданию энергетической базы будущего (1962 — начало 1970-х годов), РК из собственных энергоресурсов располага-

ла только низкокачественным антрацитом и энергией рек, на которые приходилось около 80 % по источникам энергопотребления страны. Удельный вес нефти и нефтепродуктов в топливно-энергетическом балансе страны до 1966 г. был незначительным и находился на уровне 18—19 %¹. Однако доля импортных источников в энергобалансе страны постепенно возрастала, достигнув в 1980 г. 73,5 %².

Потрясения от мировых нефтяных кризисов 1973 и 1977—1979 гг. ознаменовали новый этап энергетической политики РК, главной целью которой стало гарантированное обеспечение страны энергоресурсами путем диверсификации составляющих энергобаланса.

Приоритетным направлением развития южнокорейской энергетики стала реструктуризация энергетического баланса путем формирования в нем газового сектора, ориентированного на импортный сжиженный природный газ (СПГ). Предпринимались также меры по увеличению доли в энергобалансе альтернативных источников энергии (солнца, ветра и фотосинтеза) (табл. 1).

Подписав в марте 1994 г. Рамочную конвенцию ООН по контролю за климатом, Южная Корея стала сотрудничать в области сдерживания роста энергопотребления и уменьшения вредного воздействия энергопотребляющих отраслей на окружающую среду. Тем не менее ежегодно возрастающее потребление энергии, необходимой для обеспечения экономического роста свидетельствовало о низкой эффективности энергетической политики. В 1985—1999 гг. темпы экономического роста РК составили в среднем 7,1 % в год, а потребление энергии ежегодно возрастало на 8,7 %³. Расход энергии в промышленном секторе Южной Кореи оказался наиболее высоким среди стран — членов ОЭСР (в среднем по ОЭСР он составлял 33 %, а у РК этот показатель находился на уровне 54 %⁴).

Возникший дисбаланс между спросом и предложением привел к дефициту инвестиционных ресурсов, необходимых для дальнейшего развития материальной базы энергетики. Кроме того, несбалансированное развитие в РК энергоемких производств обострило проблему эмиссии парниковых газов (ЭПГ), в первую очередь двуокиси углерода.

Таблица 1. Энергопотребление южнокорейской экономики по источникам энергии, %

	1973 г.	1978 г.	1988 г.	1998 г.	2008 г.	2013 г.
Всего потребление, в том числе:	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Уголь	30,2	26,0	33,4	21,7	27,4	29,2
Нефть	53,8	63,3	47,0	54,6	41,6	37,8
СПГ	—	—	3,6	8,3	14,8	18,7
Гидроэнергия	1,3	1,2	1,2	0,9	0,5	0,6
Атомная энергия	—	1,5	13,3	13,5	13,5	10,4
Возобновляемая и др.	14,7	8,0	1,5	0,9	2,2	3,3
Потребление на душу населения (тнэ)*	0,73	1,03	1,79	3,58	4,95	5,6

Источник: Рассчитано по статистическим данным: National Statistical Office (URL: <http://www.kosis.kr>).

* В тоннах нефтяного эквивалента.

Разразившийся в РК в 1997 г. валютно-финансовый кризис рельефно высветил слабые места в организации и функционировании южнокорейского энергетического комплекса. Жесткая централизация энергоснабжения и государственное регулирование цен на энергию стали малоэффективными в условиях изменившихся реалий в мировом энергетическом хозяйстве.

Для снижения уровня зависимости от импорта нефти и газа в 2008 г. РК инициирует стратегию «зеленого роста» и перехода к «низкоуглеродистой» экономике. К 2030 г. доля «чистой» энергии в энергобалансе страны предположительно увеличится с нынешних 19 до 39 %. При этом доля атомной энергетики, которая рассматривается южнокорейцами как наиболее подходящая альтернатива традиционным энергоресурсам, должна вырасти с 16 до 28 %. Это связано как с наличием в РК собственной технологической базы в области использования мирного атома (локализация производства — 95 %), так и с инициативно взятыми южнокорейским правительством обя-

зательствами по сокращению к 2020 г. на 30 % эмиссии парниковых газов⁵.

В проекте плана действий по «озеленению» южнокорейской экономики (февраль 2011 г.) было перечислено семь конкретных задач, среди которых: снижение выброса Южной Кореей парниковых газов, улучшение энергоэффективности основных отраслей промышленности, господдержка предприятий, расширение строительства с использованием экологически чистых материалов, поощрение энергосбережения, сокращение пищевых отходов, активизация международного сотрудничества в области охраны окружающей среды. Предполагается, что в недалеком будущем одной из основ южнокорейской экономики станет солнечная и ветровая энергетика.

В 2013 г. Республика Корея была вторым в мире импортером СПГ, четвертым в мире импортером угля и пятым в мире импортером нефти⁶. Если верить прогнозам экспертов, то в период 2005—2020 гг. РК потребуется дополнительно 100 млн тнэ* первичной энергии⁷.

В 2005 г. местные источники энергии составили лишь 3,3 % от общего потребления, и к 2020 г. этот показатель, возможно, вырастет лишь до 3,8 %. К примеру, объем запасов открытого в 1998 г. газового месторождения Тонхэ-1 составляет всего лишь 6 млрд куб. м⁸. Пока Тонхэ-1 является единственным нефтегазовым месторождением РК, которое активно разрабатывается. Зависимость Южной Кореи от зарубежных поставок топлива всегда была очень высокой: она достигла своего пика в 97,6 % в 1997 г., постепенно снижалась и на 2012 г. составляла 96 %⁹. Среди основных мер по обеспечению энергетической безопасности страны правительство РК выделило следующие: диверсификацию энергобаланса путем увеличения доли газа и АЭС; сокращение доли нефти и газа в производстве электроэнергии за счет смещения акцента на уголь и газ; стимулирование прямого участия южнокорейских компаний в зарубежных энергетических проектах; наращивание объемов стратегического резервирования; внедрение энергосберегающих технологий и альтернативных источников энергии; уменьшение ближневосточной составляющей в энергетическом импорте путем активного освоения новых рынков углеводородов¹⁰.

Решение многих из этих задач невозможно без активно развивающегося энергетического сотрудничества РК с Россией и КНДР, а также в рамках интеграционного взаимодействия в регионе СВА.

Основные этапы становления топливно-энергетического комплекса (ТЭК) и характеристики энергетического баланса Северной Кореи

Дефицит энергоресурсов — базовая проблема КНДР, сдерживающая ее развитие, особенно в рамках стратегии «опоры на собственные силы». Проблему усугубляет противодействие традиционных противников КНДР развитию атомной энергетики страны. Однако есть прогнозы, что на корейском шельфе Японского и Желтого морей имеются признаки наличия крупных месторождений нефти и газа. Открытие этих месторождений оказало бы весомое влияние на сбалансированное развитие топливно-энергетических комплексов РК и КНДР.

С Южной Кореей энергетическая политика КНДР схожа своей первоначальной нацеленностью на решение задач ускорения социально-экономического развития страны при низкой обеспеченности энергетической составляющей природно-ресурсной базы. Способы и меры решения создания собственных ТЭК у обеих стран, в силу их разных моделей, отличались, но объединяла их структурообразующая роль государства в создании системы производства, распределения и перераспределения энергоресурсов. Кроме того, обеспеченность первичными энергоресурсами у Северной Кореи на начальном этапе индустриализации была выше, чем у Южной. Главными источниками являлись (и продолжают сохранять свои доминирующие позиции) уголь и гидроресурсы.

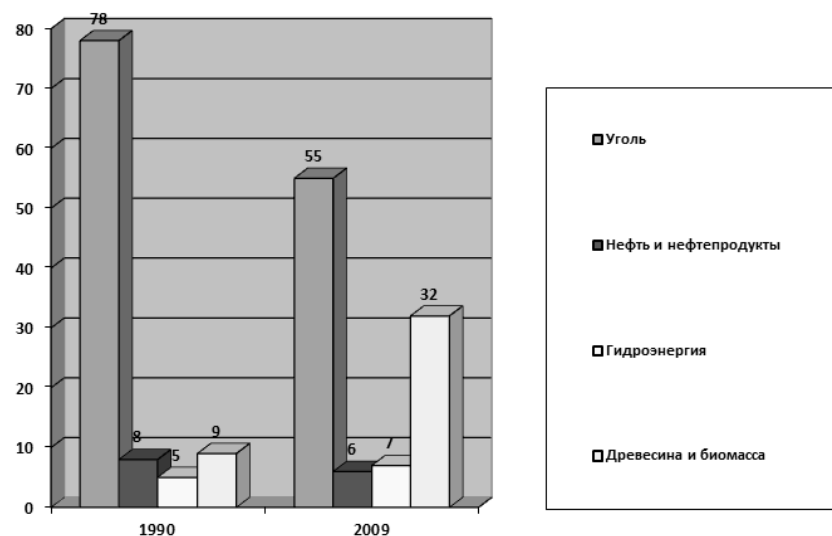
Причин хронического дефицита энергоресурсов и энергопотребления в Северной Корее много. После 1990 г. КНДР практически лишилась льготных поставок нефти и нефтепродуктов из СССР. В 1993 г. они составляли уже всего 1/10 объема поставок 1990 г.¹¹ КНДР переориентировалась на поставки нефти из КНР, но Китай в 1992 г., как СССР в 1990 г., запросил, чтобы КНДР платила за импорт валютой, что существенно снизило объем покупаемой у него

нефти¹². Наложённые на КНДР экономические санкции значительно лимитируют ее возможности обеспечить регулярные поставки нефти. Сохраняется дефицит финансовых средств, необходимых для импорта энергоресурсов. Усугубляется физический и моральный износ производственной, в том числе и энергетической, инфраструктуры ввиду отсутствия инвестиций и других источников финансовых средств для ее модернизации. После распада Советского Союза были прекращены поставки частей оборудования, регулярная замена которых необходима для безопасного и эффективного функционирования предприятия.

Северная Корея сталкивается не только с необходимостью реконструкции многих предприятий, но и необходимостью введения и использования новых технологий, которые она сама не разрабатывает и не может приобрести¹³.

КНДР вынуждена в большей степени полагаться на собственные энергоресурсы и в меньшей степени — на их импорт. В первую очередь, это уголь, который добывается на территории Северной Кореи и даже экспортируется, в частности, в Китай. В структуре энергопотребления уголь является главным источником энергии, на его долю в 1990 г. приходилось 78 %. Снижение доли угля в 2009 г. до 56 % было компенсировано повышением доли древесины и биомассы для производства энергии (с 9 % в 1990 г. до 32 % в 2009 г.). Нефть и нефтепродукты полностью импортируются из Китая, России, Ближнего Востока (Иран, Ливия), а также их значительная часть покупается на спотовых рынках Гонконга и Сингапура¹⁴. Доля нефти и нефтепродуктов, а также гидроэнергии остается незначительной (диаграмма 1)¹⁵.

Динамика добычи угля, импорта нефти и производства электроэнергии показывает, что в 2010 г. добыча угля достигла 75 % от объема добычи в 1990 г., импорт нефти в 2010 г. составлял всего лишь 20 % от поставок в 1990 г., а производство электричества находилось на уровне 80 % от показателя 1990 г.¹⁶ В 2000-х годах КНДР была не в состоянии удовлетворить и половины своих потребностей в энергоресурсах¹⁷. Однако в последние годы, по некоторым оценкам, производство электроэнергии в 2013 г. выросло на 2,3 % по сравнению с 2012 г. (1,6 %)¹⁸.

Диаграмма 1. Структура энергетического баланса в КНДР, 1990—2009 гг., %
 Источник: David von Hippel and Peter Hayes. Foundations of energy security for the DPRK: 1990—2009 energy balances, engagement options, and future paths for energy and economic redevelopment. Attachments. — The Nautilus Institute for Security and Sustainability, September 13, 2012. P. 15.

Очевидная нехватка энергоресурсов, которую на сегодняшний день не может компенсировать ТЭК Северной Кореи, становится одной из причин резкого спада промышленного производства, фактической деиндустриализации экономики и затяжного экономического кризиса в стране. Решение энергетической проблемы становится главным приоритетом внутренней политики КНДР.

Энергетическая система Северной Кореи в силу в санкций и закрытого импортзамещающего характера экономики в настоящее время крайне неэффективна. В стране наблюдается острый недостаток энергии и базовых элементов инфраструктуры. Устаревшая энергетическая инфраструктура КНДР нуждается в значительном объеме инвестиционных капитальных вложений, но разрешение этой проблемы находится в тесной увязке с проблемами политического урегулирования корейской проблемы и обеспечения доверия

и безопасности на Корейском полуострове. Пока же увеличение поставок нефти зависит от состояния политических отношений с Китаем и странами СНГ. В частности, за 2014 г. был отмечен почти 100%-ный рост поставок электричества в КНДР из КНР¹⁹. По данным Radio Free Asia, Северная Корея ежегодно испытывает нехватку в производстве более чем 16 млн кВт·ч, вследствие чего она не способна удовлетворить даже 80 % своих потребностей²⁰. КНДР вырабатывает в среднем только 3,6 млн кВт·ч в год при потребности 20 млн (7 млн кВт для потребностей населения и 13 млн кВт для производственных нужд)²¹. По прогнозам института Наutilus, производство электроэнергии в Северной Кореи до 2020 г. будет находиться на уровне 14—15 млн кВт·ч²². КНДР — горная страна с большим количеством рек, расчетный гидроэнергетический потенциал которых составляет около 10 млн кВт. Однако использование гидроэнергетики рек осложняется неустойчивостью водного режима и необходимостью обеспечения рисовых полей водой. В связи с этим ведется поиск баланса между ГЭС и ТЭЦ. Специалисты считают, что для удовлетворения потребностей КНДР по современным стандартам энергообеспечения, действующим в РФ, требуется производить электроэнергии не менее 150 млн кВт·ч в год²³.

Возможности и перспективы решения проблемы энергетических дисбалансов экономик РК и КНДР в сотрудничестве с РФ

Определенный интерес в плане нахождения общих направлений взаимовыгодного сотрудничества двух корейских государств и в перспективе Объединенной Кореи может представить рассмотрение их взаимодополняемости по энергетической составляющей обмена энергоресурсами (табл. 2).

Как видно из табл. 2, если у КНДР основной упор сделан на использование в качестве источников энергии угля и энергии рек, то РК ориентируется в первую очередь на более прогрессивные источники: нефть (при сохранении все же и весомой доли угля), АЭС и СПГ. У каждого корейского государства есть свои конкурентные преимущества, которые можно эффективно развернуть в многостороннем международном экономическом сотрудничестве с учетом

Таблица 2. Энергетическая совместимость Северной и Южной Кореи (тыс. ТНЭ, %)

	Северная Корея				Южная Корея			
	2000	2001	2002	2003	2000	2001	2002	2003
Всего	15,687	16,230	15,64	16,079	192,887	198,409	208,636	215,067
Уголь	71,7	71,2	70,0	69,3	22,2	23,0	23,5	23,8
Нефть	7,1	7,7	8,0	7,6	52,1	50,7	49,1	47,6
ГЭС	16,2	16,3	17,0	18,2	0,7	0,5	0,6	0,8
АЭС	0,0	0,0	0,0	0,0	14,1	14,1	14,3	15,1
СПГ	0,0	0,0	0,0	0,0	9,8	10,5	11,1	11,2
Другие	5,0	4,8	5,0	4,9	1,1	1,2	1,4	1,5

Источник: National Statistical Office (URL: <http://www.kosis.kr>), Comparison of South and North Korean Socio-Economic Data, Seoul, 2004. P. 82–83.

проблем и приоритетов всех заинтересованных сторон, включая Россию. Она может предложить все виды энергоресурсов в комплексе (нефть, уголь, природный газ, СПГ, топливо для атомных реакторов, электроэнергия). С планируемым улучшением нефтегазовой инфраструктуры в РФ, а также началом активной разработки новых месторождений, инвестиции в российскую добывающую отрасль обладают огромным потенциалом.

О южнокорейском интересе к трехсторонним связям говорит то, что бизнес Южной Кореи намерен инвестировать в развитие электроэнергетики Приморья для увеличения поставок электричества обоим корейским государствам. Для Южной Кореи импорт российской нефти способствует географической диверсификации источников нефти, уменьшению транспортных затрат, ускорению и стабилизации поставок. Согласно дорожной карте по реализации поставок газа в Южную Корею по газопроводу, подписанной ОАО «Газпром» и Kogas, общая протяженность нового газопровода будет составлять 1100 км, из них 700 должны пройти по территории КНДР, а в целом данный газопровод станет частью газопровода «Сахалин—Хабаровск—Владивосток»²⁴. Предполагалась, что поставки начнутся с 2017 г., и объем ежегодных поставок будет равняться

12 млрд куб. м газа²⁵. Однако по разным причинам проект так и не перешел на стадию реализации.

Что касается КНДР, то в 1986 г. на объектах, построенных при содействии Советского Союза, производилось 65 % электроэнергии и 47 % продуктов нефтепереработки²⁶. Вопрос о реконструкции Пукчанской ТЭС, Пхеньянской, Чхончжинской и Восточно-Пхеньянской ТЭЦ²⁷ уже много лет обсуждается в рамках Межправительственной комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству. Возможно также российское участие в доразведке и освоении нефтегазового шельфа у восточного берега КНДР. По предварительным оценкам, там еще в 1970-х годах выявлены крупные запасы нефти и особенно газа. В 2011 г. ОАО «Газпром» и Министерство нефтяной промышленности КНДР подписали Меморандум о взаимопонимании.

Один из проектов трехстороннего сотрудничества, основываясь на идее экспорта электроэнергии с российского Дальнего Востока в Южную Корею через КНДР, имеет и многостороннее измерение. Проект NEAREST (North East Asian Region Electrical System Ties), или «Восточное энергетическое кольцо», должен объединить электросетями Россию, Китай, КНДР, Республику Корея, Японию и Монголию. Россию представляет ОАО «Интер РАО ЕЭС». Плановый объем передачи между Южной Кореей и Россией где-то 3 тыс. 500 МВт, минимальный — 500 МВт, и обойдется протягивание ЛЭП примерно в 1,2 млрд долл.²⁸ В 2008 г. Интер РАО ЕЭС подписало протокол с Министерством энергетики и угольной промышленности КНДР, в котором корейская сторона выразила свое намерение предоставить земельные участки под строительство линий электропередачи в обмен на поставки электроэнергии²⁹.

Выводы

Сохраняющиеся дисбалансы энергетических комплексов РК и КНДР и в какой-то степени России (в первую очередь ее Дальнего Востока и Сибири) определяют хорошие ориентиры и впечатляющие перспективы многостороннего энергетического сотрудничества в регионе СВА. Роль России на Корейском полуострове существен-

но зависит от реализации сотрудничества в области энергетики, в том числе материально-технического обеспечения производственных систем. Это требует институционального сотрудничества между соответствующими странами на условиях взаимодополняемости.

Россия предложила и добилась принятия Севером и Югом Кореи новаторской концепции трехстороннего сотрудничества. Энергетическое сотрудничество между Россией, РК и КНДР могло бы не только повысить энергоэффективность южнокорейской экономики, помочь Северной Корее решить остро стоящие экономические проблемы, но и ускорить развитие энергетики в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке России, реально продвинуть ее в процессах региональной интеграции в АТР.

Примечания

¹ *Стеклов М.М.* Проблемы развития топливно-энергетического комплекса Южной Кореи. М.: Навона, 2009.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Country analysis. South Korea. [Electronic resource] // U.S. Energy Information Administration — Mode of access: URL: <http://www.eia.gov/countries/cab.cfm?fips=KS>

⁷ Стеклов М.М. Указ. соч.

⁸ **동해가스전 추정매장량 및 생산량 규모는?** (Прогнозируемы объем запасов и добычи газового месторождения Донхэ?) // Korean Energy Economics Institute. Ноябрь 2011. Режим доступа: URL: http://www.keei.re.kr/main.nsf/index_mobile.html?open&p=%2Fweb_keei%2Ffaq01.nsf%2F0%2F342a201268f8c2ea49257547000650d4&s=%3FOpenDocument%26is_popup%3D1%26Click%3D

⁹ 2013 **에너지통계연보** (Ежегодный сборник энергетической статистики 2013 год) [Электронный ресурс] // Korean Energy Economics Institute. Режим доступа: URL: http://www.keei.re.kr/main.nsf/index_en.html

¹⁰ Там же.

¹¹ David Von Hippel and Peter Hayes. The DPRK Energy Sector: Current Status and Future Engagement Options [Electronic resource] // NAPSNet Special Reports—

Mode of access: URL: <http://vps.stanleyfoundation.org/initiatives/eenk/papers/Von%20Hippel%20and%20Hayes.pdf>

¹² Understanding North Korea 2012 [Electronic resource] // Ministry of Education — Mode of access: URL: http://eng.unikorea.go.kr/index.do?menuCd=DOM_000000204001002000

¹³ David Von Hippel and Peter Hayes. Foundations of energy security for the DPRK: 1990—2009 energy balances, engagement options, and future paths for energy and economic redevelopment .Attachments. [Electronic resource] // NAPSNet Special Reports — Mode of access: URL: <http://nautilus.org/wp-content/uploads/2012/12/ATTACHMENTS-1990-2009-DPRK-ENERGY-BALANCES-ENGAGEMENT-OPTIONS-UPDATED-2012.pdf>. P. 49.

¹⁴ David Von Hippel and Peter Hayes. Foundations of energy security for the DPRK...

¹⁵ Приложение. Диаграмма № 1.

¹⁶ David Von Hippel and Peter Hayes. Foundations of energy security for the DPRK... P. 15.

¹⁷ Understanding North Korea 2012 [Electronic resource] // Ministry of Education — Mode of access: URL: http://Radio Free Asia,eng.unikorea.go.kr/index.do?menuCd=DOM_000000204001002000

¹⁸ Ibid.

¹⁹ **북한 에너지 부족 실체와 남북한 에너지 협력 가능성. 양희석, 녀지경제연구원**

²⁰ North Korea Seeking Electricity Supply from China Radio Free Asia. 21.10.2013.

²¹ Ibid.

²² «КНДР и проблемы безопасности в Северо-Восточной Азии». РИСИ и Морской государственный университет им. Адмирала Г.И. Невельского. Сборник материалов семинара. 4—5 апреля 2011. Владивосток. С. 37.

²³ Там же. С. 38.

²⁴ «Газпром» и Kogas подписали дорожную карту по реализации проекта поставок газа в Корею по газопроводу. 15.09.2011 [Электронный ресурс] // Новости «Газпрома». Режим доступа: URL: <http://www.gazprom.ru/press/news/2011/september/article119203/>

²⁵ *Савинская Л.* Корейский газопровод. О' those russians: и когда они придумают что-нибудь новое? / Журнал «Нефтегазовая вертикаль». #2/2012 [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: <http://www.ngv.ru/upload/iblock/5f6/5f616e54aecedf69afb2c2c80e439ed86.pdf>

²⁶ *Иргебаев А.Т., Тимонин А.А.* КНДР. Справочник. М.: Политиздат, 1988. С. 19.

²⁷ Толорая Г.Д. Северная Корея: новые возможности сотрудничества? / Журнал «Проблемы Дальнего Востока». Ноябрь 2000 г. [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: http://world.lib.ru/k/kim_o_i/a9621.shtml

²⁸ «Россию и Корею можно соединить электросетями». 14.01.2009 [Электронный ресурс] // Engineering Procurement Construction Management.— Режим доступа: URL: http://www.epcm.ru/interview/interview_74.html?nid=74

²⁹ Россия и Южная Корея обсудят условия поставок электроэнергии на саммите АТЭС-2012. 23.06.2012 [Электронный ресурс] // «Ведомости». Режим доступа: URL: http://www.vedomosti.ru/politics/news/2089672/yuzhnaya_koreya_na_samnite_ates2012_obsudit_usloviya

В.Г. Самсонова

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В РК И КНДР

Согласно данным ООН в 1968 г. население двух стран Корейского полуострова составляло около 43,5 млн человек: из них примерно 13 млн проживали в КНДР, 30,5 млн — в РК¹. За примерно пять десятилетий население двух стран увеличилось и составило 24 млн 851 тыс. человек в КНДР и 50 млн 220 тыс. человек в РК². В дальнейшем прогнозируется, что численность населения РК будет постоянно снижаться после достижения своего пика в 2030 г. на уровне 52 млн 160 тыс. человек³. КНДР же по сравнению с РК еще имеет в запасе пять лет до достижения пика численности, который наступит в 2035 г. и достигнет величины 25 млн 300 тыс. человек, а затем будет снижаться⁴.

В обоих государствах в период с 1960 по 2014 г. произошли резкие демографические перемены. В начале этого периода обе страны характеризовались высокими показателями рождаемости и смертности, невысокой продолжительностью жизни, многодетными, патриархальными семьями, заметным преобладанием сельского населения над городским.

Анализируя такой показатель, как коэффициент суммарной рождаемости (число детей на одну женщину)⁵, необходимо отметить, что в 1966 г. в РК он превышал 5,4, тогда как в 2014 г. снизился до

1,25. Сегодня страна по этому показателю занимает 220-е место среди 224 стран мира⁶ и не обеспечивает даже простого воспроизводства населения, минимальным для которого в промышленно развитых странах является коэффициент 2,06—2,09⁷.

В КНДР же коэффициент суммарной рождаемости в период с 1960 по 1965 г. составлял 3,41, а в 2014 г. снизился до 1,98⁸. Согласно Фонду ООН в области народонаселения снижение данного показателя было обусловлено в первую очередь увеличением использования контрацептивов (коэффициент использования контрацептивов⁹ в КНДР в 2010 г. составил 63) и возраста вступления в брак¹⁰. Причем в отличие от РК снижение данного коэффициента было не столь резким, так как начальные значения в КНДР были ниже, и в период с 1960 по 2014 г. в Северной Корее отмечено снижение показателя в 1,7 раза, а в РК — в 4,5 раза (табл. 1).

Таблица 1. Показатель суммарной рождаемости в РК и КНДР в период с 1960 по 2014 г.

Страна	1960—1965 гг.	1970—1975 гг.	1980—1985 гг.	1985—1990 гг.	1990—1995 гг.	1995—2000 гг.	2000—2005 гг.	2014 г. ¹¹
Южная Корея	5,63	4,28	2,23	1,60	1,70	1,51	1,22	1,25
КНДР	3,41	3,72	2,93	2,45	2,40	2,20	2,05	1,98

Источник: World population prospects 2010. www.esa.un.org

Согласно последней опубликованной переписи населения КНДР, количество детей, рожденных в стране в 2007 г. составило 345 тыс. 630 человек, из них мальчиков 176 тыс. 399, а девочек 169 тыс. 231. Причем основной возрастной группой среди рожениц являются женщины в возрасте от 25 до 29 лет (табл. 2).

Не менее значительные изменения, обусловившие демографическое развитие двух стран, произошли в показателях смертности населения. Коэффициент смертности в 1950—1955 гг. в РК был равен 32,0 промилле¹² и более чем в 2 раза превышал данный показатель в КНДР (14,8). Всего за 5 лет он снижается в РК более чем в 2 раза, составляя в 1960 г. 14,9 промилле. В 2008 г. коэффициент смертности находится на низком уровне и составляет примерно 5,73 промилле. Несмотря на то что КНДР не может похвастаться столь резким сни-

Таблица 2. Количество детей, рожденных в КНДР в 2007 г.

Возрастные группы	Количество женщин	Количество новорожденных		
		Всего	Мальчики	Девочки
Всего, в том числе	6 439 615	345 630	176 399	169 231
15—19	979 034	633	330	303
20—24	885 409	52 214	26 657	25 557
25—29	848 55	178 032	90 850	87 182
30—34	826 639	90 973	46 224	44 749
35—39	1 096 273	20 275	10 505	9770
40—44	1 010 206	3202	1673	1529
45—49	793 399	301	160	141

Источник: D P R Korea 2008 Population Census. National Report Central Bureau of Statistics Pyongyang, DPR Korea, 2009. P. 77.

жением показателя смертности, все-таки за весь изучаемый период данный показатель имел снижающуюся динамику: с 14,8 до 7,29 в 2008 г.¹³ По данным переписи населения КНДР, в 2007 г. в стране умерло 216 тыс. 616 человек, из них 112 тыс. 827 мужчин, 103 тыс. 789 женщин (табл. 3). В 2012 г., по данным ВОЗ, в стране умерло 228 тыс. человек, причем 79 % — по причине неинфекционных болезней. Самой распространенной причиной смерти стали сердечно-сосудистые заболевания (36 %), рак (17 %), болезни дыхательной системы (13 %)¹⁴.

Таблица 3. Показатели смертности в КНДР в 2007 г.¹⁵

Всего	По стране		Городское население			Сельское население		
	Мужчины	Женщины	Всего	Мужчины	Женщины	Всего	Мужчины	Женщины
216 616	112 827	103 789	119 805	62 395	57 410	96 811	50 432	46 379

Источник: D P R Korea 2008 Population Census. National Report Central Bureau of Statistics Pyongyang, DPR Korea, 2009. P. 92.

Отмечается, что многие проблемы, связанные с высоким уровнем смертности, особенно среди новорожденных и матерей, связаны с непростым экономическим положением в КНДР. По данным сотрудников ООН, работающих в Пхеньяне, за последние 12 месяцев 2013 г. гуманитарная ситуация в КНДР «несколько улучшилась». Тем не менее страна по-прежнему нуждается в международной помощи, в том числе в поставках продовольствия для наиболее уязвимых слоев населения. Однако сложившаяся ситуация с продовольствием в КНДР обусловлена не только внутренними причинами, но и внешними. В частности, отмечается, что на экономическую ситуацию в КНДР оказывают влияние дополнительные санкции, введенные Советом Безопасности ООН после осуществленного в этой стране в 2012 г. запуска спутника и проведенного в феврале 2013 г. подземного ядерного испытания¹⁶.

Что касается средней продолжительности жизни, то она выросла значительно. Если в 1950—1960 годах она составляла у южнокорейских мужчин 46 лет, а у женщин 49 лет, то в 2012 г. — 77,9 лет и 84,6 года соответственно¹⁷. В Северной Корее продолжительность жизни в 2013 г. составила 69,9 лет: у мужчин — 66,3 лет, у женщин — 73,3 года. В обоих государствах наблюдается рост продолжительности жизни, причем показатель роста у женщин, как на Севере, так и на Юге, превышает данный показатель у мужчин¹⁸.

В настоящее время старение населения является серьезным вызовом для современного южнокорейского общества. Прогнозируется, что к 2050 г. доля пожилых людей в РК в возрасте 65 лет и старше приблизится к 40 %, в то время как в 2013 г. данный показатель был равен 12,2 %, а медианный возраст увеличится с нынешних 40,2 до 52,6 лет, т. е. более чем на 12 лет¹⁹.

В КНДР ситуация со старением населения обстоит лучше, пока она не относится к категории стран со стареющим населением, однако необходимо отметить, что в будущем Северная Корея также столкнется с проблемой старения населения по причине снижения показателя рождаемости и увеличения продолжительности жизни. Динамика роста престарелого населения пока достаточно медленная: например, с 2008 по 2014 г. доля северокорейского населения старше 65 лет увеличилась на 0,8 %: с 8,7 % (2 096 648 человек) до

9,5 % (пороговым значением для включения страны в категорию стареющего населения является 10 %). То есть можно отметить, что демографическим преимуществом КНДР перед РК является ее относительно более молодое население. Медианный возраст северных корейцев составляет 33,4 года, а к 2030 г. он подрастет до 38 лет, что практически в 1,5 раза будет меньше, чем показатель в РК (рис. 1)²⁰.

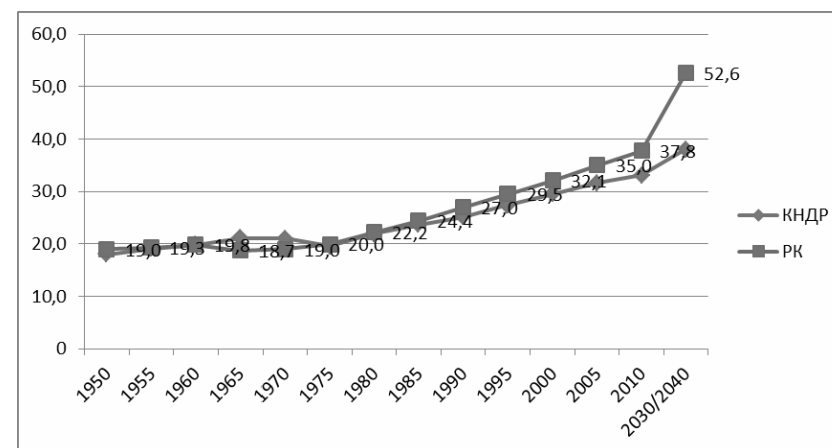

Рис. 1. Медианный возраст в РК и КНДР

Источник: Korea's population: 50 million. 2012. URL: www.kostat.go.kr, URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/rankorder/2127rank.html>; URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2011/0473/analit02.php>; URL: <http://esa.un.org/unpd/wpp/Excel-Data/population.htm>

Одним из ключевых факторов, определяющих, когда женщина начинает рожать детей, является, как правило, возраст вступления в первый брак или внебрачный союз. Северокорейские граждане, как и южнокорейские, достаточно поздно вступают в брак: резкий рост числа замужних и женатых лиц наблюдается с 25 лет среди женщин и с 30 лет среди мужчин²¹. В 2008 г. в браке состояло 12 млн 027 тыс. человек, разведенных было 77 441, вдовствующих — 1 млн 598 тыс., холостых — 9 млн 430 тыс. человек. Причем количество разведенных женщин превышает показатель у мужчин

в 4 раза и составляет 62 090 человек (количество разведенных мужчин 15 351 человек).

В отличие от РК, где растет количество домохозяйств, состоящих из одного человека и нуклеарных семей, в КНДР в 2008 г. преобладала доля домохозяйств, состоящих из четырех человек (35,79 %), тогда как домохозяйства, состоящие из одного человека, составили всего 1,68 %²².

Государственная демографическая политика

Начиная с 1960-х годов правительство РК проводило жесткую политику, направленную на поощрение малодетной семьи. Целью программы было сокращение размера семьи и продвижение широкомасштабного использования контрацепции. Сначала программа была рассчитана на снижение показателя суммарной рождаемости женщин в сельских местностях. В деревню были командированы гинекологи, которые информировали население о мерах контроля за рождаемостью, проводили добровольные хирургические операции необратимого прекращения репродуктивной функции у мужчин и женщин²³. Затем программа была расширена и нацелена также на бедные слои и рабочих, проживающих в городах. Период с 1980 по 1985 г. считается постпереходным этапом, охарактеризовавшимся низким уровнем фертильности. До конца 1980-х годов государство продолжало проводить сдерживающую политику в области рождаемости, и только в начале 90-х годов началось сворачивание данной программы, которая окончательно была завершена в 2003 г.²⁴ Через несколько лет программы правительства уже были нацелены на увеличение рождаемости и подготовку страны к вхождению в фазу старения населения. В 2005 г. правительством был принят «основополагающий Закон о низком уровне фертильности и стареющем обществе» и создан Президентский комитет, занимающийся вопросами низкого уровня фертильности и стареющего общества. Также были разработаны «Первый Основополагающий план по старению общества и населению 2006—2010 гг.» и «Второй Основополагающий план по старению общества и населению 2011—2015 гг.»²⁵.

При этом, несмотря на значительные финансовые затраты на внедрение данных планов, они не оказали существенного влияния на показатели рождаемости и старения населения. Отмечается, что в основном планы носили точечный характер, а глубинные проблемы общества остались неохваченными. Например, ситуация с прекращением карьеры многих женщин в связи с браком, рождением и воспитанием ребенка не изменилась. 43,1 % замужних неработающих женщин были вынуждены уйти с работы по этим причинам²⁶. Отрицательное влияние также оказывает и сравнительно короткий срок декретного отпуска для южнокорейских женщин. Согласно южнокорейскому трудовому законодательству все работающие женщины имеют право на 90-дневный отпуск по беременности и родам, с сохранением заработной платы, которая в течение первых 60 дней оплачивается работодателем и в течение оставшихся 30 дней — государством. Если женщина проработала в компании более 10 лет, то ей прибавляется 30 дней дополнительно²⁷.

Что касается государственной демографической политики в КНДР, то необходимо отметить существенные пробелы в северо-корейской статистике и закрытость информации по данному вопросу. В настоящий момент преодолеть эту проблему можно лишь частично, прибегая к тем данным, которые представлены в трудах российских корееведов (в основном, эти работы охватывают период с 1948 г. вплоть до 1991 г.) и различными организациями, в том числе Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ), Всемирной продовольственной программой (ВПП), Международным комитетом Красного Креста, Фондом ООН в области народонаселения и официальной информацией, опубликованной северо-корейскими СМИ.

В отличие от РК правительство КНДР в 1950—1970-х годах не проводило жесткой политики по ограничению и сокращению рождаемости. Во многом это можно объяснить разными стартовыми показателями в коэффициентах рождаемости в РК = 5,4 и КНДР = 3,41, а также в коэффициенте естественного прироста населения, значение которого в 50-х гг. на юге значительно превышало северо-корейский показатель (рис. 2).

Также свое негативное влияние на демографическую ситуацию обеих стран оказала Корейская война 1950—1953 гг. В частности,

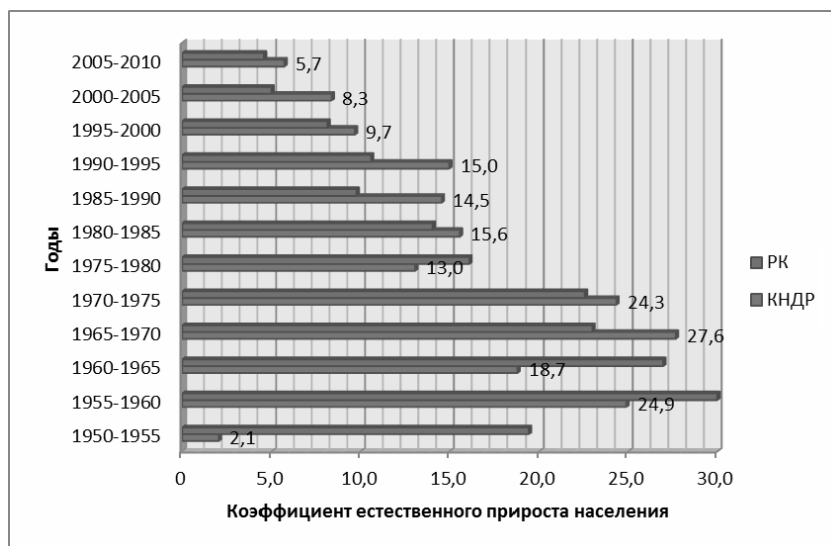

Рис. 2. Коэффициент естественного прироста населения²⁸ в КНДР и РК с 1950 по 2010 г.

Источник: URL: <http://esa.un.org/unpd/wpp/Excel-Data/population.htm>. World Population Prospects: The 2012 Revision. File POP/3: Rate of natural increase by major area, region and country, 1950—2100 (per 1,000 population).

только на Севере численность населения сократилась более чем на 1 млн человек: если в довоенном 1949 г. оно было равно 9 млн 622 тыс., то в 1953 г. — только 8 млн 491 тыс. человек. Причем отмечается, что сокращение произошло прежде всего за счет наиболее трудоспособных возрастных групп: от 18 до 40 лет²⁹. В этот период в стране наблюдалась нехватка трудовых кадров. Как отмечает российский кореевед С.Г. Нам в своей работе «Образование и наука в КНДР в условиях научно-технической революции», «трудности, связанные с сокращением численности населения в целом, создавали напряженность в обеспечении предприятий и сельскохозяйственных кооперативов рабочей силой; ликвидация этого положения требовала довольно продолжительного времени. Такая напряженность, а также нехватка квалифицированных рабочих и специали-

стов, наиболее остро ощущавшиеся в 50—60-е годы, продолжали сохраняться и в начале 70-х годов...»³⁰. Таким образом, есть все основания предполагать, что в 1950—1970-е годы северокорейское правительство наоборот поощряло рождаемость и стремилось обеспечить матерям необходимые условия для воспитания детей, медицинскую помощь и образование.

Существенная работа была проведена в области медицинского обслуживания. В частности, согласно Конституции КНДР граждане имеют право на получение бесплатной медицинской помощи, о введении которой было объявлено в 1953 г.³¹ Кроме того, законодательную базу здравоохранения в КНДР составляют Закон об охране и воспитании детей (1976) и Закон о народном здравоохранении (1980)³².

В 1954—1964 гг. число лечебных учреждений выросло в 3,5 раза, а врачей — в 6,7 раза. Если в 1946 г. на каждые 10 тыс. населения приходилось примерно по 1 врачу, то в 1964 г. — 19, а в 1967 г. — 26,3 врача. Серьезное внимание уделялось охране здоровья детей. В 1966 г. имелось свыше 23 тыс. различных детских учреждений, где за счет государства воспитывались более 877 тыс. детей³³.

В стране уделялось большое внимание подготовке медицинских работников, значительную помощь в этом процессе оказал Советский Союз³⁴. В настоящий момент, несмотря на экономические трудности, КНДР для изучения зарубежного опыта направляет своих специалистов на стажировки. В частности, с 2001 г. проводятся стажировки под эгидой Северокорейско-немецкой медицинской ассоциации, которые частично финансировались за счет южнокорейской стороны при посредничестве Корейского фонда международного здравоохранения, однако шесть лет назад проект был приостановлен. В этом году Министерство по делам воссоединения РК сообщило о решении возобновить финансирование и выделить на реализацию проекта 83 тыс. долл.³⁵

Об определенных успехах в сфере здравоохранения в КНДР заявила генеральный директор Всемирной организации здравоохранения Маргарет Чен во время своего визита в апреле 2010 г. Она признала такие достижения правительства в области общественного здравоохранения, как хороший охват иммунизацией, эффективное

проведение мероприятий по охране здоровья матерей, новорожденных и детей, отличный охват ДОТС (Directly Observed Treatment Strategy — ускоренный курс амбулаторной терапии) при туберкулезе и успешное снижение заболеваемости малярией³⁶.

Что касается женщин, то, согласно ст. 59. Социалистического трудового законодательства Корейской Народно-Демократической Республики, опубликованного в 1978 г., государство уделяет особое внимание охране труда работающих женщин. Женщины не допускаются к тяжелым и вредным для здоровья работам; трудящиеся женщины, имеющие грудных детей или беременные, — к труду в ночное время³⁷. Что касается декретного отпуска для северокорейских женщин, то он также краткосрочен, как и для южнокорейских, и составил: до родов — 35 и после родов — 42 дня³⁸.

Несмотря на многочисленные негативные оценки экономического развития КНДР на современном этапе, прогнозы экономического коллапса страны в ближайшей перспективе, информацию о массовых смертях по причине голода (которую, руководство Всемирной продовольственной программы, кстати, не подтвердило)³⁹, объективные трудности, которые были признаны самим северокорейским правительством, Северной Корее удалось сохранить некоторые меры социальной защиты для своего населения, например в 2000-х годах сохраняются следующие меры: бесплатное медобслуживание, образование, включая обеспечение завтраками в школах, содержание детей в яслях и детских садах. Выплачиваются пособия семьям, имеющим трех и более детей. Эти социальные завоевания остаются незыблемыми⁴⁰.

Позитивным моментом в демографической политике страны является совместная деятельность правительства КНДР с иностранными организациями в данном вопросе. В частности, в январе 2015 г. исполнилось 30 лет, как КНДР присоединилась к Фонду ООН в области народонаселения. По данному случаю северокорейским представителем было отмечено, что страна продолжит совместную работу с этим фондом в целях регулирования населения, его регистрации, в вопросах репродуктивного здоровья нации. Каждый год 11 июля во Всемирный день народонаселения правительство совместно с Фондом проводит семинары для населения, направленные на

увеличение грамотности, информирования населения и улучшение репродуктивного здоровья. Совместно с Фондом правительство также провело исследование репродуктивного здоровья в 2012 г., оценку скорой акушерской и неонатальной помощи в 2013 г. и исследование демографии и здоровья в 2014 г.⁴¹

В заключение необходимо отметить, что и РК и КНДР с начала основания обоих государств претерпели существенные изменения в демографической сфере. Республика Корея в отличие от КНДР осуществила достаточно резкий переход от молодого к взрослому, а теперь и к пожилому типу населения. И в целом она оказалась не готова к происходящим демографическим изменениям. Совокупность негативных тенденций в демографии, вкупе с происходящими изменениями института семьи в РК, характеризующимися снижением статуса семьи, растущим нежеланием вступать в брак и т. д., оказывают свое отрицательное воздействие практически на все сферы жизнедеятельности. В КНДР же пока еще сохраняется достаточный показатель фертильности, необходимый для воспроизводства страны, медианный возраст северного корейца гораздо меньше, чем у южнокорейского гражданина, и страна пока не перешла к пожилому типу населения.

В свою очередь, отметим взаимодополняемость демографии двух корейских государств, которая может принести определенную выгоду обеим странам. Для КНДР использование ее рабочей силы может стать дополнительным финансовым источником, а также возможностью обучения своих специалистов и изучения зарубежного опыта ведения бизнеса для дальнейшего его использования на благо страны. Для РК расширение сотрудничества в трудовой сфере — это возможность решить проблему дефицита в рабочей силе, которую она вынуждена в настоящее время импортировать. Более того, в РК остро стоит вопрос ценовой конкурентоспособности южнокорейских корпораций и снижения себестоимости продукции, который можно решить за счет переноса производств в КНДР, обладающую значительными трудовыми резервами, характеризующимися не только молодым возрастом, но и, как отмечалось южнокорейскими бизнес-кругами, высокой квалификацией, дисциплинированностью и быстрой обучаемостью⁴².

Примечания

¹ Современная Корея / Казакевич И.С., Мхитарян С.А., Сеницын Б.В., Шабшина Ф.И., Шипаев В.И. М., 1971. С. 27; URL: <http://esa.un.org/unpd/wpp/Excel-Data/population.htm>. United Nations. Population division. World Population Prospects: The 2012 Revision.

² URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/rankorder/2127rank.html>

³ URL: <http://kostat.go.kr>

⁴ URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2011/0473/analit02.php>

⁵ Так называемый коэффициент фертильности.

⁶ URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/rankorder/2127rank.html>

⁷ URL: http://ruxpert.ru/%C4%E5%EC%EE%E3%F0%E0%F4%E8%FF_%D0%E8%F1%F1%E8%E8

⁸ Demographic Changes in North Korea: 1993—2008. Thomas Spoorenberg, Daniel Schwekendiek // *Population and Development Review* 38(1): 133—158 (MAR 2012). P. 142.

⁹ Коэффициент использования контрацептивов — это процент женщин репродуктивного возраста, которые применяют (или чьи партнеры применяют) какую-либо форму контрацепции за указанное время. Обычно эта информация сообщается по женщинам в возрасте 15—49 лет, состоящим в брачном или партнерском союзе.

¹⁰ URL: <http://www.unfpa.org/news/unfpa-helps-plan-and-monitor-successful-dprk-census#sthash.CNUYQlq9.dpuf>

¹¹ URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/rankorder/2127rank.html>.

¹² От лат. pro mille — за тысячу.

¹³ World Population Prospects N.Y., 2000. Vol. 1. P. 602. URL: www.the-world-fact-book.com

¹⁴ World Health Organization — Noncommunicable Diseases (NCD) Country Profiles, 2014. URL: www.who.int/nmh/countries/prk.en.pdf

¹⁵ DPR Korea 2008 Population Census. National Report Central Bureau of Statistics Pyongyang, DPR Korea, 2009. P. 92.

¹⁶ URL: <http://tass.ru/obschestvo/582988>

¹⁷ URL: www.kostat.go.kr/press_releases/population

¹⁸ World Population Policies Report. P. 237.

URL: <http://www.un.org/en/development/desa/population/publications/policy/world-population-policies-2013.shtml>

¹⁹ Ministry of Health and Welfare of ROK // The Current state of low fertility and aging population in Korea. P. 6. URL: http://english.mw.go.kr/front_eng/al/sal0201vw.jsp?PAR_MENU_ID=1002&MENU_ID=100206&page=1&CONT_SEQ=284482; www.kostat.go.kr // Social indicators in 2013.

²⁰ URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2011/0473/analit02.php>

²¹ DPR Korea 2008 Population Census. National Report Central Bureau of Statistics Pyongyang, DPR Korea, 2009. P. 33.

²² Ibid. P. 230.

²³ URL: http://world.kbs.co.kr/russian/program/program_kpanorama_detail.htm?No=10036887

²⁴ URL: <http://www.demographic-research.org/volumes/vol30/53/30-53.pdf>

²⁵ URL: http://english.mw.go.kr/front_eng/al/sal0201vw.jsp?PAR_MENU_ID=1002&MENU_ID=100206&page=1&CONT_SEQ=284482

²⁶ URL: http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_Dm_detail.htm?lang=r&id=Dm&No=34794&current_page=20

²⁷ URL: <http://www.koreaherald.com/view.php?ud=20140530001487>

²⁸ Коэффициент естественного прироста населения (на 1 тыс. человек) рассчитывается по формуле: $K = \frac{a-b}{c} \cdot 1000$, где K — коэффициент естественного прироста населения; a — число родившихся; b — число умерших; c — среднегодовая численность населения.

²⁹ Нам С.Г. Образование и наука КНДР в условиях научно-технической революции. М., 1975. С. 12.

³⁰ Там же. С. 15.

³¹ Суслина С.С. Проблемы социальной защиты населения в единой Корее // Политические, экономические и культурные аспекты объединения Кореи. Материалы научной конференции. Москва, 10—11 декабря 1996 г. С. 137.

³² URL: <http://korealife.do.am/publ/18-1-0-8>

³³ Современная Корея / И.С. Казакевич, С.А. Мхитарян, Б.В. Сеницын, Ф.И. Шабшина, В.И. Шипаев, М., 1971. С. 286.

³⁴ Внешнеэкономические связи КНДР. В поисках выхода из тупика. М., 1993. С. 95.

³⁵ URL: http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_IK_detail.htm?lang=r&id=IK&No=37650&current_page=5

³⁶ URL: http://www.who.int/mediacentre/news/releases/2010/drpk_20100430/ru/

³⁷ Социалистическое трудовое законодательство Корейской Народно-Демократической Республики. Корея, Пхеньян. 1978 г. С. 23.

³⁸ Там же. С. 26.

³⁹ URL: <http://vestnik.kr/interview/817.html>

⁴⁰ Деловая КНДР, том III. Экономика и связи с Россией в 2002—03 гг. М., 2004. С. 11.

⁴¹ DPRK Pays Deep Attention to Population and Reproductive Health. 19.01.15. URL: <http://www.naenara.com.kp/en/society/?health+10+1>.

⁴² *Захарова Л.В.* Межкорейские экономические отношения: от истоков до современности. М.: ИДВ РАН, 2014. С. 126.

Л.В. Забровская

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ГЕНДЕРНОЙ ПОЛИТИКИ КНДР И РК

Конфуцианские традиции продолжают доминировать во многих странах Восточной Азии. Согласно конфуцианским традициям роль женщины в общественной жизни остается низкой, не отвечающей тому уровню образования, которое она получила. Как правило, женщины не могут занимать ведущие позиции в политике и экономике, им не позволяется оказывать заметное влияние в различных сферах жизни социума. Согласно конфуцианскому правилу, «женщина должна подчиняться отцу до замужества, мужу — после замужества, сыну — будучи вдовой».

Это правило соблюдалось столетиями, и власти стран Восточной Азии принимали его как должное. Однако в последние два-три десятилетия наметились существенные изменения в гендерной политике правительств восточноазиатских стран. В то же время подвижки в традиционных нормах поведения в восточноазиатских социумах менее заметны, но также имеются. В данном случае наблюдается противоречие между конфуцианскими традициями и экономической целесообразностью: последнее перевешивает.

С одной стороны, власти современных восточноазиатских стран (Северная и Южная Корея, Китай, Тайвань, Вьетнам, Япония) заявляют о предоставлении равных прав и возможностей для мужчин и

женщин, но в то же время слишком мало женщин занимают руководящие должности и влияют на принятие политических решений. Это объясняется еще и тем феноменом, что социумы со строгими конфуцианскими традициями оказывают сильное давление, сохраняя жесткие нравы, не позволяющие женщинам занимать действительно равное с мужчинами общественное положение.

Цель статьи — выявить общие и специфичные тенденции в гендерной политике двух корейских государств, а также определить, в какой степени новые социальные тенденции позволят консолидировать корейскую нацию и сделать ее более конкурентоспособной в современной глобальной экономике. Источником явились личные наблюдения, беседы, а также публикации из корейских газет.

Гендерная политика властей КНДР

КНДР и РК — две части прежней феодальной Кореи, где конфуцианские традиции веками отводились важная общественная роль. Традиционно роль и положение женщин в корейском феодальном обществе оставались ничтожно низкими. Многие старые традиции продолжают бытовать в современном корейском обществе. Так, южнокорейский муж обычно называет жену не по имени, а «домашний человек», что подчеркивает ее ограниченную роль в жизни семьи.

В КНДР гендерную политику определяют главным образом власти. На заре становления северокорейского государства руководство страны официально провозгласило равноправие между мужчинами и женщинами. В настоящее время положение женщин и их общественная роль в КНДР во многом отличаются от их положения в Республике Корея. Вследствие того, что экономическое положение КНДР остается сложным, северокорейские власти стараются вовлечь как можно больше женщин в экономическую активность, особенно в производственный процесс. В 2000-е годы только пожилым женщинам позволялось работать в киосках или торговать на сельскохозяйственных рынках. Более того, северокорейские власти ввели негласное правило, обязывающее всех женщин, не достигших 40 лет, работать на государственных предприятиях. Согласно северокорейским законам, женщины получили и некоторые социальные

привилегии — специальный отпуск до и после рождения ребенка, право на сокращенный рабочий день, если у них малые дети, право на пенсию при небольшом стаже и др.

В КНДР достаточно детских садов, яслей, чтобы матери могли продолжить работу. Многие северокорейские женщины награждены правительственными медалями и орденами за самоотверженный труд, им также присвоены почетные титулы. Они могут служить в армии наравне с мужчинами.

Символом некоторых изменений взглядов нового северокорейского руководства на роль женщин в общественной жизни страны стало более заметное присутствие в медийном пространстве супруги и сестры молодого руководителя Ким Чен Ына, которые хотя и не занимают высоких руководящих постов, но задают тон в проведении определенной гендерной политики.

Все эти меры способствуют некоторому повышению социального статуса женщин, но при этом не позволяют им занимать лидирующие позиции в политике или экономике, становиться членами партии, служить на генеральских должностях. Все это указывает на сохраняющийся значительный уровень сдерживания продвижения женщин на более высокие позиции.

Традиции гендерной политики в РК

Южнокорейское общество остается конфуцианским по характеру гендерных отношений, что определяет сохранение фактически неравноправного положения женщин. В отличие от КНДР гендерную политику определяют не только и не столько власти, сколько старшее поколение южнокорейцев. Конфуцианские обычаи остаются достаточно крепкими.

Тем не менее южнокорейские власти давно озабочены тем, что доля работающих женщин в общем числе занятых ничтожно мала и составила в 1996 г. всего 12,1 %¹. Разумеется, этот показатель не отражал число самозанятых и работающих на семейных фермах или фирмах женщин, которые, как правило, не получали фиксированную заработную плату, а потому не делали социальные взносы в об-

шественные фонды и в дальнейшем не могли рассчитывать на получение пенсии по старости.

Только с середины 1990-х годов южнокорейские власти начали делать первые шаги в решении гендерных вопросов. В конституции страны зафиксировано положение о равноправии мужчин и женщин. Были приняты законы о том, что плата за одинаковый труд должна быть одинаковой. Стали развиваться пенсионная система и система медицинского страхования². Кроме того, южнокорейские власти внесли изменения в избирательную систему, введя специальную квоту для женщин-кандидатов на муниципальных и других местных выборах.

Одновременно с РК подобные изменения в гендерной политике проходили и в других странах с конфуцианскими традициями и экономика которых была на подъеме и испытывала недостаток квалифицированных кадров. Так, в Китае, Вьетнаме, Тайване власти были вынуждены расширить социальные льготы для молодых матерей в целях широкого привлечения к экономической активности женщин-специалистов. В частности, стала приветствоваться неполная занятость, неполный рабочий день, что делалось одновременно с расширением сети детских дошкольных учреждений.

Тем не менее в 1990-е годы новая социальная политика южнокорейских властей не привела к кардинальному улучшению положения женщин в обществе. Так, по оценке зарубежных исследователей, в РК женщины получали 62,6 % от заработка мужчин, в Японии — 67 %, в США — 81 %, Великобритании — 82,6 %³.

Относительно высокую оплату за одинаковый труд и получение пенсий по старости имели только те южнокорейки, которые трудились на госпредприятиях и госслужбе. Остальной сектор экономики сохранял по этому вопросу консервативный подход. В результате сохранялось и консервировалось разделение рабочих мест и специальностей на сугубо женские и мужские. Так, женщины, как правило, могли трудиться в ресторанах, отелях, больницах и школах, а мужчины — на производстве, в науке, политике, служить в армии и других сферах деятельности.

Как правило, большинство пожилых южнокорейок на вопрос о пенсии с гордостью отвечают: «У меня пенсии нет, но есть муж/

сын». Другими словами, они рассчитывают на доброту своих близких, которые, по их мнению, будут поступать согласно конфуцианским традициям и содержать их. Именно пожилые свекрови являются главными приверженцами сохранения патриархальных устоев в корейских семьях.

В идеале и согласно конфуцианским традициям женщина могла пользоваться уважением близких, когда выходила замуж и у нее рождались сыновья. Отсюда стремление молодых кореянок родить и воспитать сына, который будет совершать конфуцианские обряды на могилах предков, а также содержать пожилых родителей в старости.

В настоящее время во многих случаях так и происходит. Хорошо образованные и работающие южнокорейки, выйдя замуж в 30-летнем возрасте, бросают работу и посвящают себя семье. По подсчетам экономистов (2014 г.), отказ молодых женщин от участия в рабочем процессе сразу после замужества ежегодно приводит к потере 128 трлн вон, или 14,2 % ВВП Республики Корея⁴.

Гендерная политика президента Пак Кын Хе

В связи с таким положением дел администрация первой южнокорейской женщины-президента Пак Кын Хе начала реализовывать программу по поддержке работающих женщин, у которых есть несовершеннолетние дети. Было образовано Министерство семьи и гендерного равноправия. Государственный исследовательский институт по делам женщин постоянно проводит мониторинг по вопросам гендерного равноправия и дает рекомендации правительству. Задача южнокорейских властей состоит в том, чтобы вернуть замужних женщин на рабочие места.

В этих целях правительство Республики Корея выделило 4,6 трлн вон для помощи работающим матерям, желающим продолжить свою карьеру. В результате власти ожидают, что более 70 % молодых матерей смогут вернуться на работу. Кроме того, оба родителя получили равные права оставить работу для ухода за ребенком, что делает систему ухода за новорожденными привлекательной для обоих супругов. Правительство выделило средства на строительство 150 государственных центров по присмотру за детьми, создается го-

сударственная служба медицинских работников, присматривающих за младенцами⁵.

На корейском телевидении стали популярными программы, посвященные тому, как отцы семейств проводят свободное время со своими детьми и участвуют в их воспитании. Такие меры призваны способствовать превращению Республики Корея в современную страну.

В итоге подобных мер уже получены некоторые положительные результаты: увеличилось число женщин — преподавателей, врачей, юристов, депутатов парламента, чиновников в центральных органах власти. 47 женщин-депутатов заседают в парламенте РК, состоящем из 300 членов⁶, что, однако, значительно меньше, чем в соседней Японии.

С 1990-х годов на территории третьих стран проводятся неофициальные контакты между женщинами — учеными Севера и Юга. В частности, такие встречи проходили в китайском Яньбяньском автономном округе и Токио⁷. Учитывая неуклонное стремление корейского народа к объединению нации, обмен мнениями на таком уровне очень важен.

Присутствие женщин в управлении крупных компаний по-прежнему незначительно. В данном случае действует принцип «стеклянного потолка» для женщин-руководителей. Только 7,8 % руководящих мест в южнокорейском бизнесе занимают женщины, в Японии — 10 %, тогда как в США — 42,5 %⁸.

В то же время многие дочери и внуки глав корейских чеболей продолжают работать после замужества, занимая позиции руководителей компаний, как правило, в сфере финансов, косметики и индустрии высокой моды⁹. Возможно, в дальнейшем их пример станет важным фактором для подражания. Другие кореянки также будут стремиться основать свои компании.

Доминирование мужчин в корейской культуре и политике наиболее полно проявляется в провинции. Поэтому на региональном уровне начала внедряться практика квотирования мест для женщин-кандидатов: до 30 % мест в органах власти.

Следующим показателем изменения общественного статуса южнокорейских женщин является получение ими права служить в воо-

оруженных силах и полиции страны на офицерских должностях. В 1990-х годах южнокорейские власти всячески противились этому. В тот период женщины могли служить как рядовой состав или как невоеннообязанные в медицинских подразделениях. В 2014 г. южнокорейские власти разрешили службу женщин в артиллерийских и военно-воздушных подразделениях. Женщинам-военнослужащим были предоставлены дополнительные льготы по уходу за детьми¹⁰.

Южнокорейская Военная академия начала обучать женщин и присваивать им офицерские звания. Правительство планировало к 2015 г. увеличить до 7 % численность женщин-офицеров в вооруженных силах страны.

Как видно, администрация президента Пак Кын Хе заняла твердую позицию по повышению роли женщин в общественной жизни и широком привлечении их на рабочие места в экономике страны. Нынешняя гендерная политика находит отклик у молодого поколения южнокорейцев, особенно тех, кто бывал за границей и будущее своих детей связывает с международным образовательным обменом.

Как следует из южнокорейской практики, женщинам легче сделать карьеру и реализовать себя как личность, если они происходят из известных и богатых семей, где более либеральный подход к роли женщины в семье и обществе, где члены семьи долго жили или часто бывают в Европе и США. Это наблюдение относится как к современной действительности КНДР, так и РК.

Следует также отметить, что гендерная политика корейских государств коррелируется с другими азиатскими странами. В последние 40 лет в Южной и Юго-Восточной Азии сложились аналогичные взгляды властей и общества в целом о роли женщины. Многие женщины, принадлежащие к местным элитам, становились министрами, премьер-министрами и президентами. В то же время в целом в этих странах обычные женщины находятся в угнетенном положении и подвергаются сверхэксплуатации. Возвышение одних автоматически не приводит к повышению статуса и уровня жизни других. В данном случае все происходит согласно принципу «Дамы впереди, а женщины в конце» (Ladies first, but women last).

При всем этом кардинальные изменения в экономике азиатских стран вынуждают все больше женщин продолжать работу после за-

мужества. Это позволяет им быть финансово независимыми и дает дополнительный импульс развитию экономики, а также сократить число приглашенных иностранных рабочих.

Заключение

Таким образом, современный процесс повышения социального статуса женщин на Севере и Юге Кореи имеет много общих черт и идет фактически по одному сценарию: тон задают женщины, принадлежащие к местным элитам. Под давлением экономических факторов власти двух корейских государств принимают схожие меры по вовлечению замужних женщин в производственный процесс, открывают новые возможности в ранее закрытых для них сферах, например в армии на офицерских должностях.

Подобные меры дают положительный импульс экономического развития и в конечном итоге способны привести к гармонизации общества и повышению конкурентоспособности экономики в глобальном мире. При этом сами кореянки понимают, что «без усилий самих женщин нельзя достичь равноправия полов»¹¹. В настоящее время в РК активно действуют различные женские общества, проводятся научные конференции, ведутся социологические опросы о положении женщин в обществе, на основе которых делаются рекомендации властям.

Примечания

¹ *Shim Young-Hee*. Changing Status of Women in Korean Society // Korea Focus. 2006. Vol. 14. No. 2. P. 73.

² *Lee Kye Woo*. Evolution of Women's Employment and Gender Discrimination in Korea // Korea Focus. 2005. Vol. 13. No. 5. P. 136—148.

³ *Mayumi Murayama* (ed.). Gender and Development: the Japanese Experience in Comparative Perspective. New York: Palgrave Macmillan, 2005. P. 118.

⁴ *Cho Chun-un*. Work and Life Balance Tall Order for Korean working Moms // Korea Herald, 2014. Feb. 3. P. 4.

⁵ *Kim Da-ye*. Bonus for Husbands taking Parental Leave // Korea Times, 2014. Feb. 5. P. 2.

⁶ Korea Herald, 2014. March 12. P. 14.

⁷ *Kim Young-Sun*. The Historical Trajectory of Academic Exchange between North and South Korean Women and Its Tasks // Women and History, Seoul. December 2013. Vol. 19. P. 329.

⁸ *Mayumi Murayama*. Op. cit. P. 118.

⁹ *Lee Ji-yoon*. Chaebol Daughters Build Luxury Empires of Their Own // Korea Herald, 2014. January 8. P. 10.

¹⁰ Korea Herald, 2014. March 21. P. 3.

¹¹ *Shim Young-Hee*. Op. cit. P. 92.

Л.В. Захарова

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ СТАБИЛЬНОСТИ КНДР

Введение

Через 70 лет после освобождения Кореи на полуострове продолжают существовать два независимых государства. Целью каждого из них провозглашается достижение объединения страны. Однако выработать совместный вариант дорожной карты того, как это будет достигнуто, двум корейским государствам пока не удается. При этом в РК в последнее время вновь разрабатываются планы обустройства единой Кореи в случае реализации сценария поглощения Севера Югом. Во многом это связано с очередным всплеском интереса к теориям о периоде нестабильности северокорейского режима, который начался после смерти Ким Чен Ира в конце 2011 г. По данным опроса Института международных отношений Ильмин (РК), на вопрос о том, сколько лет продержится режим Ким Чен Ына, в 2014 г. более 55 % опрошенных южнокорейских экспертов ответило: «Менее 10 лет»¹. Это же мнение, по всей видимости, распространено и в среде нынешнего руководства РК.

Одним из аргументов сторонников идеи скорого коллапса нынешней системы власти в КНДР является «ужасная экономическая

ситуация» в стране². Однако в южнокорейских (и многих западных) источниках не часто можно встретить объективный анализ того, как развивается экономика КНДР в настоящее время и насколько катастрофична ситуация в исторической ретроспективе. Чаще всего приводят сравнение уровня экономического развития Северной Кореи с Южной, показывая, насколько РК опережает КНДР. По южнокорейским оценкам, разница за 2013 г. составляет 42,6 раз по объему ВВП и 20,8 раз по размеру ВВП на душу населения³. Из этого иногда делается вывод о том, что при определенных обстоятельствах граждане Северной Кореи могут свергнуть нынешний режим, чтобы объединиться с РК и жить так же хорошо, как живут корейцы на Юге⁴.

В данной работе предпринята попытка провести анализ текущей экономической ситуации в КНДР и сделать выводы о том, насколько экономические факторы могут вызвать нестабильность режима Ким Чен Ына в среднесрочной перспективе. Исследование базируется на материалах из открытых источников, а также наблюдениях очевидцев, регулярно бывающих в КНДР.

20 лет в ожидании краха северокорейского режима

Предыдущий бум интереса к теориям о коллапсе северокорейского режима пришелся на середину 1990-х годов, после того как в 1994 г. умер лидер страны Ким Ир Сен. К тому моменту КНДР уже находилась в непростых экономических условиях, вызванных потерей традиционных экономических партнеров в виде СССР и ряда других социалистических стран. Система сотрудничества с ними обеспечивала для Пхеньяна поставки сырья по льготным ценам и на выгодных условиях, а также рынок сбыта для северокорейских товаров. Переход на расчеты в твердой валюте с оставшимися партнерами усложнил для КНДР условия ведения хозяйственной деятельности, приведя к серьезному сокращению внутреннего производства. По имеющимся оценкам, сокращение выпуска промышленной продукции в Северной Корее в 1999 г. составило около 50 % к уровню 1994 г.⁵ Падение производственных возможностей страны привело к сокращению внешнеторгового оборота. По южнокорейским данным, в 1990 г. он составлял почти 4,2 млрд долл., но уже в 1998 г. его

объем достиг исторического минимума в 1,4 млрд долл. Более того, в 1995—1997 гг. страну постигли стихийные бедствия, следствием которых стало резкое снижение объема собранного урожая, в свою очередь породившего голод среди населения. Государственная система распределения дала сбой и не смогла обеспечить приемлемый уровень потребления, предоставив гражданам искать собственные пути для выживания.

На фоне подобного развития ситуации в Южной Корее и западных странах стали все громче говорить о неминуемом крахе северокорейского режима. Однако тогда этого не произошло, и КНДР удалось пережить период «трудного похода» и постепенно выйти из тяжелейшего экономического кризиса на траекторию роста. В сложных экономических условиях, когда плановая экономика КНДР не смогла удовлетворить потребности населения, в стране стал параллельно развиваться теневой рыночный сектор.

В 2002 г. руководство Северной Кореи пошло на принятие экономических мер, фактически означавших официальное признание уже существовавших элементов рыночных отношений. В результате были официально разрешены крестьянские рынки, частично либерализованы цены и зарплаты, расширена самостоятельность предприятий. Несмотря на то, что через два-три года на рынок началось наступление «сверху», по сути в КНДР продолжили существовать параллельно две экономики — официальная плановая и теневая рыночная. Другим важным аспектом развития экономики КНДР в этот период стало расширение внешнеэкономических связей как по каналам торговли, так и за счет создания специальных экономических зон, в которые были привлечены иностранные инвестиции. В результате 2000-е годы ознаменовались постепенным ростом внутреннего производства и потребления, а также активизацией внешнеэкономической деятельности Северной Кореи. По оценкам Банка Кореи (РК), объем ВВП КНДР увеличился с 19 трлн южнокорейских вон в 2000 г. до 30 трлн южнокорейских вон в 2010 г.⁶, а внешний товарооборот КНДР вырос более чем в 2 раза — с 1,97 млрд долл. до 4,17 млрд долл. (не включая межкорейскую торговлю).

В 2011 г., когда умер Ким Чен Ир, передавший власть своему сыну Ким Чен Ыну, эксперты вновь начали оценивать потенциа-

ные возможности смены режима в КНДР. В пользу грядущей нестабильности пытались приводить аргументы о молодости нового руководителя и слишком быстром процессе передачи власти (в отличие от длительного периода утверждения во власти его отца). Тем не менее, по мнению авторитетных российских и китайских специалистов, процесс передачи власти в КНДР прошел достаточно гладко и успешно⁷. Всего за четыре месяца Ким Чен Ын занял руководящие посты в государстве, партии и армии без видимого сопротивления этому со стороны основных группировок северокорейской правящей элиты. Этому же мнению придерживались и эксперты International Crisis Group⁸, которые в своем докладе 2012 г. отмечали, что при новом лидере КНДР стабильна, признаков оппозиции нет. При этом главным долгосрочным вызовом режиму была названа слабая экономика. В докладе подчеркивалось, что ожидать реформ в КНДР в ближайшее время не приходится, поскольку они могут потребовать отказа от уже выстроенной системы. Прежде всего, имелось в виду, что меры по либерализации будут противоречить принципам плановой экономики, которые поддерживали Ким Ир Сен и Ким Чен Ир.

Северокорейская экономика при Ким Чен Ыне: преемственность и нововведения

Ким Чен Ын сохранил верность линии на строительство «экономически мощной державы», заложенной его отцом, призывая достигнуть радикального роста производства и улучшения качества жизни народа. Для достижения этих целей в экономической жизни КНДР стали происходить некоторые изменения, хотя и в рамках существующей системы. В 2012 г. руководство Северной Кореи приняло меры по повышению роли кабинета министров в области управления экономикой, для чего в его ведение был передан ряд экономических функций, ранее принадлежавших военным структурам или партийным органам. В апреле 2013 г. на пост премьер-министра КНДР был назначен Пак Пон Чжу, который уже занимал эту должность в 2003—2007 гг. и считается сторонником реформ. В официальных сообщениях подчеркивалось, что «страна прилагает уси-

лия по улучшению методов экономического управления параллельно с укреплением социалистической экономической системы»⁹.

После прихода к власти Ким Чен Ына в КНДР стали внедряться новые элементы управления экономикой, призванные повысить ее эффективность. Во второй половине 2012 г. в многочисленных южнокорейских и западных источниках появилась информация о «мерах от 28 июня», названных так в честь директивы Ким Чен Ына в адрес ЦК ТПК под названием «Об установлении новой системы экономического управления нашего образца» от 28 июня 2012 г.¹⁰ По сообщениям газеты «Чосон Синбо» от 10 мая 2013 г., «некоторые заводы, предприятия и колхозы стали осуществлять независимое и творческое управление в качестве пилотной программы под руководством Кабинета министров». В промышленном секторе новые меры позволили предприятиям, помимо выполнения плана, «заключать производственные контракты с различными клиентами по своему усмотрению», т. е. получить большую автономию.

По информации в южнокорейских СМИ, некоторые конкурентные предприятия Северной Кореи получили возможность составлять свои собственные производственные планы. При этом ответственность за обеспечение предприятий сырьем, топливом и оборудованием, а также выплату зарплаты ложилась на их собственные плечи. Однако это не давало гражданам права открывать свои собственные предприятия, государственная собственность на средства производства и порядок назначения руководителей заводов со стороны ТПК сохранялись. Также предприятия обязаны отдавать государству определенную часть своей прибыли¹¹, т. е. фактически платить налог в бюджет. О том, что эта система работает и что рабочие на подобных предприятиях могут получать существенно более высокую зарплату появилась информация в западных¹², японских¹³ и южнокорейских СМИ¹⁴.

В сельском хозяйстве, согласно новой системе управления, предусмотрен частичный переход на более мелкие производственные звенья (по 4—6 человек), т. е. фактически на семейный подряд. Земля, выделяемая им для обработки, сохраняется в юрисдикции колхозов, однако новые производственные единицы должны отдавать государству только 70 % от планового объема сбора урожая, а 30 % и

сверхплановый объем — могут оставлять себе и продавать государству или на коммерческом рынке. Изначально эта практика была введена в «тестовых» районах¹⁵, а потом стала распространяться и на другие регионы¹⁶. В перспективе, по сообщениям из некоторых источников, планируется увеличить процент собранного урожая, который крестьяне смогут оставлять себе. Вероятно, руководство КНДР делает расчет на то, что получаемые дополнительные средства крестьяне будут вкладывать в дальнейшее повышение производства. В перспективе, помимо материального стимулирования и улучшения уровня жизни сельского населения, подобные меры со стороны государства, если их реализация будет осуществлена последовательно, могут способствовать модернизации сельского хозяйства страны.

В то же время, по некоторым сообщениям, северокорейские власти ослабили контроль за коммерческими рынками, фактически перейдя к стимулированию их работы. Рост объема урожая и большая стабильность в работе рынков привела к некоторой стабилизации цен на них. В качестве мер прямой поддержки населения со стороны государства и способа контроля цен на продовольствие в 2013 и 2014 гг. несколько раз осуществлялась выдача продовольствия в рамках государственной распределительной системы¹⁷. При этом, по данным Всемирной продовольственной программы (ВПП), в 2013 г. государству удалось немного увеличить норму выдачи продовольствия населению¹⁸. И это на фоне существенного сокращения объемов гуманитарной помощи, получаемой КНДР от международного сообщества.

Об определенной эффективности мер, предпринимаемых государством для стимулирования сельскохозяйственного производства, говорит имеющаяся статистика по сбору урожая в Северной Корее. По оценкам Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН и ВПП, объем собранного урожая в КНДР за 2012—2013 сельскохозяйственный год составил 5,27 млн т, что обозначило рост на 4,7 % по сравнению с 5,03 млн т за предыдущий период. В 2013—2014 сельскохозяйственном году объем собранного урожая увеличился до 5,93 млн т (включая рис-сырец, зерновые, сою и зерновой эквивалент картофеля). Дефицит продовольствия на тот период ме-

ждународные организации оценили в 340 тыс. т, причем 300 тыс. т из них было покрыто за счет импорта¹⁹.

Таким образом, если в 1995 г. сбор зерновых в Северной Корее составлял около 3,5 млн т, в середине 2000-х годов — 4 млн т, то в 2014 г. по оценкам Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН, он составил 5,94 млн т²⁰, приблизившись к уровню конца 1980-х годов (около 6 млн т). По мнению экспертов, при сохранении позитивной динамики в течение 3—4 лет КНДР может выйти на уровень самообеспеченности по зерновым²¹.

Существенный рост производства был достигнут и в рыболовной отрасли. В частности, по заявлениям официальных лиц КНДР, в 2014 г. план по вылову рыбы и морепродуктов был перевыполнен на 340 %. Этот результат во многом был достигнут благодаря применению стимулирующих мер, схожих с принятыми в сельскохозяйственном секторе²².

В целом можно говорить о линии руководства КНДР на расширение самостоятельности хозяйственных субъектов, поощрение частной инициативы и рыночной активности граждан для повышения производительности и уровня жизни населения, но под контролем государства и в рамках существующей системы отношений собственности.

По наблюдениям очевидцев, часто посещающих КНДР, за последние годы уровень жизни в Пхеньяне существенно повысился, фактически идет первоначальное накопление капитала. Строятся новые здания, растет количество импортных автомобилей и такси на дорогах, открываются новые магазины и рестораны. В магазинах нет дефицита товаров, а жители хорошо одеты. Налицо рост покупательной способности населения²³. По сообщениям китайского ИА «Синьхуа», в крупных магазинах в основном продаются китайские товары, однако в последние годы растет и количество продукции местного производства²⁴. Количество северокорейских пользователей мобильных телефонов в 2014 г. увеличилось до 2,4 млн человек. Конечно, можно сказать, что это касается только столицы, а уровень жизни в провинциях остается на прежнем уровне. Однако и в отдельных регионах КНДР, по свидетельствам очевидцев, наблюдается улучшение ситуации²⁵.

Внешнеэкономическая политика КНДР

При новом руководстве сохранилась политика Северной Кореи по расширению внешнеэкономических связей и привлечению в страну иностранных инвестиций. Под контроль кабинета министров перешло управление активами (отелями, ресторанами и т. п.) и компаниями, приносящими КНДР иностранную валюту. Вместо контролируемой военными международной инвестиционной группы «Тэпхун», созданной в 2010 г., главным органом по привлечению иностранных инвестиций стала контролируемая кабинетом министров Комиссия по совместным предприятиям и инвестициям. В 2013 г. значительная часть ее функций перешла к сформированной Комиссии государственного экономического развития. А в 2014 г. оба этих органа вошли в состав Министерства внешнеэкономических связей, сформированного на базе бывшего Министерства внешней торговли КНДР²⁶. Таким образом, КНДР пытается сконцентрировать ресурсы и возможности в области внешней торговли и инвестиций для того, чтобы более эффективно выполнять поставленные перед ней задачи во внешнеэкономической области.

В мае 2013 г. в КНДР был принят Закон о зонах экономического развития²⁷, в которых Северная Корея обещает инвесторам преференциальные условия для ведения бизнеса (в области аренды земли, найма рабочей силы, льготного налогообложения и т. п.), особенно в сферах строительства инфраструктуры, современных технологий и производства товаров, конкурентных на мировом рынке. В ноябре 2013 г. в дополнение к уже существующим четырем СЭЗ в стране было объявлено о выделении еще 13 территорий в восьми провинциях для ускоренного развития с участием иностранных инвесторов. В частности, планируется развитие экономических зон в Чхонджине, Амнокане, Манпхо и Хесане, промышленных зон в Хыннаме, Хёндоне и Вивоне, туристических зон на о. Онсон и в Синпхене, экспортных производственных зон в Сонриме и Ваудо, сельскохозяйственных зон в Оране и Пукчхоне²⁸. В 2014 г. КНДР объявила о создании еще шести зон экономического развития в некоторых районах Пхеньяна, пров. Южная Хванхе, г. Нампхо, провинциях Северная и Южная Пхенан²⁹. И хотя пока что усилия северокорейских властей

не привели к масштабному притоку в новые СЭЗ инвестиций из-за рубежа, курс на создание все более привлекательных условий для иностранного бизнеса остается неизменным. Главной задачей государства на данном этапе является обеспечить создаваемые СЭЗ базовой инфраструктурой, включая транспорт и электроэнергию.

Особое внимание при Ким Чен Ёне уделяется привлечению в страну иностранных туристов. В 2013 г. иностранцам разрешили пользоваться мобильными телефонами и доступом к Интернету на территории Северной Кореи. В КНДР создается новая туристическая инфраструктура, включая отели и развлекательные учреждения. В 2013 г. на юго-востоке страны был построен горнолыжный курорт Масик, маркетингом которого на международном уровне активно занимаются представители КНДР³⁰. В 2014 г. Пхеньян объявил о намерении развивать международную туристическую зону в районе Вонсан—Кымгансан.

Немного статистических данных

КНДР уже очень давно не публикует собственной экономической статистики. В связи с этим сложно давать точные оценки состояния и динамики развития северокорейской экономики. Тем не менее ряд южнокорейских учреждений регулярно обнародует свои оценочные данные по этой проблематике. В частности, Банк Кореи ежегодно публикует доклады под названием «Оценки ВВП Северной Кореи» (Gross Domestic Product Estimates for North Korea). Они содержат информацию по объему и темпам роста ВВП КНДР, его структуре и ежегодному приросту по отраслям. Поскольку это государственная организация РК, в ситуации напряженных межкорейских отношений ее оценки вряд ли могут отличаться оптимизмом. Кроме того, многие эксперты подчеркивают, что оценки Банка Кореи не охватывают роль рыночного сектора в экономике КНДР, что приводит к серьезной недооценке результатов экономического развития Северной Кореи. Но даже по оценкам Банка Кореи, в 2011—2013 гг. наблюдается поступательный рост объема ВВП КНДР: 0,8 % в 2011 г., 1,3 % в 2012 г. и 1,1 % — 2013 г.³¹ По другим подсчетам, в частности, специалистов Hyundai Research Institute (РК), объем но-

минального ВВП на душу населения в КНДР повысился с 770 долл. в 2011 г. до 815 в 2012 г. и до 854 долл. в 2013 г.³² Таким образом, по признанию ряда южнокорейских учреждений, валовый внутренний продукт КНДР в последние годы стабильно растет, что свидетельствует о постепенном развитии внутренней экономики.

Что касается внешней торговли, то, по оценкам КОТРА (РК), с 2011 по 2013 г. внешний товарооборот КНДР вырос на 16 % — с 6,32 млрд долл. до 7,34 млрд долл. (не включая межкорейскую торговлю). Причем объем экспорта увеличился с 2,79 млрд до 3,22 млрд долл. (на 15 %), а импорта — с 3,53 млрд до 4,13 млрд долл. (на 17 %). Главным торговым партнером остается Китай, на долю которого, по южнокорейским оценкам, в 2013 г. пришлось более 87 % внешнего товарооборота КНДР (без учета межкорейской торговли). При этом объем торговли с Китаем за первую половину 2014 г. сократился, во многом из-за снижения мировых цен на уголь и железную руду, которые являются главными статьями северокорейского экспорта в КНР. В стремлении диверсифицировать внешнеэкономические связи Пхеньян принимает меры по привлечению к сотрудничеству и других игроков. В частности, с Россией стоит цель увеличить объем двусторонней торговли к 2020 г. почти в 10 раз до 1 млрд долл. Мирные инициативы КНДР в отношении Южной Кореи и Японии призваны вернуть эти страны на путь торгово-экономического сотрудничества с Северной Кореей.

Заключение

В то же время, несмотря на все усилия властей и определенную позитивную динамику, у северокорейской экономики сохраняется целый ряд слабых мест, существенно влияющих на дальнейшие перспективы экономического развития.

Во-первых, это энергетическая проблема. В КНДР объявлен курс на экономное использование электроэнергии. В основе выработки электроэнергии в стране — ГЭС, но их функционирование сезонно. Своих энергоресурсов не хватает, поэтому ведутся стройки новых электростанций, стараются шире использовать солнечные батареи, внедряются небольшие ветроэнергетические установки местного

производства. Также ведутся переговоры с иностранцами о модернизации существующих и строительстве новых электростанций, а также поставках электроэнергии из-за рубежа (Китай, Россия).

Во-вторых, проблема устаревшей инфраструктуры. Для сокращения производственных издержек необходимо срочно заняться реконструкцией и строительством новых автомобильных и железных дорог, модернизацией энергораспределительной сети.

В-третьих, нехватка инвестиций и иностранной валюты (в том числе и для решения двух вышеописанных проблем). Несмотря на то, что в КНДР есть сферы, привлекательные для иностранных инвестиций, пока добиться значительного их притока не удастся. Все взаимодействие Северной Кореи с внешним миром ограничено введенными против нее экономическими и финансовыми санкциями, как международными, так и американскими.

В целом как внутри- так и внешнеэкономические мероприятия КНДР при нынешнем руководстве не говорят о каких-то радикальных переменах в политике страны или каких-то грядущих системных реформах. Несмотря на мнения некоторых экспертов о том, что Северная Корея вот-вот пойдет по китайскому или вьетнамскому пути реформ, учитывая разницу внутренних и внешних условий, можно говорить лишь об очень ограниченной применимости опыта этих стран в случае с КНДР. В отличие от Китая и Вьетнама, население которых в период начала реформ было на две трети аграрным, Северная Корея является индустриально-аграрным государством, где на сельское хозяйство приходится примерно 35 % занятых. Кроме того, для КНДР существенно ограничены внешние источники инвестиций и торговли, не говоря уже о напряженной военно-политической ситуации на полуострове.

В таких условиях наиболее вероятно, что Пхеньян будет искать свой собственный путь повышения эффективности экономики без ущерба для стабильности режима. Однако сделать это без системных реформ или крупного притока инвестиций извне будет крайне сложно. На ближайшую перспективу, учитывая меры по стимулированию частной инициативы, рыночной активности и стабилизацию рыночных цен в КНДР можно говорить о постепенном улучшении ситуации в северокорейской экономике. Постепенное улучшение

жизни части населения, включая элиту, вкупе с мощными механизмами социального контроля, будет способствовать поддержанию стабильности режима Ким Чен Ына в среднесрочной перспективе.

При этом, в условиях фактической внешнеэкономической изоляции и довольно ограниченных возможностях развития за счет торговли с Китаем, надо понимать, что экономический рост будет существенно ограничен и при определенных условиях может перейти в стагнацию. Однако, учитывая предыдущий опыт развития КНДР, представляется, что и в более долгосрочной перспективе экономические факторы вряд ли станут определяющими для сохранения и стабильности существующего режима.

Примечания

¹ Future of North Korea. Expert Survey Report. July 2014. Ilmin International Relations Institute. P. 4. URL: http://eng.iiri.or.kr/modules/board/bd_view.html?id=public_research02&no=16

² См., напр.: Bruce W. Bennett. Preparing for the Possibility of a North Korean Collapse. P. 26. URL: http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_reports/RR300/RR331/RAND_RR331.pdf

³ Gross Domestic Product Estimates for North Korea in 2013. News Release. The Bank of Korea. 2014-6-28. URL: <http://www.bok.or.kr/contents/total/eng/boardView.action?menuNaviId=634&boardBean.brdid=14033&boardBean.menuid=634>

⁴ Prospects for North Korean Economic Reform and Unification, a KEI Q&A with Andrei Lankov — Part 1. URL: <http://blog.keia.org/2012/06/prospects-for-north-korean-economic-reform-and-unification-a-kei-qa-with-andrei-lankov-partec/>

⁵ Тригубенко М.Е. Межкорейское сотрудничество: достижения и проблемы // Корус Форум. 09.2001. С. 81.

⁶ URL: http://kosis.kr/bukhan/statisticsList/statisticsList_01List.jsp?parentId=101_101BUKHANB01.1;101_101BUKHANB01_AA16.2;101_101BUKHANB01_AA16.3#SubCont

⁷ Такие мнения, в частности, были озвучены на трехсторонней конференции МГИМО-ИФАНС (РК) — КИМП (КНР) «Безопасность и сотрудничество в Восточной Азии», состоявшейся в МГИМО (У) МИД России в ноябре 2012 г.

⁸ North Korean Succession and the Risks of Instability. Asia Report № 230—25 July 2012. International Crisis Group. URL: <http://www.crisisgroup.org/~media/files/asia/north-east-asia/230-north-korean-succession-and-the-risks-of-instability.pdf>

- ⁹ ЦТАК. 10.16.2013.
- ¹⁰ Cabinet Acknowledges June 28th News. 2013.05.13. URL: <http://www.dailynk.com/english/read.php?cataId=nk09002&num=10565>
- ¹¹ Park Hyeong-jung. North Korea's 'New Economic Management System': Main Features and Problems. October 2013. URL: http://www.koreafocus.or.kr/design3/essays/view.asp?volume_id=146&content_id=105094&category=G
- ¹² AP EXCLUSIVE: NKorea relaxes controls on salaries but says move not signal of opening. URL: <http://www.winnipegfreepress.com/breakingnews/nkorea-gives-companies-latitude-to-set-salaries-but-says-move-not-signal-of-reform-and-opening-209030081.html>
- ¹³ North Korea Accelerating Economic Reforms?: Wage and Prices to be Self-Regulated. URL: http://ifes.kyungnam.ac.kr/eng/FRM/FRM_0101V.aspx?code=FRM131114_0001
- ¹⁴ 100x Textile Sector Wage Rises in 6th Month. URL: <http://www.dailynk.com/english/read.php?cataId=nk01500&num=11683>. Wages Rise 100x in Heavy Industry. URL: <http://www.dailynk.com/english/read.php?cataId=nk09002&num=11155>
- ¹⁵ 6.28 Policy Goes Live in 3 Yangkang Counties. 2012.07.20. URL: <http://www.dailynk.com/english/read.php?cataId=nk01500&num=9551>
- ¹⁶ DPRK Agricultural Policy: Chinese-Style Reform or Muddling Towards Autonomy? URL: <http://38north.org/2015/01/rireson012715/>
- ¹⁷ Lee Suk. North Korean Economy in the First Half of 2014. KDI Review of the North Korean Economy, July 2014, published by the Korea Development Institute. URL: http://www.koreafocus.or.kr/design3/essays/view.asp?volume_id=157&content_id=105560&category=G
- ¹⁸ Yonhap. NORTH KOREA NEWSLETTER NO. 274 (August 8, 2013).
- ¹⁹ Food and Agricultural Organization/World Food Programme, Crop and Food Security Assessment Mission to the Democratic People's Republic of Korea, November 28, 2013.
- ²⁰ Food and Agricultural Organization, The Democratic People's Republic of Korea Outlook for Food Supply and Demand in 2014/15 (November/October), 3 February 2015.
- ²¹ N. Korea may become self-sufficient in food in 3–4 years: FAO official // Yonhap. North Korea Newsletter 333 (Oct. 9, 2014).
- ²² North Korean fishing industry increases output. URL: <http://www.nknews.org/2015/02/north-korean-fishing-industry-increases-output/>
- ²³ Georgy Toloraya and Nadezhda Toloraya. As the economy grows, N. Korea grows more defiant. October 8th, 2014. URL: <http://www.nknews.org/2014/10/as-the-economy-grows-n-korea-grows-more-defiant/>

- ²⁴ URL: http://news.xinhuanet.com/english/2014-12/15/c_133856921.htm
- ²⁵ Exhausting Its Reserves? Sources of Finance for North Korea's «Improvement of People's Living». URL: <http://38north.org/2013/12/rfrank121213/>
- ²⁶ ЦТАК. 18.06.2014.
- ²⁷ ЦТАК. 05.06.2013.
- ²⁸ ЦТАК. 14.01.2015.
- ²⁹ ЦТАК. 23.07.2014.
- ³⁰ КНДР начала кампанию по привлечению иностранцев на горнолыжный курорт. 16.01.2015. URL: <http://www.rg.ru/2015/01/16/masik-site-anons.html>
- ³¹ Gross Domestic Product Estimates for North Korea in 2013. News Release. The Bank of Korea. 2014.6.28. URL: <http://www.bok.or.kr/contents/total/eng/boardView.action?menuNavId=634&boardBean.brdid=14033&boardBean.menuid=634>
- ³² Kim Cheon-ko. North Korea's Per Capita GDP and Comparison with South Korea. URL: http://www.koreafocus.or.kr/design3/essays/view.asp?volume_id=150&content_id=105316&category=G

А.Ф. Синякова

ИННОВАЦИОННАЯ РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ПРАВИТЕЛЬСТВА РК: ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ РОССИИ

Продуманная организация государственного управления стала для южнокорейского правительства ключом к успеху при решении широкого спектра проблем. Российская система государственного управления имеет много схожего со странами Северо-Восточной Азии, поэтому соответствующий опыт может стать весьма полезным. В комплексную стратегию социально-экономического развития страны до 2020 года, «Стратегию 2020», вошли, в том числе, предложения по реформе государственного управления¹.

Инновационная региональная политика является актуальным вопросом внутривластной повестки в контексте государственного управления как в южнокорейской политической ситуации, так и в российской. Она соответствует приоритетам сегодняшнего российского правительства и может быть оценена с позиции сравнительного анализа.

Вопросы региональной политики и преодоления регионального дисбаланса в Корее были подняты еще в 1980-е годы, когда был принят закон о реорганизации в столичном регионе с тем, чтобы избежать чрезмерной нагрузки на Сеул и близлежащие территории².

Инициативы 1980-х годов имели ограниченные результаты и подверглись значительной критике, в результате чего были пере-

смотрены в 1994 г. в пользу значительно меньших ограничений по активной индустриализации и модернизации Сеула и превращению его центр привлечения капитала и рабочей силы. Так, в 2003 г. в столичной провинции проживало 46 % всего населения РК, располагалось 55 % всех производственных компаний, 73 % научно-исследовательских институтов, 88 % офисов штаб-квартир крупнейших корпораций и 85 % правительственных учреждений, при том что площадь данной территории составляет 11,8 % территории страны³.

Стали очевидны многочисленные региональные проблемы: сильное различие в уровне жизни и экономического развития городских и сельских районов и дисбаланс в развитии агломераций и городов меньшего размера. В связи с этим в числе основных направлений президента Но Му Хена, пришедшего к власти в 2003 г., выделяется «децентрализация»⁴.

Реализация новой региональной политики отошла к ведению сформированной в 2003 г. Президентской комиссии по сбалансированному национальному развитию⁵. Новая региональная политика включала пять составляющих: инновационную политику, региональной сбалансированности, промышленную, территориальную и политику в отношении развития Сеула.

Инновационная политика основывалась на поддержке местных научно-исследовательских институтов для развития стратегически важных отраслей промышленности в наименее привлекательных для инвесторов регионах. Также она ставила своей целью ускорить координацию бизнеса исследовательских институтов.

Политика региональной сбалансированности поводилась в экономически менее развитых провинциях с небольшим населением, бюджетные инвестиции были направлены на активизацию использования местных ресурсов, в том числе рекреационных, т. е. развитие туризма, и создание специализированных зон, или кластеров, развития посредством привлечения частных инвесторов.

Промышленная политика также основывалась на кластерном развитии: создании новых инновационных кластеров в качестве новых центров роста и поддержке кластеров с привлечением частных инвесторов, в том числе Цифровая долина Самсунг (Samsung Digital Valley) в Сувоне, ЭлДжи-Филипс жидкокристаллический кластер в

Пхаджу, ПОСТЕХ — кластер Пхоханского университета науки и технологий⁶.

Территориальная политика была нацелена на создание нового административного города, куда в перспективе должен был бы перебраться ряд министерств и государственных учреждений.

Изначально предложенная политика по развитию Сеула и столичной провинции, которая заключалась в ограничениях на инвестиции и строительство, подвергалась неоднократной критике, так как, по оценке Корейского института развития (KDI), такие меры приводят не к росту инвестиций в другие регионы страны, а к оттоку инвестиций за рубеж. Вместо этого была предложена стратегия взаимной выгоды (win-win), нацеленная на сбалансированное развитие регионов и на рост производительности в столичном регионе.

Проводимые реформы основывались на принципах «нового государственного управления» (New Public Management), которое обусловило ключевые подходы к преобразованиям: оценка результатов, а не процессов, гибкий подход к управлению, расширение полномочий руководителей низшего звена, распространение ресурсосбережения, разделение хозяйственных и нехозяйственных функций⁷. С появлением системы «Открытое правительство» в региональной политике стали использоваться понятия «открытых данных» и «открытых отчетов».

Республика Корея оказалась одной из немногих стран, экономика которой оказалась достаточно стойкой на волне финансового кризиса 2008 г. Сейчас в условиях продолжительной глобальной рецессии стала очевидна необходимость более продуманной региональной политики, которая учитывала бы специфику каждой местности.

Правительство президента Но Му Хёна работало в основном по тому же принципу, что и текущее правительство России — в проектном ключе. За период президентского срока в РК в сфере регионального развития было запущено 34 специальных проекта. Из них 16 в сфере реализуемых на практике инноваций, 8 — в развитии кластеров, 7 — в развитии взаимодействия между регионами, 3 — в повышении образовательного потенциала⁸.

В 2010 г. президент Ли Мён Бак вносит изменения в сформированный в 2007 г. пятилетний комплексный план «Продвижение ре-

гиональных науки и технологий». Новой задачей становится бюджетное финансирование региональных программ науки и технологий в рамках Экономического плана развития 5+2⁹.

Принятый план охватывает четыре стратегические отрасли и восемь специализированных направлений нововведений в области региональной политики, которые впоследствии были практически все воплощены в жизнь. Наиболее актуальными для российской практики являются:

1) расширение поддержки НИОКР, которые способствовали бы территориальному экономическому росту и стали бы двигателем региональной экономики в будущем;

2) особая поддержка региональных НИОКР, которые соответствуют концепции ресурсосбережения и «зеленого» роста;

3) активная координация функций руководства на местах;

4) развитие местного человеческого капитала в секторе науки и технологий с целью удовлетворения спроса на рабочую силу у местного бизнеса;

5) расширение регионального сотрудничества среди промышленности, университетов и исследовательских центров;

6) рост международной конкурентоспособности через поддержку региональной и развитие территориальных кластеров;

7) поддержка внедрения и коммерциализации регионального малого и среднего бизнеса;

8) повышение эффективности использования исследовательских инфраструктурных объектов и информационных систем НИОКР¹⁰.

Кроме перечисленных мероприятий был представлен новый план развития исследовательских институтов, которые получают государственную поддержку и, в свою очередь, нацелены на устойчивое академическое развитие как части инновационной региональной политики.

Для того чтобы активизировать и расширить роль местных руководителей в принятии решений, с 2001 г. была запущена пилотная программа организации комитетов социального обеспечения. Программа оказалась успешной, и в 2003 г. существовавшие комитеты социального обеспечения были заменены муниципальными совета-

ми, которые позднее, с 2006 г., появились во всех населенных пунктах¹¹. К работе советов привлечены специалисты и эксперты в вопросах социального обеспечения, представители негосударственных организаций, вовлеченных в работу в конкретной отрасли, а также государственные служащие. Деятельность советов можно оценить с позиции активного вовлечения широких слоев граждан в процесс принятия решений. Кроме непосредственно обсуждения и принятия решений по муниципальным вопросам социального обеспечения, советы занимаются активной работой по созданию так называемого нового управления — системы взаимодействия частного и государственного секторов экономики для стимулирования развития своего региона.

Эта система строится на принципах нового государственного управления, которое представляет собой попытку воплотить в жизнь идеологию услуг и предоставления их гражданам как пользователям новых сервисов теперь уже со стороны местного руководства.

К числу достаточно успешных примеров реализации принципов региональной политики стал проект универсального образовательного центра на о. Чеджудо. С 2009 г. университет был преобразован в образовательный комплекс Чеджу, который нацелен не только на развитие инфраструктуры пров. Чеджудо, но и на интернационализацию образовательной сферы и в целом вовлечение региона в международные отношения и научно-инновационные процессы. Его девизом является: «Национальный университет Чеджу. Гордость Азии и мировой центр превосходства», т. е. университет претендует на статус глобального образовательного центра для всего азиатского региона.

Если говорить об итогах новой региональной политики предшественника президента Пак Кын Хе, Ли Мён Бака, то меры этой политики были во многом разнонаправленными, но в основном сводились к селективной поддержке инновационных конкурентоспособных предприятий, способных также придать устойчивый и продолжительный рост тому или иному региону и позволить ему интернационализироваться. Также в приоритете были предприятия среднего и малого бизнеса, которые были призваны поддерживать конкурентоспособность не только региона, но и страны в целом в

ряде ведущих отраслей постиндустриальной экономики, в рамках концепции «зеленого роста» в частности.

Если провести сравнительный анализ с системой региональной политики в России, то можно отметить, что в российской практике значительная часть проектов нацелена на бюджетную поддержку наименее развитых дотационных территорий. В частности, создано Министерство по развитию Дальнего Востока (Минвостокразвития), Министерство по делам Северного Кавказа¹². Формирование новых министерств совпало с упразднением Министерства регионального развития в связи с тем, что «значительная часть компетенции министерства регионального развития оказалась разверстана между новыми министерствами»¹³. Региональная политика в Республике Корея реализуется на несколько отличающихся от российской практики принципах: не игнорирует передовые провинции, а стимулирует развитие конкурентных преимуществ каждой из них.

К примеру, столичная пров. Кёнгидо, в которой проживает более 20 % населения и темп экономического роста которой составляет в среднем 8 % (выше, чем в среднем по стране), получает государственную поддержку с целью преобразования в крупнейший бизнес-хаб Северо-Восточной Азии¹⁴. Также учитывается наличие высокообразованных кадров, крупнейших центров исследований и разработок в стране и бизнес-ориентированность местных управленческих элит. Развитие этого направления региональной политики началось в первую очередь с повышения открытости управленческих процедур. Территориальная политика доказала свою эффективность: с середины 2000-х годов средний срок открытия индустриального комплекса в провинции сократился до 390 дней (от средней цифры по стране в 1080 дней). Вслед за развитием управленческой инфраструктуры в провинцию активно потянулись и частные иностранные капиталы; таким образом, цель государственной региональной политики в данном регионе была выполнена — было раскрыто международное конкурентное преимущество провинции.

Для российской практики может показаться неактуальным, что вопросы регионального развития в РК в 2000-х годах практически всецело концентрируются на развитии науки и технологий или улучшении инфраструктуры регионов, в то время как вопросы про-

мышленного развития, роста производства, повышения уровня жизни и вопросы социальной сферы игнорируются. Разница в подходе определяется разницей в экономическом развитии провинций Республики Корея в конце 1990-х годов и текущей экономической и социальной ситуацией в России. Соответственно, в Корее уже были достаточно хорошо проработаны базовые вопросы регионального развития, в то время как новыми вызовами стали вызовы постиндустриальной экономики. Помимо этого, в отличие от России, территориальная политика в Корее не ставит задачей наименее развитых регионов дотянуться до уровня передовых, а скорее нацелена на комплексное развитие страны с выявлением международных конкурентных преимуществ каждой провинции.

Новая региональная политика корейского правительства на протяжении 2000—2013-х гг. довольно успешно справлялась с вызовами наступившего времени: она смогла учесть потребности экономики знаний и первоочередной задачей ставила внедрение инноваций и рост конкурентоспособности провинций и предприятий малого и среднего бизнеса. Стоит признать эффективность мер проводимой политики: провинции РК действительно позиционируют себя конкурентоспособными участниками международной экономики, наиболее успешные примеры есть в сфере туризма и здравоохранения.

Важной особенностью региональной политики РК можно считать переход на качественно новый уровень решения проблем: правительство страны поставило своей задачей не столько борьбу с последствиями несбалансированного развития регионов, сколько ликвидацию причин существующего дисбаланса в развитии территорий. То есть инновационная региональная политика реализовывалась на принципе поддержки перспективных проектов, а не посредством прямого субсидирования наименее динамично развивающихся провинций.

Подходы к государственному управлению в Республике Корея и в Российской Федерации заметно различаются: концепция нового государственного управления распространяется на систему управления в Корее в целом, отражая системный и комплексный подход, начиная от правительства, заканчивая местными органами власти.

Одновременно в РК, в отличие от России, отсутствуют министерства по развитию отдельных регионов, несмотря на то что вопрос сбалансированного развития ряда территорий является очень острым.

Правительство президента Пак Кын Хе продолжает реализацию стратегии «Открытое правительство» посредством активного внедрения «Умного электронного правительства». Уже сейчас оно позволяет повысить эффективность и прозрачность административных институтов, активизировать роль граждан в принятии решения, по всей стране действует электронная система «Минвон 24», обеспечивающая доступ граждан ко всем государственным услугам¹⁵.

Стоит подчеркнуть, что региональная политика, рост международной конкурентоспособности не только на национальном, но и на региональном уровне, внедрение инноваций во все сферы корейского общества являются стратегическими целями уже третьего подряд правительства РК, что очевидно доказывает преемственность политического курса в данном направлении. В российской практике различные инициативы в сфере инновационных нововведений зачастую рассматриваются сами по себе как временное явление, а не как составная часть долгосрочного экономического или социального курса. Такой подход часто предопределяет низкую эффективность внедрения инноваций. Опыт административной деятельности Республики Корея в различных сферах общественной жизни уже используется в России, вероятными полезными могут стать и другие инициативы, доказавшие свою целесообразность.

Примечания

¹ Стратегия 2020. База документов. URL: <http://2020strategy.ru/documents>

² The Capital Region Rearrangement Planning Law of 1983 and The Capital Region Rearrangement Plan 1984. Yong-Sook Lee. Balanced Development in Globalizing Regional Development? Unpacking the New Regional Policy in South Korea // Globalizing Regional Development in East Asia, edited by Henry Wai-Chung Yeung. URL: https://books.google.ru/books?id=pR7dAAAAQBAJ&pg=PA105&dq=the+capital+region+rearrangement+plan&hl=ru&sa=X&ei=6W_sVLu3FOvnywPRkIHgBQ&ved=0CB0Q6AEwAA#v=onepage&q=the%20capital%20region%20rearrangement%20plan&f=false

³ Korea Herald, March 10, 2003.

⁴ The tenets of President Roh's participatory government are four-fold: principles and trust, fairness and transparency, dialogue and compromise, and the decentralization of power and autonomy (Korea Times, Feb 17, 2004).

⁵ The Presidential Committee on Balanced National Development URL: <http://balance.pa.go.kr/eng/html/history.htm>

⁶ The Capital Region Rearrangement Planning Law of 1983 and The Capital Region Rearrangement Plan 1984. Yong-Sook Lee. Balanced Development in Globalizing Regional Development? Unpacking the New Regional Policy in South Korea // Globalizing Regional Development in East Asia, edited by Henry Wai-Chung Yeung. URL: https://books.google.ru/books?id=pR7dAAAAQBAJ&pg=PA105&dq=the+capital+region+rearrangement+plan&hl=ru&sa=X&ei=6W_sVLu3FOvnywPRkIHgBQ&ved=0CB0Q6AEwAA#v=onepage&q=the%20capital%20region%20rearrangement%20plan&f=false

⁷ Мэннинг Н. Реформа государственного управления: международный опыт: пер. с англ. / the World Bank. М.: Весь Мир, 2003. С. 85.

⁸ Jae-Hong Jang, Regional (Sub-national) Innovation System and the Policy Practice, The Korean Case, National Workshop on «Sub-national Innovation System and Technology Capacity Building Policies to Enhance Competitiveness of SMEs», UNESCAP, Kathmandu, Nepal, 21—22 DEC. 2006. С. 13/ Официальный сайт Комиссии ООН по экономическому и социальному развитию Азии и Океании. Режим доступа: URL: http://www.unescap.org/tid/projects/sis_prog.pdf

⁹ Young joo Ko and HoChull Choe, Mini Country Report, South Korea, Under Specific Contract for the Integration of INNO Policy, December 2011, с. 6. Официальный сайт Европейской комиссии. Режим доступа: URL: http://ec.europa.eu/enterprise/policies/innovation/files/countryreports/korea_en.pdf

¹⁰ Там же.

¹¹ Sunhyuk Kim. Collaborative governance in South Korea: citizen participation in policy making and welfare service provision/Asian perspective, Vol. 34, No. 3, 2010. P. 166—171.

¹² Правительство России. URL: <http://government.ru/ministries/>

¹³ Президент России. URL: <http://kremlin.ru/news/46572>

¹⁴ Gyeonggi Province leads Korea to new frontiers/ Global Asia, 2009, № 296. С. 29.

¹⁵ Government of the Republic of Korea. URL: http://korea.go.kr/eng/sub/about_egov01_1.jsp

П.П. Эм

РОЛЬ МЕТРОПОЛИТЕНА В РАЗВИТИИ СТОЛИЧНОЙ АГЛОМЕРАЦИИ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ

Цель настоящего исследования — оценить роль метрополитена в развитии столичной агломерации Республики Корея (РК). Выбор объекта исследования был обусловлен специфическим положением столичной агломерации в жизни Республики Корея. Сегодня столичная агломерация занимает исключительное положение, поскольку в ее пределах проживает около 50 % населения страны и производится около половины ее ВВП. Подобные впечатляющие показатели были достигнуты в том числе с помощью развитой системы метрополитена, связавшей столицу практически со всеми городами пров. Кёнгидо.

Начнем изучение системы метрополитена и ее влияния на развитие столичной агломерации РК с анализа развития морфологической структуры подземки.

1. Морфологические особенности развития столичной системы метрополитена Республики Корея. Для изучения особенностей *морфологии сети* метрополитена использована методика С.А. Тархова¹ с применением *графа*, отображающего элементы транспортной системы. Достоинством этого метода является простота и прямолинейность терминологии. Так, вершины графа называются *узлами*, а со-

единяющие их линии — *ребрами*. При этом замкнутые контуры сети образуют *циклы*, а незамкнутые — *ветки*. Совокупность веток объединяется в *дерево*, а скопление циклов, каждая пара из которых имеет хотя бы одно общее ребро, именуется *циклическим остовом*. Сложность последнего, как и всей системы, зависит от количества *ярусов*. Первый ярус включает циклы, имеющие хотя бы одно общее ребро или вершину с границей системы. Для второго и последующих ярусов лимитирующей линией служит граница предшествующего яруса.

Достигнув определенной стадии развития, города сталкиваются с проблемой недостаточной мощности наземного транспорта для перемещения его жителей. В связи с этим появление метрополитена трудно недооценить.

Развитие подземки повышает транспортную доступность точек пространства, уменьшая время, необходимое для перемещения.

Введение в строй первой линии сеульского метро 15 августа 1974 г., связавшей сеульский вокзал с Сувоном и Инчхоном, послужило катализатором для активизации расширения границ столичной агломерации. К 1980 г. столичная подземка насчитывала уже 36 станций на двух линиях (табл. 1). Станция Чхонъянни разрывала сообщение между двумя линиями, поскольку не имела организованного перехода от станции одной линии к станции другой (рис. 1). Благодаря быстрым темпам строительства формирование первого полноценного цикла завершилось уже в 1983 г., а к 1990 г. система насчитывала уже 166 станций (табл. 1). Всего за десятилетие с 1980 по 1990 г. количество станций увеличилось более чем в 4,6 раза (табл. 1). Пять линий метрополитена пересекались в 16 местах, давая возможность пассажирам совершать пересадку с одной линии на другую, а на станции сеульского вокзала пересекалось сразу три линии (рис. 1).

В 1983 г. произошло коренное изменение в морфологической структуре системы метрополитена. Она заметно усложнилась благодаря образованию полноценного цикла (рис. 1). К 1990 г. было выделено уже 2 яруса с 9 циклами на внешнем и 4 циклами на втором внутреннем ярусе (рис. 1).

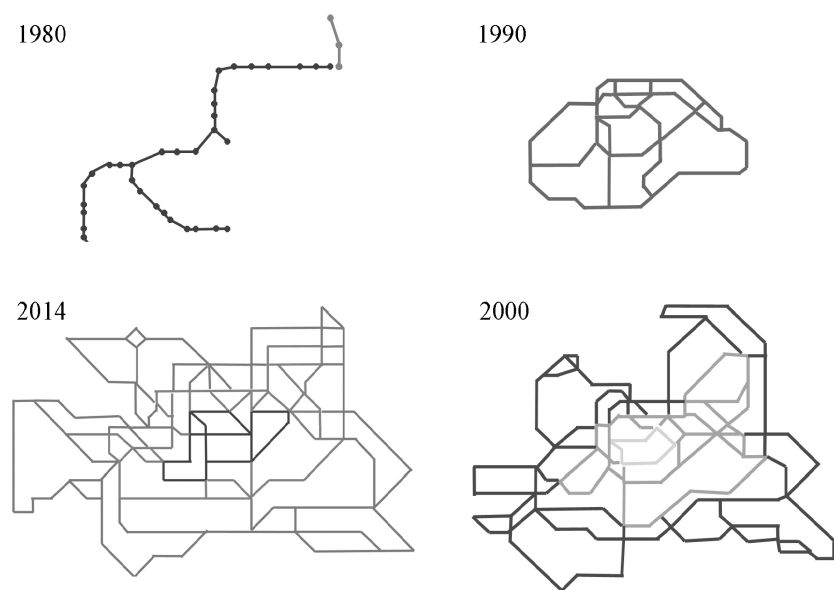
С 1990 по 2000 г. отмечены максимальные темпы роста сети метрополитена столичной агломерации РК: количество линий удвои-

Таблица 1. Динамика основных показателей морфологического строения системы метрополитена столичной агломерации Республики Корея с 1980 по 2014 г.*

Количество станций	1980 г.	1990 г.	2000 г.	2014 г.
На линии 1	33	57	76	78
На линии 2	3	3	32	31
На линии 3	—	18	29	28
На линии 4	—	38	37	36
На линии 5	—	17	37	37
На линии 6	—	—	28	25
На линии 7	—	—	32	32
На линии 8	—	—	13	13
На линии 9	—	—	—	13
На линии Б	—	—	15	6
На линии Ч	—	—	—	21
На линии Инчхон	—	—	22	27
На линии в аэропорт	—	—	—	4
Количество станций-пересадок	—	16	45	57
В том числе в которых пересадка возможна между 3 линиями	—	1	3	5
Количество циклов в 1-м ярусе	—	9	28	28
Количество циклов во 2-м ярусе	—	4	16	19
Количество циклов в 3-м ярусе	—	—	1	5

* Составлено автором.

лось с 5 до 10, число станций увеличилось более чем в 2 раза (с 166 до 414), пересадочных пунктов стало в 2,8 раза больше (с 16 до 45) (табл. 1). Подобные изменения стали причиной трансформации морфологического строения рассматриваемой сети. В ее генеральной схеме было выделено уже 3 яруса с 28 циклами на первом, 16 — на втором и 1 циклом на внутреннем третьем ярусе (рис. 1).

Рис. 1. Эволюция общей схемы морфологической структуры метрополитена столичной агломерации Республики Корея с 1980 по 2014 г. (составлено автором)

Уровень сложности морфологической структуры изучаемой сети с 2000 по 2014 г. не изменился — количество ярусов, которых насчитывается 3, осталось прежним (табл. 1, рис. 1). В 2014 г. столичная система метрополитена РК насчитывала 470 станций. 52 из них стояли на пересечении 2 линий, а 5 — на пересечении 3 (табл. 1). Общее число циклов в сети увеличилось с 45 в 2000 г. до 52 в 2014 г. При этом число циклов на внешнем ярусе осталось неизменным, а на втором и третьем — увеличилось с 16 до 19 и с 1 до 5 соответственно (табл. 1). Основная причина подобного преобразования — увеличение количества элементов во всех топологических ярусах сети.

2. Столичная агломерация как продукт развития урбанизации в Республике Корея. При увеличении численности населения РК с 1950 по 2010 г. в 2,6 раза (с 18,9 млн до 48,7 млн человек), уровень урбанизации в ней возрос почти в 4 раза (с 21,4 % до 81,9 %)².

«Взрывной» характер урбанизации можно определить низким начальным уровнем и очень высокой скоростью³. Общее количество городов в РК с 1950 по 2010 г. увеличилось в 4,4 раза: с 19 до 84⁴. В 1950 г. только столица была городом-миллионером, а в 2010 г. подобным статусом обладали уже 8 городов. В них проживало более 50 % населения страны.

Выделение стадий развития урбанизации по Контули⁵ способствует более детальному изучению этого сложного процесса и определению его национальных особенностей. Стадии выделяются через различия в миграционном сальдо основных групп городов: главных, средних и малых. В 1970 г. началась *стадия крупногородской урбанизации* с быстрым миграционным ростом главных городов за счет средних и малых. Своего апогея *стадия урбанизации* достигла в 1975 г., когда сальдо миграции в Сеуле и Пусане составляло около 480 тыс. человек в год. *Урбанизационный разворот* с 1985 по 1990 г. ознаменовал возвысившееся значение в миграционном балансе средних городов. Совмещенные *стадии риверсии* и *начальной контрурбанизации*, начавшиеся в 1995 г., характеризовались возросшей привлекательностью малых городов (рис. 2).

Открытие первой линии метрополитена, связавшей Сеульский вокзал с Инчхоном и Сувоном в 1974 г., способствовало укреплению связей между крупными городами и близлежащими населенными пунктами, усилению потоков маятниковых миграций, существенному разрастанию и развитию пригородных зон и городов-спутников. С 1990 по 1995 г. численность населения столицы уменьшилась на 150 тыс. человек⁷. При этом увеличилось общее количество городов: в 1985 г. их было 50, а уже в 1990 г. — 73⁸. Особо стоит отметить столичную пров. Кёнгидо, в которой появилось 10 новых городов. Начавшееся активное освоение территорий вокруг Сеула свидетельствует о развитии городской агломерации, «размывшей» административные границы столицы.

Для лимитации столичной агломерации РК была использована методика П. М. Поляна⁹, основанная на изучении транспортной доступности точек от города-ядра. Были выделены 0,5-, 1- и 1,5-часовые изохроны, соответствующие I, II и III поясам удаленности от города-ядра. Города-спутники с населением более 50 тыс. человек,

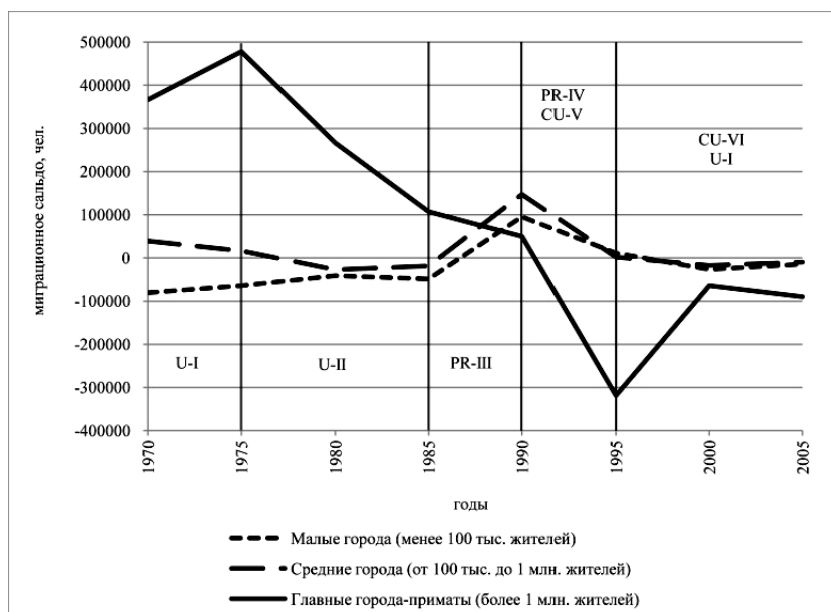

Рис. 2. Стадии дифференциальной урбанизации в Республике Корея с 1970 по 2005 г.⁶

находящиеся вне 1,5-часовой изохроны, включаются в состав агломерации, если на последнюю накладывался ареал их собственной 0,5-часовой изохроны. Если город-спутник находится в III поясе доступности, то в состав агломерации включалась и часть территории, выделенная его 0,5-часовой изохроной. Эта территория составила IV пояс. Граница агломерации выделялась вокруг городов с особым статусом по совмещенному контуру их III и IV поясов. Виртуальные маршруты строились с помощью системы *Daum Chido*¹⁰ в ночное время для исключения эффекта заторов.

Современные границы столичной агломерации РК представлены на рис. 3. Непрерывное увеличение площади столичной агломерации было связано со столичным статусом ее главного ядра. После открытия первой линии метрополитена Сеул и Инчхон «сблизились» друг с другом и в 1980 г. образовали двухъядерную агломерацию. В не-

сомненном выигрыше оказался г. Пучхон, расположенный между Сеулом и Инчхоном. Столичная агломерация практически полностью заняла территорию пров. Кёнгидо и небольшие части соседних провинций (рис. 3). В 2005 г. в ней появилось еще одно ядро с численностью населения более 1 млн человек — Сувон. Ее главные элементы соединены развитой сетью метрополитена. В 2010 г. на территории столичной агломерации с общей численностью населения 23,8 млн жителей было расположено 73 населенных пункта, в том числе 45 поселков. За пределами города-ядра проживало 49,6 % населения, но только 0,6 % населения агломерации вело сельский образ жизни¹¹.

3. Оценка качества жизни населения столичной агломерации Республики Корея до и после открытия метрополитена. Качество жизни — сложное понятие, интегрирующее комплекс различных показателей. Для оценки качества жизни населения в столичной агломерации РК был сделан анализ 38 статистических показателей, описывающих 11 индикаторов, объединенных в три содержательных блока (табл. 2). Последние дают всестороннюю характеристику качества населения, среды жизни и развития общества.

В работе изучено изменение качества жизни населения в городах Сувоне, Пучхоне и Анъяне после открытия в них станций метрополитена. Для сравнения, аналогичный анализ выполнен для городов Ёджу, Ансона и Ичхона, которые и сегодня не охвачены скоростной системой транспорта. Выбор элементов обусловлен доступностью необходимых эмпирических данных на изучаемые даты. Статистическая выборка данных сделана на три года: 1973 г. (дающий представление о состоянии качества жизни до введения в эксплуатацию первой линии метро), 1975 г. (для оценки произошедших за год после открытия метрополитена изменений), 2009 г. (для анализа современного состояния качества жизни)¹². Кажется бы, что сравнение статистических данных за 1973 и 1975 гг. может быть необъективным по причине слишком короткой продолжительности периода после открытия первого участка метрополитена (в 1974 г.). Однако изучение стадий урбанизации в РК показало, что «разгрузка» столицы посредством значительного оттока населения из крупных городов в средние началась как раз в 1975 г. (рис. 2). В этот год миграци-

Таблица 2. Показатели объективной оценки качества жизни населения в столичной агломерации Республики Корея

Блок индикаторов	Индикаторы	Показатели
Качество населения	Демографические характеристики	Коэффициент естественного прироста населения
		Коэффициент миграционного прироста населения
		Доля населения трудоспособного возраста
	Уровень здоровья населения	Количество врачей на 10 тыс. жителей
		Коэффициент младенческой смертности
		Ожидаемая средняя продолжительность жизни
	Уровень образования	Среднее количество учителей (преподавателей), приходящихся на 10 тыс. учеников (студентов)
Труд и условия занятости		Уровень безработицы в городах Доля сферы услуг в структуре ВВП
Качество среды жизни	Природно-экологические условия среды	Средняя температура
		Годовое количество осадков
		Потребление энергии на ед. ВВП
		Уровень озеленения в городах на душу населения
	Уровень развития экономики	Объём производства промышленной продукции
		Объём производства сельскохозяйственной продукции
		Оборот розничной торговли
	Уровень развития социальной инфраструктуры	Обеспеченность телефонами
		Количество библиотек на 10 тыс. жителей
		Количество предприятий общественного питания на 1000 жителей

Окончание табл. 2

Блок индикаторов	Индикаторы	Показатели	
Качество среды жизни	Уровень развития социальной инфраструктуры	Торговая площадь на 10 тыс. жителей, м ²	
		Количество культурно-развлекательных центров на 10 тыс. жителей	
		Количество кредитно-финансовых институтов на 10 тыс. жителей	
		Густота автомобильных дорог с твёрдым покрытием	
	Жилищные условия	Количество почтовых отделений на 10 тыс. жителей	
		Средний размер жилой площади на человека, м ²	
Качество развития общества	Социальные гарантии	Доля жителей, имеющих социальную страховку	
		Количество жителей, получающих пособие по безработице	
		Затраты на минимальный уровень социального обеспечения в городах и сельской местности	
		Государственные расходы на душу населения	
		Социальная помощь	Количество общественных организаций (на 10 тыс. жителей)
			Число коек в медицинских заведениях (1000 жителей)
	Количество пунктов оказания социальной поддержки (на 10 тыс. жителей)		
	Коэффициент газификации в городах		

онный прирост Сеула сменился тенденцией миграционной убыли. Значит — анализ показателей 1975 г. позволит оценить изменения, произошедшие по причине миграционного прироста населения.

Анализ был проведен с помощью метода линейного масштабирования, позволившего нормировать статистические показатели. При наличии положительной связи использовалось уравнение следующего вида:

$$I = (X_{\text{факт}} - X_{\text{min}}) / (X_{\text{max}} - X_{\text{min}}). \quad (1)$$

Уравнение 1 модифицировалось при наличии отрицательной связи:

$$I = 1 - (X_{\text{факт}} - X_{\text{min}}) / (X_{\text{max}} - X_{\text{min}}), \quad (2)$$

где X_{min} и X_{max} — минимальные и максимальные значения показателя x среди исследуемых в пределах столичной агломерации РК.

Значения вычисленных с помощью уравнений (1) и (2) индексов варьирует от 0 до 1. Интегрирование показателей качества жизни основано на их равной приоритетности и проведено по следующему уравнению:

$$I_{\text{oglp}} = \sum I_i / N, \quad (3)$$

где I_{oglp} — индекс объективной оценки качества жизни населения; I_i — индекс i -го индикатора качества жизни населения; N — общее количество индикаторов.

Структура большинства индикаторов состоит из комплекса различных показателей (табл. 2). В связи с этим индексы входящих в них показателей брались с одинаковым весом. Полученные значения индексов отдельных индикаторов и структурных блоков, с учетом среднего по всем элементам столичной агломерации РК на заданный год, дифференцировались по четырехбалльной шкале: высокий (0,2000 и более); средний (от 0,1400 до 0,1900); низкий (от 0,1000 до 0,1300); очень низкий (менее 0,1000). В соответствии с ней, для столичной агломерации РК выделены 4 группы элементов по качеству жизни населения (табл. 2). Остановим наше внимание лишь на

выбранных для более детального изучения городах, упомянутых выше.

До введения в эксплуатацию первого участка метрополитена в 1973 г. наибольшую величину показателя качества жизни населения среди рассматриваемых элементов имел г. Сувон. Благодаря достаточно высокому значению $I_{\text{oglp}} = 0,1463$ он уже в 1973 г. относился к группе элементов со средним показателем качества жизни. Значения I_{oglp} для Пучхона и Анъяна были меньше 0,13. Они входили в группу элементов с низким уровнем качества жизни населения. Остальные элементы из рассматриваемого перечня (Ёджу, Ансон и Ичхон) на 1973 г. не имели городского статуса. Коэффициент качества жизни населения в них был ниже 0,1.

Через год после введения в эксплуатацию первого участка метро (1975), соединившего Сеул с Инчхоном и Сувоном, значение I_{oglp} в последнем возросло до 0,1653. Оно увеличилось на 0,019 всего за 2 года! В Пучхоне и Анъяне также произошло увеличение рассматриваемого показателя на 0,008 и 0,002 соответственно. Примечательно, что I_{oglp} первого, в котором также была открыта станция метро, увеличился в 4 раза больше, чем последнего, в котором метро в 1974 г. открыто не было. Из остальных рассматриваемых элементов стоит отметить Ичхон и Ансон, в которых с 1973 по 1975 г. было отмечено небольшое понижение показателя качества жизни населения. Основная причина подобного обстоятельства — заметное ухудшение трех демографических показателей, рассматриваемых в рамках данной работы (табл. 2), из-за миграционного оттока населения в более развитые элементы столичной агломерации, главным образом — в ее ядро.

К 2009 г. значение интегрального показателя качества жизни в элементах с наличием метро (Сувон, Пучхон и Анъян) значительно увеличилось по сравнению с 1975 г. Так, Сувон с $I_{\text{oglp}} = 0,2361$ перешел в группу с высоким уровнем качества жизни. Примечательно, что показатель в Сувоне не просто сравним с аналогичным показателем для муниципальных районов Сеула (0,2357), а немного превосходит его. Также к группе с высоким уровнем качества жизни относится Пучхон с $I_{\text{oglp}} = 0,2138$. Подобное высокое значение качества жизни объясняется уже упомянутым выше фактом, согласно

которому этот город использует выгоды своего положения, располагаясь между Сеулом и Инчхоном. Для остальных элементов характерен средний уровень качества жизни. При этом значение $I_{oqlp} = 0,1773$, вычисленное для Анъяна, заметно выше аналогичного показателя в других рассмотренных элементах, в которых метрополитен отсутствует и сегодня. В них он не превышает $I_{oqlp} = 0,15$. Следовательно, комплексный показатель качества жизни населения, объединяющий 38 показателей, в элементах с наличием метрополитена заметно превышает аналогичный показатель в элементах без него.

Рассмотренный опыт полезен для московского метрополитена. В настоящий момент его строительство идет ударными темпами: каждый год открываются новые станции, охватывая населенные пункты за все более отдаленными пределами МКАД. Пример столичной агломерации РК показывает, что продление веток столичной системы метрополитена России может способствовать значительной «разгрузке» столицы и повышению уровня жизни жителей Подмосквья. Сегодня функцию скоростного транспорта в Столичном регионе России выполняют пригородные электрички. Количество маятниковых мигрантов из Подмосквья значительно превышает емкость электропоездов, обслуживающих регион: вагоны сильно переполнены в утренние и вечерние часы. При этом из-за относительной дешевизны жилья вокруг Москвы многие семьи, особенно молодые, приобретают недвижимость за административной чертой столицы. Значит, численность населения Московской области постепенно увеличивается. Значительная часть маятниковых мигрантов из Подмосквья, имеющих личный автомобиль, будут передвигаться на нем, несмотря на увеличение, таким образом, времени в пути по причине многочасовых заторов. Основная причина — отсутствие комфортных условий для передвижения пассажиров на общественном транспорте. Соединение крупнейших городов Подмосквья со столичной системой метрополитена способствует «разгрузке» Москвы, повышению уровня жизни жителей Московской области, а также поможет сократить поток движения автомобилей из области в Москву утром и в обратном направлении — вечером.

4. Некоторые выводы. Появление и быстрое развитие столичной агломерации РК было продуктом «взрывной» урбанизации в этой

стране. Начало урбанизационного разворота, при котором происходит возвышение роли средних городов в общем миграционном балансе, совпало с введением в эксплуатацию первого участка метро в 1974 г. Открытие метрополитена повысило транспортную доступность столицы для жителей Инчхона и Суфона: началось активное развитие столичной агломерации. По мере открытия новых линий и станций метрополитена происходило постепенное «расползание» границ агломерации. Сегодня столичная агломерация занимает исключительное положение, поскольку в ее пределах проживает около 50 % населения страны и производится около половины ее ВВП. Использование теории фракталов позволило установить, что более равномерное размещение населения характерно для районов новой застройки, а не традиционной. Комплексный показатель качества жизни населения в элементах с наличием метрополитена заметно превышает аналогичный показатель в элементах без него. При этом открытие станций метро повышает привлекательность населенных пунктов: после их открытия в течение нескольких лет наблюдается резкое увеличение миграционного притока населения и качества его жизни.

Примечания

¹ *Тархов С.А.* Эволюционная морфология транспортных сетей. М.: Изд-во «Универсум», 2005. 384 с.

² World Urbanization Prospects: The Revision of 2010. [электронный ресурс]. URL URL: <http://esa.un.org/unup/>. Дата обращения: 15.12.2012.

³ *Эм П.П.* Региональные особенности урбанизации Республики Корея // Региональные исследования. 2012. № 2. С. 120—133.

⁴ Korea Statistical Yearbook 1952. Seoul: Bureau of Statistics. 1953. 368 p.; Korea Statistical Yearbook 2011. The 58th edition. Seoul: National Statistical Office of the Republic of Korea. 2011. 1068 p.

⁵ *Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И.* Теория «дифференциальной урбанизации» и иерархия городов России на рубеже XXI в. // Проблемы урбанизации на рубеже веков. Смоленск: Ойкумена, 2002. С. 71—86.

⁶ *Эм П.П.* Региональные особенности урбанизации Республики Корея // Региональные исследования. 2012. № 2. С. 120—133.

⁷ Results of population and housing census 1990. Seoul. National Statistic Office of the Republic of Korea, 1990; Results of population and housing census 1995. Seoul. National Statistic Office of the Republic of Korea, 1996.

⁸ Results of population and housing census 1985. Seoul. National bureau of statistics economic planning board, 1986; Results of population and housing census 1990. Seoul. National Statistic Office of the Republic of Korea, 1990.

⁹ Полян П.М. Методика выявления и анализа опорного каркаса расселения. Часть I. — М.: ИГ АН СССР, 1988. 220 с.

¹⁰ 다음지도. [электронный ресурс]. URL:// URL: <http://map.daum.net/>. Дата обращения: 15.12.2012.

¹¹ Korea Statistical Yearbook 2011. The 58th edition. Seoul: National Statistical Office of the Republic of Korea. 2011. 1068 p.

¹² 한국도시연감. [электронный ресурс]. URL: // URL: http://kosis.kr/common/meta_onedepth.jsp?vwcd=MT_OTITLE&listid=110_11001. Дата обращения: 10.12.2014.

Глава 5

КОРЕЙСКИЕ ГОСУДАРСТВА

В ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ В АТР

Е.Б. Мудрова

ИНФРАСТРУКТУРНЫЕ ПРОЕКТЫ

КАК КЛЮЧЕВОЙ ФАКТОР РАЗВИТИЯ

ИНТЕГРАЦИОННЫХ СВЯЗЕЙ В АТР

В контексте текущей противоречивой геополитической ситуации и с учетом усиления глобальных кризисных явлений развитие интеграционных связей становится основополагающим вектором внешнеэкономической стратегии ведущих мировых держав. Азиатско-Тихоокеанский регион не исключение. Азиатские страны, позже государств Америки и Европы вступившие на путь интеграционного взаимодействия с партнерами, в настоящее время лидируют по темпам заключения различных двусторонних, региональных и субрегиональных интеграционных союзов.

С 2000 г. в мире ежегодно заключается порядка 15 соглашений о свободной торговле (далее — ССТ) с участием хотя бы одного азиатского государства. При этом если в 2000 г. в Азии насчитывалось 55 ССТ, то на середину 2014 г. этот показатель составил 278. Из них подписано 144 соглашения, 69 находятся на рассмотрении и 65 внесено в повестку обсуждений. Около двух третей всех ССТ составля-

ют двусторонние документы, 75 соглашений — с участием трех и более сторон¹.

По данным на 2014 г., ведущими игроками на поле интеграционного взаимодействия являлись Сингапур (40 ССТ, 21 — в силе), Индия (37 ССТ, 13 — в силе) и Республика Корея (33 ССТ, 10 в силе).

Одновременно с торговыми переговорами между отдельными государствами в АТР активно формируются субрегиональные интеграционные блоки.

Крупнейшими инициативами, включающими большинство стран АТР, в настоящее время являются Транстихоокеанское партнерство (Trans-Pacific Partnership, далее — ТТП²) и Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство (Regional Comprehensive Economic Partnership, далее — ВРЭП³).

По своему значению данные партнерства являются настоящими мегаблоками: на ТПП приходится 38 % мирового ВВП, на ВРЭП — 29 %; доля мирового экспорта в ТПП — 24 %, в ВРЭП — 30 %⁴.

Помимо ТПП и ВРЭП началась работа по изучению еще более глобального интеграционного союза — зоны свободной торговли всего АТР (Free Trade Area of the Asia-Pacific, или ФТААР). Идея ФТААР не новая, она поднималась на саммитах АТЭС неоднократно, но именно в 2014 г. благодаря усилиям Китая о ФТААР заговорили не как о теоретической возможности, а как о потенциальной реальности. На очередном саммите АТЭС в ноябре 2014 г. была принята рабочая карта по подготовке ФТААР.

В указанные интеграционные союзы входят страны с уже имеющимися двусторонними соглашениями о свободной торговле. Для ТПП, если не учитывать США, 80 % импорта между странами-участницами уже регулируется ССТ. Для ВРЭП этот показатель составляет 33 %, еще 30 % ожидают завершения переговоров по ССТ.

Кроме того, участники указанных субрегиональных блоков пересекаются, создавая сложную схему взаимодействия (рис. 1).

Не меньшее внимание привлекает формирование другого крупного интеграционного объединения в АТР — тройственного союза Китая, Республики Корея и Японии.

Если вторая (Китай), третья (Япония) и пятнадцатая (Республика Корея) крупнейшие экономики мира сформируют единый эконо-

мический блок, то будет создано пространство с 21 % всего мирового населения и 21 % мирового ВВП (табл. 1). Для сравнения, совокупный ВВП стран ЕС составляет 17,6 трлн долл., или 25,3 % от мирового показателя. При этом тройственный союз сможет аккумулировать 46,5 % всех мировых иностранных валютных резервов.

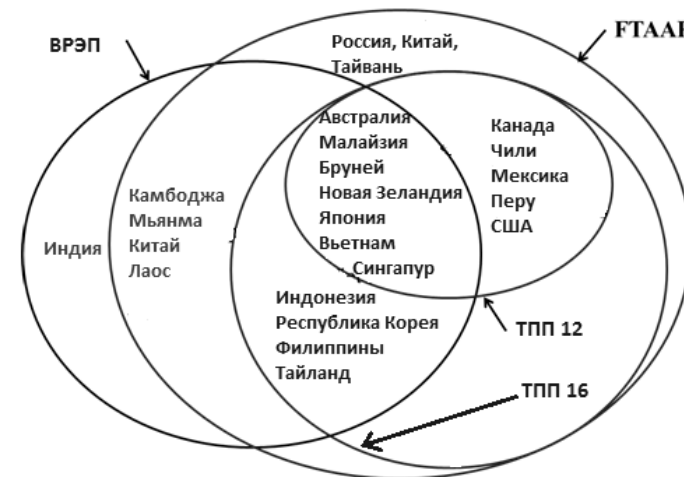

Рис. 1. Страны-участницы субрегиональных блоков АТР

Указанные макроэкономические показатели соответствуют союзу стран с высоким уровнем взаимозависимости от торговли и движения капитала. Все участники интеграционного процесса занимают лидирующие позиции в рейтинге крупнейших экспортеров и импортеров друг для друга.

Республика Корея, Китай и Япония приступили к формированию трехстороннего механизма сотрудничества более 10 лет назад. С 2003 г. после подписания Совместной декларации на индонезийском о. Бали правительствами трех стран был разработан формат взаимодействия практически по всем направлениям — от защиты окружающей среды до соглашения о свободной торговле. Трехсторонний механизм был оформлен в конкретные формы работы ведомств стран-участниц и контролировался совместным Комитетом

Таблица 1. Основные экономические показатели (в млрд долл. и в % от мирового уровня) для Китая, Республики Корея, Японии и трехстороннего блока (в таблице обозначено как ККЯ) в 2013 г.⁵

	РК	Китай	Япония	ККЯ
ВВП (млрд долл.)	1 198 (1,7 %)	8 939 (12,4 %)	5 007 (6,9 %)	15 144 (21,0 %)
Население (млн человек)	50 (0,7 %)	1 351 (19,2 %)	128 (1,8 %)	1 529 (21,7 %)
Экспорт (млрд долл.)	548 (3 %)	2 049 (11,1 %)	799 (4,3 %)	3 396 (18,4 %)
Импорт (млрд долл.)	520 (2,8 %)	1 818 (9,8 %)	886 (4,8 %)	3 224 (17,4 %)

Источник: Составлено на основе данных статистических обзоров WTO (URL: https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/merch_trade_stat_e.htm) и UNCTAD (URL: http://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx?sRF_ActivePath=p,5&sRF_Expanded=.p,5).

с обязательным мониторингом на ежегодных трехсторонних саммитах.

Однако в последние два года процесс согласования трехстороннего соглашения о свободной торговле практически зашел в тупик из-за усилившихся политических трений между партнерами. Не менее противоречиво продвигается согласование региональных блоков ТПП, ВРЭП и ФТААР. С одной стороны, страны заявляют о явных преимуществах данных союзов, с другой — договоренности носят больше декларативный характер, ранее установленные сроки по переговорам срываются, основные вопросы (открытие доступа на рынок сельскохозяйственной продукции, правила определения страны происхождения товара и т. п.) остаются нерешенными. Напряженность возрастает между США и Китаем, продвигающими разные инициативы: США—ТПП, Китай—ВРЭП и ФТААР, что сказывается и на их партнерах, пытающихся лавировать между двумя мировыми державами, сохраняя отношения с обеими.

Вышеприведенная информация показывает, что Азия стала активным участником интеграционных процессов, прорабатывая как

множество двусторонних альянсов, так и крупные региональные и субрегиональные союзы. Однако интеграцию в Азии пока сложно назвать глубокой и системной. Даже на последнем саммите АТЭС в Пекине в финальной декларации система соглашений о свободной торговле в АТР получила сравнение с «миской с лапшой» — настолько переплелись и запутались многочисленные интеграционные связи партнеров. Кроме того, переговоры по многим интеграционным союзам затянулись и далеки от реализации. Такое положение дел не коррелируется с глобальными экономическими вызовами, которые, наоборот, подталкивают партнеров к более тесной совместной работе. Наступает время создания нового формата взаимозависимости, когда «лапшу в миске» необходимо превратить в кусочки регионального «пазла» и из них выстроить новые масштабные интеграционные картины⁶.

Точкой перехода интеграционного взаимодействия в АТР в новое качественное состояние может стать совместное развитие инфраструктуры в регионе. Реализация межрегиональных проектов по строительству дорог, портов, энергетической и коммуникационной инфраструктуры, с одной стороны, повысит качество торгового сотрудничества, а с другой стороны, создаст прочную базу инвестиционного, технического, регуляционного взаимодействия, что, в свою очередь, ускорит решение вопросов интеграции и экономического партнерства.

С 1950-х годов Экономическая и социальная комиссия ООН по Азии и Тихому океану выдвинула две масштабные региональные транспортные инициативы: Азиатская магистраль (Asian Highway) и Трансазиатская железная дорога (Trans-Asia Railway). В основе проектов — стремление связать столицы, основные промышленные и сельскохозяйственные центры, морские и речные порты. Несмотря на полувековую историю вопроса, проекты начали реально прорабатываться только в последнее десятилетие. Так, межправительственное соглашение по Азиатской магистрали вступило в силу в 2005 г., по Трансазиатской железной дороге — в 2009 г.

На реализацию вышеперечисленных проектов в ближайшее десятилетие потребуется более 170 млрд долл. Система Азиатской магистрали насчитывает 141 тыс. км приведенных к единому стандарту

дорог, соединяющих 32 азиатские страны с Европой, и предполагает инвестиции около 20 млрд долл. Система Трансазиатской железной дороги охватывает 81 тыс. км железных дорог 23 стран, на проекты в рамках этой системы требуется более 100 млрд долл., основная доля инвестиций (70 млрд долл.) приходится на страны Восточной Азии. 51 млрд долл. необходим для финансирования системы 765 контейнерных терминалов в рамках единой азиатской системы.

В общей сложности, по оценке специалистов Азиатского банка развития⁷, азиатским странам требуется порядка 8 трлн долл. (2010—2020 гг.) или 800 млрд долл. ежегодно для развития необходимой инфраструктуры (энергетика, транспорт, телекоммуникации, санитарные объекты и т. п.), из которых ежегодно 30 млрд долл. необходимы для развития межрегиональной инфраструктуры.

Порядка 70 % от всех требуемых инвестиций приходится на транспортную сферу, 30 % — энергетику, при этом 70 % приведенной суммы необходимы для создания новой инфраструктуры и 30 % — на поддержание и модернизацию существующих объектов.

Более подробная информация по структуре финансирования инфраструктурных проектов приведена в табл. 2.

Помимо приведенных в таблице масштабных проектов в АТР идет рассмотрение ряда крупных инфраструктурных инициатив, играющих особенно важную роль для интеграции стран Северо-Восточной Азии и укрепления связей России в регионе.

В первую очередь необходимо выделить Азиатско-Североамериканскую магистраль (АСАМ) — проект самого протяженного в мире международного транспортного коридора Сингапур—Бангкок—Пекин—Якутск—тоннель под Беринговым проливом—Ванкувер—Сан-Франциско. По сути, данный маршрут соединяет основные города практически по прямой линии. В России магистраль на север должна идти от станции Тында на БАМе до Якутска и Магадана и далее к мысу Уэлен. Чукотский и Аляскинский участки будут проложены через районы вечной мерзлоты и бездорожья. Строительство тоннеля под Беринговым проливом планируется с учетом накопленного опыта подводных сооружений между Англией и Францией, японскими островами Хонсю и Хоккайдо. АСАМ позволит освоить огромные территории, напрямую свяжет Европу с Америкой, сни-

Таблица 2. Инвестиции, необходимые для осуществления инфраструктурных проектов (2010—2020 гг., в млрд долл.)⁸

	Энергетика	Аэропорт/порт	Ж/д	Автодорога	Логистика	Итого
Азиатская магистраль	—	—	—	17,4	—	17,4
Трансазиатская ж/д	—	—	107,5	—	—	107,5
Азиатские контейнерные терминалы	—	51,4	—	—	—	51,4
Программа развития Центральной Азии CAREC	15,7	1,3	5,1	12,9	9,9	44,9
Программа субрегиона Меконг	2,6	0,2	1,5	4,0	0,2	8,5
АСЕАН	11,6	—	16,8	—	—	28,4
Другое ⁹	61,9	—	—	—	0,1	62,0
Итого	91,8	52,9	130,9	34,3	10,2	320,1

Источник: Estimating Demand for Infrastructure in Energy, Transport, Telecommunications, Water and Sanitation in Asia and the Pacific: 2010—2020, Biswa Nath Bhattacharyay, Working Paper No: 248, 9 September 2010.

мет зависимость северных регионов от сезонной доставки грузов, вовлечет в хозяйственный оборот местные топливно-энергетические и другие ресурсы.

Идет обсуждение проекта создания трансконтинентальной высокоскоростной железнодорожной магистрали Пусан/Пекин—Москва—Берлин—Роттердам. В основу данной концепции на территории России должна лечь высокоскоростная трасса Москва—Екатеринбург, которая активно готовится к строительству. Далее планируется ее продлить до Китая и соединить с Пекином, создав, таким образом, трассу в 8 тыс. км.

Остаются актуальными важные инфраструктурные проекты в Северо-Восточной Азии и на Корейском полуострове: строительство газо- и нефтепроводов, линий электропередач, соединение Транскорейской и Транссибирской железнодорожных магистралей.

Что касается электроэнергетики, то в настоящее время крупные корпорации России, Китая, Республики Корея, Японии, КНДР, Монголии и Казахстана ведут переговоры по созданию Большого энергетического кольца. Данный проект включает в себя два под-проекта: кольцо Японского моря (континентальная часть Дальнего Востока и о. Сахалин России, Япония, Республика Корея, КНДР) и континентальное кольцо (Сибирь и континентальная часть Дальнего Востока России, КНДР, Монголия, восточные области Казахстана и Китай).

Необходимо отметить, что по железнодорожному проекту российская сторона все эти годы планомерно выполняла свою часть работ по модернизации путей на территории КНДР. В настоящее время силами РЖД не только завершена комплексная реконструкция участка железной дороги Хасан — Раджин, но и введен в эксплуатацию портовый терминал Раджин и осуществлены тестовые перевозки угля через порт Раджин в Китай и Республику Корея. К сожалению, южнокорейские партнеры не проявляют должной активности по работе над указанным проектом. Отсутствие поддержки для сближения с Севером у США, политические разногласия не дают администрации Республики Корея приступить к инфраструктурным проектам на Корейском полуострове. Как следствие, переговоры, форумы, любые форматы встреч по вопросу поставок газа, электричества, соединения ж/д по территории КНДР заканчиваются «пустыми» протоколами. Даже согласование вопроса о принятии без дальнейших обязательств тестовых поставок угля из порта Раджин заняло у южнокорейской стороны порядка года.

Помимо высоких политических рисков, как в случае с проектами Корейского полуострова, инфраструктурные проекты часто не реализуются из-за колоссальных финансовых вложений, вложение которых подразумевает долгосрочный характер и высокие риски возможной некупаемости вложений.

Национальные финансовые институты не могут обеспечить работу крупных инициатив. Для продвижения межрегиональных инфраструктурных инициатив требуется мощная межрегиональная инвестиционная база. В Азии действует ряд региональных банков, однако их ресурс не соответствует заявленным потребностям.

К примеру, в 2013 г. Азиатский банк развития инвестировал только 10,1 млрд долл.¹⁰ В связи с этим становится актуальным и важным формирование новых региональных финансовых институтов. В настоящее время привлекают внимание следующие образования:

1. Инфраструктурный фонд АСЕАН (ASEAN Infrastructure Fund), основанный странами АСЕАН и Азиатским банком развития.
2. Механизм глобальной инфраструктуры (Global Infrastructure facility), предложенный Мировым банком.
3. Банк нового развития (New Development Bank), предложенный странами БРИКС.
4. Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (Asian Infrastructure Investment Bank), предложенный Китаем.

Наиболее обсуждаемой и перспективной является инициатива КНР по созданию Азиатского банка инфраструктурных инвестиций. В октябре 2013 г. Китай объявил о планах по созданию указанного банка, и уже через год в октябре 2014 г. 21 страна¹¹ подписала в Пекине соответствующий меморандум. Уставные документы банка должны быть согласованы к середине 2015 г., а к концу года банк должен начать свою деятельность. Первоначальный капитал банка составит 50 млрд долл. (порядка 50 % приходится на Китай) с дальнейшим увеличением до 100 млрд долл. Штаб-квартира банка будет располагаться в Пекине.

Несмотря на проявленный в 2013 г. интерес, в 2014 г. от своего участия в банке отказались Индонезия, Австралия и Республика Корея. Предполагается, что на указанные страны было оказано влияние со стороны США, не заинтересованных в создании неподконтрольного эффективного финансового института на Азиатском поле. И только в конце марта 2015 г. Республика Корея, а также Россия официально объявили о своем намерении присоединиться к Азиатскому банку инфраструктурных инвестиций.

О том, что Азиатский банк инфраструктурных инвестиций не останется на бумаге, а даст новый инструмент реализации инфраструктурных проектов, говорят многочисленные статьи азиатских СМИ о планах банка направить первый кредит в проект Паназийского газопровода (Pan-Asian gas pipeline)¹². Паназийский газопровод соединяет шельфовые месторождения акватории Южно-Китай-

ского моря. В указанном случае Китай за счет инфраструктурного проекта планирует урегулировать в этой акватории сложную военно-политическую обстановку.

Таким образом, инфраструктура становится одновременно и сдерживающим, и подстегивающим фактором для развития интеграции в регионе. С одной стороны, отсутствие инфраструктуры ограничивает действия соглашений о свободной торговле. В то же время реализация крупных совместных проектов по строительству новых дорог, портов, газо- и нефтепроводов, электросетей заставляет страны вести тесный диалог, вовлекает в новые экономические и инвестиционные отношения, открывая новые возможности и для торгового, и для интеграционного взаимоотношения.

Необходимо понимать, что увязка транспортных и энергетических систем России, Китая, Республики Корея, КНДР, Японии позволит сформировать мощный инфраструктурный блок, который, в свою очередь, создаст реальные предпосылки к глубокой и системной интеграции Северо-Восточной Азии и России. Успех такой инфраструктурно-интеграционной модели может значительным образом повлиять на расстановку сил не только в Азии, но и в масштабах всего мира, что вызывает настороженность у держав, стремящихся к сохранению текущего статуса Северо-Восточной Азии как потенциально возможного, но не реализованного локомотива мировой геополитики и интеграции.

Для России, активно ориентирующей свою внешнеэкономическую стратегию на АТР, инфраструктурные проекты являются «ключом» к интеграционным процессам в Азии. По номенклатурной составляющей экспортного потенциала Россия не может в равных позициях выстраивать торговые союзы с основными партнерами АТР. Однако логистика, транспортная и энергетическая составляющие делают Россию тем необходимым звеном, которое позволит региону достичь полной и системной интеграции.

Именно эта идея реализована в концепции Трансевразийского пояса «Razvitie», продвигаемой российской корпорацией ОАО «РЖД». По сути, ОАО «РЖД» предлагает мега-проект единой инфраструктурной и промышленной системы на территории Евразии. Проект предусматривает достижение мультиэффекта от развития и

соединения различных инфраструктурных проектов в области транспорта, энергетики, коммуникаций и т. п. между странами Евразии и другими континентами. Идея Трансевразийского пояса вбирает в себя множество разрозненных проектов, в том числе и перечисленные в статье, предлагая странам — участницам процесса создать принципиально новый формат интеграции за счет единых механизмов взаимодействия и решения поставленных задач.

Для создания региональной инфраструктуры и достижения целей интеграции правительствам США и России необходимо в более долгосрочном и системном ключе выстраивать взаимодействие друг с другом по любым проектам. Должна быть единая концепция, включающая в себя разрозненные проекты и различных участников. Только в таком случае станет возможным как реализация каждой из инициатив, так и достижение экономических целей — выход на самокупаемость, сокращение издержек, увеличение товарооборота. Только за счет синергии разных составляющих (например, строительство газопровода решает вопрос землеотвода для линий электропередач, что снимает необходимость полного строительства ЛЭП для новой ж/д, и т. п.) можно выйти на положительные показатели высокочрезвычайных инфраструктурных проектов. В свою очередь, понятная экономика обеспечит участникам более широкий доступ к источникам финансирования: банкам будет легче принять решение, понимая, что инвестиции окупаемы в обозримом будущем. Сотрудничество с банковскими институтами снимет высокую политизированность процесса, что может привлечь к работе над проектом множество средних компаний. Таким образом, крупные проекты выйдут за пределы протоколов и обретут реальное воплощение.

Такой процесс является долгосрочным и требует значительных усилий для его реализации, однако как только произойдет активизация совместных усилий участников проекта, данный процесс будет сложно остановить даже не заинтересованным в его продвижении другим влиятельным участникам мировой геополитики. На наш взгляд, реализация данных инфраструктурных проектов сможет проложить путь в сторону глубокой интеграции, позволяющей странам создавать системные партнерства для процветания и развития всех его участников.

Примечания

¹ Asian Economic Integration Monitor, November 2014, Asian Development Bank. URL: www.adb.org.

² США, Япония, Канада, Австралия, Новая Зеландия, Сингапур, Тайвань, Малайзия, Вьетнам, Чили, Бруней Перу, Мексика.

³ АСЕАН, Австралия, Китай, Индия, Япония, Республика Корея, Новая Зеландия.

⁴ Данные торговой статистики МВФ, 2014. URL: <http://elibrary-data.imf.org/FindDataReports.aspx?d=33061&e=169393>

⁵ Составлено на основе данных статистических обзоров WTO (URL: https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/merch_trade_stat_e.htm) и UNCTAD (URL: http://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx?sRF_ActivePath=p,5&sRF_Expanded=p,5).

⁶ From spaghetti bowl to jigsaw puzzle? Addressing the disarray in the world trade system, Jayant Menon, ADB working paper № 140, October 2014.

⁷ Материалы Департамента исследований Азиатского банка развития, 8-я встреча министров транспорта, Токио, 4 сентября 2013 г.

⁸ Estimating Demand for Infrastructure in Energy, Transport, Telecommunications, Water and Sanitation in Asia and the Pacific: 2010—2020, Biswa Nath Bhattacharyay, Working Paper No: 248, 9 September 2010.

⁹ Проекты соединения транспортных систем Восточной, Юго-Восточной, Центральной и Южной Азии, не включенные в отдельные региональные программы.

¹⁰ ADB financial profile 2014. URL: <http://www.adb.org/sites/default/files/institutional-document/42746/adb-financial-profile-2014.pdf>

¹¹ Китай, Индия, Таиланд, Малайзия, Сингапур, Филиппины, Пакистан, Бангладеш, Бруней, Камбоджа, Казахстан, Кувейт, Лаос, Мьянма, Монголия, Непал, Оман, Катар, Шри-Ланка, Узбекистан и Вьетнам

¹² China's Infrastructure Investment Bank's first loan — analysis, by Stewart Taggart, 10.01.2015, Eurasia Review. URL: <http://www.eurasiareview.com/10012015-chinas-infrastructure-investment-banks-first-loan-analysis/>

К.Г. Машарский

ПРИСОЕДИНЕНИЕ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ К ТРАНСТИХООКЕАНСКОМУ ПАРТНЕРСТВУ: ПЕРСПЕКТИВЫ И ВЫЗОВЫ

Ситуация, которая сложилась вокруг одного из крупнейших интеграционных проектов «Транстихоокеанское партнёрство» (ТТП), остаётся крайне противоречивой. С одной стороны, данное партнёрство декларирует экономические выгоды: либерализацию цен, снятие таможенных барьеров, а с другой — существует ряд противоречивых политических факторов, которые до сих пор остаются неучётными.

Переговоры по созданию ТТП с привлечением государств всего Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) ведутся с 2003 г., когда Чили, Новой Зеландией, Сингапуром была выдвинута идея данного партнёрства. До момента выдвижения данной инициативы идея создания столь масштабного интеграционного проекта обсуждалась на протяжении ряда лет, но до практической реализации дело так и не дошло. Присоединение в 2005 г. четвертого участника, которым стал Бруней, и подписание соглашения, вступившего в силу в 2006 г., об учреждении ТТП ситуацию существенно не изменили.

До присоединения к данному проекту США, проект ТТП развивался достаточно медленно. После присоединения к нему США довольно быстро их примеру последовали Перу, Австралия и Вьетнам.

В 2010 г. переговоры о присоединении к ТТП начала Малайзия, затем в 2012 г. — Канада и Мексика. С 2013 г. с разной степенью активности подключились к переговорному процессу Япония и Республика Корея.

С момента провозглашения инициативы число стран-участниц достигло 13, последними к переговорам присоединились Япония и Республика Корея. С одной стороны, это существенно расширяет потенциальные возможности проекта, а с другой — прибавляет противоречий в позициях Японии, Республики Корея и США. В первую очередь, речь идет о сельскохозяйственной отрасли, а в частности о таможенных пошлинах на сельскохозяйственную продукцию. Протестующие в отношении подписания соглашения есть не только в Японии и в Республике Корея, но и в США. Автомобилестроительные компании последних опасаются конкуренции со стороны японских компаний, чьи позиции сильны, в том числе из-за низкого курса иены.

Планировалось, что РК удастся достигнуть соглашения с ТТП еще до конца 2013 г., но, как уже указывалось нами ранее, подписание затягивается не только из-за экономических противоречий, но и по причине политических разногласий в позициях стран-участниц.

В результате подписания соглашения ТТП станет крупнейшим интеграционным проектом, состоящим из 13 государств (Перу, Сингапур, США, Чили, Япония Австралия, Бруней, Вьетнам, Канада, Малайзия, Мексика, Новая Зеландия, Республика Корея). Совокупный ВВП этих государств будет составлять более трети мирового.

Осенью 2014 г. представители американского истеблишмента заявили, что не исключают присоединения и КНР к ТТП. Пекин, в свою очередь, занял выжидательную позицию и внимательно следит за переговорами потенциальных участников соглашения. Правительственные эксперты КНР указывали на то, что присоединение к ТТП налагает на потенциальных участников слишком строгие обязательства. Отметим, что данный аспект вызывает беспокойство не только КНР. Так, некоторые участники партнерства указывают на неприемлемость создания суда для рассмотрения споров между правительствами и ТНК, то же относится и к предложениям о введении международных трудовых и экологических стандартов¹.

Увеличение экспорта на мировой рынок с помощью подписания соглашений о свободной торговле является жизненно важной стратегией для развития открытой, экспортоориентированной экономики Республики Корея.

Республика Корея подписала более десятка соглашений о свободной торговле (ССТ), охватывающих более одной трети от всеобщей торговли, включая соглашения с восемью странами ТТП — Вьетнамом, Малайзией, Брунеем, США, Сингапуром, Чили, Новой Зеландией и Перу — в рамках достигнутого соглашения с АСЕАН².

Относительно недавно вступили в силу соглашения с Австралией, Канадой и Новой Зеландией, также продолжаются переговоры с оставшимися членами ТТП — Мексикой, Японией³.

Последней было подписано соглашение о свободной торговле с Новой Зеландией — 23 марта 2015 г. В соответствии с соглашением в течение 15 лет после его вступления в действие Республика Корея отменит пошлины на 96,4 % новозеландских товаров. В свою очередь, Новая Зеландия отменит пошлины на все южнокорейские товары в течение семи лет. Новая Зеландия — сороковой по величине торговый партнёр РК. В прошлом году объём двустороннего товарооборота составил 3 млрд 200 млн долл.⁴

Помимо значительных экономических преференций, возникающих при подключении Республики Корея к ТТП, обращает внимание на себя тот факт, что присоединение станет стимулом для реализации целого ряда других инициатив, к которым относятся, в частности, трехсторонние переговоры РК—КНР—Япония по ССТ и переговоры РК—КНР по ССТ⁵.

Присоединение к ТТП отвечает заявленной внешнеэкономической цели Республики Корея играть активную роль связующего звена в интеграционных процессах в регионе, прежде всего между Всеобъемлющим региональным экономическим партнерством и ТТП.

Рассматривая экономический аспект, предполагается, что либерализация торговли товарами и услугами, а также облегчение перемещения факторов производства неизбежно приведут к сокращению заработных плат за счет увеличения потока мигрантов из стран с более низким уровнем экономического развития, а также переноса крупными компаниями их производств в страны-партнеры, распо-

лагающие более дешевыми факторами производства (в том числе рабочей силой)⁶.

Осенью 2013 г. Республика Корея выразила желание присоединиться к ТТП и на текущий момент активно участвует в переговорном процессе. Это соглашение, по мнению председателя Корейской ассоциации внешней торговли Хан Док Су, способно значительно стимулировать рост южнокорейской экономики и увеличить экспорт. Анализ перспектив присоединения РК к данному интеграционному проекту, проведенный Корейским научно-исследовательским экономическим институтом, показал, что ожидаемое увеличение ВВП в случае присоединения к проекту должно составить 2,5—2,60 %, в случае же неприсоединения РК к ТТП прогнозируемое снижение ВВП составит 0,11—0,19 %⁷.

Существует мнение, что в настоящий момент для правительства Республики Корея вопрос присоединения к Транстихоокеанскому партнерству является более приоритетным, чем подписание корейско-китайского соглашения о свободной торговле, которое, по словам министра торговли, промышленности и энергетики РК Юн Сан Чжика, было запланировано на вторую половину апреля 2015 г. Он также отметил, что стороны обсуждают возможность подписания документа в первом полугодии, однако прилагаются усилия для того, чтобы это произошло как можно скорее. Согласно результатам исследования, соглашение с КНР может в значительной степени способствовать росту ВВП на 0,95—1,25 % через 5 лет, а через 10 лет — на 2,28—3,04 %. Относительно мер защиты интересов отечественных фермеров министр заявил, что правительство решило отдать приоритет не прямой финансовой поддержке, а улучшению условий экспорта продукции данной отрасли⁸. Следует отметить, что желание правительства продолжать оказывать поддержку сельскохозяйственному сектору не встречает одобрения у крупнейших экспортеров сельскохозяйственной продукции ТТП, прежде всего США, Новой Зеландии и Австралии.

Министр торговли, промышленности и энергетики РК Юн Сан Чжик, затронув тему прекращённых переговоров о либерализации торговли с Японией, отметил, что пока возможность их возобновления не рассматривается. Что же касается аналогичного соглашения

между РК, КНР и Японией, то процесс обсуждения данной темы займёт больше времени, чем предполагалось⁹.

Отношение деловых кругов Республики Корея к присоединению государства к Транстихоокеанскому партнерству можно охарактеризовать как весьма положительное. Как заявил председатель Корейской ассоциации внешней торговли Хан Док Су, выступая на форуме о политике США в области торговли, представители южнокорейских деловых кругов надеются на безотлагательное присоединение страны к ТТП¹⁰.

Торговый представитель США по РК, Японии и странам АТЭС Брюс Хирш выразил надежду на то, что РК будет играть важную роль и в рамках ТТП. Он подчеркнул, что партнерство важно не только для США, но и для экономик стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Хирш приветствовал интерес Сеула к данной международной торгово-экономической организации, подчеркнув, что в её рамках РК и США могут стать друг для друга опорой¹¹.

Также факт положительного отношения деловых кругов можно аргументировать тем, что в результате подключения РК к экономическому пространству ТТП будут отменены таможенные барьеры, а это, в свою очередь, обещает расширение рынков сбыта для электроники и продукции обрабатывающей промышленности в государствах — участниках ТТП.

Однако нельзя не отметить наличие реальной угрозы в отношении сельскохозяйственного сектора.

Конкуренция с более дешевыми продуктами питания, источниками сельскохозяйственного сырья, поступающими из стран — членов данного объединения, будет слишком велика и, по оценкам ряда правительственных экспертов, может послужить причиной упадка данной отрасли в южнокорейской экономике, которая стала полностью зависима от государственной поддержки. Безусловно, потеря данной отрасли затрагивает вопросы занятости населения и повышения безработицы. В свою очередь, это вызовет критику со стороны оппозиции в адрес правящей партии.

Рассматривая практический аспект присоединения Республики Корея к ТТП сквозь призму экономических отношений с основными торговыми партнерами (КНР, Япония, США), мы считаем, что

наиболее заметно присоединение может сказаться на товарообороте РК и Японии. Предполагаем, что в сторону уменьшения дефицита торгового баланса РК за счет увеличения экспорта в Японию нефтепродуктов (средних и легких дистиллятов), телефонных аппаратов, полупроводниковых фоточувствительных приборов. Товарооборот между РК и КНР будет увеличиваться в абсолютных величинах, несмотря на присоединение РК к ТТП. Основу импорта РК будут продолжать составлять микросхемы, портативные цифровые ЭВМ, цифровые панели управления и жидкокристаллические устройства. Учитывая наличие соглашения о свободной торговле между РК и США, полагаем, что присоединение РК к ТТП значительно не скажется на специфике товарооборота РК и США.

Российская Федерация пока занимает выжидательную позицию в отношении данного интеграционного проекта, вероятно, из-за некоторой неопределенности в отношении собственных стратегических инициатив, связанной, возможно, с тем, что российские углеводороды страны данного региона готовы приобретать и без ТТП. И, на наш взгляд, факт присоединения РК к ТТП на сотрудничестве с РФ заметно не скажется.

Примечания

¹ О переговорах в рамках транс-тихоокеанского партнерства. Д.э.н. В.С. Загашвили, ИМЭМО РАН. URL: http://www.imemo.ru/ru/publ/comments/2013/comment_2013_024.pdf

² Foreign Policy at Brookings South Korea's fateful decision on the Trans-Pacific Partnership. URL: www.brookings.edu/~media/research/files/papers/2013/09/0918%20south%20korea%20trans%20pacific%20partnership%20solis/0918%20south%20korea%20trans%20pacific%20partnership%20solis.pdf

³ 전세계 FTA 체결 현황. URL: <http://www.ftahub.go.kr/main/situation/fta/world/>

⁴ URL: http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_Po_detail.htm?No=38325&id=Po

⁵ Should Korea Join the trans-Pacific Partnership? Jeffrey J. Schott and Cathleen Cimino. Peterson Institute for International Economic. URL: <http://www.iie.com/publications/pb/pb14-22.pdf>

⁶ URL: http://interpolit.ru/blog/ssha_i_trans_tikhookeanskoe_partnerstvo_novye_problemy/2014-02-06-332

⁷ Внедрение креативной концепции внешнеэкономической политики, соответствующей требованиям глобальной экономической среды в XXI в. Журнал международного права и международных отношений 2014. № 2. URL: www.evolutio.info Режим доступа: URL: <http://www.evolutio.info/content/view/2260/235/>

⁸ URL: http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_Ec_detail.htm?No=38210&id=Ec

⁹ URL: http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_Ec_detail.htm?No=38210&id=Ec

¹⁰ URL: <http://k-window.com/economics/han-dok-su-predprinimateli-nadeyutsya-na-prisoedinenie-yuzhnoj-korei-k-transtihookeanskomu-partnyorstvu/>

¹¹ URL: http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_Ec_detail.htm?No=38209&id=Ec

Э.Р. Расулов

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ В «ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНИЦИАТИВЕ» ПАК КЫН ХЕ

Усиление интереса Южной Кореи к странам Центральной Азии прослеживается еще с 2007 г., когда Сеул инициировал платформу форума «Центральная Азия — Республика Корея», который был создан в целях укрепления и расширения сотрудничества в сфере экономики, культуры, образования, туризма и обмена опытом.

Одной из первых стратегических инициатив кабинета президента Ли Мен Бака, избранного в 2007 г., была «новая азиатская дипломатия», направленная на активное укрепление взаимовыгодных отношений РК со странами Центральной Азии посредством совмещения богатых энергетических ресурсов региона с передовыми и современными технологиями Южной Кореи.

Укреплению сотрудничества со странами Центральной Азии, во взаимоотношениях с которыми сегодня представлен ряд стратегических приоритетов современной внешней политики Республики Корея, отводится большая роль и в рамках новой «Евразийской инициативы», предложенной президентом Южной Кореи Пак Кын Хе в октябре 2013 г.

«Евразийская инициатива» призвана активизировать экономическую интеграцию в регионе путем создания единого транспортно-го коридора от Южной Кореи до Европы, а также реализации ряда

крупных энергетических проектов в Центральной Азии, России, на Корейском полуострове и в Китае¹.

Для Республики Корея «Евразийская инициатива» означает, прежде всего, национальное развитие и расширение своего экономического пространства за счет выстраивания на многосторонней основе трансграничного экономического сотрудничества со странами региона. Более тесное экономическое сотрудничество, как предполагается, будет содействовать укреплению мира на Корейском полуострове и заложит основу для нового Шелкового пути — транспортного коридора Silk Road Express, который должен соединить Южную Корею и Европу через территории КНДР, Китая, стран ЦА и России, а также других государств².

В рамках «Евразийской инициативы» сотрудничество Республики Корея, которую интересуют богатые природные ресурсы, с государствами Центральной Азии, обладающими такими ресурсами, будет прежде всего развиваться в сфере энергетики, а ядром такого сотрудничества выступят крупные энергетические проекты Южной Кореи с Узбекистаном, Казахстаном и Туркменистаном.

Так, через восемь месяцев после того, как президент Республики Корея предложила «Евразийскую инициативу» в качестве одного из ключевых пунктов внешней политики своей администрации, состоялась ее визит сразу в три страны Центральной Азии. Целью турне являлось обеспечение расширения экономического сотрудничества и решение ряда инфраструктурных проблем для развития торговли на едином азиатском рынке, альтернативном европейскому³.

Лидеры трех центральноазиатских стран — И. Каримов, Н. Назарбаев, Г. Бердымухаммедов — выразили свою поддержку внешнеполитическим программам Сеула, в том числе и «Евразийской инициативе», а также стремлению укрепить доверие на Корейском полуострове.

Свое первое азиатское турне в рамках «Евразийской инициативы» президент Пак Кын Хе начала с посещения Узбекистана. Следует отметить, что он сегодня является самым крупным партнером Южной Кореи в Центральной Азии.

На встрече с представителями корейского бизнеса, работающими в Узбекистане, и представителями этнической диаспоры, проживающими в этой стране, президент Пак Кын Хе подчеркнула, что

планирует открыть новое будущее для евразийского сотрудничества через ее визиты в три страны Центральной Азии. В частности, она заявила следующее: «Я планирую расширить связи со странами региона, укрепить наше стратегическое партнерство и открыть новое будущее для евразийского сотрудничества».

По итогам переговоров в Ташкенте Ислам Каримов и Пак Кын Хе подписали Совместную декларацию о дальнейшем развитии и углублении стратегического партнерства. Был подписан ряд соглашений о сотрудничестве в нефтегазовой и горнорудной отраслях, нефтехимии, логистике, строительстве, сельском хозяйстве, в области информационно-коммуникационных технологий, текстильной и оборонной промышленности.

В ходе переговоров президент Узбекистана И. Каримов подчеркнул, что строительство Устюртского ГХК на базе месторождения Сургиль — крупнейшего нефтегазового и инвестиционного проекта Республики Корея в Центральной Азии — подходит к завершающей стадии, и теперь необходимо добиваться реализации новых совместных проектов в области энергетики.

Так, в частности, речь шла о сотрудничестве по проекту расширения Талимарджанской ТЭС в Кашкадарьинской области стоимостью 1,28 млрд долл., которое позволит ликвидировать дефицит электроэнергии, существующий в настоящее время в Самаркандско-Бухарском регионе республики, а также создаст резервные мощности для поставок электроэнергии на экспортные рынки, в том числе в Афганистан. Также обсуждались вопросы создания технологий по увеличению мощностей по сжижению газа стоимостью 3,1 млрд долл. и реализация проекта разработки Кандымского месторождения газа в Бухарской области Узбекистана (в настоящее время проект осуществляется консорциумом, состоящим из российских и южнокорейских компаний), строительства на его базе нового газоперерабатывающего комплекса стоимостью 4 млрд долл.

Сегодня Сеул также принимает участие в тендере проекта по строительству 100-мегаваттной солнечной фотоэлектрической станции в г. Самарканд, стоимостью 310 млн долл. Если Южной Корее удастся выиграть тендер, это обеспечит Сеулу участие в развитии полного цикла солнечной энергетики Узбекистана в будущем.

Развитие солнечной энергетики в Узбекистане, в том числе привлечение инвестиций в эту отрасль, сегодня является одним из важнейших государственных приоритетов страны. Корейская компания «Шиндонг Энерком», стоявшая у истоков данного направления, подписала контракт с правительством Узбекистана, и в 2012 г., согласно постановлению президента И. Каримова, было принято решение об организации производства технического кремния на базе СП ООО «Уз-Шиндонг Силикон» в г. Ангрен, которое должно начать функционировать в 2015 г.

В результате объединения всех звеньев цепочки от добычи руды, ее переработки до создания и строительства фотоэлектрических станций Узбекистан имеет возможность попасть в лидирующую пятерку стран мира, обладающих полным циклом производства в области солнечной энергетики.

Активное участие в реализации проектов по обеспечению модернизации производственного потенциала Узбекистана в свободных индустриально-экономических зонах «Навои» и «Ангрен» вызвано стремлением усилить позиции экономики Республики Корея в конкурентной борьбе с быстрорастущими экономиками других азиатских стран, также пытающихся укрепить свои позиции в регионе (таких, как Индия, Китай, Турция). Для Республики Кореи важно уменьшить тарифы, устранить барьеры по нетарифным операциям, расширить торговлю.

В настоящее время страны Центральной Азии, так же как и Россия, выступают в отношениях с Южной Кореей в роли поставщиков сырья и рынков сбыта корейской продукции. Исключение составляет Узбекистан. Так, корейский капитал здесь сосредоточен в производстве (54,2 % против 9,4 % у Казахстана и 9,9 % у Кыргызстана), а не в сырьевом секторе. Показатель вложений в сырьевой сектор составляет 4,1 % и является самым низким не только по сравнению с Центральной Азией, но и Россией⁴. С другой стороны, Южная Корея как технологический лидер нуждается в непрерывных инновациях, а спрос ее экономики на специалистов не удовлетворяется в полной мере. Поэтому в отношениях Узбекистана с Республикой Корея все большее значение начинает приобретать инновационное сотрудничество. «Корея сегодня заинтересована в грамотных спе-

циалистах из Центральной Азии в связи с ожидаемой нехваткой собственных человеческих ресурсов в ближайшем будущем», — заявил Чан Сан Ян, профессор университета Konkuk, академик и директор Центра по развитию научно-технической политики Академии наук и технологий Кореи (KAST).

Другим инструментом реализации «Евразийской инициативы» являются двусторонние программы, через которые Республика Корея старается предоставить компаниям Узбекистана возможность выхода на корейский рынок, содействовать их участию в различных выставках, фокусирующихся на конкретных секторах и отраслях. Республика Корея — первая страна, которая предоставила субъектам предпринимательства из Узбекистана право участвовать в государственных закупках правительства Кореи.

В целом общий объем инвестиций Южной Кореи в Узбекистан сегодня превысил 5 млрд долл., а объем новых проектов, которые находятся в стадии проработки, составляет около 10 млрд долл. По данным КИТА (Корейская ассоциация международной торговли), товарооборот между Узбекистаном и Южной Кореей в 2014 г. составил — 2,059 млрд долл., из них экспорт в Узбекистан — 2,032 млрд долл. и импорт — 27 млн долл.

Сразу после Узбекистана президент Пак Кын Хе посетила Казахстан. Геополитическое положение Казахстана, который по своим размерам в 11 раз превышает Южную Корею, богатство его недр и природных ресурсов, в том числе большие нефтяные и газовые месторождения, крупные запасы урана; Таможенный союз с Россией и Белоруссией; Программа форсированного индустриально—инновационного развития страны на 2015—2019 годы (ФИИР-2), которая будет концентрироваться на обрабатывающей промышленности; транспортный коридор «Западный Китай — Западная Европа» — вот далеко не весь перечень объективных причин, по которым Сеул рассматривает Казахстан в качестве одного из ключевых партнеров в реализации своей «Евразийской инициативы».

По словам президента Республики Казахстан Н. Назарбаева, который выступил на открытии казахстанско-корейского бизнес-форума в июне 2014 г. в Астане, сегодня на стадии реализации находится 15 крупных совместных проектов с корейскими партнерами на

общую сумму в 22 млрд долл. Еще восемь проектов находится в процессе проработки. Сотрудничество осуществляется в таких отраслях, как машиностроение, пищевая и химическая промышленность, строительство, энергетика и металлургия. На встрече президенты Пак Кын Хе и Н. Назарбаев обсудили такие крупные совместные проекты, как строительство угольной электростанции в г. Балхаш стоимостью 4,9 млрд долл., газохимического комплекса в Атырауской области, освоение месторождения Жамбыл и другие вопросы экономического сотрудничества⁵.

Для Сеула одним из главных достижений минувших переговоров стали также договоренности о сотрудничестве в сфере ядерных технологий, включающие соглашение о сотрудничестве между АО НАК «Казатомпром» и электроэнергетической корпорацией Кореи «КЕПКО», а также корпорацией ресурсов Кореи «КОРЕС».

В Казахстане сегодня действует около 700 совместных казахстанско-корейских предприятий, и, по мнению экспертов, данное число будет расти с учетом новых возможностей для развития бизнеса, открывающихся в свете существования Евразийского экономического союза, договор о создании которого в мае 2014 г. года подписали президенты Беларуси, Казахстана и России⁶.

В связи с этим, как отметил посол Республики Казахстан в Республике Корея Дулат Бакишев, экономическая интеграция всегда играла положительную роль в развитии предпринимательства, и корейские компании прекрасно понимают, что теперь, осуществляя свою деятельность в Казахстане, для них открывается куда больший рынок с 6-м по размеру в мире ВВП и 172 млн потребителей⁷.

Значение Казахстана в поддержке и развитии концепции «Евразийская инициатива» Сеула в перспективе будет велико как страны, имеющей не только энергоресурсный, но и большой транзитно-транспортный потенциал. Был подписан меморандум о сотрудничестве в области железных дорог между Министерством транспорта и коммуникаций Республики Казахстан и Министерством по вопросам земли, транспорта и водных ресурсов Республики Корея. В нем, помимо прочего, оговорена возможность участия Южной Кореи в модернизации железных дорог Казахстана, что могло бы заложить основу для возрождения Шелкового пути.

Таким образом, экономическое сотрудничество Республики Корея и Казахстана сегодня имеет динамичную тенденцию к росту товарооборота между двумя странами, увеличению масштабов корейских инвестиций в различные сферы казахской экономики, а также перспективы дальнейшего развития и укрепления стратегического партнерства.

В заключение своего азиатского турне президент Пак Кын Хе посетила Туркменистан, являющийся для Кореи относительно новой и перспективной в плане экономического взаимодействия страной. Тем не менее на сегодняшний день Сеул и Ашхабад уже сумели вывести экономическое сотрудничество на довольно серьезный уровень. Так, в Туркменистане сегодня реализуется ряд стратегических проектов по строительству важных элементов газотранспортной инфраструктуры, объектов нефте- и газоперерабатывающей промышленности.

В ходе состоявшегося визита президента Пак Кын Хе в Туркменистан было подписано два новых соглашения по реализации проектов в нефтегазовом комплексе (строительство газохимического завода стоимостью 2 млрд долл. на северо-востоке страны и завода для производства керосина и дизельного топлива стоимостью 3 млрд долл.). В рамках другой сделки стоимостью 100 млн долл. Туркменистан закупит в Южной Корее 900 автобусов в период между 2015 и 2020 гг. для подготовки к проведению пятых Азиатских открытых игр боевых искусств⁸.

Важно отметить, что Туркменистан занимает сегодня одну из ключевых позиций в регионе по поставкам природного газа. В то же время руководство страны взяло курс на диверсификацию экономики: в последние годы динамично развиваются сфера нефтегазопереработки, текстильная индустрия, хлопкообрабатывающая промышленность, производство строительных материалов, добыча полезных ископаемых. В связи с этим туркменская сторона имеет особый интерес к опыту и достижениям Республики Корея в области высоких технологий и промышленности, в частности это опыт Кореи в разработке углеводородных месторождений морских блоков Каспия, в создании трубопроводной и транспортной инфраструктуры, в нефтехимической отрасли, машиностроении, строительстве и других

сферах. Корейская сторона подтвердила готовность поделиться с Туркменистаном своим опытом в области современных технологий и международной торговли, а также в модернизации старых и строительстве новых электростанций, нефтяных платформ, нефтеперерабатывающих и других стратегически важных объектов промышленной инфраструктуры.

В настоящее время Туркменистан выступает за создание новых транспортно-транзитных и торговых коридоров по направлениям «Восток—Запад» и «Север—Юг», позволяющих обеспечить интеграцию национальных транспортных систем различных регионов континента в глобальную международную коммуникационную сеть и объединить регионы Центральной, Южной и Юго-Восточной Азии с Ближним Востоком и Средиземноморьем посредством транзитных коридоров⁹. Практическое осуществление этих идей воплощается в жизнь в виде строительства новых железных и автомобильных дорог, активизации использования морских маршрутов с целью придать импульс межрегиональным связям на долгосрочную перспективу, заложить фундамент архитектуры нового геоэкономического пространства на евразийском континенте. В связи с этим, по убеждению президента Г. Бердымухамедова, для Туркменистана и Республики Корея в рамках «Евразийской инициативы» открываются еще большие возможности для взаимовыгодного сотрудничества.

Таким образом, «Евразийская инициатива» президента Южной Кореи — это новое видение многостороннего и многогранного сотрудничества, призванное объединить экономическое пространство Европы и Азии, предполагающее создание объединенных транспортных и энергетических систем. В основе появления этой инициативы лежит осознание того факта, что для стабильного экономического роста Южной Корее необходимо развитие сотрудничества с государствами Евразии, которые становятся все более значимыми в мире.

В долгосрочной перспективе предполагается, что экономическое сотрудничество между Республикой Корея и Центральной Азией будет возрастать и расширяться, чему будет способствовать более активное инвестирование в крупномасштабные экспортно-ориентированные проекты. Южная Корея может стать одним из важнейших и основных партнеров Центральной Азии, которая, в свою очередь,

в контексте продвижения «Евразийской инициативы» будет иметь большое значение для Сеула.

В случае последовательной успешной и эффективной реализации концепции «Евразийская инициатива» страны Центральной Азии также смогут наблюдать прогресс в области развития своей экономической, социальной и промышленной инфраструктуры.

Примечания

¹ *Строкань С.* Евразийская интеграция по-корейски // Газета Коммерсантъ. 23.06.2014. [Электронный ресурс] URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2497385>

² *Lee Hae-Ah.* «Park's Central Asia tour highlights economic cooperation, Eurasia initiative» // Yonhap News Agency, 20.06.2014. [Electronic resource] URL: <http://english.yonhapnews.co.kr/>

³ «President Park Geun Hye visits Central Asian countries» // Business Korea, Korea's Premier Business Portal, 19.06.2014. [Electronic resource] URL: <http://www.businesskorea.co.kr/>

⁴ *Абдурасулова Дж.* Инновационное сотрудничество может быть выгоднее сырьевого // Экономическое обозрение. № 7. 2013. С. 55—55.

⁵ Встреча с Президентом Республики Корея Пак Кын Хе, прибывшей в Казахстан с государственным визитом // Официальный сайт президента Республики Казахстан. 19.06.2014. [Электронный ресурс] URL: <http://www.akorda.kz/>

⁶ О вступлении в силу Договора о Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС) // Евразийская Экономическая Комиссия. 01.01.2015. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/01-01-2015-1.aspx>

⁷ *Олег Латунский.* «Казахстан и Корея подпишут 17 документов» // Интервью Чрезвычайного и Полномочного Посла Республики Казахстан в Республики Корея Дулата Бакишева. 18.06.2014. [Электронный ресурс] URL: <http://old.liter.kz/articles/view/51710>

⁸ Переговоры между Президентом Туркменистана и Президентом Республики Корея // Государственный информационный портал Туркменистана. 20.06.2014. [Электронный ресурс] URL: <http://turkmenistan.gov.tm/?id=6730>

⁹ Туркменистан выступает в качестве экономического моста между Азией и Европой // Исполнительный комитет СНГ. 10.09.2014. [Электронный ресурс] URL: <http://www.e-cis.info/news.php?id=10134>

Ким Ен Сун

КОЛЛИЗИИ ГАЗОВОГО РЫНКА ЮЖНОЙ КОРЕИ

За последние десятилетия наблюдается рост доли природного газа в мировом энергетическом балансе. По прогнозам ряда экспертов, она будет и далее постепенно возрастать до 26—28 % к 2020 г. и 30 % к 2050 г.¹

Республика Корея является крупным потребителем энергии, занимая по этому показателю 4-е место в Азии (после Китая, Индии и Японии). По данным Агентства экономической информации США (АЭИ), Республика Корея (РК) является 5-м по величине импортером сырой нефти, 3-м — угля, 2-м (после Японии) — сжиженного газа (СПГ).

Значимые позиции природного газа объясняются стремлением Южной Кореи как страны Киотского протокола сократить объемы выбросов загрязнений в окружающую среду за счет использования более экологичного и экономичного энергоресурса в электроэнергетике, химической промышленности, металлургии, в сфере услуг и домашних хозяйствах.

После катастрофы на Фукусиме Южная Корея не отказывается от ядерной энергетики. Атомные электростанции пока являются поставщиками самой дешевой электроэнергии. РК была первой страной, открывшей школу ядерной безопасности, в соответствии с которой газ рассматривается как важный альтернативный вариант атомной энергетики.

Кроме этого, газ активно используется в химической промышленности, в сфере транспорта, ЖКХ и домашних хозяйствах. К 2012 г. объем потребления газа составил 20 % ТЭК. Сегодня страна обеспечивает 15,55 % всего мирового импорта данного энергоресурса.

У Южной Кореи нет выхода к международным газопроводам. Поэтому свои основные потребности в газе она полностью покрывает за счет импорта сжиженного газа.

Собственные запасы природного газа в РК составляют 6,1 млрд куб. м и сосредоточены в пределах шельфового газоконденсатного месторождения Тонхэ-1 (Donghae). За последние годы уровень добычи газа почти не изменился, удерживаясь на уровне 0,5 млрд куб. м при растущих объемах его потребления. Чтобы оценить значение газа для экономики РК, определим корреляцию потребления природного газа и валового внутреннего продукта (рис. 1).

Коэффициент корреляции, рассчитанный по статистике ВВП и потребления природного газа за 2000—2013 гг. равен 0,96, что указывает на высокую степень взаимозависимости между этими показателями. Кроме этого, снижение потребления природного газа в кризисном 2009 г. вызывает более ускоренное снижение валового внутреннего продукта, что подчеркивает мультипликативность влияния потребления газа на воспроизводство национального богатства страны.

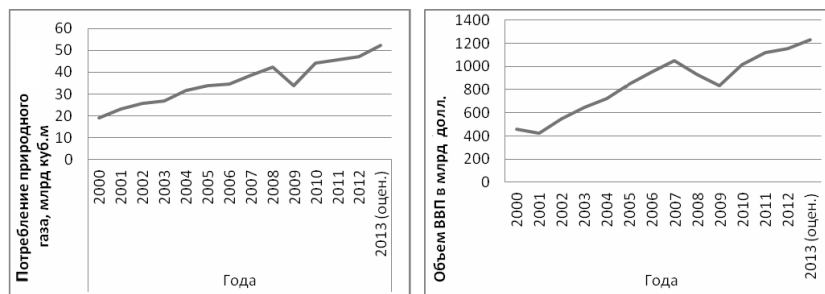

Рис. 1. Динамика ВВП и потребления природного газа в Республике Корея за 2000—2013 гг.

Источник: МВФ, МЭА.

Источники поставок газа в Южную Корею

Импорт сжиженного газа Южной Кореи обеспечивается за счет поставок из стран Ближнего Востока, Африки, Азии, Европы и Латинской Америки. Анализ структуры источников импорта газа за 2010 г. и 2012—2013 гг. показывает устойчивость роста доли поставок газа из Катара от 21 % в 2010 г. до 29 % (2012 г.) и 34 % (2013 г.) при волатильности долей других ключевых поставщиков (рис. 2).

Добыча газа Катара изначально была ориентирована на поставки СПГ в США. Страна выстроила развитую инфраструктуру по

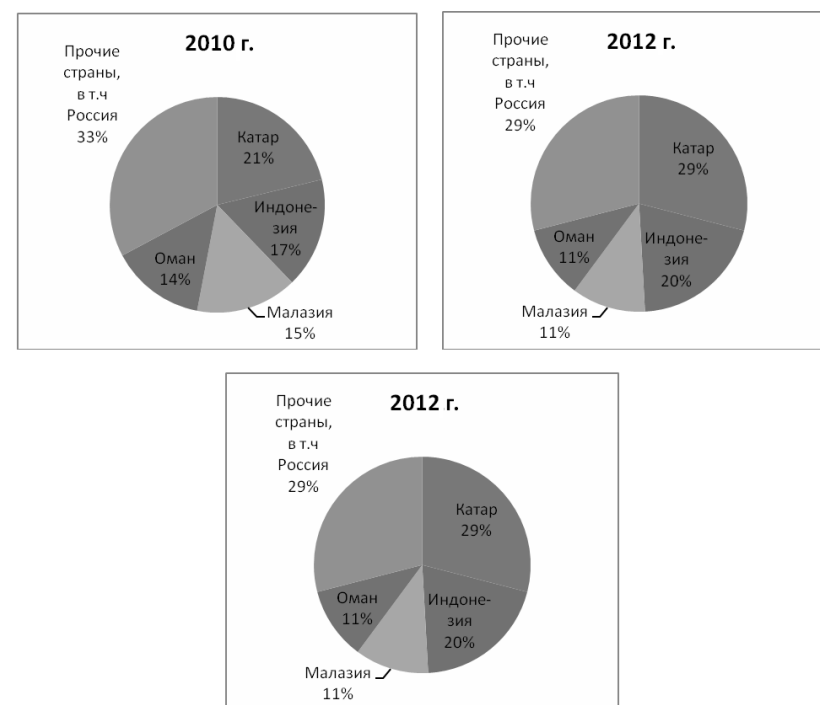

Рис. 2. Структура импорта сжиженного газа в Республику Корея за 2010 г., 2012—2013 гг.

Источник: Международное энергетическое агентство, Международный газовый союз.

производству СПГ и самый крупный в мире танкерный флот, флагманами которого являются газоперевозчики типа Q-max (270 тыс. т СПГ) и Q-flex, благодаря чему эмират исключал зависимость от стран-транзитеров². Но отказ США от поставок катарского газа в результате активной добычи собственного сланцевого газа заставил Катар перенаправить СПГ в Европу и Азию. По состоянию на 2012 г. основная доля контрактов Катара ориентирована на спотовые контракты, позволяющие зарабатывать высокую прибыль при возникновении дефицита газа. Но при этом в последнее время наблюдается переход на заключение долгосрочных газовых контрактов, в том числе и с азиатскими импортерами.

В отношении Южной Кореи корзина продаж Катара носит диверсифицированный характер при превалировании доли спотовых контрактов. Их удельный вес в 2012 г. составил более 75 % (табл. 1).

Таблица 1. Структура обязательств Катара по поставкам СПГ в Южную Корею в 2012 г.

Обязательства Катара о поставкам газа	Импортер	Объем поставок, млн т в год	Удельный вес, %
Долгосрочные контракты	Kogas	9,02	24,3
Спотовые контракты	Kogas	28,11	75,7
Всего		37,13	100

Источник: GIIGNL.

По состоянию на 2013 г. катарские мощности по сжижению составляли 77 млн т. Законтрактовано — 61 млн т. Оставшиеся 16 млн т были направлены на спотовые контракты. Из них большая часть приходилась на рынок Южной Кореи³.

Факторы, определяющие современное состояние конъюнктуры рынка поставок газа Южной Кореи

В 2015 г. у Южной Кореи истекают долгосрочные контракты на поставку СПГ⁴. В частности, завершаются контракты на поставки СПГ из Малайзии, Индонезии и Брунея общим объемом 4,7 млн т СПГ в год⁵.

Этот факт наряду со спотовой доминантой в поставках СПГ из Катара, понижающейся динамикой нефтяного рынка, способной

оказать влияние на ценовую конъюнктуру газового рынка 2015 г., создает условия для пересмотра корзины источников поставок СПГ в Южную Корею.

Как показывают события 2014 и начала 2015 г., чрезвычайное увлечение спотовыми сделками может принести потерю экономических выгод в национальном масштабе даже при серьезном прогнозировании.

По данным Международного газового союза, предполагалось, что азиатский рынок СПГ будет испытывать серьезный дефицит предложения примерно до середины 2015 г. Но в дальнейшем рынок СПГ претерпит существенные изменения по следующим причинам:

- к концу 2015 г. планируется завершение строительства двух очередей американского экспортного терминала СПГ SabinePass мощностью до 9 млн т/год с расширением к 2017 г. до 18 млн т/год;
- к 2015—2016 гг. ожидается выход на рынок дополнительных объемов СПГ, что связано с пуском ряда проектов (Queensland Cuetis, Gladstone и др.) в Австралии (до 38 млн т/год). В этот же период в Папуа-Новой Гвинее, Малайзии и Индонезии будут построены экспортные комплексы по промышленному сжижению газа с совокупной мощностью в 15,2 млн т/год;
- к 2018—2019 гг. планируется построить завод СПГ-Владивосток с первоначальной мощностью до 5 млн т/год;
- к 2020 г. реализация промышленных проектов по СПГ позволит Канаде ежегодно экспортировать около 80—90 млн т⁶.

Но ситуация изменилась намного раньше. Динамики цен спотовых и долгосрочных площадок СПГ за период 2007—2014 гг. при общей направленности имеют определенные различия, что позволяет нам сделать выводы о наличии факторов, актуальных только для определенного тренда (рис. 3).

Цены долгосрочных контрактов, представлены двумя индексами: Всемирного банка и WFAA (Федеральное ведомство экономики и экспортного контроля Германии). Цены спот — двумя наиболее ликвидными европейскими площадками: TTF (Нидерланды) и NBP (Великобритания). Рост спотовых цен в III квартале 2010 г. завершается всплеском спроса по хабовским контрактам в I квартале 2013 г.

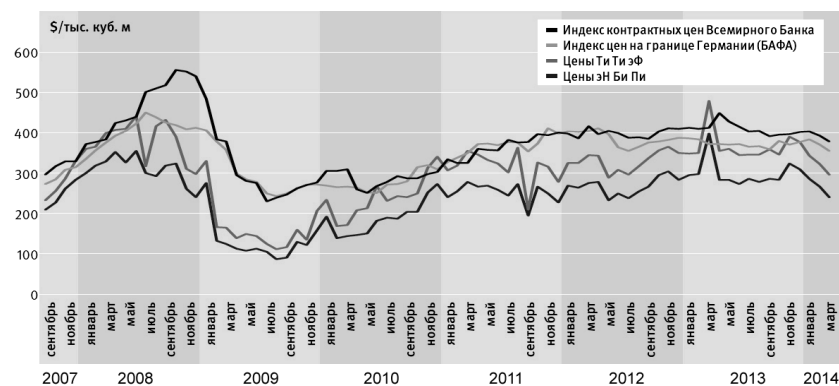

Рис. 3. Цены долгосрочных контрактов и торговых площадок СПГ за 2007—2014 гг.
Источник: Bloomberg, БАФА, Всемирный Банк.

После этого тренд переходит в устойчивое снижение, которое продолжилось в 2014 г.

Взлет спотовых цен в III квартале 2010 г. объяснялся тем, что к этому времени истекли контракты с конечными потребителями и те стали активно закупать газ на торговых площадках.

Уже к ноябрю 2014 г. спотовые цены на партии СПГ сократились более чем в 2 раза по сравнению с февралем месяца, так как главные покупатели, Япония и Корея, накопили достаточно запасов газа и существенно снизили объемы закупок. По сути, не стало рынка спотового СПГ, потому что отсутствовал спрос. Три крупнейших покупателя СПГ в мире, корейская Kogas и японские Токуо Electric Power и Chubu Electric, полностью ушли со спота⁷. На январь 2015 г. спотовые цены снизились (Japan Korea Marker) до 10,025 долл./млн т, что соответствует 358,9 долл./тыс м³. Если сравнить с котировками на сентябрь 2013 г. (572,8 долл./тыс м³), то снижение составило более 37 %⁸. Текущее резкое снижения спроса на газ вызвано во многом затовариванием европейского рынка катарским СПГ, относительно умеренной погодой, что привело к снижению объема закупок газа Южной Кореей: за январь—октябрь 2014 г. на 2,6 млн т меньше, чем за аналогичный период 2013 г. Таким образом, и с этим абсолютно согласны западные эксперты, сейчас

можно смело утверждать, что после 2008 г. наступила эпоха ценообразования, основанного на спросе и предложении, определяемого комплексом факторов.

При торговле долгосрочными контрактами основные поставщики газа (Россия, Алжир, Катар) ориентируются на привязку к цене нефти Brent. В Азии, в отличие от Европы, гибридная система ценообразования имеет спотовую доминанту. И российские газодобывающие компании должны учитывать эту особенность при ценообразовании. Спотовые цены, как правило, ниже контрактных. Это объясняется следующими причинами:

- газ, поставляемый по долгосрочным контрактам, является продуктом иного, более высокого качества, чем газ торговых площадок, где продается только сам товар стандартными лотами, но не предоставляются дополнительные услуги по его доставке покупателю в соразмерных его ежедневным потребностям вариативных объемах;
- для хабов характерно хроническое превышение предложения над спросом. Несомненно, нефтепродуктовые цены долгосрочных контрактов задают общий уровень цен торговых площадок по газу. Но это не значит, что спотовые цены не могут отклоняться от них в ту или иную сторону в зависимости от соотношения спроса и предложения на этих площадках. Конечно, возможно превышение спотовых цен над средними контрактными, обусловленное экстремальными ситуациями (аномальные холода, аварии). Но все же большая часть времени спотовые цены ниже уровня контрактных цен. И амплитуда этих отклонений часто выходит за рамки премии поставщику за гибкость и надежность поставок.

Снижение цен на газ до 10 долл./млн т и удерживание их в течение длительного времени, по мнению экспертов, актуализирует вопросы рентабельности новых проектов по экспорту СПГ из Канады, Австралии, Мозамбика и Танзании. С падением нефтяных котировок, объемы добычи нефти на сланцевых месторождениях в США могут уменьшиться, что приведет к сокращению производства сопутствующего природного газа, а это, в свою очередь, повысит его стоимость и сделает нерентабельным для поставок в Азию⁹.

Оценка расширения российского участия в поставках газа в Южную Корею

2014 г. ознаменовался разворотом политики Газпрома по газовым поставкам на азиатский рынок. Территориально близкая к Корее Россия является обладателем крупнейших запасов природного газа в мире в 48,8 трлн м³. За последние 20 лет обсуждалось несколько вариантов проектов поставок газа из России на Корейский полуостров, но ни один из них так и не был реализован в силу определенных причин.

С подписанием 30-летнего соглашения на ежегодную поставку в Китай трубопроводного газа в объеме 38 млрд м³¹⁰ и активизацией кампании за коррекцию рынка газовых закупок в самой Южной Корее требуется пересмотр подходов к оформлению условий соглашения будущих газовых поставок из России.

Проведем оценку вероятности реализации наиболее часто обсуждаемых проектов поставок голубого топлива в Южную Корею на условиях долгосрочных контрактов (табл. 2).

3—4-й проекты имеют для экономики Республики Корея наиболее реальные перспективы. *Во-первых*, оба проекта взаимозаменяемы, так как поставщиком по этим проектам является Газпром. *Во-вторых*, цена, зафиксированная в условиях снижения цены на нефть, обещает значительные экономические выгоды Южной Корее при стабилизации рынка нефти и определении реальной, без государственного субсидирования, цены на сланцевый газ. Посчитаем возможную контрактную цену на газ по текущим ценам нефти Brent января 2015 г., руководствуясь известной формулой¹⁴:

Цена СПГ (долл./млн БТЕ*) = цена нефти (долл. за баррель) × $K + b$,

где K и b — коэффициенты — объекты основных торгов при подписании газовых контрактов;

K — отображает фактическую взаимосвязь между нефтяными и газовыми ценами;

* Британская термическая единица.

Таблица 2. Оценка российских проектов поставок газа в Южную Корею¹¹

№	Сценарий проекта	Характеристики	Преимущества	Риски	Вероятность реализации
1	Иркутский центр — Монголия — Шеньян — Далянь	Длина трубопровода — 4887 км. Ориентировочная стоимость проекта — 12 млрд долл.	Достаточные запасы. Наличие инфраструктуры для сжижения и регазификации	Строительство газопровода свыше 2000 км не окупаемы. Высокая стоимость поставки mix	Низкая
2	Сахалин — Хабаровск — Владивосток — Кесон — Вонсан (КНДР) — Косон (РК)	Длина трубопровода — 1800 км	Достаточные запасы. Возможна окупаемость. Основа для будущей энергетической интеграции двух экономик полуострова	Нет политических гарантий КНДР. Нарастание политической эскалации	Низкая
3	Сахалин — Хабаровск — Владивосток (СПГ) — Южная Корея	Длина трубопровода около 1100 км. Поставка mix	Наличие флота газозовозов, терминалов по регазификации	Дефицит финансирования из-за секторальных санкций и перенос строительства Владивосток СПГ до 2019—2020 гг. ¹²	Средняя
4	Пригородное (Сахалин) — Южная Корея	Транспортировка морским транспортом	Приемлемая цена FOB по действующим контрактам. Обсуждение решения о строительстве 3-й очереди СПГ в Пригородном на 5 млн т в год ¹³	Отсрочка строительства из-за секторальных санкций. Но достигнута договоренность по подготовке технической документации	Высокая

b — играет меньшую роль, имеет небольшое значение и является фиксированной добавкой к основной цене.

Допустим, пусть $b = 0$; по данным катарских контрактов максимальный коэффициент $K = 0,147$, текущая цена по данным января 2015 г. на нефть Brent не превышает 50 долл. за баррель. Тогда цена Россия FOB за 1 млн БТЕ СПГ предстанет в достаточно привлекательной для азиатского импортера сумме:

$$50 \times 0,147 + 0 = 7,35 \text{ долл./млн БТЕ (235,2 долл./тыс. м).}$$

Рассчитанная цена нашла свое подтверждение в февральских спотовых котировках 2015 г., когда цена СПГ пробила отметку в 7 долл./млн БТЕ. Теперь о системе ценообразования в отношении цены на газ российскими газодобывающими компаниями. Не секрет, что она является коммерческой тайной. Но решение о расширении закупок СПГ из России зависит во многом от соответствия российской системы ценообразования международным подходам учета ключевых факторов. Выясним, насколько политика ценообразования российских газодобывающих компаний учитывает конъюнктурную ситуацию на контрактном рынке поставок СПГ в Юго-Восточную Азию. Воспользуемся для этого данными ЦБ РФ по экспорту сжиженного газа Россия FOB за 2009—2014 гг., BP Statistical Review of World Energy, издания «Impex Energy for bright future». Поведение цен поставок СПГ в Южную Корею и цен СПГ Японии идентично. Поэтому из-за ограниченности информации по контрактным поставкам Южной Кореи в качестве сравниваемой цены будет использована цена Japan CIF (табл. 3, рис. 4).

Таблица 3. Динамика цен на LNG Россия FOB и Japan CIF за 2009—2014 гг., долл./БТЕ

	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
Цена Россия FOB*	3,11	3,88	5,27	6,83	6,54	7,56
Цена Japan CIF**	9,06	10,91	14,73	16,75	16,17	16,62

* URL: http://www.cbr.ru/statistics/credit_statistics/print.aspx?file=gas.htm;

** URL: bp.com/statisticalreview ; www.inpex.co.jp/english/

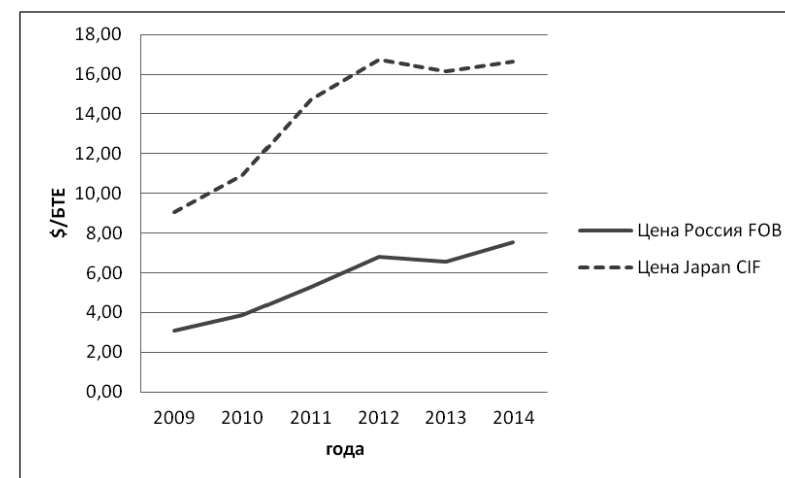

Рис. 4. Динамика цен экспорта СПГ Россия FOB и импорта СПГ Japan CIF за 2009—2014 гг.

Тренд поведения цен российских поставок в основном повторяет тренд мировых поставок СПГ на рынок Юго-Восточной Азии. Коэффициент корреляции, рассчитанный по данным табл. 3, равен 0,97, что свидетельствует о тесной зависимости российских цен поставок СПГ от мировых трендов контрактного рынка СПГ, где нет монополии российских компаний.

Выводы

Газ остается одним из ключевых стратегических ресурсов, оказывающих влияние на динамику ВВП Южной Кореи.

Катарская доминанта в поставках СПГ в условиях завершения ряда долгосрочных контрактов имеет сегодня все предпосылки пересмотра для Южной Кореи по следующим причинам:

- преобладание на рынке контрактных поставок газа, привязанных к цене на нефть;
- устойчивый понижающийся тренд цены на газ в 2014 г. с перспективой на 2015 г.;

- угроза снижения добычи сопутствующего природного газа из-за роста убыточности добычи сланцевой нефти в результате падения котировок на нефть;
- реализация проектов транспортировки газа из месторождений Сахалина и Восточной Сибири российскими нефтегазодобывающими компаниями.

Вариант замещения за счет российских поставок СПГ с Сахалина имеет существенные преимущества, связанные с ресурсами Киринского месторождения и уже освоенным маршрутом поставок, не требующим новых причалов и терминалов по регазификации. Расширение сахалинских поставок по ценам более низким, чем современные катарские поставки, создаст предпосылки для решения проблемы дефицита электроэнергии в Северной Корее путем транзита газа с юга на север Корейского полуострова. Это предполагается, в частности, достигнуть с применением системы «Политические уступки в обмен на газ» в целях защиты вложенных южно-корейских инвестиций в особые экономические зоны (в том числе и в Кэсонский промышленный комплекс) и сворачивания военных ядерных программ Северной Кореи. Как показал анализ трендов, российская цена поставок СПГ чувствительна к состоянию рынка СПГ Юго-Восточной Азии, что звучит обнадеживающе для перспектив расширения газовых поставок из России при соответствующем подходе к ценообразованию.

Примечания

¹ Варнавский В. Мировой рынок природного газа: состояние и развитие. URL: <http://analyticmz.ru/?p=316> (Дата обращения 12.01.2015).

² Михин В. Катар и перспективы газового рынка. URL: <http://nk.org.ua/geopolitika/87829-atar-i-perspektivy-gazovogo-rynka> (Дата обращения 15.01.2015).

³ Собко А. Катарский газ не отобьет у российского ни Европу, ни Азию. URL: <http://www.odnako.org> (Дата обращения 15.01.2015).

⁴ Морозов В.С. Динамика потребления на мировом рынке сжиженного природного газа: современное состояние и тенденции. URL: <http://institutiones.com/general/2367-dinamika-potrebleniya-na-mirovom-rynke-szhizhenogo-prirodno2367-za.html> (Дата обращения 5.01.2015).

⁵ URL: http://www.dv-reclama.ru/atr/uyjnaya_koreya/9817/kogas (Дата обращения 05.01.2015).

⁶ URL: <http://ukrchem.dp.ua/2014/07/24/>(Дата обращения 15.01.2015).

⁷ Войтенко М. Импорт нефти в США падает. Спотовый СПГ некуда девать, цены рухнули. URL: <http://www.odin.tc/mbnew/read.asp?articleID=198> (Дата обращения 15.01.15).

⁸ URL: <http://www.finmarket.ru/news/3439756> (Дата обращения 15.01.15).

⁹ URL: www.interfax.ru (Дата обращения 16.01.15).

¹⁰ URL: <http://www.gazeta.ru/business/2014/11/11/6298061.shtml> (Дата обращения 16.01.2015).

¹¹ Мастепанов А.Н. О разработке новой Энергетической стратегии России: презентация на международной конференции «7-й Японо-Российский Диалог по вопросам энергетики и экологии», 30 октября 2014 г., Ниигата, Япония. URL: http://www.energystrategy.ru/projects/present_es.htm (Дата обращения 23.02.2015).

¹² URL: <http://www.arctic-info.ru/EnergyAnalytics/28-02-2014> (Дата обращения 15.01.2015).

¹³ Там же.

¹⁴ Собко А. Катарский газ не отобьет у российского ни Европу, ни Азию. URL: <http://www.odnako.org> (Дата обращения 15.01.2015).

И.А. Толстоулаков

АРКТИКА: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ РОССИЙСКО-КОРЕЙСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

На рубеже XX—XXI вв. в условиях меняющегося мира Арктика привлекает внимание не только традиционных «арктических» государств, но и весьма далеких от региона стран. Интерес к её освоению проявляет и наш дальневосточный сосед — Южная Корея, которую, несомненно, интересуют природные богатства арктических кладовых, но ещё больше — политико-экономические соображения, связанные с ближайшими и отдалёнными перспективами развития Арктической зоны.

Полагаем важным вкратце определить основной потенциал и приоритеты полярных исследований Республики Корея¹.

Отправной точкой в изучении арктического региона южнокорейскими специалистами стал март 1987 г., когда при Корейском институте исследования и освоения мирового океана (*Korea Ocean Research & Development Institute*, KORDI) был создан Центр полярных исследований (*Polar Research Center*, PRC). Практически сразу же после этого, с августа 1987 г., начал работу Корейский национальный комитет исследований Антарктиды (*Korean National Committee on Antarctic Research*, KONCAR). В тот момент основное внимание концентрировалось на Антарктиде, что видно по названию комитета.

Со временем Центр полярных исследований пережил ряд трансформаций и в 2004 г. был преобразован в Корейский НИИ полярных исследований (*Korea Polar Research Institute*, KOPRI). Выделившись из структуры Корейского института исследования и освоения мирового океана, KOPRI стал самостоятельным оператором Национальной программы освоения полярных регионов (первоначально — *Korean Antarctic Research Program*, а после 2004 г. — *Korean Polar Research Program*). Он базируется в г. Инчхоне, крупнейшем порте на западном (желтоморском) побережье страны. Ещё один центр полярных исследований создан в Корейском океанологическом институте (*Korean Maritime Institute*, КМИ), филиалы которого в городах Пусан и Ульсан на побережье Японского моря активно исследуют проблемы транспортного освоения Арктики и полярной логистики. Третий центр полярных исследований в настоящее время формируется в НИИ развития пров. Канвон (*Research Institute for Gangwon*, RIG), базирующемся в г. Чхунчхон.

Национальная программа освоения полярных регионов реализуется с 1987 г., первоначально она была ориентирована исключительно на Антарктику. Основные достижения программы — это создание собственных судов ледокольного класса и основание двух антарктических и одной арктической станций. В 1988 г. началась работа на антарктической *станции имени короля Седжона* (о. Короля Георга), летом 2014 г. запущена вторая антарктическая станция — *Чанъбого*. С 2002 г. на норвежском архипелаге Шпицберген действует южнокорейская арктическая станция *Тасан*.

В 2009 г. корейская компания *Hanjin Heavy Industries* построила отечественный ледокол «Араон» водоизмещением 7 тыс. т, предназначенный для обеспечения научных станций и проведения самостоятельных исследований и транспортного сообщения в полярных областях. В последние годы РК приступила к строительству транспортных судов ледового класса.

Активная арктическая программа KOPRI запущена с 2004 г. Основное содержание программы определяется следующими научными направлениями:

- климатические изменения в полярных зонах и их глобальные последствия;

- биологическое разнообразие и адаптационные свойства организмов в полярных зонах;
- тектоника полярных зон;
- палеоклиматические исследования (изучение метеоритов и глубинное бурение полярных льдов);
- активизация полярных исследований азиатских стран, не примыкающих к полярным зонам;
- экономическое и транспортное освоение полярных зон.

Научная часть Национальной программы освоения полярных регионов усилена и явно выраженной политической компонентой: с 2005 г. она реализуется под лозунгом «*Pole-to-Pole Korea*», что в вольном переводе может звучать как «Корея от полюса до полюса». Важно подчеркнуть, что здесь мы имеем дело не с националистическими амбициями или притязаниями, а с комплексной проработкой стратегического курса на построение «Кореи глобальной»².

Изучив ряд официальных и исследовательских материалов по проблемам Арктики, мы пришли к выводу, что РК с 2004 г. последовательно реализует практически шаги в следующих принципиально важных направлениях:

- отслеживает ситуацию с поиском и освоением новых природных ресурсов, особенно — ископаемого топлива и минерально-сырьевых материалов;
- изучает транспортные возможности Арктики и преимущества Северного морского пути;
- продвигает идею об активном участии неприарктических азиатских государств в освоении Арктики;
- добивается статуса постоянного члена Арктического Совета³.

Интерес к Арктическому региону как богатейшему источнику топливных и сырьевых материалов понятен и не нуждается в дополнительном обосновании. Неарктические страны Восточной и Юго-Восточной Азии, включая Южную Корею, по вполне понятным причинам заинтересованы в диверсификации своих сырьевых источников. РК занимает 5-е место в мире по импорту сырой нефти и 2-е — сжиженного природного газа. Она импортирует многие виды минерального сырья. И в этом направлении мы можем прогнозировать усиление активности Южной Кореи, поскольку сибир-

ский газовый проект ею упущен, основные потоки будут направлены в Китай, а сахалинских мощностей России пока хватает лишь на удовлетворение запросов Японии и собственного Дальнего Востока.

В мае 2012 г. в газете «Korea Herald» было опубликовано интервью одного из ведущих экспертов РК в области геополитики и обеспечения энергетической безопасности профессора Ханьянского университета Ким Ёнгё (Kim Youn-guoo), в котором он весьма откровенно говорил о стратегии своей страны в отношении Арктического региона:

«Несмотря на позднее вступление в гонку и отсутствие крупных национальных энергетических корпораций, РК готова использовать для закрепления в Арктике свои преимущества в области кораблестроения и машиностроения... Для нас в Арктике существуют два важных вопроса: о её природных ресурсах и использовании морских путей. При желании в этом можно увидеть даже признаки *грядущего геополитического конфликта*, и на самом деле в современной Арктике всё переплетается с вооружёнными силами, системой управления государством и его ресурсами, прежде всего энергетическими и т. д. Расклад игры совершенно изменится, когда станет ясно, какие именно ресурсы окажутся под реальным контролем того или иного государства. Не обязательно арктического (!)»⁴

Для нас это высказывание важно тем, что авторитетный эксперт чётко указывает на стремление и готовность своей страны занять «подобающее место» за столом, где предстоит делить «арктический пирог»... И, на самом деле, в последние годы мы часто сталкиваемся с повышенной активностью неарктических стран. Их инициативы и настойчивость одобряют далеко не все традиционные акторы Арктического региона, тем не менее представителей АТР (Китай, РК, Японии, Индии, Сингапура) тепло приветствуют на международных форумах и конференциях по арктическим вопросам. Возможно, приарктические государства нуждаются в серьёзной финансовой и технологической поддержке, которую, во всяком случае, Южная Корея готова обеспечивать, конечно же на выгодных для себя условиях.

Но немаловажным фактором отмеченного выше «тёплого» отношения к странам, не являющимся циркумполярными, является очевидная попытка создать международный «противовес» арктическим

позициям России. В такой ситуации нам следует расширять сотрудничество с нециркумполярными государствами, способными поддержать существующий политико-экономический и военно-стратегический паритет в Арктике. Обострение конкуренции за арктические ресурсы диктует необходимость определяться с союзниками. Одним из таких потенциальных партнёров России является РК.

Объективно Сеул «заинтересован в усилении соперничества между традиционными арктическими державами, последние на этом фоне могут пойти на существенные уступки в пользу других стран, испытывающих нехватку минеральных ресурсов, с тем чтобы сохранить свой формальный суверенитет, но допустить к участию в арктических делах надежных партнёров из АТР»⁵.

Очевидно, что потенциальная конфликтность в Арктике может быть усилена и в результате освоения новых транспортных маршрутов, существует вероятность возникновения территориальных споров по поводу морских акваторий между США, Россией, Канадой и Норвегией. Чтобы защитить собственные интересы, арктические державы наращивают военную мощь, проводят военно-морские учения. Тем временем Южная Корея «относится к этой проблеме с позиции “мягкой силы” и организует научные экспедиции, выстраивая пока двусторонние партнерские отношения со странами Арктики»⁶. Таким образом реализуется не только политическая установка на проникновение в арктический регион, но и решаются практические задачи по преодолению очевидного отставания от арктических государств в научной и технической сферах, связанных с освоением Арктики.

Чтобы догнать своих соперников, Южной Корее необходимо стремиться к активному сотрудничеству с государственными ведомствами, представителями бизнеса, исследовательскими институтами и специалистами в странах Арктики. Об этом в Сеуле не только говорят, но активно действуют в данном направлении. Приведем несколько примеров.

2012 г.: в феврале руководители и специалисты KOPRI встретились со своими норвежскими коллегами, чтобы обсудить проблему использования ледоколов для проводки грузовых судов в условиях Арктики; в апреле Министерство землепользования, инфраструкту-

ры и транспорта РК и Корейский государственный институт морских и рыболовных технологий заключили соглашение с двумя российскими институтами — Государственной морской академией имени адмирала С.О. Макарова и Центральным НИИ морского флота — о развитии морских и воздушных маршрутов в Арктике; регулярно проводятся консультации с представителями Норвегии, Финляндии и Дании не только в области судостроения, инженерии и морского сектора, но и по повышению ранга РК в Арктическом Совете⁷.

В мае 2012 г. правительство РК обнародовало проект проведения исследований в области охраны окружающей среды и энергетики совместно с США и Канадой в море Бофорта (в пределах канадской исключительной экономической зоны) с участием ледокола «Араон». Данная программа была реализована в октябре — ноябре 2013 г., она включала сейсмические, климатические, биологические наблюдения, а также поиск подводной мерзлоты и гидратов метана.

3 ноября 2014 г. в Международном антарктическом центре, созданном в Новой Зеландии при участии США, Италии и самой Новой Зеландии, был открыт южнокорейский Центр по исследованию Антарктиды, позволяющий РК использовать инфраструктуру, опыт и научные наработки трёх других стран. Таким образом, РК получила доступ к базовому пункту для большинства антарктических экспедиций и улучшила управление собственными антарктическими станциями и ледоколом. Несомненно, подобный опорный пункт ей хотелось бы получить и в Арктическом регионе, по поводу этого ведутся активные консультации со всеми циркумполярными государствами⁸. Сегодня наибольшее встречное движение РК получает от норвежских партнёров, которые, находясь в мощном арктическом окружении в лице России, США и Канады, видимо, нуждаются в усилении собственных позиций. Для этого Норвегия полагает возможным опереться на неарктические страны, предоставляя им плацдарм на Шпицбергене, где действуют арктические научные станции РК и КНР. В данном контексте следует рассматривать и создание в начале 2014 г. совместного норвежско-южнокорейского Центра арктических исследований, соучредителями которого стали KOPRI и Норвежский полярный институт (*Norwegian Polar Institute, NPI*).

Южная Корея сейчас находится в самом начале своего арктического пути, она наращивает свой технологический и научный потенциал, формирует благоприятную международную среду, завоевывает авторитет и укрепляет двусторонние контакты в арктической сфере. Наступает время, когда стране предстоит чётко определиться с национальными приоритетами в Арктике.

В июле 2013 г. правительство Южной Кореи объявило о намерении сформулировать комплексный план действий и выработать национальную арктическую политику на предстоящие 15 лет. В октябре 2013 г. были озвучены её основные принципы, полагаем важным указать на уже известные её положения. РК намерена:

- создать собственный информационно-аналитический центр по проблемам освоения Арктики;
- прилагать усилия для обеспечения активного международного информационного обмена и научного сотрудничества в Арктике;
- приступить к разработке собственных технологий, связанных с глубинным бурением в условиях арктического шельфа;
- продолжить развитие судостроения морских судов полярного типа, включая ледоколы, и на основе этого: 1) создать собственный ледокольный флот и 2) стать признанным в мире экспортером судов ледового класса⁹.

Полагаем, что в скором времени можно ожидать обнародования более детальной корейской стратегии в Арктике. Думается, что она может быть оформлена как государственная программа, обосновывающая следующие приоритеты РК:

- укрепление многосторонних и двусторонних отношений с арктическими странами;
- развитие собственной исследовательской деятельности в Арктике;
- формирование новой модели предпринимательской и научной деятельности в Арктике;
- совершенствование международной правовой и институциональной инфраструктуры для Арктического региона.

Этот прогноз дан на основании изучения ряда публикаций, в частности работ заведующего отделом полярной логистики Корейско-

го НИИ полярных исследований Чон Донмина, выделившего в южнокорейской арктической политике три составляющих: науку, национальную гордость и коммерцию¹⁰.

С научным компонентом мы уже разбирались выше. А что скрывается под «национальной гордостью»? «Одной из причин заинтересованности Южной Кореи являются соображения национальной гордости и престижа в мировом сообществе, — утверждает Чон Донмин. — Как Вы знаете, пятьдесят лет назад Корея была одной из беднейших стран мира. Добившись экономического процветания, корейский народ ждет от своего правительства более активного участия в международных делах»¹¹. Многолетний опыт работы с Кореей убеждает нас в том, что, если в каком-то деле задействован столь сложный инструмент, как «национальная гордость», упорства корейцам на этом поприще не занимать... Особенно, если это дело может обернуться коммерческим успехом.

Южнокорейские компании традиционно уделяют особое внимание деятельности в мировом океане, находясь в положении практически островного государства, страна тесно связывает свои долгосрочные интересы с судоходством, судостроением, офшорными технологиями и рыболовством. Последние перемены в Арктике, по мнению корейских специалистов, открывают для неё новые коммерческие возможности. Главное — найти правильную точку приложения усилий.

В арктических делах участвуют многие государственные ведомства РК. Обратим внимание, что в отличие от Японии среди них нет министерства обороны. Иными словами, можно надеяться на *исключительно мирный* характер южнокорейских усилий в Арктике. Стратегия Сеула в Арктической зоне направлена на определение политических и коммерческих приоритетов, а также точек приложения основных усилий.

Одной из них выбрано *строительство ледоколов и судов ледового класса*. Мы уже назвали пионера корейского ледоколостроения «Араон». Не так давно компания *Samsung Shipping* поставила в Россию танкер ледокольного класса. Она готова к созданию новых типов ледоколов или судов ледокольного класса для Арктического региона. В Южной Корее на мощностях *Daewoo Shipbuilding Corp.* раз-

мешен заказ на строительство девяти судов ледового класса для проекта «Ямал». По информации ряда специалистов, уже готова документация для строительства второго ледокола научного предназначения.

Вторая точка — *превращение РК в нефтяной распределительный узел*, имеющий региональное значение для АТР. Расположение Южной Кореи близко к Северному морскому пути, российскому Дальнему Востоку, Китаю, Японии и странам ЮВА делает её идеальным каналом доставки нефти через Арктику. Чтобы стать нефтяным «хабом» (*Korea Oil Hub*), власти РК запланировали увеличить к 2020 г. ёмкость своих хранилищ до 60 млн баррелей нефти; пригодится и энергетическая инфраструктура страны, включающая пять крупных и современных нефтеперерабатывающих заводов. В июне 2014 г. власти Южной Кореи объявили два нефтяных терминала в городах Ёсу и Ульсан на япономорском побережье зонами свободной торговли. Налоги на хранящиеся и смешивающиеся здесь нефтепродукты взиматься не будут. Это должно привлечь иностранных инвесторов и зарубежных клиентов, что важно для создания нефтяного «хаба». Ряд корейских НИИ и компаний уже работает над национальным проектом *Oil Hub Korea Yeosu Co*. Показательно, что к разработке и реализации данного проекта активно привлечены специалисты по Арктике, в частности директор Института арктической логистики университета «Ёнгсан» профессор Вон Сун, отметивший, что «Южная Корея находится только в начале пути по созданию регионального нефтяного “хаба”, и первое, что надо сделать — существенно увеличить нефтеналивные ёмкости и обеспечить законодательную базу»¹².

Третье и ничуть не менее важное направление — *транспортные возможности Северного морского пути*. Корейский ресурс — технологии и инвестиции, российский — обеспечение мира и стабильности в Арктическом регионе, а также вековой опыт его освоения и использования. Корея коренным образом заинтересована в развитии российской Арктики и её транспортном освоении с учетом собственного коммерческого интереса. РК заинтересована в транспортном освоении Арктики, поскольку не менее 70 % от стоимости её ВВП приходится на долю внешней торговли. Более того, сегодня

многие эксперты высказывают вполне оправданные, на наш взгляд, опасения, что проект создания сквозной железнодорожной артерии от Пусана до Европы через территорию КНДР, России или Китая фактически провалился из-за молчаливого сопротивления Пхеньяна и непримиримой конкуренции Пекина и Москвы¹³.

О собственных коммерческих интересах Корея никогда не забывает, но в случае с Арктикой следует помнить и о политических аспектах. Чего сегодня конкретно ждет или даже добивается от России южнокорейская сторона? Мы назовем три принципиальных позиции, решение по которым для России будет достаточно трудным:

- южнокорейское правительство добивается подписания меморандума о взаимопонимании с Россией с целью создания совместного порта в Северном Ледовитом океане (впервые вопрос поднят в июле 2013 г. на 13-м заседании Российско-корейской совместной комиссии по экономическому и научно-техническому сотрудничеству), вариант решения — совместное использование портового хозяйства Мурманска;
- южнокорейские власти настаивают на расширении масштабов своего присутствия в Арктическом регионе, в том числе в его российском сегменте (речь идет пока о научной работе по примеру экспедиции в канадском море Бофорта или арктической научно-исследовательской станции «Тасан» в Норвегии), вариант решения — реализация совместных научно-исследовательских программ на газовых месторождениях в российских территориальных водах;
- Южная Корея готова запустить «опытный проект» транспортировки грузов в Европу через Северный морской путь и добивается от России соответствующих разрешений и гарантий, вариант решения — создание совместного судоходного оператора, трансформация национального проекта в двусторонний¹⁴.

Все, что было сказано нами выше относительно арктической политики и стратегии Южной Кореи, убедительно коррелирует с краеугольной идеологемой нынешней администрации страны — «евразийской инициативой» президента Пак Кын Хе, выдвинутой в октябре 2013 г. и нацеленной на «...изменение основ глобальной экономики, дипломатии и географии национальной безопасности, ...на создание

и развитие Южной Кореи единой транспортной, энергетической, торговой сети со странами Евразии»¹⁵.

Что же может и что готова предложить нашему дальневосточному соседу Россия? Как не упустить реальные выгоды и возможности, получить южнокорейские ресурсы и технологии для освоения Арктики, но при этом соблюсти геополитические интересы собственной страны? Это тема для серьезного разговора в ближайшем будущем.

Примечания

¹ Анализ проведен на основе материалов официального сайта Корейского НИИ полярных исследований (Korea Polar Research Institute, KOPRI). См.: Korea Polar Research Institute, KOPRI. Web-site. URL: <https://www.comnap.aq/Members/KOPRI/SitePages/Home.aspx> (Дата обращения: 12.01.2015).

² Global Korea. The National Security Strategy of the Republic of Korea. June 2009. Seoul: Office of the President, 2009. Подробнее см.: Толстокулаков И.А. Стратегия национальной безопасности Республики Корея и Россия // Тихоокеанская Россия в системе международных отношений и обеспечения безопасности в АТР: опыт последних лет и грядущие перспективы. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2012. С. 287—305.

³ Арктический Совет — международная организация, созданная в 1996 г. по инициативе ряда приарктических стран для защиты уникальной природы северной полярной зоны. С 2008 г. РК имела временный статус страны-наблюдателя при Арктическом Совете, а с мая 2013 г. — постоянный статус страны-наблюдателя.

⁴ *Shin Hyon-Hee*. Seeking a bigger role // Korea Herald. 2012. May 20.

⁵ Ibid.

⁶ Ibid.

⁷ В мае 2012 г. южнокорейские СМИ преподносили эту проблему в качестве уже решенного вопроса. В частности, именно так трактовались результаты встречи руководителя международной юридической службы МИД РК Син Мэнхо (Shin Maeng-ho) с норвежским послом в Арктическом Совете К. Клепсвиком (K. Klepsvik). См.: Чосон Ильбо. 2012. 15 мая.

⁸ KBS World. 2014. November 4. URL: http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_Sc_detail.htm?lang=r&id=Sc&No=36543&current_page= (дата обращения: 4.11.2014 г.).

⁹ Чосон Ильбо. 2013. 21 октября.

¹⁰ Чосон Ильбо. 2013. 13 ноября.

¹¹ Там же.

¹² Daily Maritime News. 2014. July 23.

¹³ *Чо Ёнгван*. Пуккыкхэый чавонкэбальгва Кангвондой чолляк (Освоение ресурсного потенциала Северного Ледовитого океана и стратегия провинции Канвон). Чхунчхон: Кангвон пальчон ёнгвон (НИИ развития провинции Канвон), 2012. С. 17.

¹⁴ Россия Санкхы-Петерыбурыгы чудже Тэхан мингук И Ёнсу чхонъёнса Мурмански панмун (Посещение города Мурманска генеральным консулом Республики Корея в Санкт-Петербурге Ли Ёнсу) // Чосон Ильбо. 2013. 2 августа.

¹⁵ *Асмолов К.В.* Евразийская инициатива президента РК // Новое восточное обозрение. 2014. URL: <http://ru.journal-neo.org/2014/08/28/rus-evrazijskaya-initiativa-prezidenta-rk/> (дата обращения: 23.09.2014).

О.В. Кирьянов

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РОССИЙСКО-СЕВЕРОКОРЕЙСКОГО ПРОЕКТА «ХАСАН—РАДЖИН»

Возвращение России в КНДР

В последнее время наблюдается заметная активизация сотрудничества между Россией и КНДР в различных сферах. Можно констатировать, что по разным причинам России и Северной Кореи это стало выгодно. Столкнувшись с охлаждением политических отношений с Пекином, но имея при этом зависимость внешней торговли от Китая на уровне около 80 %¹, КНДР начала пытаться найти альтернативу Пекину. С другой стороны, постепенная активизация России в Азии была резко ускорена ухудшением отношений со странами Запада, которые из-за конфликта на Украине ввели против Москвы санкции. В связи с этим «разворот на Восток» стал для России одним из основных направлений внешней политики, где активизация связей с КНДР входит в число важных составляющих этой стратегии².

В результате с конца 2013 — начала 2014 г. наблюдается увеличение межправительственных контактов между РФ и КНДР, сопровождающихся подписанием различного рода соглашений. Пошли раз-

говоры о возможности российско-северокорейского саммита в Москве в мае 2015 г.³

Заявленные по итогам встреч планы и договорённости между РФ и КНДР выглядят внушительно. Так, Москва и Пхеньян договорились активизировать двустороннюю торговлю, доведя её с 112,7 млн (по итогам 2013 г.) до 1 млрд долл. к 2020 г. Россия и Северная Корея также решили вести двусторонние расчёты в российских рублях⁴. Было ратифицировано соглашение об урегулировании задолженности КНДР перед Россией по долгам Советскому Союзу. В октябре 2014 г. в Пхеньяне министр РФ по развитию Дальнего Востока Александр Галушка заявил о начале реализации проекта «Победа», который предусматривает модернизацию железнодорожной сети КНДР. Общая стоимость проекта оценена в 25 млрд долл.⁵ Некоторые СМИ утверждают, что Россия и КНДР договорились и о модернизации сети ЛЭП в Северной Кореи. Масштаб этого проекта оценён в 20—30 млрд долл.⁶ Вместе с тем все эти крупные проекты и планы находятся в лучшем случае на начальной стадии. Есть и эксперты, которые ставят под сомнение их реалистичность⁷.

На этом фоне привлекает внимание другой совместный российско-северокорейский проект, который уже вышел на стадию полноценного функционирования — «Хасан—Раджин». 27 ноября 2014 г. из порта Раджин в южнокорейский Пхохан отбыл китайский балкер с грузом 40 500 т российского угля⁸. Данная поставка стала первой в истории, когда груз был привезён из РФ, пройдя по железной дороге России, через территорию и порт КНДР, а затем морем доставлен в Республику Корея (РК).

Логистический проект «Хасан—Раджин»

Проект «Хасан—Раджин» имеет свою предысторию. По словам экспертов, которые работали в Раджине ещё в советские времена, СССР использовал порт для перевалки грузов несколько десятилетий⁹.

Суть нынешнего проекта заключается в создании единой железнодорожной колеи из России до Раджина и строительстве в порту комплексного транспортного терминала, через который по морю

можно было бы отправлять грузы. Решение о реализации проекта «Хасан—Раджин» было принято в 2001 г. в ходе встречи президента России Владимира Путина и лидера КНДР Ким Чен Ира. С самого начала он задумывался (эта стратегическая цель остаётся в силе до сих пор) как пилотный проект по реконструкции Транскорейской железнодорожной магистрали и соединению её с Транссибом.

То время характеризовалось значительным потеплением отношений и расширением межкорейского сотрудничества, а потому создание Россией своих мощностей в Раджине для обработки южнокорейских грузов выглядело перспективным и многообещающим проектом. Однако затем произошло охлаждение межкорейских отношений, после ядерных испытаний Пхеньяна против него были введены международные санкции.

Тем не менее проект «Хасан—Раджин» стартовал в 2008 г. Для реализации проекта было создано совместное предприятие «Расон-КонТранс», учреждённое ОАО «Торговый дом РЖД» и портом Раджин (в долях 70/30). Однако начало сотрудничества неудачно совпало с мировым финансово-экономическим кризисом, что привело к приостановке работ.

В итоге активные работы удалось начать лишь во второй половине 2010 г. 22 сентября 2013 г. состоялась церемония ввода в эксплуатацию реконструированного участка железной дороги от ст. Хасан до порта Раджин протяжённостью 54 км. 18 июля 2014 г. был открыт универсальный перегрузочный терминал в порту Раджин, где теперь можно одновременно принимать по два судна водоизмещением по 50 тыс. т каждое. Суммарный объем инвестиций РФ в проект на сегодняшний день составляет 10,6 млрд руб.¹⁰

13 ноября 2013 г. в присутствии президента РФ Владимира Путина и президента РК Пак Кын Хе был заключён Меморандум о взаимопонимании между ОАО «РЖД» и консорциумом южнокорейских компаний — POSCO, Korail и Hyundai Merchant Marine — для проработки вопросов участия южнокорейских партнёров в проекте «Хасан — Раджин». По предварительным оценкам, инвестиции представителей РК могут составить 150—200 млн долл. и будут осуществляться путём выкупа 49 % российской доли в СП «РасонКонТранс»¹¹.

Экономика или политика?

Некоторые эксперты называют проект «Хасан—Раджин» «политическим». Действительно, любые проекты сотрудничества с КНДР в той или иной степени имеют политическую составляющую по объективным причинам. Так, все экономические структуры КНДР находятся под контролем государства.

Против Северной Кореи действуют широкомасштабные международные санкции, которые обязательны для всех членов ООН (резолюции СБ ООН № 1718, 1874 и 2094). После событий марта 2010 г., когда был затоплен корабль южнокорейских ВМС «Чхонан», Сеул запретил любое сотрудничество с Севером, за исключением межкорейского технопарка в Кэсоне. Согласно законам РК, её граждане не могут посещать КНДР, не получив на это заранее разрешения властей Юга.

С другой стороны, проект «Хасан—Раджин» по своей сути всё же является деловым проектом, который невозможен без чёткой экономической логики. Согласно подсчётам, проект начнёт приносить прибыль, если на грузовом терминале в Раджине будет обрабатываться в год не менее 4 млн т грузов¹². Согласно данным ОАО «РЖД», на 2015 г. у них есть предварительные договорённости на перевалку 1 млн 200 тыс. т угля¹³.

Южная Корея, для которой соображения сотрудничества с КНДР играют немаловажную роль, тем не менее, также вряд ли стала бы рассматривать возможность присоединения к проекту, если бы это не сулило экономических дивидендов.

Что касается КНДР, то она уже получила на своей территории новый действующий инфраструктурный проект, а также возможность развивать сотрудничество с другими странами¹⁴.

Таким образом, не отрицая полностью наличие «политического фактора» в проекте, следует говорить также и о его экономической обоснованности.

Трудности и проблемы проекта

По поводу перспектив проекта «Хасан—Раджин» существует много скептических прогнозов. Следует признать, что проект имеет достаточно много проблем, которые требуют решения.

Организационные проблемы

Одна из сложностей связана с комплексностью проекта и его потенциальной многосторонностью. Он подразумевает координацию действий между представителями разных сфер: логистики, железнодорожного транспорта, портовых структур, а также специалистов по маркетингу.

Сейчас в проекте участвуют две страны — Россия и КНДР, — высока вероятность присоединения Южной Кореи. В результате происходит состыковка специалистов, представляющих три разные деловые культуры, где имеют место различные подходы, традиции и правила.

Технические и инфраструктурные сложности

Другие проблемы связаны с технической стороной. Ряд серьёзных проблем пришлось решать при модернизации железнодорожного полотна между станциями Хасан и Раджин. В КНДР сильна нехватка электричества, что тормозит многие другие направления сотрудничества. Состояние автомобильных дорог в этом районе также не самое лучшее. Кроме того, нехватка даже базовых материалов и техники заставляет многое ввозить из России, не надеясь на местные возможности.

Политико-экономические проблемы

Среди факторов, которые явно препятствуют реализации проекта «Хасан—Раджин», можно назвать введённые против Северной Кореи многочисленные международные санкции. Любое судно, заходя в порт КНДР, затем попадает под шестимесячный карантин, не имея права в течение этого периода заходить в порты США и ряда других государств Запада. Это приводит к тому, что судовладельцы отказываются работать с КНДР либо требуют повышенной платы за услуги. Аналогичным образом ведут себя и международные страховые компании, завышая тарифы.

Зачастую в проблему превращается перечисление денег по межбанковским каналам. Любые контакты с КНДР воспринимаются правительствами многих стран с большим подозрением.

Во многих странах Запада, а также в Южной Корее достаточно сильны политические движения, которые выступают против какого-либо сотрудничества с КНДР, считая метод давления единственным приемлемым.

В последнее время вопрос санкций стал играть свою роль применительно не только к КНДР, но и к России. Сеул хотя формально и не присоединился к антироссийским санкциям, но не может не учитывать подход США.

Чисто экономические проблемы

Существуют и чисто экономические проблемы. Так, созданный в порту Раджина терминал вынужден конкурировать с другими портами региона.

В последнее время наблюдается снижение мировых цен на уголь, на который сейчас ориентирован построенный терминал. Одновременно Китай, который является одним из главных потенциальных заказчиков, повысил пошлины на импорт угля¹⁵.

Проект «Хасан—Раджин» вынужден также бороться и с инерцией менеджеров-логистов, которые предпочитают уже проверенные схемы. Он в этом плане «новичок», а потому ещё должен наработать себе имя и авторитет.

Фактор КНДР

Если экономические проблемы и трудности являются традиционными для каждого проекта, то у данного проекта есть и ряд других своих «уникальных» препятствий, которые обобщают как «фактор КНДР».

У зарубежных инвесторов существуют опасения в отношении непредсказуемости сотрудничества с КНДР. Это касается как опасений того, что очередное осложнение ситуации вокруг Корейского полуострова может привести к полному замораживанию сотрудничества, так и непредсказуемости поведения самого Пхеньяна в отношении инвесторов. В СМИ периодически попадают рассказы иностранных бизнесменов о том, как сложно заниматься бизнесом в КНДР¹⁶.

У представителей Сеула сильны опасения того, что КНДР может использовать совместные проекты в политических целях в качестве средства давления на Юг. В этом плане часто вспоминается закрытие на несколько месяцев властями КНДР межкорейского технопарка в Кэсоне в 2013 г.¹⁷

Существует также и проблема введения неожиданных ограничений властями КНДР на деятельность иностранцев. Так, например, в

связи со вспышкой вируса Эбола в мире власти КНДР ввели в отношении всех иностранцев жёсткие карантинные меры¹⁸.

Отметим, что зачастую «северокорейский фактор» чрезмерно усилен в зарубежных СМИ, а иностранные бизнесмены избегают говорить об имевших место с их стороны нарушениях договорённостей, но даже с учётом этого следует признать, что бизнес в КНДР имеет ряд особенностей и трудностей, которые не всегда легко принять иностранцам.

Достоинства проекта и выгода для каждой из сторон

Несмотря на все обозначенные трудности, проект представляет реальную выгоду для всех его действующих, а также возможных в будущем участников, что позволяет говорить о перспективности данного вида сотрудничества.

Выгода для России

Путём реализации проекта «Хасан—Раджин» Россия получила действующий бизнес-проект, который позволяет ей активнее задействовать свои мощности в логистике, а также получать прибыль в перспективе.

Раджин расположен недалеко от границы с Россией и Китаем. Южнокорейские эксперты также считают, что этот район имеет большие перспективы. Компании POSCO и Hyundai Merchant Marine ведут строительство в китайском Хунчхуне крупного логистического узла. Соединение центра в Хунчхуне с терминалом в Раджине представляет большие перспективы в плане оптимизации перевозок¹⁹.

Опять же следует упомянуть и стратегический замысел, который и был заложен в основу проекта. В случае объединения двух Корей эта логистическая цепочка будет ещё больше востребована.

Не стоит сбрасывать со счетов и политические дивиденды для России. Это проект, который реализуется по инициативе в первую очередь РФ, будет способствовать снижению напряжённости в этой части мира. В определённой степени это и своего рода вклад России в нормализацию межкорейских отношений и объединение двух Корей²⁰.

Дивиденды Северной Кореи

Участие в СП гарантирует Пхеньяну соответствующую долю в прибыли. Порт Раджин и все сопутствующие структуры будут иметь возможность зарабатывать на приёме и отправке судов и предоставлении иных услуг. КНДР уже получает 600 тыс. евро в год только за предоставление в аренду земли, на которой лежит железнодорожное полотно²¹.

Кроме того, КНДР получила на своей территории новый действующий инфраструктурный проект с железнодорожными путями и терминалом в порту.

На СП трудятся около 90 специалистов КНДР, которые получают, по местным меркам, очень хорошую зарплату, в целом превосходящую уровень зарплаты, которую северокорейские рабочие имеют в Кэсонском технопарке²².

Нормальная работа проекта будет также способствовать улучшению имиджа Северной Кореи как объекта для инвестиций.

Отметим также и политический фактор снижения односторонней экономической зависимости КНДР от соседнего Китая. Понятно, что один только проект «Хасан—Раджин» не сможет существенно изменить ситуацию, но это будет шаг именно в том направлении.

Кроме того, данное сотрудничество ценно и тем, что не является простой помощью Пхеньяну, а приучает КНДР к зарабатыванию денег в современных условиях, в реалиях международной конкуренции и с учётом интересов других партнёров.

Привлекательность проекта для Южной Кореи

Для южнокорейских потребителей угля новая логистическая цепочка в рамках проекта «Хасан—Раджин» позволяет сэкономить 10—15 % времени на доставку и транспортные расходы²³. В перспективе возможно будет направление контейнеров по этой же линии, но уже в обратном направлении — из Южной Кореи до Западной Европы.

Сотрудничество позволит Югу улучшить отношения с КНДР, даст возможность начать работать вместе в рамках ещё одного проекта помимо Кэсонского технопарка.

Стоит также вспомнить и «Евразийскую инициативу», заявленную президентом РК Пак Кын Хе в качестве одного из главных на-

правлений внешнеполитической стратегии. Проект «Хасан—Раджин» может стать первым реальным шагом по осуществлению данной инициативы²⁴.

Кроме того, президент Пак подвергается внутри страны серьёзной критике за то, что не смогла достигнуть успехов на северокорейском векторе своей политики²⁵. Участие южан в проекте позволит президенту Пак записать себе в актив это направление.

Также можно сказать, что и для Южной Кореи большое значение имеет возможность снижения чрезмерной торгово-экономической зависимости КНДР от Китая²⁶.

Дальнейшие перспективы проекта

Насколько можно судить, в Сеуле остались довольны пилотной поставкой угля в ноябре 2014 г. Отмечалось, что поставка была осуществлена с опережением запланированных сроков, эксперты Юга положительно охарактеризовали качество и состояние инфраструктуры проекта²⁷. Появились сообщения о возможности подключения к проекту южнокорейского консорциума уже в течение 2015 г.²⁸, а также возможного участия в нем корпорации Korea Electric Power Corporation (КЕРСО)²⁹. Кроме того, к проекту проявили большой интерес в Пусане. 11 февраля 2015 г. мэрия Пусана подписала с СП «РасонКонТранс» меморандум о взаимопонимании³⁰.

Северокорейские представители также подчёркивают свою заинтересованность в деловом сотрудничестве, где все определяется показателями взаимной выгоды, а не политикой³¹.

Понятно, что с учётом нынешней нестабильной ситуации в мировой экономике, трудностей, с которыми сталкивается каждая из стран, достижение проектом поставленных целей не будет простым делом. На данном этапе первостепенную важность приобретают уже чисто экономические задачи — привлечение грузовой базы.

Представители российской стороны не скрывают, что они заинтересованы в участии южнокорейцев. Со стороны РФ озвучивается готовность отстаивать интересы южан как возможных инвесторов на переговорах с представителями КНДР³².

С другой стороны, южане отнюдь не «последняя надежда проекта». Руководитель СП «РасонКонТранс» Олег Агафонцев в феврале 2015 г. заявил, что они ведут переговоры по поводу сотрудничества с представителями Китая и Тайваня³³, а генеральный представитель ОАО «РЖД» в КНДР Андрей Тимченко напомнил, что до южнокорейской партии первые три отгрузки были совершены в Китай³⁴.

На очереди теперь деловые переговоры по поводу условий вхождения южнокорейского консорциума в проект. Показателен тот факт, что официальные представители РК практически каждый раз, когда говорят об отношениях с КНДР и межкорейском сотрудничестве, в качестве одного из многообещающих проектов упоминают именно «Хасан—Раджин»³⁵.

Примечания

¹ Согласно данным южнокорейского агентства KOTRA, по итогам 2013 г. доля Китая во внешней торговле КНДР составила 89,1 % (2013нёндо пукхан муён тонхян (Тенденции внешней торговли Северной Кореи в 2013 г.). Сеул: KOTRA, 2014. С. 3). Однако если учесть межкорейскую торговлю, то доля КНР по итогам 2013 г. составила около 77 %.

² *Hyun, Seungsoo.* Prospects for DPRK-Russian Relations in 2015. Seoul: KINU, 2015. P. 1—3.

³ North Korean Leader to Visit Russia in May // Voice of America. 23.01.2015. URL: <http://www.voanews.com/content/north-koreas-kim-jong-un-to-visit-russia/2611134.html>.

⁴ Данные с сайта посольства РФ в КНДР: URL: <http://www.rusembdprk.ru/ru/rossiya-i-kndr/torgovo-ekonomicheskoe-sotrudnichestvo>

⁵ *Александр Галушка:* РФ и КНДР согласовали общую модель отношений по проекту «Победа» // ТАСС. 29.11.2014.

⁶ Пук-Россия ва 300 ок талло чоллёмман кэсон саоп чжучжин (Северная Корея и Россия намерены реализовать проект модернизации электросети КНДР на общую сумму 30 млрд долл.) // Чосон Ильбо. 23.01.2015.

⁷ «Такого проекта нет и не будет». Россия вложит 25 млрд долл. в железные дороги КНДР // Газета.ру. 26.01.2015.

⁸ Из северокорейского порта Раджин в южнокорейский порт Пхохан отправлено первое судно с углем, доставленным по реконструированному участку железной дороги Хасан (РФ) — Раджин (КНДР) // Пресс-релиз ОАО «Россий-

ские железные дороги» от 28.11.2014. URL: http://press.rzd.ru/news/public/ru?STRUCTURE_ID=654&layer_id=4069&refererLayerId=3307&id=85055

⁹ Автор данной работы сопровождал российско-южнокорейскую делегацию, которая посетила Раджин 25—28 ноября 2014 г. Эти и остальные ссылки на личные интервью в тексте работе относятся к той поездке. — Из бесед автора с гендиректором СП «РасонКонТранс» Олегом Агафонцевым, генеральным менеджером компании «Шторм Марин Холдинг» Игорем Хаботкиным и руководителем Службы международных связей Дальневосточной железной дороги — филиала ОАО «РЖД» Игорем Мельниковым.

¹⁰ Из официальной справки по проекту «Хасан-Раджин», предоставленной ОАО «РЖД» автору.

¹¹ Росиасан соктах пхохан точхак... Начжин-Хасан пхырочжекты тхаллэк патылкка? (Российский уголь прибыл в Пхохан... Получит ли новый импульс проект «Начжин — Хасан» // Чосон Ильбо. 01.12.2014.

¹² Россия возвращается в Раджин, объединяя две Кореи // Российская газета. 03.12.2014. Отметим также, что генеральный директор СП «РасонКонТранс» Олег Агафонцев в феврале 2015 г. заявил, что терминал может быть расширен и для обработки до 6 млн т угля в год.

¹³ Из личного интервью автора.

¹⁴ Подробнее вопрос о том, что конкретно смогут сэкономить и выиграть Сеул и Пхеньян от участия в проекте, будет подробнее рассмотрен ниже.

¹⁵ Coal hit again as China resumes import tariffs // The Sidney Morning Herald. 09.10.2014.

¹⁶ *Abrahamian, Andray*. Business Opportunity or Bust?: Perusing North Korea's Economic Development Zones / The paper presented at the international conference »Doing Business in North Korea: Opportunities and Challenges» held on January 28th, 2015 in Seoul by The Institute for Far Eastern Studies, Kyungnam University. P. 27—46.

¹⁷ Kaesong foreign investment seminar canceled // Joongang Daily. 15.10.2013.

¹⁸ Hermit kingdom North Korea takes extreme Ebola precautions // The Telegraph. 11.11.2014. Об этом также говорит и исполнительный директор работающей с КНДР компании «Chosun Exchange» — см.: Abrahamian, Andray. Op. cit. P. 35—37.

¹⁹ В 2000 г. Корейская администрация контейнерных терминалов (КСТА) заявила о плане создать в Раджине отдельный контейнерный причал. КСТА планировала инвестировать в проект около 27 млн долл. для модернизации причала длиной 210 м и создания отдельного пирса для приема контейнеровозов. — North Korea Handbook. — Seoul: Yonhap News Agency, 2003. P. 353. По поводу строительства POSCO и Hyundai Merchant Marine в Хунчхуне см. информационный пресс-релиз компании POSCO: URL: <http://www.kgu.or.kr/eng/news/industry.html>

?md=view&tb=bbs_029&no=6319&refer=/eng/news/industry.html. По другим сообщениям, эти две компании начали строительство центра логистики в Хунчхуне в январе 2012 г., намерены инвестировать в него 177 млн долл. и планируют обрабатывать через него к 2020 г. уже 13 млн т грузов. — см.: North Korea's Rajin as Rotterdam? A Little Less Crazy Now // The Wall Street Journal. 10.02.2014.

²⁰ *Toloraya, Georgiy*. The two Koreas, coming to terms with Russian assistance // www.nknews.org. 23.07.2014. URL: <http://www.nknews.org/2014/07/the-two-koreas-coming-to-terms-with-russian-assistance/>

²¹ Об этом сообщил в беседе с автором заместитель начальника Департамента международного сотрудничества ОАО «РЖД» Алексей Астафьев.

²² По данным Министерства объединения Южной Кореи, средняя зарплата рабочих в Кэсонском комплексе (до вычетов и налогов) составляет около 130 долл. В СП «РасонКонТранс» зарплата северокорейцев колеблется от 75 до 200 евро (на основе данных СМИ Южной Кореи, а также из личных бесед автора с руководством СП «РасонКонТранс»). По поводу оплаты северокорейских рабочих в Кэсонском технопарке подробнее можно увидеть здесь: Кэсонкондан кыллочжа сильчиль имгым 80 талло сучжун (Реальная зарплата рабочих в Кэсонском комплексе на уровне 80 долларов) // Voice of America. 13.03.2014. URL: <http://www.voakorea.com/content/article/1870362.html>.

²³ Росиа юэнтханхаёксихчак... «Понкеяк хёпсан чинхэн» (Начата разгрузка российского угля ... «Проводятся переговоры по контракту» // YTNNews. 01.12.2014.

²⁴ *Kim, Tae-Shik*. Seoul's Participation in the Rajin-Khasan project // Vantage Points. Developments in North Korea. January 2015. P. 16—17; Russian Coal Shipment to Arrive in Korea as Part of Najin—Hasan Project // The Korea Economic Daily. 18.11.2014.

²⁵ *Lee, Kwang-ho*. Rough Road toward Improving Inter-Korean Relations // Vantage Point. Developments in North Korea. February 2015. P. 7.

²⁶ *Чхэе Су Ен*. Пук-чун кенджеквангева хвактэва тэынпанан (Активизация северокорейско-китайских экономических связей и реакция на это). — Сеул: KINU, 2007. С. 77—83.

²⁷ Пуккохё куннэон соктхан.. Ханбурно хёмнёк чхоткельсин (Пришедший через Северную Корею к нам уголь... Первый плод сотрудничества Южной, Северной Кореи и России) // Channel A. ichannela.com. 29.11.2014.

²⁸ Сеул присоединится к проекту «Хасан—Раджин» в 2015 г. // Российская газета. 01.12.2014.

²⁹ *Kim, Tae-Shik*. Op. cit. P. 16—17.

³⁰ Пусан — Начжин мулло ёнгёль каньсон чхунбун (Существует достаточная возможность для логистического соединения Пусан и Начжина) // Ёнхп Ньюсы. 11.02.2015.

³¹ Kim, Tae-Shik. Op. cit. P. 17.

³² Как заявил в ноябре 2014 г. заместитель начальника Департамента международного сотрудничества ОАО «РЖД» Алексей Астафьев: «В случае вхождения в проект партнёров из Южной Кореи думаю, что мы сможем договориться с властями КНДР о возможности постоянно пребывания в Раджине представителя южан. Полагаю, что северокорейская сторона пойдёт в этом плане навстречу нашей соответствующей просьбе». Южная Корея получила российский уголь // Российская газета. 03.12.2014.

³³ Российско-северокорейский проект «Хасан—Раджин» поддержали в южнокорейском Пусане // URL: <http://prokorea.ru/economy,-technology/russian-port-korean-project-khasan-rajin>

³⁴ Россия возвращается в Раджин, объединяя две Кореи // Российская газета. 03.12.2014.

³⁵ Например озвученные 18 января 2015 г. новые инициативы президента Республики Корея Пак Кын Хе по развитию связей с КНДР, интервью посла РК в Москве российским СМИ и пр.: Пхенхвхатхонилькибанпоп чечжон, ханбандоёльча сибомунхэн чхучжин (Разработка Закона о создании основы для мирного объединения, продвижение инициативы по пробному составу по Корейскому полуострову) // Информагентство Ёнхап. 18.01.2015; СМИ: КНДР попросила президента РФ организовать межкорейский саммит // Российская газета. 16.01.2015; Ви Сон Нак: «Росия тхоильси консольчжок ёкхаль канын» (Ви Сон Нак: «В случае объединения Россия имеет возможность сыграть конструктивную роль») // URL: <http://www.christiandaily.co.kr>. 16.01.2015, и др.

«КОРЕЯ: 70 ЛЕТ ПОСЛЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ»

Коллективная монография

Краткое содержание статей

ГЛАВА 1

Корейское урегулирование: груз нерешенных проблем

Жебин Александр Захарович (руководитель ЦКИ ИДВ РАН)

Корейское урегулирование: уроки и задачи

Автор предлагает свое видение основных уроков и задач урегулирования существующих на Корейском полуострове проблем, в первую очередь в области нераспространения оружия массового уничтожения и средств его доставки, а также построения новой, многосторонней системы поддержания мира и безопасности в СВА. Указывается на бесперспективность и опасность силовых, санкционных подходов к разрешению существующих там разногласий, необходимость путем диалога добиться должного учета интересов безопасности и экономического развития всех государств региона. Ядерную проблему Корейского полуострова не решить только за счет экономических подачек КНДР, не принимая во внимание ее озабоченности своей безопасностью и сохраняя нынешний спектр экономических санкций в отношении этой страны. Анализируя проблему создания нового механизма обеспечения мира и безопасности в СВА, автор считает, что намерение Вашингтона использовать будущую объединенную Корею в качестве плацдарма морских держав — США и Японии — против континентальных — России и КНР — уже в настоящее время серьезно затрудняет как решение ЯПКП, так и продвижение к воссоединению Кореи. Обосновывается тезис о том, что без достижения четырьмя «большими странами» — Россией, Китаем, США, Японией, — а также обеими корейскими сторонами согласованного видения места, которое займут два корейских государства, а в перспективе — и объединенная Корея, в новой архитектуре безопасности в

СВА, создание нового действенного механизма по обеспечению мира и безопасности в регионе представляется маловероятным.

Рассматривая вопрос о внешнеполитической ориентации единого корейского государства, его возможных союзах, автор считает, что нейтрализация будущей объединенной Кореи при международных гарантиях со стороны США, КНР, России и Японии может оказаться наиболее приемлемым для всех заинтересованных сторон вариантом корейского урегулирования.

Ключевые слова: Корейский полуостров, ядерная проблема, нераспространение, безопасность.

Воронцов Александр Валентинович (зав. отделом Кореи и Монголии Института востоковедения РАН)

Тревоги и надежды Корейского полуострова

Применительно к американо-северокорейским отношениям, которые, как известно, решающим образом определяют общую обстановку на Корейском полуострове, с сожалением приходится констатировать, что 2014 г. завершается на конфликтной ноте. Печально это и потому, что данный фактор неизбежно отразится и на принимаемых вовлеченными сторонами решениях на старте года 2015, ограничивая возможности начать его с чистого листа на более позитивной волне.

В рамках обзора событий 2014 г. линия Вашингтона на «дожимание» КНДР четко прослеживается. Все многочисленные примирительные инициативы Пхеньяна, как в адрес Вашингтона, так и Сеула, игнорировались, представлялись лишь только как пропагандистское наступление. На фоне спокойного поведения и выдержки КНДР, воздержавшейся в 2014 г. от проведения ядерных испытаний и запусков ракет большой дальности, США и их союзники продолжали проводить серию многочисленных широкомасштабных военных маневров по пересмотру границ Северной Кореи, изыскивали дополнительные средства усиления давления на северян. Таковой стала беспрецедентная по своим параметрам кампания по осуждению нарушений прав человека в КНДР. Однако примирительные предложения лидеров КНДР и РК, прозвучавшие в начале 2015 г. дают определенную надежду на возможность возобновления содержательного межкорейского диалога.

Ключевые слова: Корейский полуостров, денуклеаризация, межкорейские отношения, предложения по объединению, стратегическое терпение.

Гордиенко Дмитрий Владимирович (ведущий научный сотрудник ИДВ РАН)

Оценка уровня военной безопасности государств Корейского полуострова

Перемены в мире, связанные с глобализацией, обуславливают необходимость принятия высшим политическим руководством России оперативных и адекватных решений по нейтрализации, локализации и/или устранению военных угроз, которые возникают и непрерывно трансформируются в процессе эволюции всей системы современных международных отношений. В связи с этим представляет интерес рассмотрение мер обеспечения военной безопасности, принятых в разных странах и, в частности, в государствах Корейского полуострова. Показателями-индикаторами военной безопасности государств Корейского полуострова могут быть: 1. Численность Сухопутных войск; 2. Численность ВВС и Войск ПВО; 3. Численность ВМС; 4. Численность внутренних войск и военизированных полицейских частей; 5. Численность вспомогательных воинских частей; 6. Численность частей специальных служб; 7. Численность других войск и воинских (военизированных) формирований; 8. Количество боевых танков; 9. Количество боевых бронированных машин; 10. Количество артиллерийских систем; 11. Количество ударных вертолетов; 12. Количество пусковых установок оперативно-тактических и тактических ракет; 13. Количество боевых самолетов; 14. Количество пусковых установок зенитных ракет; 15. Количество подводных лодок; 16. Количество надводных кораблей; 17. Количество боевых катеров; 18. Доля расходов на оборону (в % к ВВП); 19. Объем валового внутреннего продукта.

Ключевые слова: Северо-Восточная Азия, военная безопасность, уровень военной безопасности, Республика Корея, Корейская Народно-Демократическая Республика.

Евсеев Владимир Валерьевич (старший научный сотрудник, докторант Института востоковедения РАН)

Оценка военного потенциала КНДР

Среди международного сообщества широко распространяются идеи об агрессивности Северной Кореи, которая якобы постоянно угрожает Южной Корее и даже стремится ее присоединить вооруженным путем. Это служит базисом для милитаризации Республики Кореи (РК), сохранения на Корейском полуострове американского военного присутствия и регулярного проведения там масштабных американо-южнокорейских военных учений. На самом деле западные эксперты сознательно завышают военный по-

тенциал КНДР. В первую очередь это касается ракетно-ядерных сил, которые имеют ограниченный масштаб по количеству не только ядерных боезарядов, но и потенциальных средств их доставки. Подобное наблюдается и в отношении обычных вооружений, где сопоставление военных потенциалов двух корейских государств показывает явное превосходство Сеула. Именно РК обладает значительным наступательным потенциалом, особенно в отношении военно-воздушных и военно-морских сил. Пхеньян больше готов к проведению оборонительных действий, что видно, например, по качественному составу его бронетанковой техники. Подобное имеет отношение и к возможному артиллерийскому обстрелу Сеула. На практике это будет сложно реализовать из-за неизбежных ответных действий Южной Кореи в виде многочисленных ракетных и авиационных ударов, в том числе с помощью беспилотных летательных аппаратов. Конечно, КНДР имеет план боевого применения ядерного оружия. Но его реализация носит больше гипотетический характер ввиду географической близости двух корейских государств. Аналогичное произойдет и при, например, массовом разрушении в РК объектов химической промышленности и атомной энергетики силами северокорейских диверсионных подразделений, численность которых в США и РК многократно превышала. Исходя из этого, можно сделать вывод: Пхеньян готовится исключительно к оборонительным действиям. И он готов к реальному диалогу с Сеулом, в том числе на высшем уровне.

Ключевые слова: военный потенциал, КНДР, обычные вооружения, ракетно-ядерные силы, ракетный и авиационный удар.

Дьячков Илья Владимирович (старший преподаватель кафедры японского, корейского, индонезийского и монгольского языков МГИМО (У) МИД РФ)

Ядерная программа Республики Корея в контексте ядерного нераспространения в СВА

Республика Корея в XX в. совершила впечатляющий экономический и научно-технологический скачок, что сделало возможным появление ядерной программы. Тем не менее, несмотря на антагонизм с Северной Кореей и постоянное ощущение военной угрозы с Севера, Сеул не создал ядерное оружие, хотя начиная с 1970-х годов экономически и технологически был более готов к этому и располагал набором мотивов, на первый взгляд сходным с северокорейским. На принятие решений в данной области повлияли сложные военно-политические условия Корейского полуострова, особен-

ности функционирования союза Сеула и Вашингтона в рамках всего комплекса связей США со странами Азии, появившееся у Южной Кореи ощущение зависимости от союзника, а также факторы энергетической безопасности. При этом, благодаря бурному успешному развитию атомной отрасли, а также экономики и науки в целом, Южная Корея стала пороговым государством, способным сравнительно быстро получить ядерный заряд. Данная статья излагает вкратце историю южнокорейских ядерных исследований в гражданской и военной сферах, оценивает сложившийся ядерный потенциал Сеула, а также прослеживает параллели и отличия в эволюции ядерных программ Севера и Юга.

Ключевые слова: американско-южнокорейские отношения, Республика Корея, Северо-Восточная Азия, ядерная безопасность, ядерное распространение.

Петровский Владимир Евгеньевич (главный научный сотрудник ИДВ РАН)

Состояние и будущее межкорейского диалога

Неурегулированность отношений двух корейских государств, чрезвычайно высокая концентрация вооруженных сил и вооружений на небольшой территории создают высокий потенциал напряженности. Решение корейской проблемы лежит на пути постепенного развития политического диалога, ядерного нераспространения, двусторонних отношений во всех областях в условиях благоприятного внешнего окружения. Развитие режима мер доверия на Корейском полуострове является основным содержанием этого процесса.

Россия неизменно выступает в пользу шагов двух корейских государств к самостоятельному мирному объединению родины. При этом Россия выступает с независимых самостоятельных позиций, что обеспечивает ей роль одного из определяющих элементов системы «сдержек и противовесов» в Северо-Восточной Азии. Вывод Северной Кореи из изоляции, ее социально-экономический подъем, превращение в полноценного участника международного общения пошли бы только на пользу России и ее соседям в Северо-Восточной Азии. Чувствующая себя в относительной безопасности и уверенная в себе КНДР — гораздо более надежный партнер для переговоров по любым вопросам, чем страна, загнанная в угол под бременем санкций.

Ключевые слова: межкорейские отношения, ядерное нераспространение, меры транспарентности и доверия.

Медведева Надежда Сергеевна (старший научный сотрудник ЦКИ ИДВ РАН)

Объединение Кореи: взгляд из Сеула в год 70-летия освобождения

В 2015 г. исполнится 70 лет после окончания Второй мировой войны. Несмотря на заявления некоторых корейцев о том, что это «не их война», она оказала большое влияние на судьбу Корейского полуострова, которое ощущается до сих пор. С одной стороны, в этом году исполнится 70 лет с тех пор, как с капитуляцией Японии корейский народ обрел долгожданную независимость. Однако, с другой стороны, это еще и 70 лет с тех пор, как Корейский полуостров был разделен на Север и Юг, а впоследствии было образовано два соперничающих государства — Республика Корея (РК) и Корейская Народно-Демократическая Республика (КНДР). Ежегодно обе страны отмечают окончание колониального правления в Корее, но каждый раз этот день не только праздник освобождения, но и напоминание о расколе нации.

В работе рассматривается тема объединения Кореи в контексте предстоящего 70-летия освобождения полуострова. Анализ официальных заявлений правительства РК, новостных сообщений, редакторских колонок и аналитических статей показал, что главной задачей, которую ставит перед собой администрация Пак Кын Хе в 2015 г., будет организация межкорейского саммита и подготовка основы для мирного объединения. Причины внезапного оживления темы объединения следующие: 70-летний юбилей раскола корейской нации, который является не только маркером растущей пропасти между двумя частями полуострова, но также может быть использован как повод к совместным усилиям по сближению, ожидание «сговорчивости» Пхеньяна в свете новогоднего заявления Ким Чен Ына, а также попытка поднять рейтинг Пак Кын Хе, находящийся на рекордно низком уровне. Однако на данный момент в объединительной политике Пак Кын Хе есть ряд проблем, в силу которых звучные лозунги и красивые проекты могут оказаться не чем иным, как пустыми словами. Пока рано делать окончательные выводы, но уже можно проследить основные тенденции этой политики.

Ключевые слова: Республика Корея (РК), политика Пак Кын Хе, объединение.

Асмолов Константин Валерьянович (ведущий научный сотрудник ЦКИ ИДВ РАН)

Права человека в КНДР: проблема данных

Нашумевший доклад ООН о соблюдении прав человека в КНДР является хорошим примером того, как закрытость страны в сочетании с полити-

ческой ангажированностью авторов привела к такому ряду системных искажений информации, что вместо серьезного исследования, способного расставить точки над *i*, получилась политическая агитка, рассчитанная на дальнейшую демонизацию Северной Кореи и потенциальное оправдание «гуманитарной интервенции» туда.

Автор обращает внимание на характерные приемы манипуляции данными, которые были использованы разработчиками доклада, обнулив его научную и политическую ценность. Изначальная ангажированность части членов комиссии сочеталась со стремлением превратить составление доклада в публичное мероприятие, отчего формат открытых слушаний не позволил провести расспросы «свидетелей» с должным тщанием, которое исключило бы последовавший скандал, связанный с вымышленными показаниями «ключевого свидетеля» Син Дон Хека. Затем к открытым свидетелям добавились «секретные», а из пула экспертов были выбраны те оценки, которые в наибольшей степени соответствовали рамкам господствующего антисеворкорейского дискурса — несмотря на то, что данное мнение подвергается аргументированной критике.

Таким образом, если при анализе свидетельских показаний комиссия оказалась зависимой от формата слушаний, то в выборе экспертов — от ее идеологических предпочтений. В результате ей не удалось определить виновников конкретных преступлений и вина была возложена на весь режим и его нынешнего руководителя, хотя большинство данных, по которым собраны реальные свидетельские показания, относится к временам даже не Ким Чен Ира, а Ким Ир Сена.

Ключевые слова: КНДР, доклад ООН о соблюдении прав человека в КНДР, манипуляция данными.

Лобов Роман Николаевич (аспирант ИДВ РАН)

Подготовка и подписание Договора об основах отношений между Республикой Корея и Японией

Одним из рубежных событий в истории взаимоотношений Республики Корея и Японии является заключение в 1965 г. базового договора, регламентирующего характер двусторонних отношений между Сеулом и Токио. Помимо всего прочего, сам факт подготовки и подписания договора между бывшей метрополией и бывшей колонией красноречиво говорил о сдвигах как в южнокорейской внешней политике, так и в южнокорейско-японских отношениях. Если в 1950-е годы в японской политике Сеула преобладала линия на игнорирование Японии (благодаря как непримиримой позиции

Ли Сын Мана, так и общественным настроениям в Республике Корея), то в 1960-е, несмотря на существующие антияпонские настроения в южнокорейском обществе, администрации Пак Чон Хи удалось предпринять некоторые шаги к нормализации двусторонних отношений. В рамках данного исследования рассмотрены внутренние и внешние условия, которые сопутствовали подготовке и заключению базового договора между РК и Японией. Что сыграло решающую роль в нормализации отношений — дипломатическое давление со стороны США или личные амбиции Пак Чон Хи, видевшего в Японии тех лет как образец для модернизации страны, так и источник инвестиций? Кроме того, отдельного внимания заслуживает значение Договора применительно к современному состоянию двусторонних отношений между Сеулом и Токио.

Ключевые слова: Республика Корея, Япония, договор, Пак Чон Хи, нормализация.

Гринюк Владимир Александрович (ведущий научный сотрудник Центра японских исследований ИДВ РАН)

Япония — Южная Корея: глубокий кризис межгосударственных отношений

70-ю годовщину окончания Второй мировой войны Япония и Республика Корея встречают состоянием двусторонних отношений, которое определяют как наихудшее за последние годы. Нынешние лидеры двух государств (президент РК Пак Кын Хе — вступила в должность 25 февраля 2013 г., и премьер-министр Японии Синдзо Абэ — на своём посту с 26 декабря 2012 г.) не провели ни одной официальной двусторонней встречи на высшем уровне. Причины натянутых отношений коренятся в истории японо-корейских связей: спор о принадлежности островов Токто (Такэсима), вопрос сексуального рабства кореянок во время Второй мировой войны (так называемых ианфу — «женщин для утешения») и проблема компенсации за труд корейских рабочих на японских предприятиях в этот же период.

Японские эксперты обвиняют корейскую сторону в насаждении антияпонских чувств среди корейцев, указывают на прессу, органы народного образования и судебную систему Южной Кореи как на главных виновников усиления взаимного отчуждения между японцами и корейцами.

Вместе с тем некоторые японские специалисты обращают внимание на объективные явления, которые способствуют ослаблению связей между Японией и РК. В результате быстрого роста южнокорейской экономики в

последние годы изменилось соотношение объёмов экономик двух стран, снизилась зависимость южнокорейской экономики от японской и степень важности японской экономики для экономики Республики Корея. Одновременно выросла степень важности Китая для экономик обоих государств.

Ключевые слова: острова Токто/Такэсима, территориальный спор, сексуальное рабство, компенсация.

ГЛАВА 2

Освобождение Кореи: как это было

Ким Ен Ун (ведущий научный сотрудник ЦКИ ИДВ РАН).

70 лет освобождения Кореи и судьбы корейской нации

Все годы жестокого японского колониального режима корейский народ активно боролся за свою независимость различными средствами, сочетая вооружённую и мирные формы борьбы. Вместе с тем освобождение Кореи в августе 1945 г. было осуществлено не самим корейским народом, а произошло в результате военно-политической капитуляции Японии под натиском союзных войск. Непосредственным поводом для объявления императором Хирохито капитуляции было вступление СССР в войну против Японии и сокрушительное поражение самой боеспособной полуторамиллионной Квантунской армии на северо-востоке Китая, а также на севере Корейского полуострова. С учетом роли США на тихоокеанском театре военных действий, сковавших основные силы японских вооружённых сил и избавивших СССР от войны на Дальнем Востоке в тяжелейшие годы отражения гитлеровской агрессии, Советский Союз согласился с предложением США обеспечить принятие капитуляции японских войск на территории Кореи по линии 38-й параллели. СССР вообще-то мог принять капитуляцию японских войск на всей территории Кореи, потому что ни 9 августа (начало войны на Дальнем Востоке), ни 15 августа (день объявления капитуляции), ни 2 сентября (день подписания акта о полной и безоговорочной капитуляции Японии) 1945 г. на Корейском полуострове не было других союзных войск кроме воинов Советской Армии.

«Подаренное освобождение» и назначенные союзными державами лидеры двух частей Кореи и стоявшие за ними силы не смогли сохранить единство страны и народа, а затем и допустили гражданскую войну, превра-

тившуюся из-за вмешательства США в международный конфликт, после окончания которого обе части единого народа отныне были обречены на раздельное существование с колоссальными потерями интеллектуального, нравственного, культурного потенциала. В одной части прогресс в материальной сфере, открытость миру сопровождается серьезными явлениями нравственного, психологического неблагополучия, в другой — идейная стойкость существует наряду с низким жизненным уровнем и ограничением контактов с внешним миром.

Ключевые слова: Корея, Советский Союз, Япония, капитуляция, освобождение.

Мен Дмитрий Вольбонович (профессор кафедры корееведения и японоведения КазНУ им. Аль-Фараби)

Советские корейцы в политике Советского Союза в Северной Корее

В статье рассматриваются политические аспекты международных отношений Советского Союза с Северной Кореей в период 1946—1960 гг. Исследуются политическое состояние между двумя дружескими странами и роль советских корейцев в становлении социалистической Северной Кореи. Автор был свидетелем многих политических процессов, происходящих в то время между двумя странами. В 1948—1957 гг. он проживал в Пхеньяне вместе с родителями, которые были командированы правительством Советского Союза. С той поры прошло 70 лет, участников «интернационального долга», к сожалению, уже нет в живых, многие погибли в тюрьмах, изгнаны в глубинку, некоторые возвратились на Родину и продолжили свою трудовую деятельность.

Задача автора — напомнить, что в истории корейцев бывшего Союза были и такие страницы, которые отмечались своей яркостью на исторической родине, в то же время и трагедией. Автор не смог привести полный список советских корейцев, которые работали в Северной Корее. Причина в том, что в архивах Казахстана еще не полностью выявлены имена советских корейцев, хотя мы стремились к этому, или же они хранятся под грифом «совершенно секретно». Автор с коллективом ученых Казахстана и Республики Корея в 1998—2000 гг. издали в трех томах архивные материалы в Сеуле о корейцах СНГ «История корейцев Казахстана. Архивные материалы», в них по максимальной возможности находили списки советских корейцев, которые работали в КНДР.

Ключевые слова: Северная Корея, Советский Союз, советские корейцы, фракции, чучхе, борьба за власть.

Сон Жанна Григорьевна (доцент кафедры восточной филологии Школы востоковедения Факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ)

Советские корейцы в Северной Корее в 1946—1948 гг.

В работе рассматривается алгоритм отбора специалистов среди советских корейцев в Союзе ССР для участия в строительстве социалистического государства — КНДР. С 1946 г. после освобождения Корейского полуострова для восстановления и строительства государства советское руководство отправляло из СССР специалистов разного профиля. Согласно выявленным архивным материалам, в КНДР направлялись специалисты по ирригации, гидрометеослужбе и производству средств связи, по оказанию технической помощи в составлении планов восстановления промышленных предприятий, специалисты-советники для работы в корейских организациях, для работы в области науки, культуры и здравоохранения. Советские корейцы требовались в КНДР не только как специалисты. Прежде всего, оставаясь носителями корейского языка и культуры, они были необходимы в качестве переводчиков в помощь советским специалистам русского происхождения. В первую очередь по запросу из КНДР Совмин СССР давал разнарядки для командирования специалистов из различных министерств и ведомств. Таких специалистов было немало, и они не владели корейским языком. Регистрационные бланки членов и кандидатов в члены ВКП(б)-корейцев, проживавших в Советском Союзе, указывают на то, что отбор был жестким. Списки корейцев — граждан Советского Союза, направленных в Северную Корею в 1946—1948 гг. на преподавательскую и другую работу, и членов их семей (характеристики и справки на них) также находились под строгим контролем. Советские корейцы с энтузиазмом восприняли освобождение своей исторической родины. В ЦК ВКП(б) стали поступать заявления с просьбой отправить на работу в Корею. Однако подобные просьбы исполнялись редко. Зачастую на заявлениях ставилась виза «отказать», и их дела перекладывались в резерв третьей очереди.

Ключевые слова: СССР, КНДР, советские корейцы, социалистическое строительство, специалисты.

Иванов Александр Юрьевич (доцент кафедры восточных языков ДВГГУ)

Особенности южнокорейской трактовки освобождения Кореи Красной Армией

В последнее время не только западные средства массовой информации, но и лидеры ряда европейских государств всеми силами пытаются прини-

зять роль Красной Армии в победе во Второй мировой войне и освобождении Европы от фашизма.

В преддверии 70-летней годовщины освобождения Кореи от японского колониализма южнокорейские исторические круги анализируют события, происходившие на Корейском полуострове в 1945 г. Долгое время южнокорейская историография избегала упоминания участия Советского Союза в деле освобождения Корейского полуострова. В учебниках лишь косвенно упоминалось о вкладе союзных войск в «возрождение Кореи». Куда большее внимание южнокорейские историки уделяют вооруженной борьбе корейцев за независимость как внутри страны, так и за рубежом. В последнее время в исторических трудах, а также в средствах массовой информации появляются материалы, дающие неоднозначную оценку событиям, связанным с освобождением Красной Армией северной части Корейского полуострова в 1945 г.

В целом, не умаляя той исторической роли, которую сыграл СССР в освобождении Кореи от японского колониализма, СМИ Южной Кореи, тем не менее, пытаются найти «новые подробности», связанные с пребыванием советских войск на территории Кореи. Тот фактор, что советское руководство в «сговоре» с США сыграло решающую роль в разделении корейской нации, вызывает в последнее время плохо скрываемое недовольство определенной части южнокорейского общества. Это недовольство пытается подогревать южнокорейская пресса и отчасти ученые. Так, в попытке очернить тот вклад, который внес Советский Союз в освобождение Кореи, в прессе появились «свидетельства» о мародерстве Советской Армии. Появление подобных публикаций выглядит несколько странным на фоне растущего политического, экономического и культурного сотрудничества России с Республикой Корея.

Ключевые слова: Красная Армия, освобождение Кореи, южнокорейские СМИ.

Садаков Денис Андреевич (аспирант кафедры всеобщей истории ВятГГУ)

Американские оценки политики СССР на севере Кореи в 1945—1948 гг.

Исследование посвящено эволюции восприятия американцами советской политики в Корее в 1945—1948 гг. и ее влиянию на политику США на полуострове. По мнению автора, одной из причин возникновения холодной войны являлось искаженное восприятие СССР и США политики друг друга, что привело к лавинообразному нарастанию взаимного недоверия и за-

блокировало возможность разрешения спорных вопросов на основе компромиссов. Несмотря на отсутствие крупных разногласий между СССР и США относительно будущего Кореи, решение корейского вопроса в условиях генезиса холодной войны уже к осени 1947 г. зашло в тупик. Важный вклад в этот процесс внесла убежденность американцев в стремлении СССР советизировать сначала Северную Корею, а затем и всю территорию полуострова.

Условно можно выделить три этапа эволюции представлений американцев о положении на Севере.

На первом (август — декабрь 1945 г.) США лишь присматривались к действиям своего будущего оппонента в Корее. Политика СССР хотя и вызывала непонимание, но не оказывала негативного влияния на советско-американский переговорный процесс по вопросу возрождения независимого Корейского государства.

На втором этапе (1946 — осень 1947 г.) происходит формирование образа советской угрозы. На фоне неудач Совместной советско-американской комиссии разногласия между недавними союзниками усугубляются, а поступающая с Севера информация начинает внушать всё большие опасения США. Вопрос, насколько представления американцев о положении севернее 38-й параллели соответствовали действительности, остаётся дискуссионным. В целом Советскому Союзу на территории собственной оккупационной зоны удалось построить более эффективный и стабильный режим, чем Соединенным Штатам в южной части Кореи. Возможности Севера преувеличивались американцами, он начинает восприниматься как серьёзная угроза Югу. США все более опасались советизации всего Корейского полуострова.

Последний этап (до провозглашения Республики Корея) — период активного реагирования на «красную угрозу». Американцы поставили цель не допустить установление коммунистического режима во всей Корее. Изменению американской политики способствовали поступающие сведения о военной угрозе, исходящей с Севера. В этой ситуации проведение сепаратных выборов на Юге и придание южнокорейскому режиму государственного статуса позволяло, по мнению американцев, закрепить южную часть Корейского полуострова в орбите западного влияния. Раскол Кореи на время стабилизировал положение и позволил сверхдержавам договориться о выводе войск с территории полуострова.

Ключевые слова: освобождение Кореи, раскол Кореи, советско-американские отношения, совместная советско-американская комиссия.

Овчинникова Любовь Всеволодовна (ИСАА МГУ)

Религиозные организации в Корее и их роль в борьбе корейского народа за освобождение в 1920—1930-е годы

Служебные издания японского генерал-губернаторства в Корее представляют значительную ценность для исследования истории колониального периода Кореи. Они рассказывают о ситуации в Корее, о социальных, культурных, идеологических процессах, происходящих в этой стране, повествуют о формах и масштабах антияпонского сопротивления. Рассматриваемые издания приводят важные сведения и о деятельности религиозных групп и обществ, которые внесли свой вклад в борьбу корейцев за национальное освобождение. Корейскому народу свойственно выражение политического протеста под религиозной оболочкой. Как пишут японские источники, деятельность такой влиятельной организации, как Чхондогё, а также буддийских, христианских и других религиозных обществ и групп представляла угрозу для «общественного спокойствия» в Корее. Колониальная администрация провела в отношении этих организаций серию акций. Они включали репрессии, аресты и меры политического и идеологического воздействия и давления, оказавшиеся довольно результативными. Число религиозных организаций во второй половине 1930-х годов уменьшилось, деятельность многих из них была переориентирована на работу в пользу Японии. Вместе с тем японские данные позволяют сделать вывод, что подобные организации все же внесли определенный вклад в борьбу корейского народа за освобождение.

Ключевые слова: религиозные организации, «общественное спокойствие», генерал-губернаторство, корейское сопротивление, репрессии, японская колониальная администрация.

Чеснокова Наталия Алексеевна (преподаватель РГГУ)

«Исправить ландшафт» и подняться над прошлым (к 20-летию сноса бывшего здания японского генерал-губернаторства)

Республика Корея заслуженно гордится своим историческим и культурным наследием. На его сохранение, консервацию, обслуживание и пропаганду ею ежегодно ассигнуются сотни миллионов долларов. В списках памятников под охраной ЮНЕСКО Южная Корея — одна из лидеров в Азии. Исследование старых и поиск новых исторических памятников стали в этой стране делом не только государства, но и всего народа. Об этом свидетельствуют, например, блоги тысяч краеведов-энтузиастов в Интернете. Работа посвящена сносу значительного архитектурного памятника — здания глав-

ного управления японского генерал-губернаторства. Это исключительное для страны событие состоялось в 1995—1996 гг. при полном одобрении подавляющего большинства населения страны, и традиционные, складывавшиеся веками национальные представления корейцев о географии своей страны сыграли в нем решающую роль. В настоящей статье будет рассмотрена история этого памятника и роль в его сносе формы традиционной географии — *пхунсу (пхунсу чирисоль)*. В статье используются статьи по теме в газете «The Korea Times» за период 1994—1995 гг. и присланные в газету письма простых корейцев.

Ключевые слова: здание японского генерал-губернаторства, пхунсу, пхунсу чирисоль, колониальный период корейской истории, национальная идентичность.

ГЛАВА 3

Корейская культура: в поисках идентичности

Дьякова Ольга Васильевна (зав. лабораторией ИИАЭ ДВО РАН)

Влияние идей чучхе на формирование археологических концепций КНДР

В статье анализируется влияние идей чучхе на формирование концепции истории Северной Кореи. Была дана идеологическая установка показать непрерывность истории Кореи и её самостоятельность. Это касалось проблемы появления человека на территории КНДР, в результате чего были обнаружены археологические памятники нижнего палеолита и сделана попытка найти «исконную связь» палеолитического Homo Sapiens Корейского полуострова с современными корейцами и с современной территорией. В научных кругах подобная древность (памятники нижнего палеолита) вызвали сомнения и признанными считаются только памятники верхнего палеолита, т. е. Homo Sapiens. Критическому анализу подвергаются в мировом научном сообществе памятники эпохи раннего неолита и попытки вывести из него производящее хозяйство, поскольку реальные факты производящего хозяйства обнаружены только на памятниках позднего неолита. Особое внимание было уделено государственным образованиям Кореи. Время возникновения Древнего Чосона (по радиоуглеродным датам) было удревнено до III тыс. лет до н. э., а само государство признано корейским. Эта позиция активно оспаривается китайскими специалистами, поскольку значительная часть Чосона располагалась на северо-восточной территории Китая. Древность Чосона установлена по археологическим материалам — раскопкам

гробницы Тангуна. Вокруг этого открытия в мировом научном сообществе возникли жаркие дискуссии, выплеснувшиеся в СМИ и Интернет. Возникли сомнения в подлинности гробницы и правомерности определения её как захоронения Тангуна. Значительно удревленным оказалось время возникновения государства Когурё, что вызвало в мировой историографии также большую дискуссию. Северокорейскими исследователями была выявлена непрерывность развития государственных образований от глубокой древности, сопоставимой с ближневосточными государствами, до современности. Эта позиция не нашла поддержки в международных научных кругах и вызвала активную критику как со стороны южнокорейских, так и китайских коллег. Серьезные поправки коснулись этногенеза корейцев. В первую очередь это отразилось на отрицании в истории Кореи миграционных процессов, а факты, указывающие на их наличие в виде археологических находок, стали объявляться фальшивками. Историческая концепция Северной Кореи, согласно идеям чучхе, не должна прерываться, начиная с момента формирования древнего корейского человека, возникновения и развития самостоятельных взаимосменяющихся корейских государств, а этнические процессы должны быть «гомогенными».

Ключевые слова: Корея, антропогенез, этногенез, Когурё, Чосон, Силла, Пэкче, археология, земледелие, керамика.

Хохлова Елена Анатольевна (преподаватель НИУ ВШЭ, кафедра восточной филологии, кафедра цивилизационного развития Востока)

Южнокорейское искусство XXI века: попытка систематизации

На протяжении XX в. искусство Республики Корея развивалось под влиянием западных художественных направлений: сначала модернизма, а после постмодернизма. 1950-е годы стали временем полноценного знакомства с западными направлениями. В середине 1960-х гг. художникам удалось выйти за рамки подражания западным направлениям и соединить национальную эстетику с западной техникой. Зародилось первое корейское направление абстрактной живописи — *тансэххва*. В 1980-х годах последнее направление сменяется так называемым *минджун мисуль* («искусство народа»), сторонники которого настаивали на том, что искусство должно критиковать события, происходящие в современном обществе, с целью изменить сложившуюся политическую ситуацию.

В 1990-х годы в поисках ответа на вопрос, что является современным искусством, молодое поколение художников поехало учиться на Запад, где их захватила волна концептуального искусства и идеи постмодернизма. Се-

годня концептуальное искусство — это основное направление южнокорейского искусства. Художники работают со всевозможными техниками. В данной работе мы проследили, как развивалось искусство РК на протяжении последних семидесяти лет, и постарались выделить основные темы и проблематику творчества наиболее влиятельных художников рубежа XX—XXI вв.

Ключевые слова: Республики Корея, современное искусство, культура.

Осетрова Мария Евгеньевна (старший научный сотрудник ЦКИ ИДВ РАН)

Восприятие и способы репрезентации национальной кухни в КНДР и РК

С момента разделения Корейского полуострова на два независимых государства в 1948 г. национальная кухня стала развиваться в двух самостоятельных направлениях в зависимости от того, какую из Корей она представляла. Сегодня южный и северный варианты корейской кухни не только имеют разные названия (*хансик* на Юге, *чосон рёри* на Севере), но через них транслируются различные национально-культурные установки, как внутри самих корейских государств, так и на внешнем уровне. Цель данной публикации — сравнить восприятие и способы репрезентации национальной пищевой традиции на Юге и на Севере, выделить, какие «внекулинарные» смыслы они передают, определить и объяснить сходства и различия, экстраполировать выводы на перспективы дальнейшего развития политики национальной идентичности двух корейских государств.

Автор полагает, что, несмотря на разницу в идеологии, а также в политическом и общественном укладе двух корейских государств, в способе их восприятия и репрезентации национальной пищевой традиции можно проследить сходные тенденции. В частности, это сильный акцент на восхваление национальной кухни и желание через неё подчеркнуть преимущества своего видения корейской культуры и образа жизни на международном уровне. Однако причины появления сегодня сходных тенденций в восприятии своей национальной пищевой традиции у двух Корей различны. Для Южной Кореи это желание укрепить свою глобальную идентичность и повысить уровень международного присутствия и влияния (так называемая мягкая сила), а для Севера — в очередной раз отстоять истинность идей *чучхе*, а также упрочить связь народа с властью и вождём.

Ключевые слова: корейская национальная кухня, *хансик*, *чосон рёри*, национальная идентичность, гастрономический национализм, государственная культурная политика.

Гурьева Анастасия Александровна (доцент кафедры филологии Юго-Восточной Азии и Кореи Восточного факультета СПбГУ)

Корейская книга в японских проектах колониального периода

Статья представляет собой обзор деятельности японцев в колониальный период, связанной с корейскими рукописями и старопечатными книгами, на примере нескольких проектов. Изучение корейских источников стало частью колониальной политики Японии: одним из важных шагов в рамках политики ассимиляции являлся сбор информации о корейском обществе.

Организованные японцами общества («Общество издания корейских старых книг», кор. — *Чосон косо канхэнхве*, «Общество изучения Кореи», кор. — *Чосон кангухве*, «Научное общество свободных бесед», кор. — *Чаю тхогуса*) занимались сбором, изучением и изданием книг прежних веков. В журнале «Тёсэн» публиковались сведения о некоторых письменных памятниках, переводы фрагментов из них.

Рассмотрение обозначенных инициаторами проектов целей, а также целей, которые прослеживаются при анализе издаваемого материала, показало, что корейские письменные памятники играли важную роль в японской колониальной политике. Они осознавались японскими властями как источник сведений об особенностях национального сознания корейцев («любимых младших братьев»). Понимание корейского менталитета мыслилось японскими деятелями как условие правильной политики колониальных властей. Способствование деятельности ученых, занимавшихся изучением данных материалов, признавалось одной из задач Генерал-губернаторства, которое активно поддерживало указанные проекты материально и включало в состав их руководства своих сотрудников. Некоторое исключение составляет «Общество любителей книг», не преследовавшее явных политических целей.

Образ народа, который предполагается присоединить к своей стране, не только изучался, но и корректировался японскими политиками в связи с избранными политическими целями (при переводе нередко смещались акценты, выделялись социальные проблемы, исторические события, связанные с японской агрессией, представлялись как неизбежные). Японские власти понимали, какое место занимает книга в корейской культуре, особое отношение корейцев к тексту. В связи с этим внимание японских издателей распространялось не только на официальные издания на *ханмуне*, велась также активная работа с популярными текстами на родном языке, в которых, как комментировалось в изданиях, содержится «душа» корейской нации.

Ключевые слова: колониальный период, корейская книга, корейские рукописи и старопечатные книги, культурная политика японцев, японские общества в Корее.

Хван Людмила Борисовна (профессор кафедры русской филологии Каракалпакского государственного университета имени Бердаха)

Основные тенденции развития новой прозы Кореи

В работе на материале лучших образцов — произведений «Корзина бататов», «Соната огня» Ким Донины, «Лягушка в препараторской» Ен Сасопа, «Крылья» Ли Сана, «Нирвана» Пак Тэвона и др. — характеризуются основные тенденции, обусловившие развитие новой корейской прозы: процесс европеизации, влияние традиции западной, русской литературы; закономерное развитие реализма, использование принципов изображения разных направлений — романтизма, натурализма, модернизма; избавление от консервативной нормативной поэтики, канонов композиционно-сюжетной организации произведений; интертекстуальность, активное присутствие в произведениях реминисценции, глубинный психологизм; высокий уровень социальности, пристальное внимание к повседневной жизни, обусловившие полифонический характер новой прозы. Важнейшей особенностью прозы 1910—1950-х годов является раскрытие социальной природы трагического, жестокости японского произвола, выразившееся в типизации крушения надежд, страданий, пограничной ситуации, связанной со смертью героев, воспринимающейся как вызов, возмездие японскому колониализму, как символ свободы, несгибаемости духа народа. Художественным открытием новой прозы является создание нового типа героя-борца.

Ключевые слова: тенденции, реминисценции, интертекстуальность, натурализм, психологизм, полифония, типизация.

Панова Ирина Борисовна [старший лаборант отдела Восточной и Юго-Восточной Азии МАЭ РАН (Кунсткамеры)]

Орнаменты и рисунки корейских женских украшений

Данная работа является первой частью большого исследования, посвященного теме корейского ювелирного искусства. Главной задачей данного исследования автор определил рассмотрение орнаментов и узоров традиционных корейских женских нательных украшений. В качестве первого и основного объекта данного исследования выступила женская шпилька для волос с богато украшенной шишечкой. Автор данного исследования предпринял попытку исследовать традиционную систему корейского орнамента на

примере анализа главного украшения шпильки — цветка орхидеи. В качестве основной методологической базы были использованы труды по дальневосточной символике, которые помогли установить более широкое поле значений изучаемой «орхидеи». В результате проведенного исследования были сделаны выводы о семантическом значении цветка орхидеи, который прежде всего был носителем сакрального.

Ключевые слова: орнаменты и рисунки, корейские женские украшения, символика, орхидея.

ГЛАВА 4

Проблемы социально-экономического развития КНДР и РК

Суслина Светлана Серафимовна (главный научный сотрудник ЦКИ ИДВ РАН)

Энергетические дисбалансы Северной и Южной Кореи и возможности международного энергетического сотрудничества

В статье особое внимание уделено рассмотрению структур энергобалансов обеих стран, выделению «узких мест», особенностям энергетической политики каждой из стран, определению значимости энергетики как структурообразующей отрасли и энергоэффективности их экономик. Выявление энергетических дисбалансов КНДР и РК основано на анализе динамики и текущего состояния их энергетических потенциалов, а также проблем и перспектив развития их экономик в ближайшем будущем. На современном этапе развития энергетического сектора в экономиках и Южной, и Северной Кореи сохраняется проблема структурной несбалансированности его развития применительно к задачам экономической политики и запросам национального производства. Правда, в разной степени и по разным причинам. Находясь почти в одинаковых позициях по степени обеспеченности энергоресурсами (и в РК, и в КНДР не найдено месторождений нефти и газа промышленного значения), в то же время обе страны различаются по степени обеспечения своих энергетических запросов с помощью внешних каналов.

Показано, что основной дисбаланс в каждой из стран связан, прежде всего, с нехваткой углеводородных природных ресурсов, что может быть компенсировано в рамках развития и расширения форм международного энергетического обмена. В этом процессе одно из ведущих мест объективно

принадлежит России как ведущему мировому экспортеру этого вида энергетической продукции и ближайшему соседнему государству в США.

Ключевые слова: экономика РК, КНДР, энергетический потенциал, энергетическое сотрудничество России, РК и КНДР, энергетическая политика, региональная экономическая интеграция.

Самсонова Виктория Георгиевна (ведущий научный сотрудник ЦКИ ИДВ РАН)

Сравнительный анализ демографической ситуации в РК и КНДР

Работа посвящена актуальным демографическим проблемам Южной Кореи, анализу демографической ситуации в КНДР и исследованию возможности демографической взаимодополняемости двух стран. Демографическая ситуация в Республике Корея находится под все более пристальным вниманием государства и общества. Нарастающие проблемы, связанные с низким уровнем рождаемости, резким старением населения, увеличением числа нуклеарных семей, оказывают свое негативное влияние как на экономическое, так и на социальное развитие страны. Для Южной Кореи, как и для многих стран мирового сообщества, главным долгосрочным вызовом современности является глобальный демографический кризис, который имеет двойственный характер проявления: сокращение рождаемости, с одной стороны, и увеличение продолжительности жизни старших поколений — старения населения, с другой. В 2013 г. население страны составляло 50 млн 220 тыс. человек, и прогнозируется, что численность населения будет постоянно снижаться после достижения своего пика в 2030 г. на уровне 52 млн 160 тыс. человек. В настоящий момент Южная Корея по коэффициенту суммарной рождаемости, равному 1,25, занимает 220-е место среди 224 стран мира и не обеспечивает даже простого воспроизводства населения. КНДР в демографическом плане находится в более выгодном положении, чем РК: по оценочным данным, в 2014 г. коэффициент суммарной рождаемости в КНДР был равен 1,98, возрастная структура характеризовалась сравнительно молодым населением, благодаря чему страна обладает значительным потенциалом в сфере трудовых ресурсов. КНДР не относится к категории стран со стареющим населением (в отличие от РК), ведь в 2014 г. доля ее граждан старше 65 лет была ниже 10 % (9,5 %), что является пороговым значением для включения страны в данную категорию.

Ключевые слова: экономически активное население, коэффициент фертильности, стареющее общество, нехватка трудоспособного населения, сокращение рождаемости.

Забровская Лариса Вячеславовна (ведущий научный сотрудник ИИАЭ ДВО РАН)

Новые тенденции гендерной политики КНДР и РК

Статья посвящена актуальным проблемам, касающимся путей повышения социального статуса женщин в КНДР и РК. Проанализирован процесс того, как повышение роли корейской женщины способствует росту социально-экономического потенциала корейского общества.

Выявлены культурно-исторические причины низкого статуса женщин в феодальном корейском обществе. Исследованы новые тенденции, наблюдаемые как в КНДР, так и в РК. Сравнительный анализ гендерной политики обоих корейских государств показал, что первые шаги в направлении сделали северокорейские власти. В РК обратили внимание на эту проблему только во второй половине 1990-х годов.

Подчеркивается, что актуальность темы состоит в том, что корейский бизнес выносит свои производства за рубеж, нанимая при этом местную рабочую силу и применяя в отношении неё те традиции и подходы в оплате труда, которые приняты в РК.

В настоящее время РК, возглавляемая женщиной-президентом, предпринимает активные усилия по совершенствованию гендерной политики, преследуя при этом экономически значимые задачи. Власти КНДР и РК поставили цель привлечь как можно больше женщин на рабочие места с тем, чтобы добиться повышения эффективности экономики и получить возможность меньше (это актуально для РК) привлекать иностранных рабочих.

Современный процесс повышения социального статуса женщин на Севере и Юге Кореи имеет много общих черт и идет фактически по одному сценарию: тон задают женщины, принадлежащие к местным элитам. Под давлением экономических факторов власти обоих корейских государств принимают сходные меры по вовлечению замужних женщин в производственный процесс, открывают новые возможности для их работы в ранее запретных зонах, например службе в армии на офицерских должностях.

Ключевые слова: КНДР, РК, гендерная политика, конфуцианские традиции.

Захарова Людмила Владимировна (старший научный сотрудник ЦКИ ИДВ РАН)

Экономические факторы стабильности КНДР

Через 70 лет после освобождения Кореи на полуострове продолжают существовать два независимых государства. Целью каждого из них провоз-

глашается достижение объединения страны. Однако выработать совместный вариант дорожной карты того, как это будет достигнуто, двум корейским государствам пока не удается. При этом в РК в последнее время разрабатываются планы обустройства единой Кореи в случае реализации сценария поглощения Севера Югом. Во многом это связано с очередным всплеском интереса к теориям о нестабильности северокорейского режима, который начался после смерти Ким Чен Ира в конце 2011 г. Это мнение, по всей видимости, распространено и в среде нынешнего руководства РК.

Одним из аргументов сторонников идеи скорого коллапса нынешней системы власти в КНДР является «ужасная экономическая ситуация» в Северной Корее. Однако в южнокорейских (и многих западных) источниках не часто можно встретить объективный анализ того, как развивается экономика КНДР в настоящее время и насколько катастрофична ситуация в исторической ретроспективе. В данной работе предпринята попытка провести такой анализ и сделать выводы о том, насколько экономические факторы могут вызвать нестабильность режима Ким Чен Ына в среднесрочной перспективе. Исследование базируется на материалах из открытых источников, а также наблюдениях очевидцев, регулярно бывающих в КНДР.

Ключевые слова: КНДР, экономика, стабильность, северокорейский режим, Ким Чен Ын.

Синякова Анна Филимоновна [доцент кафедры японского, корейского, индонезийского, монгольского языков МГИМО(У) МИД России]

Инновационная региональная политика правительства РК: возможности для России

Продуманная организация государственного управления стала для южнокорейского правительства ключом к успеху при решении широкого спектра проблем. Российская система государственного управления имеет много схожего со странами Северо-Восточной Азии, поэтому соответствующий опыт может стать весьма полезным. В комплексную стратегию социально-экономического развития страны до 2020 года, «Стратегию 2020», вошли, в том числе, предложения по реформе государственного управления.

Инновационная региональная политика является актуальным вопросом внутривластной повестки в контексте государственного управления как в южнокорейской политической ситуации, так и в российской. Она соответствует приоритетам сегодняшнего российского правительства и может быть оценена с позиции сравнительного анализа.

Проводимые реформы основывались на принципах «нового государственного управления» (New Public Management), который обусловил ключевые подходы к преобразованиям: оценка результатов, а не процессов, гибкий подход к управлению, расширение полномочий руководителей низшего звена, энергоэффективность и ресурсосбережение, разделение хозяйственных и нехозяйственных функций. С появлением системы Открытого правительства в региональной политике стали использоваться понятия «открытых данных» и «открытых отчетов».

Сейчас в условиях продолжительной экономической рецессии стала очевидна необходимость более продуманной региональной политики, которая соответствует приоритетам устойчивого развития и учитывает специфику каждой местности.

Ключевые слова: инновации, государственное управление, региональная политика, Республика Корея, Россия.

Эм Павел Павлович (научный сотрудник Института географии РАН)

Роль метрополитена в развитии столичной агломерации Республики Корея

Первые составы сеульского метрополитена начали движение в 1974 г. Сегодня он насчитывает уже 470 станций. С 1990 по 2014 г. число полных циклов в морфологической сети подземки возросло в 4 раза, что увеличило количество пересадочных узлов и существенно повысило транспортную доступность всей системы в целом. В работе рассмотрен переход развития системы метрополитена от дендритизации к фазе активного остовообразования в ходе кардинальной трансформации морфологического строения.

Разрастание сети метрополитена способствовало расширению столичной агломерации: вместе с разгрузкой столицы с 2000 по 2014 г. возросла численность населения пров. Кёнгидо. Доступность скоростного транспорта в комплексе с более низкими ценами на недвижимость и с лучшими экологическими условиями существенно повысили привлекательность Большого Сеула, ведь его жители обладают практически всеми привилегиями столичной жизни. Произведена оценка изменения направления миграционных потоков в/из столицы.

В работе предпринята попытка изучить изменение качества жизни населения в городах столичной провинции после введения в эксплуатацию в них станций метрополитена. Для этого предлагается использовать комплексный индекс объективной оценки качества жизни населения, объеди-

няющий 31 статистический показатель. Он описывает такие аспекты, как качество населения, среды жизни и развития общества.

Рассмотренная тема весьма актуальна для московского региона, поскольку в данный момент ведется активное строительство подземки. Успешный опыт открытия новых станций метрополитена столичной агломерации Республики Корея был бы весьма полезен.

Ключевые слова: столичная агломерация Республики Корея, стадии урбанизации, метрополитен, качество жизни.

ГЛАВА 5

Корейские государства

в интеграционных процессах в АТР

Мудрова Евгения Борисовна (начальник отдела международного сотрудничества ОАО «Мечел»)

Инфраструктурные проекты как ключевой фактор развития интеграционных связей в АТР

Азиатские страны, вступившие на путь интеграционного взаимодействия позже стран Европы и Америки, в настоящее время стремительно развивают различные двусторонние, региональные и субрегиональные интеграционные союзы. Ключевыми участниками данных процессов остаются Китай, Республика Корея, Япония и страны АСЕАН. Две трети соглашений являются двусторонними, однако при этом активно растет и число многосторонних союзов. Особое внимание заслуживают взаимоотношения Китая, Республики Корея и Японии в процессе формирования тройственного союза, а также такие глобальные субрегиональные инициативы, как Транстихоокеанское партнерство (Trans-Pacific Partnership), Региональное всестороннее экономическое партнерство (Regional Comprehensive Economic Partnership) и зона свободной торговли АТР (Free Trade Area Asia Pacific).

Одним из основополагающих факторов дальнейшего укрепления интеграционного взаимодействия между отдельными странами является развитая инфраструктура. В настоящий момент прорабатываются следующие крупные межрегиональные инфраструктурные проекты: Азиатская скоростная магистраль (Asian highway), Трансазиатская железная дорога (Trans-Asia Railway), Азиатско-Североамериканская магистраль и др. С учетом текущих глобальных кризисных явлений государства АТР ищут новые форматы частно-государственного партнерства и формируют инновацион-

ные механизмы долгосрочного финансирования в такие инфраструктурные проекты.

В данном исследовании автор анализирует текущее состояние межстрановой инфраструктуры в АТР, ее взаимосвязь с развитием интеграционных связей между странами, региональную систему поддержки инвестиций в развитие инфраструктуры, основные причины «замораживания» некоторых проектов и существующие возможности для их активизации в ближайшем будущем.

Ключевые слова: инфраструктурные проекты, интеграционные связи, Северо-Восточная Азия, Корейский полуостров.

Машарский Кирилл Геннадьевич (преподаватель факультета международных отношений кафедры языкознания и страноведения Востока, Белорусский государственный университет)

Присоединение Республики Корея к Транстихоокеанскому партнерству: перспективы и вызовы

С осени 2013 г. и по настоящее время Республика Корея (РК) активно участвует в переговорном процессе по вступлению страны в Транстихоокеанское партнерство (ТТП). Анализ перспектив присоединения РК к данному интеграционному проекту, проведенный Корейским научно-исследовательским экономическим институтом, показал, что ожидаемое увеличение ВВП должно составить 2,5—2,60 %, в случае же неприсоединения РК к ТТП прогнозируемое снижение ВВП составит 0,11—0,19 %. Согласно результатам исследования, соглашение с КНР может в значительной степени способствовать росту ВВП на 0,95—1,25 % через 5 лет, а через 10 лет — на 2,28—3,04 %.

Отношение деловых кругов РК к самой возможности включения государства в ТТП можно охарактеризовать как весьма положительное. Аргументы в пользу присоединения ориентированы на отмену таможенных барьеров, что, в свою очередь, обещает расширение рынков сбыта промышленной продукции в государствах-участниках. Однако нельзя не отметить наличие реальной угрозы в отношении сельскохозяйственного сектора страны. Конкуренция с более дешевыми продуктами питания, а также с источниками сельскохозяйственного сырья, поступающими из стран — членов данного объединения, будет слишком велика и, по оценкам ряда правительственных экспертов, может послужить причиной упадка данной отрасли в корейской экономике. Исследование сосредоточено преимущественно

на анализе внешнеэкономической политики Республики Корея в отношении интеграционного проекта ТТП.

Ключевые слова: Республика Корея, внешнеэкономическая политика, интеграционные проекты в АТР, Транстихоокеанское партнерство.

Расулов Эльдар Рахманджанович (заведующий отделом Кореи Института Востоковедения АН РУз)

Центральная Азия в «Евразийской инициативе» Пак Кын Хе

На фоне больших перемен в мировой экономике, изменений в глобальной безопасности, постоянного роста потребностей в энергоресурсах, а также в необходимости расширения и поисков новых рынков сбыта своей продукции президент Пак Кын Хе предложила новую «Евразийскую инициативу» в качестве одного из ключевых пунктов для внешней политики своей администрации. Данная инициатива Сеула, подразумевающая многостороннее сотрудничество, которое должно объединить экономическое пространство Европы и Азии, призвана активизировать экономическую интеграцию в Азии путем создания единого транспортного коридора от Южной Кореи до Европы и реализации крупных энергетических проектов в Центральной Азии, России, на Корейском полуострове и в Китае. В рамках новой «Евразийской инициативы» Сеул придает большое значение укреплению сотрудничества со странами Центральной Азии, наращивая и закрепляя свое политико-дипломатическое влияние в данном регионе. В связи с этим перспективы развития отношений РК со странами ЦА, в том числе и корейско-узбекских отношений, в контексте Евразийской стратегии представляет большой интерес.

Ключевые слова: Центральная Азия, Республика Корея, Евразийская инициатива, Пак Кын Хе.

Ким Ен Сун (проректор по международному сотрудничеству, Южно-Сахалинский институт экономики, права и информатики)

Коллизии газового рынка Южной Кореи

Ограниченные собственные запасы газа, отсутствие доступа к международным газопроводам стали основными экономическими предпосылками превращения Южной Кореи в крупнейшего импортера сжиженного газа в АТР. Высокий показатель коэффициента корреляции между поставками газа и ВВП указывает на существенную роль компонента сжиженного газа в экономике Южной Кореи. Активизация добычи сланцевого газа в США, Австралии, реализация амбициозного проекта строительства газопровода

«Сила Сибири», совершенствование технологий транспортировки и регазификации, снижение цен на нефть и соответствующий прогноз снижения цен на газ на 2015 г., эскалация напряженности в отношениях с КНДР меняют расстановку акцентов и векторов в политике закупок газа для Республики Корея. Анализ условий современных газовых спотовых и долгосрочных контрактов, собственных потребностей и потребностей стран-соседей, возможностей добычи ведущих стран-экспортеров газа, факторов снижения политических рисков в долгосрочном аспекте позволит обеспечить рациональное решение по диверсификации поставок газа. От этого решения зависит не только энергетический компонент в ВВП Южной Кореи, но и нивелирование политического противостояния в отношениях с Северной Кореей. Увеличение поставок сжиженного газа из России, отказ от строительства газопровода через Северную Корею, развитие проекта по поставкам газа с юга на север полуострова через газовую инфраструктуру Южной Кореи принесут стране не только политические дивиденды в решении вопроса защиты южнокорейских инвестиций в КНДР, но и решат проблему дефицита энергоресурсов Северной Кореи.

Ключевые слова: Республика Корея, СПГ, Когаз, Газпром, транспортировка газа, сланцевый газ, Катар, контрактная цена, спотовая цена, регазификация.

Толстокулаков Игорь Анатольевич (заведующий Центром международных отношений Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН)

Арктика: новые возможности для российско-корейского сотрудничества

С конца 1980-х годов Республика Корея подключается к системе международных арктических и антарктических исследований. В настоящий момент определены основные направления научно-исследовательских работ и сформулированы национальные приоритеты РК в области арктических исследований. Национальная программа освоения полярных регионов, реализуемая под эгидой правительства РК, предусматривает активное участие в транспортном и экономическом освоении Арктики. Во многом это совпадает с российскими интересами в Арктике, реализация которых требует привлечения зарубежного инвестиционного, технологического и научного потенциала.

Расширение сотрудничества с нециркумполярными государствами, способными поддерживать существующий политико-экономический и военно-стратегический паритет в Арктике на фоне обостряющейся конкуренции

за арктические ресурсы, диктует необходимость определяться с союзниками. Одним из них для России может стать РК.

Сотрудничество с Республикой Корея могло бы облегчить бремя арктических изысканий, а также способствовать реализации современной геополитической стратегии Российской Федерации. Наиболее перспективные направления двустороннего сотрудничества: развитие ледокольного флота, формирование на юге Корейского полуострова нефтяного и газового хаба, или регионального распределительного узла, совместная эксплуатация транспортных возможностей Северного морского пути. Арктическая политика РК и шансы использовать её в интересах России со всей очевидностью коррелируют с «евразийской инициативой» южнокорейской администрации и российским «разворотом на Восток».

Ключевые слова: Россия, Республика Корея, Арктика, сотрудничество.

Кирьянов Олег Владимирович (собственный корреспондент «Российской газеты» на Корейском полуострове и в АТР)

Экономические и политические аспекты российско-северокорейского проекта «Хасан—Раджин»

Стартовав в 2008 г., совместный проект РФ и КНДР «Хасан—Раджин», несмотря на определённые сложности и препятствия, достиг стадии начала полноценного функционирования к 2014 г., когда была создана вся необходимая для реализации инфраструктура и мощности. В 2014 г. произведено несколько пробных поставок угля, в ходе которых была протестирована работоспособность всех этапов и механизмов совместного предприятия. Большое значение имела проведённая первая в истории поставка российского угля из Западной Сибири по железной дороге через РФ до порта Раджин (КНДР) с последующей отправкой груза в южнокорейский Пхохан.

За процедурой доставки и отправки ноябрьской партии угля наблюдали представители государственных и деловых структур Южной Кореи, которые получили возможность лично досконально изучить все детали проекта «Хасан—Раджин», в том числе в условиях порта Раджин. Согласно заявлениям официальных лиц Сеула, Южная Корея изучает возможность присоединения к российско-северокорейскому проекту, инвестировав в него до 200 млн долл.

В данной работе проведено описание истории и деталей проекта «Хасан—Раджин», включая как экономические, так и политические факторы, предопределившие его появление, реализацию и дальнейшее развитие. Автор полагает, что проект имеет большое политическое значение для всех на-

стоящих и потенциальных участников. Вместе с тем не лишённое определённых политических мотивов данное сотрудничество базируется на принципах экономической логики и эффективности, что позволяет надеяться на его стабильное развитие и функционирование в будущем, что станет хорошим примером взаимовыгодного делового взаимодействия между РФ—КНДР—Республикой Корея.

Ключевые слова: КНДР, Россия, Южная Корея, ОАО «РЖД», Хасан, Раджин, экономика, политика, торгово-экономические отношения.

«KOREA: 70 YEARS AFTER LIBERATION»

ABSTRACTS

CHAPTER 1

The korean settlement: burden of unsolved problems

Zhebin A.Z.

The Korean Settlement: Lessons & Tasks

The author offers his vision of the main lessons and challenges for the settlement of the Korean Peninsula's issues, primarily in the field of non-proliferation of weapons of mass destruction (WMD) and their means of delivery, as well as building a new multilateral system for maintaining peace and security in Northeast Asia. He points to the danger of use of force, sanctions to resolve existing differences there. It is necessary to achieve a solution through dialogue with due regard for the security and economic development of all countries in the region. The nuclear problem is not to be solved by economic handouts to the DPRK, while ignoring its security concerns. Analyzing the problem of creating a new mechanism for ensuring peace and security in Northeast Asia, the author believes that Washington's intention to use the future unified Korea as a springboard of the maritime powers — the United States and Japan — against continental — Russia and China, seriously complicates both the nuclear problem's solution and reunification of Korea. He argues that without achieving by four “big countries” — Russia, China, USA, Japan, as well as by two Koreas the agreed vision of a place that will take two Koreas, and in the future — the unified Korea within the new security's architecture in Northeast Asia, the creation of a new peace and security system in the region is unlikely. Considering the foreign policy orientation of the unified Korean state, its future alliances, the author believes that the neutralization of the future unified Korea with international guarantees from the United States. China, Russia and Japan may be the most acceptable to all stakeholders option of the Korean settlement.

Keywords: Korean peninsula, nuclear problem, nonproliferation, security

Vorontsov A.V.**Korean Peninsula's Concerns and Hopes**

2014 as well as the beginning of the 2015 happened to be another year of lasting conflict between the United States and North Korea. Tensions between the two countries will affect the decision making process in 2015. However, Track 2 pursued by two countries representatives gives some hope for the possibility of restoring bilateral constructive contacts.

At the same time what we can see at the level of official policy of Washington and Seoul is their consistent efforts to involve the international community in providing joined efforts to increase the pressure and further isolate the DPRK. North Korea's social and economic progress and its gradual but persistent market reforms were ignored.

Inter-Korean relations remained in bad condition. In 2014 both Seoul and Pyongyang came forward with new unification proposals. North Korea repeatedly put forth peaceful initiatives at the beginning of the year, but Seoul interpreted them as "propaganda offensives" and they were ignored. In March 2014 Park Geun-hye made a keynote address in Dresden offering proposals that were ostensibly attractive for the Pyongyang but indirectly promoting the idea of German-style unification, meaning that the South would take over the North. Pyongyang responded by further elaboration of the confederation unification formula.

Keywords: Korean Peninsula, denuclearization, inter-Korean relations, unification proposals, strategic patience.

Gordienko D.V.**Evaluation of Military Security Level of the Korean States**

Changes in the world caused by globalization make it necessary for Russian leadership to take prompt and appropriate solutions to neutralize, localize and / or eliminate military threats that constantly arise and transform with the evolution of the entire system of modern international relations. In this connection it is interesting to consider measures for ensuring military security adopted in different countries and, in particular, in the states of the Korean peninsula. Indicators of military security of the Korean Peninsula can include: 1. Land Forces strength (thousand people); 2. Air Force and Air Defense Forces strength (thousand people); 3. Navy strength (thousand people); 4. Strength of internal troops and militarized police units (thousand people); 5. Strength of auxiliary military units (thousand people); 6. Strength of special forces (thousand people); 7. Strength of other troops and military (militarized) groups (thousand people); 8. Number of tanks; 9. Number of armored combat vehicles; 10. Number of artillery systems; 11. Number of attack helicopters; 12. Number of tactical missiles launchers; 13. Number of

combat aircraft; 14. Number of launchers of anti-aircraft missiles; 15. Number of submarines; 16. Number of ships; 17. Number of combat boats; 18. The share of defense expenditure (% of GDP); 19. Gross domestic product (GDP).

Keywords: North-East Asia, military security, the level of military security, the Republic of Korea, Democratic People's Republic of Korea

Evseev V.V.**The Estimate of DPRK's Military Potential**

It is a very popular idea in the international community that North Korea is an aggressive state. A number of people think that it constantly threatens South Korea and even wants to absorb it by military means. It has been a basis for militarization of the Republic of Korea, preservation of American military presence on the Korean peninsula and regular large-scale American-Korean military exercises there. In reality, Western experts overstate military capabilities of the Democratic People's Republic of Korea (DPRK) deliberately. It mainly concerns North Korean missile and nuclear forces which are limited in terms of not only nuclear warheads but also their potential delivery means. We can see the same in respect of conventional arms. Comparing military capabilities of the two Korean states demonstrates decisive superiority of Seoul. The Republic of Korea has significant offensive capabilities, especially Air Forces and the Navy. Pyongyang is more ready to defensive warfare. It is demonstrated for example by the quality of its armored vehicles. We can see the same in respect to a potential artillery attack on Seoul. In practice, it will be difficult to carry out because of South Korean unavoidable retaliatory measures by means of numerous missile and air strikes as well as using Unmanned Aerial Vehicles. Of course, the DPRK has a plan of combat nuclear weapons employment. However, its implementation is more hypothetical in view of geographic proximity of the two Korean states. It will be the same if for example North Korean reconnaissance units try to destroy South Korean chemical and nuclear plants. On that basis we can draw the following conclusion: Pyongyang is preparing to solely defensive actions. Moreover, it is ready for dialogue with Seoul even at the highest level.

Keywords: conventional arms, Democratic People's Republic of Korea, military capabilities, missile and air strike, missile nuclear forces.

Dyachkov I.V.**South Korean Nuclear Program and Nuclear Proliferation in North East Asia**

The 20th century saw the Republic of Korea achieve major economic, military and scientific goals, thus laying the groundwork for a nuclear program. At

the same time, despite Seoul's conflict with the North, which is perceived as a constant military threat, South Korea has not created nuclear weapons, even though since the 1970s the country has been economically and technologically closer to a nuclear breakthrough than its northern counterpart and had similar reasons to pursue the nuclear option. Inter-Korean tensions, complex dynamics of the U.S.-South Korean military alliance functioning within the framework of Washington's security system in Asia, South Korea's desire to become less dependent on the U.S. and energy security factors dictated Seoul's nuclear decisions.

However, successes in developing the nuclear energy sphere, as well as economy and science in general, allowed South Korea to become a threshold state able to create nuclear weapons with relative ease. This article briefly reviews Seoul's civil and military nuclear history, assesses nuclear potential South Korea has built up and traces similarities and differences in the evolution of North and South Korean nuclear projects.

Keywords: US-South Korea relations, nuclear program, non-proliferation, Northeast Asia

Petrovskiy V.E.

The Present and Future of Inter-Korean Dialogue

Unsettled relations between the two Koreas and the extremely high concentration of armed forces and armaments within a small area create high potential for tensions. Solution of the Korean problem lies in the path of gradual development of political dialogue, nuclear non-proliferation and bilateral relations in all areas under a favorable external environment. Development of confidence-building measures on the Korean Peninsula is the main content of this process. Russia has consistently supported building bridges between Seoul and Pyongyang and favors the steps of the two Koreas toward independent, peaceful unification. In this, Russia is keeping an independent position, which ensures its role as one of the defining elements of the system of "checks and balances" in Northeast Asia. North Korea's emerging from its isolation, enjoying economic growth and becoming a full participant in international communication — all this would only benefit Russia and Russia's neighbors in Northeast Asia. The DPRK as a relatively secure and confident country is a much more reliable partner for negotiations on any issues than the one cornered under the burden of sanctions.

Keywords: inter-Korean relations, nuclear non-proliferation, transparency and confidence-building measures

Medvedeva N.S.

Reunification of Korea: a View from Seoul 70 Years after Liberation

2015 marks 70 years after the end of World War II. Despite the claims by some Koreans that it was "not their war", it had a great influence on the fate of the Korean Peninsula which is still being felt. On the one hand, this year marks 70 years since the Korean people gained a long-awaited independence. However, on the other hand, it is also 70 years since the Korean peninsula was divided into the north and the south, which latter led to the formation of two rival states: the Republic of Korea (ROK) and Democratic People's Republic of Korea (DPRK). Every year the two states celebrate the end of colonial rule but every time this day is not only a holiday of liberation, but also a reminder of the nation's split.

The report deals with the subject of national reunification in the context of the upcoming seventieth anniversary of liberation. Analysis of official statements of the ROK government, news stories, editorials and analytical articles have shown that the main task that Park Geun-hye administration confronts this year is the organization of inter-Korean summit and the preparation of the ground for peaceful reunification. The reasons for the sudden revival of these topics are as follows. First, the 70th anniversary of the division of Korea (as it is seen in the ROK) is not only the marker of a growing gap between the two parts of the peninsula but it also can be used as a good occasion for a joined effort on rapprochement. Second reason is the belief in possible "pliancy" of Pyongyang this year. Finally, the attempts for reunification might be an attempt to raise the political rating of Park Geun-hye. However, at this point Park Geun-hye's unifying policies have a number of problems due to which sonorous slogans and the proposed plans may fail to become reality. It is too early to draw final conclusions, but it is possible to trace main trends of this policy.

Keywords: the Republic of Korea (ROK), the policy of Park Geun-hye, reunification.

Asmolov K.V

Human Rights in the DPRK: Data Problem

The notorious UN report on human rights in North Korea has become a good example of how a closed nature of the country combined with political biases of authors led to the number of systemic distortions of information. The author draws attention to the specific techniques of data manipulation that were used by the authors of the report and, unfortunately, nullified its scientific and political value. First, the Commission failed to comply with the declared task of establishing of the culprits of crimes for further punishment in accordance with international criminal law. Instead, we got a standard propaganda statement about "unspeakable atrocities sanc-

tioned from the top», and attempts to convince to issue an arrest warrant for Kim Jong-un. Second, the mass extermination of the population, mass rapes and specially planned famine should theoretically be proven by something more than the testimony of some 30 witnesses, whose credibility is questionable. The commission could not resist the temptation to rely on inherently biased propaganda data sources, and thus legitimized testimony of such odious personalities as Shin Dong-hyuk.

So, instead of a serious study, the project turned into a piece of political agitation aimed at further demonization of North Korea and potential justification of “humanitarian intervention”.

Keywords: DPRK, UN report on human rights in North Korea, data manipulation

Lobov R.N.

Treaty on Basic Relations between the Republic of Korea and Japan: preparation and signing

The conclusion of the Treaty on Basic Relations between the Republic of Korea and Japan is a key event in the history of bilateral relations between Seoul and Tokyo. The treaty regulates their bilateral relations. In addition, the fact of its preparation and signing between the former metropolis and the former colony eloquently spoke about the shifts both in South Korea's foreign policy and in the relations between South Korea and Japan. If in the 1950s in Seoul's Japanese policy the dominant line was to ignore Japan (because of Rhee Syngman's hard line and social mood in the Republic of Korea), then in the 1960's Park Chung-hee managed to take some steps to normalize the bilateral relations despite the existing anti-Japanese sentiments in the Korean society. In this paper we will be consider the internal and external conditions that accompanied the preparation and conclusion of the basic treaty between South Korea and Japan. What played the major role in the normalization — United States diplomatic pressure or President Park's personal ambitions who saw Japan as a model for the country's modernization and an investment source? The treaty's impact on the current Seoul and Tokyo relationship will be considered too.

Keywords: Republic of Korea, Japan, treaty, Park Chung-hee, normalization

Grinyuk V.A.

Japan — South Korea: the Deep Crisis in Inter-State Relations

Japan and The Republic of Korea meet the 70th anniversary of the end of the Second World War with the state of bilateral relations which was defined as “the worst in recent years”. The present leaders of the two states (the President of the

Republic of Korea Park Geun-hye inaugurated on the 25th of February, 2013, and the Prime-minister of Japan Shinzo Abe held the post since the 25th of December, 2012) have not held a single official summit. The reasons of tense relations between Japan and the Republic of Korea are rooted in the history of Japan-Korea ties (the dispute on the ownership of Docdo/Takeshima islands, the problem of sexual enslavement of Korean women during the Second World War (so called “ianfu” — “comfort women”), the problem of compensation to former Korean workers for the labor at Japanese enterprises during the Second World War.

Japanese experts accuse the Korean side of spreading the anti-Japanese emotions among Koreans, blame South Korean press, courts and educational institutions for deepening of the mutual estrangement between the Japanese and the Koreans.

At the same time, Japanese specialists pay attention to some objective phenomena that further weaken the ties between Japan and South Korea. As a result of the fast growth of South Korea's economy in recent years, correlation between the volumes of the economies of the two countries has changed and dependence of South Korea's economy on Japanese economy as well as the significance of Japanese economy for the economy of the Republic of Korea decreased. At the same time, the degree of China's importance for the economies of the two countries increased.

Keywords: Dokdo/Takeshima islands, territorial dispute, sexual enslavement, compensation

CHAPTER 2

Korean liberation: how it came about

Kim En Un

70 Years after Liberation and the Destiny of the Korean Nation

In all the years of the brutal Japanese colonial rule the Korean people actively fought for their independence using the combination of armed and peaceful forms of struggle. However, the liberation of Korea in August 1945 was not carried out by the Korean people but occurred as a result of Japan's military and political surrender under pressure from the allied forces. Declaration of surrender by Emperor Hirohito was caused by the USSR's entry into the war against Japan and a crushing defeat of the most efficient one and a half million Kwantung army in northeast China, as well as in the north of the Korean Peninsula. Considering the U.S. role in the Pacific theater of war that contained the main forces of the Japanese army and saved the USSR from the war in the Far East during the hardest years of reflecting the Nazi aggression, the Soviet Union agreed to the U.S. proposal to en-

sure the acceptance of the surrender of the Japanese troops in Korea along the line of the 38th parallel. The USSR could actually accept the surrender of the Japanese troops on the whole territory of Korea because nobody from the allied forces except the soldiers of the Soviet Army was on the Korean Peninsula on August 9 (the beginning of war in the Far East), August 15 (day of the announcement of surrender) or September 2, 1945 (the day of signing of the act of Japan's unconditional surrender). «Donated liberation» and the leaders of the two parts of Korea assigned by the allied powers as well as the forces behind them failed to preserve the unity of the country and people and then started the civil war which turned in an international conflict because of the U.S. intervention. After it the two parts of the same people were doomed to separate existence with enormous losses of intellectual, moral and cultural potential. In one part of Korea the progress in the material sphere, openness to the world is accompanied by serious moral and psychological distress and in another part — ideological resistance exists along with a low standard of living and limited contact with the outside world.

Keywords: Korea, Japan, Soviet Union, USA, liberation, independence

Men D.V.

Soviet Koreans in the Soviet Union's Policy in North Korea

The article examines political aspects of international relations between the Soviet Union and Democratic People's Republic of Korea in 1945—1960. The author investigates the political situation between the two friendly countries and the role of the Soviet Koreans in the development of socialist North Korea. The author witnessed many political processes that took place at that time between the two countries as he lived in Pyongyang from 1948 to 1957 with his parents who were sent there by the government of the Soviet Union. Since then 70 years has passed. The participants of the “international duty”, unfortunately, are no longer alive; many of them died in prisons in North Korea, some returned home and continued their own career. The author's goal is to remind the audience that the history of the Koreans of the former USSR had bright happy times in their historical homeland as well as tragedies too. In the end, the author gives a not complete list of the Soviet Koreans who worked in North Korea. The reason is that in the archives of Kazakhstan the names of Soviet Koreans are not fully revealed yet, or they are stored under as top secret. The author with a team of scientists from Kazakhstan and the Republic of Korea published archival materials about the Koreans in Seoul CIS “History of Koreans in Kazakhstan. Archival materials” in 3 volumes in 1998—2000.

Keywords: North Korea, Soviet Union, Soviet Koreans, fraction, *juche*, power struggle

Son J.G.

Soviet Koreans in North Korea in 1946—1948

The paper examines the process of selecting specialists among Soviet Koreans to participate in the construction of a socialist state in the DPRK. After the liberation of the Korean Peninsula since 1946 the Soviet leadership dispatched there specialists in different fields from the Soviet Koreans for the state reconstruction. According to the identified archival materials, among those sent to North Korea were experts in irrigation, hydrometeorological service, and manufacturing of communications equipment, technical assistance in the preparation of plans for the reconstruction of industrial enterprises as well as advisers to work in the Korean scientific cultural and healthcare organizations. Soviet Koreans were demanded in the DPRK not only as professionals but also as translators for the Soviet specialists of Russian origin. Registration forms of the members and alternate members of the CPSU (b) from the Koreans living in the Soviet Union indicate that the selection was tough. Lists of the Korean citizens of the Soviet Union sent to North Korea in 1946—1948 for teaching and other kinds of work and their family members were also under strict control. The Soviet Koreans were enthusiastic about the liberation of their historic homeland. The Central Committee of the CPSU (b) began to receive applications with requests to go to work in Korea. However, such requests were performed with rare exceptions, often on the ground of visa “refuse” and their cases were shifted to the reserve of the third stage.

Keywords: USSR, North Korea, Soviet Koreans, socialist construction, experts.

Ivanov A.Yu.

The South Korean Interpretation of the Process of Korea's Liberation by the Red Army

In recent years not only the Western media but also the leaders of a number of European countries have been trying to diminish the role of the Red Army's victory in the 2nd World War and the liberation of Europe from fascism. Ahead of the 70th anniversary of Korea's liberation from the Japanese colonial rule South Korean historians try to analyze the events that took place on the Korean Peninsula in 1945. For a long time the South Korean historiography has avoided mentioning the participation of the Soviet Union in the liberation of the Korean Peninsula. Textbooks only indirectly mentioned the contribution of the Allied forces in the “revival of Korea”. The South Korean historians paid far more attention to the Koreans' armed struggle for independence, both domestically and abroad. Materials which give a mixed assessment of the events associated with the Red Army's libera-

tion of the northern part of the Korean Peninsula in 1945 have recently appeared in historical works, as well as in the media. In general, while not discounting the historical role played by the Soviet Union in the liberation of Korea from the Japanese colonialism, the media in South Korea, however, are trying to find «new details» related to the presence of the Soviet troops in Korea. The belief that the Soviet leadership in the «conspiracy» with the United States has played a decisive role in the division of the Korean nation has recently caused ill-concealed resentment of the certain parts of the South Korean society. The South Korean press, and partly scientists, is trying to nourish this discontent. Thus, in an attempt to denigrate the contribution made by the Soviet Union in the liberation of Korea some «evidence» of the looting by the Soviet Army has appeared in the press. The emergence of such publications is a bit strange on the background of the growing political, economic and cultural cooperation between Russia and the Republic of Korea.

Keywords: Red Army, Liberation of Korea, South Korean media

Sadakov D.A.

American Perception of the Soviet Policy in the North of the Korean Peninsula in 1945—1948

The paper focuses on the evolution of the American perception of the Soviet policy in Korea in 1945—1948 and its impact on the US policy on the Korean Peninsula. The author argues that one of the causes of the Cold War was the superpowers' distorted perception of the policy of each other. It drastically increased mutual distrust and blocked the possibility of resolving disputes through compromise. Despite the lack of major differences between the Soviet Union and the United States' views on the future of Korea, the resolution of the Korean question reached a deadlock by the fall of 1947. The US conviction that the USSR aims at the Sovietization of the whole territory of the Korean Peninsula has played a great role in this process.

The evolution of the US perception of the situation in the North can be divided in three stages. At the first phase (August — December 1945) the US only peered at the actions of its future opponent in Korea. The lack of understanding of the Soviet's actions did not have a negative influence on the Soviet-American negotiations on the revival of an independent Korean state. At the second phase (1946 — autumn 1947) the image of the Soviet threat was formed. Disagreements between the allies were enhanced because of the failure of the Joint Soviet-American Commission, while the information coming from the North raised American concerns. In fact, the Soviet Union managed to build a more efficient and stable pro-Soviet regime in the North of the Korean Peninsula than the United States in the South. Abilities of the political regime in the North were overestimated by the

Americans — they were perceived as a serious threat to the South. The phantom of the Sovietization of the entire Korean Peninsula was taken very seriously in the US. The final stage (before the proclamation of the Republic of Korea) was the period of an active response to the Red Scare. The US aimed to prevent the establishment of a communist regime on the whole territory of the Korean Peninsula. In this situation, separate elections in the South allowed to secure the southern part of the Korean Peninsula in the orbit of Western influence. The division of Korea stabilized situation and allowed the superpowers to come to an agreement about the withdrawal of foreign troops from the peninsula.

Keywords: liberation of Korea, division of Korea, Soviet-American relations, joint US-Soviet commission

Ovchinnikova L.V.

Religious Organizations in Korea and Their Role in the Korean Liberation Movement in the 1920—1930s

Documents of the Japanese colonial administration published by the Japanese General-Governor's Office, Court and Police in the 1920s, 1930s and early 1940s can be a good source of scientific research of pre-war Korean history. Important data and facts found in these books can be used to analyze Korean colonial history, different aspects of life and situation in Korea at that period including Korean liberation movement. They also depict the colonial administration's actions taken to suppress Korean people's struggle for independence.

The topic presented is devoted to the Korean religious organizations and their role in the liberation movement in the 1920—1930s as it is reflected in the documents of the Japanese colonial administration. According to them, various religious organizations of pre-war Korea, among which were Chondogyo as well as Bhuddist and Christian groups and other organizations, besides other slogans declared they were seeking national liberation and struggled for independence. In countries like Korea religion played a very important role and political protest had been often conducted under religious cover. In the second half of the 1930s colonial administration changed its policy towards religious groups. Among different means of control suppression prevailed, but an ideological system was formed too. Being maneuverable and adjustable, it had some result. According to the Japanese documents, religious groups and organizations at that period declined in number, many of those that remained were inclined to support Japanese rule. Still we believe they played a significant role in Korean struggle for independence.

Keywords: religious groups, struggle for independence, liberation movement, Japanese colonial administration, governor-general, suppression

Chesnokova N.A.

“To Fix the Landscape” and to Heal the Wounds of the Past: to the 20th Anniversary of the Demolition of the Former Japanese Government-General Building

The Republic of Korea is proud of its historical and cultural heritage. Every year the government of the country spends hundreds of millions of dollars on its preservation, conservation, maintenance and promotion. Among the Asian countries South Korea is one of the leaders in the list of monuments protected by UNESCO.

Not only the state but the entire nation is interested in the researches dedicated to the known historical monuments and spots, in restoration of famous places. This can be seen, for example, in blogs of thousands of local Korean historians and enthusiasts on the Internet. However, this article tells not about the preservation but about the demolition of a significant architectural monument in Korea — the Japanese General Government Building in Seoul.

This exceptional (for Korea) event took place in 1995—1996 with the full approval of the overwhelming majority of the population. A crucial role in the shaping of the reasons for the demolishing played a traditional Korean geography theory named the *p’ungsu chiri sol*, also known as Korean *fengshui*.

This paper describes the history of the building, its connection with the *p’ungsu chiri sol* theory and the debate of the pros and cons of the demolition. The main sources that were used are the articles and the letters that were published in “The Korea Times” in 1994—1995.

Keywords: Japanese General Government building, traditional geography, Korea under Japanese rule, national identity

CHAPTER 3

Korean culture: in the search of identity

Diakova O.V.

Influence of the Juche Idea on the Formation of Archaeological Concepts of the DPRK

The author analyzes influence of the Juche idea on North Korea's conception of history. The country has taken the course on establishing continuity of the Korean history and its independence. It concerns the problem of appearing Homo sapiens on the territory of the Democratic People's Republic of Korea. As a result there were discovered archaeological sites of the Lower Paleolith and made an attempt to find connection of Paleolithic Homo Sapiens of the Korean Peninsula and the present Koreans and present territory. Special attention was paid to the

Korean states. Ancient Choson was declared to have been founded in the 3rd thousand B.C., and the very state was recognized to have been Korean. Choson antiquity was recognized according to archaeological materials — excavations of Tangung tomb. The time of Coguryo foundation was declared considerably more ancient which evoked a great discussion in the world historiography. There was revealed continuity of developing states from ancient times till nowadays. Serious amendments concerned the ethnic genesis of the Koreans. The influence of migration processes began to be denied. The historical conception of North Korea should to include the period from the appearance and development of the ancient Korean Homo sapiens and state to the present time and to be “homogeneous”.

Keywords: Korea, anthropo-genesis, ethnic genesis, Coguryo, Choson, Silla, Paekche, archaeology, agriculture, ceramics.

Khokhlova E.A.

Contemporary South Korean Art: an Attempt of Systematization

Throughout the 20th century the art of the Republic of Korea developed under the influence of Western art movements. After the liberation Korean artists succeeded in combining national aesthetics with Western technology. In 1960 the first Korean movement *tansekhwva* was developed. In the 1980s abstract painting was replaced by so-called *minjung art* — “people's art”.

In the 1990s young generation of Korean artist left for West to find an answer to the question what contemporary art was. In the USA and Europe they were fascinated by conceptual art and ideas of postmodernism. Today conceptual art is the mainstream of South Korean art. Artists work in various media. This paper highlights the main directions in which Korean contemporary art has been developing for the last seventy years and discusses the main themes of the most influential contemporary Korean artists of the last twenty years.

Keywords: Republic of Korea, contemporary art, culture

Osetrova M.E.

Attitude and Representation of National Cuisine in South and North Korea

Since the division of the Korean Peninsula into two independent states in 1948 the Korean national cuisine has started to develop in two separate directions. Nowadays the North and South variations of the Korean food tradition not only differ in official name (South — *hansik*, North — *choseon ryori*) but also transmit different cultural messages both inside and outside two Korean states. The purpose of the study is to compare the attitude to the national food tradition and its official representation modes in North and South Korea, to mark out the non-culinary

meanings they possess, to explain their differences and similarities, and to extrapolate the conclusions on the perspectives of national identity policy in the DPRK and the ROK.

The article argues that in spite of radically different ideological, political and social background of the two Koreas the national food culture narrative has many things in common due to the strong nationalistic discourse. In particular there is a strong emphasis on national food laudation and the desire to show at the international level the advantages of North/South Korean culture and way of life. However, the motivation for this is different in the two Koreas. The Republic of Korea tries to strengthen its global identity and raise the level of its international presence and influence (soft power) while for the DPRK this is a good chance to stand up for *juche* ideology and to reinforce the connection between the power (the Leader) and the people.

Keywords: Korean national food, Korean national cuisine, *hansik*, *choseon ryori*, DPRK food, national food discourse

Guryeva A. A.

Korean Books in Japanese projects of Colonial Period

The paper is an outline of various activities by the Japanese during the Colonial period relating to Korean manuscripts and old-printed books based on the example of several projects. Studying Korean primary sources became part of the Japanese colonial policy, because one of the important steps of the assimilation policy was collecting information about Korea and its society. Such associations as “Association of Publishing Old Korean Books”, “Association of Studying Korea”, “Research Association of Free Discussions” collected, studied and published antiquarian books of Korea. The 朝鮮 journal published information on Korean sources, translations of text fragments.

The study of the goals set by the project organizers and the goals revealed through the analysis of the published material demonstrates that Korean sources played an important role in Japanese colonial rule as a source of information on mentality of the Koreans (“beloved younger brothers”). In turn, understanding Korean mentality was perceived by the Japanese authorities as the basis for the right choice of policy. The “Association of Book Lovers” is partly an exception, as it has not pursued political purposes as actively as other associations. General-government supported academic activity related to books. Its members controlled it and entered the projects on leading positions.

The image of the people to be assimilated was not only studied but also corrected by the Japanese politicians according to their political purposes (in translations the fo-

cus could be shifted, social problems would be exaggerated, historical events relating to the aggression of Japan were shown as inevitable). The Japanese authorities realized the place which books hold in Korean culture and a special importance of a text in it. Therefore, they paid attention not only to the official editions in *hanmun*, but also popular vernacular texts holding «the heart of Korean nation» as it was stated.

Keywords: colonial period, book in Korea, Korean manuscripts and old-printed books, Japanese cultural policy, Japanese associations in Korea

Khwan L.B.

Basic Tendencies of the Development of New Korean Prose

The article is based on the best examples — “Basket of sweet potatoes”, “Sonata of Fire” by Kim Don-in, “Frog in preparation room” by Yong San-sop, “Wings” by Lee San, “Nirvana” by Park Tae-won and many others. The author characterizes the main tendencies which have caused development of new Korean prose: process of Europeanization, influence of Western and Russian literature; development of realism; using image principles of different schools — romanticism, naturalism, modernism; disposal of conservative standard poetics, canons of compositional and plot structure; intertextuality; active presence of reminiscences; deep psychologism; high level of sociality; attention to everyday life. All these caused polyphonic nature of the new prose.

The most important feature of the prose of the 1910—1950s is the disclosure of social nature of suffering of the Korean people under the Japanese rule. Artistic discovery of the new prose is creating a new type of hero, a fighter.

Keywords: tendencies, reminiscences, intertextuality, naturalism, psychology, polyphony, typification.

Panova I.B.

Ornaments and Designs of the Female Korean Decorations

This paper is devoted to the topic of the Korean jeweler's art. Though Russian ethnographers have never investigated this very topic, we made a first step to uncover it. The main subject of this paper is the ornamental designs of Korean female decorations (i.e. a female hairpin of the 18th century). The paper analyses traditional symbolic meanings of the ornamental designs that decorate the hairpin. The main one is the orchid. The study applied the Far Eastern symbolical system as the methodological framework to explore the orchid. As a result, we made several conclusions about the symbolic meaning of the orchid, which probably indicates that Korean decorations firstly exercised philosophical “sacral” function.

Keywords: ornamental design, Korean female decorations, symbols, orchid.

CHAPTER 4

The problems of socio-economic development of the DPRK and the ROK

Suslina S.S.

North and South Korea Energy Disbalances and the Possibilities of International Energy Cooperation

The paper is devoted to the analysis of the dynamics and current tendencies in the energy potentials of North and South Korea as well as problems and perspectives of their future development. It is assumed that at the present in the development of energy sector in the economy both Korean states there still existing the problem of structural imbalance towards the tasks of economy strategy and demands of national production. Special attention is drawn to analyzing of the structures of energy balances each country, finding out the most vulnerable areas, special characteristics of their energy policy, role of energy sphere in economical structures. The main imbalance in this sphere of each Korean state is connected first of all with the lack of hydrocarbon natural resources, but this can be compensated by the development of multilateral energy cooperation. In this process Russia is one of the most suitable partner as the closest neighboring country-energy exporter with the huge energy resources.

Keywords: ROK economy, North Korea economy, energy balance, energy cooperation between Russia, North and South Korea, energy policy, regional economic integration

Samsonova V.G.

The Comparative Study of Demographic Situation in the ROK and the DPRK

Nowadays the government and society of South Korea pay careful attention to the country's demographic situation. The negative trends such as fast aging of the population, low birth rate, increase in the number of nuclear families have their negative impact on economic and social development of the country. The global demographic crisis which has a dual character — decreasing birth rate, on the one hand, and aging population, on the other — is one of the main challenges not only for South Korea but also for many countries. The population of South Korea was 50,22 million in 2013 and according to the forecast the population will decline steadily after reaching its peak (52,16 million) in 2030. South Korea occupies only the 220th place among 224 countries of the world in terms of the total fertility rate which is only 1.25 and does not provide even population replacement. North Ko-

rea is in a more advantageous position than South Korea: it is estimated that in 2014 the total fertility rate in North Korea was 1.98, the age structure is characterized by relatively young population, so the country has great potential in respect to human resources. North Korea does not belong to the countries with aging population (unlike the ROK) because in 2014 the proportion of population of 65 years old and older was less than 10 % (9.5 %) which is the threshold for a country's inclusion in the category of aging population countries.

The report focuses on the current demographic problems in South Korea, analysis of the demographic situation in North Korea and research of the possibility of demographic complementarity of the two countries.

Keywords: economically active population, total fertility rate, aging society, decline in birth rate

Zabrovskaja L.V.

New Tendencies of Gender Policy in the DPRK and the ROK

The article is devoted to the important problem of women status and social positions in the DPRK and the ROK. The author analyses how the rise of Korean women's role contributes to social and economic progress of the Korean society.

The author reveals the historical roots of women's low positions in a Confucian society and shows present changes of women's social status. The authorities of the two parts of Korea are going to raise women's social status. Both sides have made outstanding progress in their gender policy. The authorities aim to involve more women in economic activity to increase economic efficiency and avoid inviting a big number of foreign workers.

The current process of improving women's social status in North and South Korea has a lot in common and is happening according to the same scenario: the tone is set by women belonging to the local elite. Under pressure from economic factors, the authorities of both Korean states adopt similar measures to involve married women in the production process, open up new opportunities for them to work in previously restricted areas.

Keywords: the DPRK, the ROK, gender policy, Confucian traditions

Zakharova L.V.

Economic Factors of the DPRK's Stability

70 years has passed since Korea was liberated, and the Korean peninsula is still divided. Each of the two Korean states declares unification as its main goal. However, the two countries have not been able to work out a joint "road map" of

how to achieve it. At the same time the Republic of Korea has been recently preparing for the establishment of a united Korea in case the scenario of absorbing the North by the South is implemented. It is largely caused by renewed interest to the theories of North Korean regime instability after Kim Jong Il's death at the end of 2011. This opinion is likely to be shared by the current leadership of the Republic of Korea.

Those who support the idea of an imminent collapse of the current power system in North Korea often name "dire economic situation" as one of their strong arguments. However, many South Korean (and Western) sources do not spend enough time on carrying out objective analysis of current economic situation in the DPRK and its development in historical perspective. This report represents an attempt of such analysis with drawing conclusions on whether economic factors can cause instability of Kim Jong-un's regime in the medium term. The study is based on the data from open sources, as well as observations of frequent visitors to the DPRK.

Keywords: DPRK, economy, stability, North Korean regime, Kim Jong-un

Sinyakova A.F.

Innovative Regional Policy of the ROK Government: Opportunities for Russia

Sound public management of the Korean government is the key factor for solving a wide range of national problems. Public management of the Russian Federation seems to have much in common with the systems of public management in North East Asian countries. That's why such analysis and comparison can be very useful. Russian social and economic "Strategy 2020" includes a number of aspects of the future public management reforms. Innovative regional policy is considered to be an important part of the national policy in respect to public management. Innovative regional policy is essential both to the Korean and to Russian government and comparison study proves to be useful.

New public management based on performance measurement, flexibility, delegation of authority, efficient use of energy and resources, business and non-business task sharing was the main principle of reforms held. Open government contributed to regional policy with open data and open reports.

Present continuous recession of global economy requires well-thought regional policy that will be able to consider local peculiarities according to the priorities of sustainable development.

Keywords: innovations, public management, regional policy, Republic of Korea, Russia

Em P.P.

The role of subway in the development of the capital agglomeration of the Republic of Korea

The first train of Seoul subway was launched in 1974. There are 470 stations today. The subway has passed network morphological evolution from 1990 to 2014: the number of cycles increased for 4 times. Hence, the quantity of transfer stations that significantly improved the accessibility of the system and expanded the boundaries of the agglomeration has increased. In this paper the transition of subway from dendritization to active phase of frame creation by dramatic transformation of morphological structure was studied.

The development of the subway was the reason of decongesting a deconcentration the Capital and increasing the population of Province surrounding the capital. Availability of high-speed transport in combination with cheaper real estate prices and better environmental conditions increased the attractiveness of Gyeonggi Province because its inhabitants have almost all the privileges of the capital life. The estimation of changing the direction of migration flows to and from the capital was made.

An attempt was made to compare the quality of life in elements of the capital agglomeration of the Republic of Korea with and without subway stations. Generally, the quality of life in elements with metro stations is higher than in elements without them. For this purpose we used the complex index of objective estimation of quality of life combining 31 statistical indexes. It describes aspects such as quality of population, living environment and social development.

The discussed topic is highly relevant for Moscow region because its subway is actively building now. The successful experience of putting new stations of capital metro system of the Republic of Korea put into service would be very useful.

Keywords: urban capital agglomeration of the Republic of Korea, urbanization stages, subway, quality of life

CHAPTER 5

Korean states and integrational process in the Asia-pacific rigeon

Mudrova E.B.

Infrastructural Projects as a Key Factor of the Integration Collaboration in the APR

Asian countries embarked on the course of integration later than countries of Europe and America, however now Asian countries have been rapidly developing

various bilateral, multilateral and sub-regional integration unions. The strategic members of integration processes in Asia are China, the Republic of Korea, Japan and ASEAN countries. Two-thirds of the Asian FTA are bilateral, however the quantity of multilateral FTA has been actively growing. Collaboration of China, the Republic of Korea and Japan to form triple union, as well as such global sub-regional initiatives as Trans-Pacific Partnership, Regional Comprehensive Economic Partnership and Free Trade Area Asia Pacific deserve special attention.

One of the basic factors of the further strengthening of the integration between countries is a well-developed infrastructure. At the present time the following big sub-regional projects are under consideration and operation: Asian highway, Trans-Asia Railway, Asia-North America railroad etc. In the context of global signs of crisis APEC countries look for new forms of state-private collaboration and work on innovative mechanisms of long-term financing of infrastructure projects.

The author analyzes the current condition of cross-country infrastructure in APEC, its relation with integration ties between countries, regional system of infrastructure investment stimulation, main reasons of certain projects “freeze” and current opportunities for projects restart in the nearest future.

Keywords: infrastructure projects, integration ties, the North-East Asia, the Korean Peninsula

Masharski K.G.

The Republic of Korea Joining the Trans-Pacific Partnership: Prospects and Challenges

In autumn 2013, the Republic of Korea expressed its wish to join the Trans-Pacific Partnership. According to the results of the analysis of the ROK's prospects to join this integration project conducted by the Korean institute of Economic Studies, the expected GDP increase is going to be 2.58 to 2.60 %, otherwise, without joining the TPP, the GDP decrease is expected to be 0.11 to 0.19 %. According to the research the agreement with China will lead to 0.95–1.25 % GDP increase in 5 years and 2.28–3.04 % increase in 10 years.

The attitude of the ROK's business circles to joining the TPP can be described as very positive. It is explained by the fact that as a result of joining the TPP the custom barriers will be abolished to enlarge industrial production markets of the participating states. However a real threat to the agricultural sector cannot be ignored. The competition with cheaper food and agricultural materials from the TPP member states will be too fierce and, according to a number of government officials, can be the reason for the decrease in the Korean economy.

The present research mainly focuses on the analysis of the Republic of Korea's foreign economic policy in connection to the TPP integration project.

Keywords: Republic of Korea, foreign economic policy, Asian and Pacific integration projects, Trans-Pacific Partnership

Rasulov E.R.

Central Asia in Park Geun-hye's Eurasia Initiative

Against the backdrop of great changes in the world economy and global security, constant increase of needs in energy supply as well as extension and search of new market outlets President Park Geun-hye suggested a new Eurasia initiative as a key point for external policy of her administration. This kind of Seoul's initiative which requires multilateral cooperation and which should unite the economic areas of Europe and Asia is designed to activate economic integration in Asia by means of creating a single travel corridor from South Korea to Europe and developing large-scale energy projects in Central Asia, Russia, Korea and China. Within the framework of the Eurasia initiative Seoul attaches great importance to strengthening cooperation with the countries of Central Asia by means of increasing and fixing its political and diplomatic influence in this region. Thereby, relations of the Republic of Korea with the countries of Central Asia and South Korean-Uzbek relations in the context of Seoul's Eurasian strategy should be of great interest.

Keywords: Central Asia, ROK, Eurasian Initiative, Park Geun-hye

Kim Yen-Sun

Market Collisions of Gas Supplies for the South Korean Economy

South Korea became the largest importer of LNG in Asia Pacific due to the limited own reserves, lack of access to international pipelines. High rate of correlation coefficient between the demand for gas and GDP demonstrates the important role of gas supply in the economy of South Korea. Activation of shale gas in the US and Australia, an ambitious gas pipeline project “The Power of Siberia”, improvement of transportation technologies, lower oil prices and the forecast of lower gas prices in 2015, escalating tensions with North Korea are changing accents in the gas procurement policy of the Republic of Korea. Analysis of the conditions of current gas contracts, reducing political risks in the long run, as well as their own needs and the needs of neighbor countries, production capabilities of the leading gas exporters will form the basis of rational solutions to diversify gas supplies. This decision will determine not only the energy component in the GNP of South Korea, but also reduce the political confrontation in relations with North Korea. Increasing the sup-

ply of LNG from Russia, refusal to build a gas pipeline through North Korea, development of the project to supply gas from the south to the north of the peninsula through the gas infrastructure in South Korea will bring the country not only political dividends in addressing the protection of South Korean investments, but also solve the problem of shortage of energy resources in North Korea.

Keywords: Republic of Korea, LNG, Kogas, Gazprom, gas transportation, shale gas, Qatar, the contract price, spot price, regasification.

Tolstokulakov I.A.

The Arctic Zone: New Prospects for Russian-Korean Cooperation

Since the end of the 1980s the Republic of Korea has joined the system of international Arctic and Antarctic research. South Korea has formulated basic research directions and national priorities in the field of Arctic investigations. The National Program of Arctic Region Development implemented under the aegis of South Korean government provides active participation in transport and economic exploration of the Arctic Zone. In many respects this position coincides with Russian interests in the Arctic, realization of which demands attracting foreign investment, technological and scientific potential. Expansion of Russian cooperation with non-circumpolar states in the Arctic Zone upon the background of rising competition for Arctic resources could help Russia to provide modern balance of political, economic and military parity. South Korea could be one of the partners in this respect. It is clear that cooperation with the Republic of Korea could alleviate the burden of Arctic investigations for Russia and be very helpful to promote the realization of modern Russian geopolitical strategy. The most promising directions of bilateral cooperation are as follows: development of ice-breaker fleet; creating an oil and gas hub (regional distributive center) in South Korea; joint exploitation of shipping possibilities of the Arctic Sea Route. South Korean Arctic policy and any chance to use it in the interests of Russia obviously correlate with Eurasian initiative of the Korean administration and with Russian “turn to the East” policy.

Keywords: ROK, Russia, Arctic zone, transport, cooperation

Kiriyarov O.V.

Economic and Political Aspects of “Khasan—Rajin” Project

In the last few months the world media and experts have actively discussed sudden intensification of Russia-DPRK cooperation which is visible in many spheres. After many years of oblivion a number of large-scale projects are being again discussed between Russia and North Korea with possible participation of South Korea as well. A huge amount of attention was given to so-called “Pobeda”

(Victory) project that implies modernization of the whole DPRK railway network in exchange for access by Russian companies to North Korea rare metals deposits. However many experts doubt feasibility of the “Victory” project.

At the same time Russia is pursuing another — so-called “Khasan-Rajin” — project together with the DPRK. The main point of this project is creating at one of Rajin port’s piers a logistic terminal connected with the railway of the DPRK and Russia. The whole infrastructure of this terminal including a renovated North Korean 54-kilometer part of the railway has already been completed.

At the end of November 2014 in a landmark pilot operation 40,500 tons of Russian coal from West Siberia were transported to the South Korean port Pohang through the infrastructure of the “Khasan-Rajin” project via Rajin port. Many experts expect a South Korean consortium of three companies — POSCO, Hyundai Merchant Marine Co. and Korail Corp. — to finally join the project making possible three-way cooperation between Russia, South and North Korea.

This article presents a brief description of the logistic “Khasan-Rajin” project, points out possible problems facing the cooperation as well as benefits for every party and makes assumptions about the prospects of the project.

Keywords: DPRK, Russia, Republic of Korea, Khasan, Rajin, Rason, economics, politics, logistics, inter-Korean relations, three-party cooperation, investment.

Список авторов

Асмолов Константин Валерианович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра корейских исследований Института Дальнего Востока РАН

E-mail: asmolov@ifes-ras.ru

Воронцов Александр Валентинович, кандидат исторических наук, заведующий отделом Кореи и Монголии Института востоковедения РАН

E-mail: vorontsovav@yandex.ru

Гордиенко Дмитрий Владимирович, доктор военных наук, ведущий научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН

E-mail: gordienko@ifes-ras.ru

Гринюк Владимир Александрович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра японских исследований Института Дальнего Востока РАН

E-mail: vladimirgrinyuk@mail.ru

Гурьева Анастасия Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии Юго-Восточной Азии и Кореи Восточного факультета СПбГУ

E-mail: nastyagur@hotmail.com

Дьякова Ольга Васильевна, доктор исторических наук, зав. лабораторией Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН

E-mail: emelianova49@mail.ru

Дьячков Илья Владимирович, старший преподаватель кафедры японского, корейского, индонезийского и монгольского языков МГИМО (У) МИД РФ

E-mail: dyachkov@naver.com

Евсеев Владимир Валерьевич, кандидат технических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН

E-mail: vlad.evseev@gmail.com

Жебин Александр Захарович, кандидат политических наук, руководитель Центра корейских исследований, Институт Дальнего Востока РАН

E-mail: zhebin@ifes-ras.ru

Забровская Лариса Вячеславовна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН

E-mail: larisa51@hotmail.com

Захарова Людмила Владимировна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра корейских исследований Института Дальнего Востока РАН

E-mail: ludmila_hph@rambler.ru

Иванов Александр Юрьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры восточных языков Дальневосточного государственного гуманитарного университета

E-mail: ivanoff1967@mail.ru

Ким Ен Сун, кандидат экономических наук, проректор по международному сотрудничеству Южно-Сахалинского института экономики, права и информатики

E-mail: kim.sofja2011@yandex.ru

Ким Ен Ун, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Центра корейских исследований Института Дальнего Востока РАН

E-mail: kim@ifes-ras.ru

Кирьянов Олег Владимирович, собственный корреспондент «Российской газеты» на Корейском полуострове и в АТР

E-mail: alec_kir2002@yahoo.com

Лобов Роман Николаевич, аспирант Института Дальнего Востока РАН

E-mail: romanlob@hotmail.com

Лузянин Сергей Геннадьевич, доктор исторических наук, профессор, и. о. Директора Института Дальнего Востока РАН

E-mail: lousianin@ifes-ras.ru

Машарский Кирилл Геннадьевич, преподаватель кафедры языкознания и страноведения Востока факультета Международных отношений Белорусского государственного университета

E-mail: k.masharski@gmail.com

Медведева Надежда Сергеевна, кандидат политических наук (PhD), старший научный сотрудник Центра корейских исследований Института Дальнего Востока РАН

E-mail: nsmedv@gmail.com

Мен Дмитрий Вольбонович, доктор политических наук, профессор кафедры корееведения и японоведения КазНУ им. Аль-Фараби

E-mail: mendima@gmail.com

Мудрова Евгения Борисовна, начальник отдела международного сотрудничества Открытого акционерного общества «Мечел»

E-mail: mudrova@yandex.ru

Овчинникова Любовь Всеволодовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры японской филологии Института стран Азии и Африки Московского государственного университета

E-mail: lovchin@yandex.ru

Осетрова Мария Евгеньевна, старший научный сотрудник Центра корейских исследований Института Дальнего Востока РАН

E-mail: m.e.osetrova@gmail.com

Панова Ирина Борисовна, старший лаборант отдела Восточной и Юго-Восточной Азии МАЭ РАН (Кунсткамера)

E-mail: udarniza2011@gmail.com

Петровский Владимир Евгеньевич, доктор политических наук, главный научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН

E-mail: petrovsk4@gmail.com

Расулов Эльдар Рахманджанович, заведующий отделом Кореи Института Востоковедения Академии Наук Республики Узбекистан

E-mail: elchi@rambler.ru

Садаков Денис Андреевич, аспирант кафедры всеобщей истории Вятского государственного гуманитарного университета

E-mail: rstk2005@gmail.com

Самсонова Виктория Георгиевна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра корейских исследований Института Дальнего Востока РАН

E-mail: vikaapak@yandex.ru

Сон Жанна Григорьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры восточной филологии Школы востоковедения Факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета Высшей школы экономики

E-mail: jannason@mail.ru

Суслина Светлана Серафимовна, доктор экономических наук, главный научный сотрудник Центра корейских исследований Института Дальнего Востока РАН

E-mail: suslina.ss@mail.ru

Толстоулаков Игорь Анатольевич, доктор исторических наук, заведующий Центром международных отношений Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН

E-mail: tia1963@rambler.ru

Хван Людмила Борисовна, кандидат педагогических наук, профессор кафедры русской филологии Каракалпакского государственного университета им. Бердаха

E-mail: xvan@rambler.ru

Хохлова Елена Анатольевна, преподаватель кафедры восточной филологии и кафедры цивилизационного развития Востока, НИУ ВШЭ

E-mail: lena.khokhlova@gmail.com

Чеснокова Наталия Алексеевна, преподаватель корейской истории Российского государственного гуманитарного университета

E-mail: chesnatalie@gmail.com

Эм Павел Павлович, кандидат географических наук, научный сотрудник Института географии РАН

E-mail: paveldreamer@gmail.com

Научное издание

**Корея:
70 лет после освобождения**

Редактор *Н.И. Иванова*
Корректор *Н.Б. Потапова*
Компьютерная верстка *С.Ю. Тарасова*
Обложка *Т.В. Иваншиной*

Подписано в печать 19.10.2015.
Формат 60×84/16. Печать офсетная. Гарнитура «Таймс».
Печ. л. 28,5. Бумага офсетная.
Тираж 500 экз. (1-й завод — 150 экз.).
Заказ № 18

Уважаемые читатели!

Электронные версии книг, выпускаемых ИДВ РАН,
размещаются в электронной библиотеке института
со свободным доступом, находящейся
на интернет-сайте ИДВ РАН
www.ifes-ras.ru.

Контакты:

по вопросам работы электронной библиотеки —
Отдел наукометрии и информационных
технологий ИДВ РАН,
тел.: +7-499-124-0802 или e-mail: it@ifes-ras.ru.

Почтовый адрес ИДВ РАН:
Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32.